

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2

2024

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2024

Том 30

№ 2

Апрель – Июнь

VESTNIK
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2024

Volume 30

№ 2

April – June

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК),
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ГРУППАМ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ:
5.1. ПРАВО; 5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ; 5.9. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.**

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) С 2003 ГОДА

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ОСИПЕНКО ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА
Костромской государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственный университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА
доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В.В. Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естествознания (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор, Московский педа-
гогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КАТЕРМИНА ВЕРОНИКА ВИКТОРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

EXECUTIVE SECRETARY

TATYANA VLADIMIROVNA OSIPENKO
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH
Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA
Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV
Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

VERONIKA VIKTOROVNA KATERMINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kuban State University (Krasnodar)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КРЮКОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет (г. Волгоград)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

IRINA VASIL'EVNA KRYUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Volgograd State
Socio-Pedagogical University (Volgograd)

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associat,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ.,
Почетный работник сферы образования РФ,
действительный член Российской Академии
Естествознания (академик), Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

СУПРУН ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник отдела классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

ЩЕРБАК АНТОНИНА СЕМЁНОВНА
доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой
русского языка, Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина (г. Тамбов)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права, Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

TATIANA GEORGIYEVNA POPOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation,
honorary educationalist of education of the Russian Federation,
Russian Natural Sciences Academy full member (academician)
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VASILY IVANOVICH SUPRUN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Volgograd State
Socio-Pedagogical University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
Chief Researcher of the Department of Western Classic
Literature and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

SHCHERBAK ANTONINA SEMYONOVNA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language,
Derzhavin Tambov State University (Tambov)

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law, University of Economy
for the Bulgarian Nation and World, Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 7 **Петрови́чева Е.М.**
Агрономическая помощь Владимирского земства населению в годы столыпинской аграрной реформы
- 15 **Михайлов А.А., Фишева А.А.**
Доктрина воздушной войны Дж. Дуэ в советской военно-научной публицистике и художественной литературе 1920–30-х гг.
- 23 **Панов Д.А.**
Консервное производство «Желрыбы» в 1923–1929 гг.
- 30 **Белгородский В.С., Дембицкий С.Г., Околотин В.С.**
О реализации Народным комиссариатом легкой промышленности СССР постановлений Государственного комитета обороны во втором полугодии 1941 года
- 40 **Аккузинов А.К.**
Воинские формирования из Казахстана в сражениях и битвах первого периода Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.)
- 53 **Занько Е.А.**
Деятельность венгерских и украинских националистических формирований в установлении гитлеровского «нового порядка» на Брянщине в 1941–1943 годах
- 60 **Гусева М.А.**
Средневековые школяры (к вопросу об отношениях с городской и университетской средой)
- 66 **Федотов Л.А.**
Деятельность ООН по содействию использованию информационно-коммуникационных технологий в целях развития в 1990-е гг.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 78 **Щербакова М.И.**
С.В. Максимов – творческий созерцатель русской национальной жизни
- 84 **Пяткин С.Н., Клековкина К.С.**
Творческая личность Сергея Есенина в восприятии русского философа Александра Константиновича Горского
- 94 **Андреева В.Г.**
Усадебный топос Ясной Поляны в романе Б.Ш. Окуджавы «Похождения Шипова, или Странный водевиль»
- 101 **Азаров Ю.А.**
Литературная эмиграция и «Русская акция помощи» чехословацкого правительства
- 108 **Голубков А.В.**
Мысли, максимы, характеры: фрагментарность как принцип этического нарратива во французской литературе XVII века
- 114 **Королева В.В., Киселева А.О.**
Преломление романтических традиций Э.Т.А. Гофмана в рассказе А.К. Дойля «Серебряное зеркало»
- 122 **Коршунова Л.Ю.**
Драма Артура Шницлера «Зеленый попугай»: проблематика и поэтика
- 129 **Васильева Э.В.**
Организация повествования как рецептивная стратегия: на материале романа Т. Рошака «Воспоминания Элизабет Франкенштейн»
- 135 **Ненарокова М.Р.**
Комикс как средство сохранения классической литературы в кругу чтения современного человека (случай У. Шекспира)
- 144 **Гущина А.И.**
Феномены «памяти» и «потерянного поколения» в романе Б. Шлинка «Внучка»

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 7 **E.M. Petrovicheva**
Agronomic assistance of Vladimir zemstvo to the population during the years of Stolypin's agrarian reform
- 15 **A.A. Mikhailov, A.A. Fischeva**
The doctrine of air warfare by Giulio Douhet in the Soviet military-scientific journalism and fiction of the 1920s-30s
- 23 **D.A. Panov**
Canning production of "Zhelryba" in 1923–1929
- 30 **V.S. Belgorodsky, S.G. Dembitsky, V.S. Okolotin**
On the implementation by the People's Commissariat of Light industry of the USSR of the resolutions of the State Defence Committee in the 2nd half of 1941
- 40 **A.K. Akkuzinov**
Military units from Kazakhstan at the first stage of the Axis aggression against the USSR (22 June 1941 – 18 November 1942)
- 53 **E.A. Zanko**
Activities of nationalist formations of Hungary and the Ukraine in the establishment of Hitler's "new order" in Bryansk Region (1941–1943)
- 60 **M.A. Guseva**
Medieval scholastic guilds members (on the issue of relations with urban and university environment)
- 66 **L.A. Fyadotaŭ**
The UN activities on facilitating the application of information and communications technology for the purposes of development in the 1990s

SCIENCE OF LITERATURE

- 78 **M.I. Shcherbakova**
Sergey Maksimov – creative contemplator of Russian national life
- 84 **S.N. Pyatkin, K.S. Klekovkina**
The creative personality of Sergei Yesenin in perception of the Russian philosopher Aleksandr Konstantinovich Gorskiy
- 94 **V.G. Andreeva**
The estate topos of Yasnaya Polyana in the novel by B.Sh. Okudzhava "The Adventures of Shipov, or Strange Vaudeville"
- 101 **Yu.A. Azarov**
Russian émigré literature and the "Russian Help Action" of the Czechoslovak government
- 108 **A.V. Golubkov**
Thoughts, maxims, characters: fragmentation as a principle of moral narrative in the 17th century French literature
- 114 **V.V. Koroleva, A.O. Kiseleva**
Refraction of E.T.A. Hoffmann's romantic traditions in the short story "The Silver Mirror" by Arthur Conan Doyle
- 122 **L.Y. Korshunova**
Arthur Schnitzler's drama "Der grüne Kakadu": problematics and poetic manner
- 129 **E.V. Vasileva**
Narrative organisation as a receptive strategy: based on Theodore Roszak's *The Memoirs of Elizabeth Frankenstein*
- 135 **M.R. Nenarokova**
Comics as a means of preserving classical literature in modern people's reading (The case of W. Shakespeare)
- 144 **A.I. Gushchina**
Phenomena of "memory" and "lost generation" in Bernhard Schlink's novel "The Granddaughter"

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 151 Тапилин Т.В.**
Нарративный мультимодальный текст
как один из видов мультимодального текста
- 157 Алешина А.А.**
Глагольная лексика в словообразовательном гнезде
с вершиной *соль* в национальном русском языке
- 163 Фокина М.А., Шохра Мохаммед**
Структурно-смысловое своеобразие семантического
поля «Власть» в романе Владимира Максимова
«Заглянуть в бездну»
- 171 Ступина Е.С.**
Риторические коды перифразы
в поэзии И.А. Бродского
- 176 Дзюбенко А.И.**
Когнитивная организация художественного образа:
метафорический фрейминг
- 183 Волошина Т.Г., Глебова Я.А.**
Пиджинизация как лингвокультурный феномен
(на примере африканской лингвокультуры)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 190 Кофанов Л.Л.**
Nomina замужних женщин в браке *cum manu*
в эпоху Республики и Принципата
- 195 Вольфсон В.Л.**
Взаимодействие правовых систем
как языковых общностей (часть вторая)
- 205 Груздев В.В., Плюснина О.В.,
Ганжа Н.В., Столяров А.С.**
Основные проблемы обеспечения устойчивого развития
государства в цифровом пространстве
- 213 Кискин Е.В.**
Роль и значение юридических принципов
для правотворческой стратегии
- 218 Митрофанов Д.А.**
Механизм имплементации кодекса корпоративной этики
в деятельность корпораций

225 ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

SCIENCE OF LANGUAGE

- 151 T.V. Tapilin**
Narrative multimodal text
as a type of multimodal text
- 157 A.A. Aleshina**
Verbal lexemes in the derivational cluster
with the initial word *salt* in the national Russian language
- 163 M.A. Fokina, Mohammed Shohra**
Structural and semantic originality of the semantic field
“Power” in Vladimir Maksimov’s novel
“To Look into the Abyss”
- 171 E.S. Stupina**
Rhetorical codes of periphrasis
in the poetry of Joseph Brodsky
- 176 A.I. Dzyubenko**
Cognitive organisation of literary image:
metaphorical framing
- 183 T.G. Voloshina, Ya.A. Glebova**
Pidginisation as linguocultural phenomenon
(on the example of African linguoculture)

JURAL SCIENCE

- 190 L.L. Kofanov**
Nomina of married women in *cum manu* marriages
in the Roman Republic and Principate eras
- 195 V.L. Volfson**
The interaction of legal systems
as linguistic communities. Part 2
- 205 V.V. Gruzdev, O.V. Plyusnina,
N.V. Ganzha, A.S. Stolyarov**
Main problems of ensuring sustainable development
of the state in digital space
- 213 E.V. Kiskin**
The role and significance of legal principles
for law-making strategy
- 218 D.A. Mitrofanov**
The mechanism for implementing the code of corporate
ethics in the activities of corporations

225 REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 7–14. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 7–14. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470.314)“20”

EDN TTNIFR

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-7-14>

АГРОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ВЛАДИМИРСКОГО ЗЕМСТВА НАСЕЛЕНИЮ В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

Петровичева Елена Михайловна, доктор исторических наук, профессор, директор Гуманитарного института, заведующий кафедрой истории России, Владимирский государственный университет, Владимир, Россия, helenp94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2740-0616>

Аннотация. Данная статья посвящена выяснению роли земских учреждений в реализации аграрной реформы П.А. Столыпина. Работа написана в русле региональной истории и базируется на материалах Владимирской губернии в тех границах, которые она имела в начале XX в. Опираясь на анализ широкого круга источников, в том числе архивных, автор показывает, что многие земские гласные и представители «третьего элемента» не сразу поддержали правительственные начинания, но к началу второго этапа реформы, в конце 1909–1910 гг., они активно включились в ее проведение и внесли неоценимый вклад в организацию землеустроительных работ и оказание агрономической помощи как единоличным крестьянским хозяйствам, так и общинникам. Важнейшее значение имели проводимые агрономическими службами сельскохозяйственные курсы, чтения и беседы. Земские агрономические службы сыграли очень большую роль в достижении успехов аграрной реформы, хотя и незавершенной, и способствовали переводу российского сельского хозяйства на новый технологический уровень.

Ключевые слова: аграрная реформа, П.А. Столыпин, землеустройство, этапы реформы, участковая агрономия, агрокультурные знания.

Для цитирования: Петровичева Е.М. Агрономическая помощь Владимирского земства населению в годы столыпинской аграрной реформы // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 7–14. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-7-14>

Research Article

AGRONOMIC ASSISTANCE OF VLADIMIR ZEMSTVO TO THE POPULATION DURING THE YEARS OF STOLYPIN'S AGRARIAN REFORM

Elena M. Petrovicheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute for the Humanities, Head of the Department of Russian History, the Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia, helenp94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2740-0616>

Abstract. This article, devoted to clarifying the role of zemstvo institutions in the implementation of agrarian reform by Pyotr Stolypin, lies in the mainstream of regional history and is based on materials from one of the central Russian provinces – Vladimir. Based on the analysis of a wide range of sources, including archival ones, the author shows that numerous councilors of zemstvo as well of those serving there for hire did not immediately support government initiatives; however, in the beginning of the second stage of the reform, they were involved in its implementation and made an invaluable contribution to organising land management work and providing agronomic assistance to both individual peasant households and community members. The agricultural courses, readings and conversations conducted by the agronomic services were of utmost importance. Zemstvo agronomic services played an extremely important role in achieving the agrarian reform success, though incomplete; and they contributed to transferring the Russian agriculture to a new technological level.

Keywords: Pyotr Stolypin's agrarian reform, land management, Stolypin agrarian reforms, local agronomy, dissemination of agricultural knowledge.

For citation: Petrovicheva E.M. Agronomic assistance of Vladimir zemstvo to the population during the years of Stolypin's agrarian reform. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 7–14 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-7-14>

Агрономическая деятельность земств в годы столыпинской реформы (конец 1906–1915 гг.) стала привлекать внимание историков сравнительно недавно, поскольку и сама реформа долгое время не была предметом глубокого профессионального исследования. Лишь в последние два-три десятилетия историки обратились к ее пристальному изучению. Непреходящее значение имеют работы В.Г. Тюкавкина и Э.М. Щагина, исследовавших ход и результаты аграрной реформы П.А. Столыпина и сделавших выводы о наличии двух этапов в ее реализации. На первом этапе реформы, в 1907–1909 гг., правительство уделяло внимание, прежде всего, созданию хуторских и отрубных хозяйств, а на втором, в 1910–1915 гг., основной акцент был перенесен на землеустройство как выделившихся из общины домохозяйств, так и деревень с общинным землевладением, равно как селений с подворным землепользованием [Тюкавкин: 215; Щагин: 141–151]. К сожалению, не все исследователи, обращающиеся к истории столыпинской реформы, используют эти глубокие наблюдения. Ряд региональных исследователей, которые детально описывают деятельность земств в разных отраслях сельского хозяйства в начале XX в., даже не упоминают о проводимой в это время в стране аграрной реформе П.А. Столыпина, не прослеживают изменение тактики правительства на разных этапах реформы и динамику выстраивания конструктивных отношений с земской общественностью.

В данной статье мы ставим целью на основе анализа архивных источников и редких публикаций начала XX в. проследить, как менялось отношение земских гласных и представителей «третьего элемента» к аграрной реформе в зависимости от изменения тактики правительства и выяснить, как развивалась работа земских служб Владимирской губернии в сфере агрономического просвещения по мере перехода от первого ко второму этапу реформы.

Владимирская губерния была типичной губернией промышленного центра. Расположенная в нечернозёмной зоне, она отличалась скудостью почв, за исключением плодородного Суздальско-Юрьевского ополья. Урожайность земель в основной части губернии всегда была низкой, для их обработки требовалось больше удобрений и трудовых затрат; и, хотя наделы здесь были большими, чем в чернозёмных губерниях, земли, по мнению местных крестьян, не хватало¹. Все это вынуждало население обращаться к промысловой деятельности. Климатические условия региона способствовали распространению льноводства и развитию ткацких промыслов и текстильной промышленности, что, в свою очередь, стимулировало массовый отход местных крестьян на заработки. К 1914 г. только 20,5 % крестьянских дворов во Владимирской губернии занимались

исключительно сельским хозяйством, остальные совмещали его с местными и отхожими промыслами [Бауэр: 8].

Развитие сельского хозяйства губернии в начале XX в. испытывало целый ряд проблем. По обследованию, проведенному в 1906 г. Владимирской уездной землеустроительной комиссией, были выявлены следующие недостатки крестьянского землевладения, «особенно вредные в сельскохозяйственном отношении». Во-первых, длинноземелье (которое, по данным агрономов, особенно явно проявлялось в семнадцати селениях Ставровской волости). Во-вторых, чересполосица, общность крестьянских угодий с частновладельческими и неудобное очертание границ этих угодий. В-третьих, малоземелье. В обследовании приводится такой показательный факт: «В 1813 г. в дер. Теплиново г-жа отпустила в звание свободных хлебопашцев, подарив 189 дес. 53 душам, в настоящее время более 1/2 крестьян, как не наследники, земли совершенно не имеют, а арендуют ее у собственников, не проживающих на родине»².

По данным земских подворных переписей, примерно треть крестьянских дворов имели более 10 десятин земли, большинство дворов – от 5 до 10 десятин и значительная часть крестьян владели менее чем 5 десятинами или были безнадельными³. В начале XX в. основными проблемами оставались малопродуктивность крестьянских хозяйств, традиционные способы их ведения, отсутствие у населения необходимых знаний, примитивные орудия, возделывание низкоурожайных сортов культур и выращивание беспородного скота. Консервации подобных способов ведения хозяйства в значительной степени способствовали общинные порядки землепользования.

Изменить ситуацию в деревне была призвана аграрная реформа П.А. Столыпина. Ключевым звеном этой реформы стало землеустройство, которое должно было привести к повышению производительности крестьянских хозяйств. Вскоре после принятия указа 9 ноября 1906 г., положившего начало аграрной реформе, в декабре 1906 г. была создана Владимирская губернская землеустроительная комиссия под председательством губернатора И.Н. Сазонова; постепенно землеустроительные комиссии были организованы во всех уездах губернии. Агрономическое совещание при губернской землеустроительной комиссии было создано правительственным циркуляром от 9 июня 1908 г.

Проведение Столыпинской реформы было связано с резким увеличением ассигнований в сельское хозяйство как со стороны правительства, так и земских учреждений. Так, «в 1901 году на эту отрасль земской деятельности было ассигновано во Владимирской губернии всего только 41 102 рубля, то есть 1,5 процента земского бюджета. При этом из уездных

земств значительные ассигнования были сделаны только Ковровским (14 632 рубля – 7 процентов сметы) и Переславским (5 410,7 рубля – 5 процентов сметы)». А уже в 1914 году было выделено 490 946 рублей, что составило 6,1 процента общего земского бюджета; таким образом, земские ассигнования увеличились с 1901 года почти в 12 раз⁴.

Казенные пособия, которые стали выдаваться очень интенсивно с 1909 г., сыграли большую роль в развитии земской агрономии. Но в земских кругах возникали опасения, что правительственные ассигнования могут быть сокращены. Этот вопрос дискутировался на очередном Владимирском губернском земском собрании в декабре 1912 г. При обсуждении вопроса о постановке опытных мероприятий и их субсидировании председатель экономического совета А.С. Брюхов небрежно заметил, что земству «не следует особенно гоняться за департаментскими пособиями, так как департамент впоследствии может отказаться от дальнейшего субсидирования тех или других мероприятий или ограничить свои субсидии». Ему вторил губернский гласный, придерживавшийся левых взглядов, бывший агроном Ковровской уездной земской управы Д.М. Шорыгин: «Пока взаимоотношения земств и центральных органов не урегулированы точно в законодательном порядке, до тех пор не может быть уверенности в неизменности и прочности пособий департамента, тем более что тенденция департамента к урезыванию своих ассигнований достаточно доказана»⁵. С тех же позиций выступил еще один губернский гласный от Ковровского уезда, известный либеральный земский деятель, бывший председатель Ковровской уездной земской управы кадет Н.П. Муратов, критиковавший Департамент земледелия за отказ субсидировать вновь открываемые должности участковых агрономов. Ряд гласных возражал против таких оценок деятельности Департамента земледелия. Председатель губернской земской управы кадет С.А. Петров отметил, что «Департамент земледелия никогда не отказывался от тех обязательств по субсидиям, которые принимал на себя», а Шорыгин и Муратов указали на частный случай, который относился к новым ассигнованиям на вновь открываемые должности участковых агрономов⁶.

Подобное умаление правительственных пособий, имевших громадное значение для проведения на местах агрономических мероприятий, со стороны оппозиционно-настроенных гласных было абсолютно неоправданным. Известно, что вынужденное сокращение казенных пособий произошло позднее, уже в годы Первой мировой войны.

Следует отметить, что помощь правительства, так же как и увеличение собственно земских ассигнований, позволили поднять земскую агрономическую

работу в первой половине 1910-х гг. на такой уровень, какого она не знала никогда ранее.

Значительная часть выделяемых средств шла на содержание агрономического персонала. Так, «в 1913 году из средств Агрономического совещания выдано агрономической помощи Владимирской губернии в размере 40 тыс. руб.; из них на губернские нужды – 6 600 руб., на приглашение и содержание агрономического персонала – 20 150 руб., на снабжение населения орудиями, посевным материалом и туками – 10 тыс. руб., на улучшение животноводства – 1 200 руб., на развитие и поддержание специальных отраслей хозяйства – 1 250 руб., на внешкольное распространение сельскохозяйственных знаний – 800 руб.»⁷.

По мере проведения реформы при уездных земствах учреждались агрономические совещания, создавалась участковая агрономия⁸. Следует отметить, что во Владимирской губернии действовал «смешанный тип» агрономической помощи, когда работа выполнялась практически в равной степени правительственными и земскими агрономами, большинство из которых содержались на совместные средства. Земства не остались в стороне от реализации реформы, хотя в начале ее проведения лишь небольшая часть гласных, в основном близкие по взглядам к октябристам и правым, поддерживали стремление правительства разрушить замкнутость общины и выделение хуторских и отрубных хозяйств. Большинство же демонстрировало выжидательное, а некоторые – откровенно враждебное отношение к аграрной реформе. Многие гласные, близкие по взглядам к кадетам, были недовольны чрезвычайным характером указа 9 ноября 1906 г., а также тем, что его претворение на местах, как они полагали, будет поручено правительственным органам. Неонародники, которых особенно много было среди земских служащих, отнеслись к столыпинскому законодательству резко отрицательно, поскольку они видели в общине готовый социалистический организм. Однако постепенно, по мере выхода отдельных хозяйств на хутора и отруба, земцы начинали их агрономическое обслуживание наряду с общинниками. Владимирское губернское земское собрание приняло соответствующее постановление 1 декабря 1909 г., аналогичные постановления принимали и уездные собрания⁹.

Если говорить о масштабах проведения единоличного землеустройства во Владимирской губернии, то на первом этапе аграрной реформы, в 1907–1910 гг., во Владимирской губернии были проведены работы для 676 дворов общей площадью 6 281 десятин. На втором этапе реформы, в 1911–1914 гг., масштабы работ существенно выросли: единоличное землеустройство было осуществлено на землях более 20 тыс. дворов общей площадью почти 200 тыс.

десятин. Эффективность работы по разверстанию общинных земель, целых селений на хутора и отруба во Владимирской губернии была даже выше. На первом этапе реформы, в 1907–1910 гг. были проведены работы для 57 общин на землях площадью 14847 десятин. Как свидетельствует статистика, на втором этапе аграрной реформы, с 1911 по 1914 г., землеустроительные работы в губернии увеличились многократно и были проведены почти для 400 обществ на площади более 230 тыс. десятин¹⁰. Таким образом, эффективность землеустроительных работ во Владимирской губернии была на уровне общероссийских показателей (в первом случае) или превышала их (во втором случае).

Земства заметно активизировали свою деятельность на втором этапе аграрной реформы, после того как П.А. Столыпин в декабре 1909 г. напрямую обратился к ним с предложением сотрудничать в проведении аграрных преобразований¹¹. С этого времени центральным пунктом земской работы становится широкая организация агрономической помощи населению. К началу второго этапа реформы, к 1910 г., землеустроительные комиссии открылись во всех тринадцати уездах Владимирской губернии¹². К 1911 г. участковые агрономы действовали в большинстве уездов Владимирской губернии: в 9 уездах из 13 был создан 21 участок¹³. В четырех уездах (Муромском, Меленковском, Гороховецком и Судогодском) при земских управах были учреждены должности вторых агрономов, а Ковровская управа с 1910 года приняла на службу третьего агронома¹⁴. Наряду с агрономами земства приглашали на службу инструкторов и специалистов по различным отраслям сельского хозяйства. В конце 1914 года во Владимирской губернии насчитывалось 157 человек агрономического персонала; по этому показателю губерния занимала шестнадцатое место среди всех земских губерний¹⁵.

Насколько была удовлетворена потребность населения в агрономической помощи во Владимирской губернии, можно судить по сведениям Управления земледелия и землеустройства: «В 1913 г. на 1 представителя агрономического персонала во Владимирской губернии приходилось 11,5 тысяч сельского населения и 5,6 тысяч десятин посева [6 118 га], а в 1914 г. – 11,3 тысяч населения и 5,5 тысяч десятин посева [6 009 га]. Если же исключить правительственных представителей агрономического персонала, то на долю каждого земского падёт уже (в 1914 году) 13,9 тысяч сельского населения и 6,7 тысяч десятин посева [7 320 га], так как количество земского агрономического персонала из всего, работающего в этой области, составляет в губернии только 81,3 процента»¹⁶. Анализируя статистические данные о численности земских и правительственных агрономов, можно заключить, что агрономическим

персоналом было в достаточной степени обеспечено население лишь нескольких уездов, в основном промышленных (Ковровский, Муромский, Покровский, Шуйский). Земледельческие же уезды (например, Юрьевский), которые особенно сильно нуждались в агрономической помощи, были обеспечены ею хуже. Если же учитывать только земский агрономический персонал, то выяснится, что на один агрономический участок приходилось большее количество населения и земли. Об этом свидетельствует приведенная ниже таблица, в которой 13 уездов Владимирской губернии расположены по возрастанию количества десятин (табл. 1).

В функции агрономов входила опытно-экспериментальная работа по изучению местных условий, распространение сельскохозяйственных знаний и широкая агрономическая помощь населению¹⁷. Важность задачи поднятия агрикультуры населения, необходимой для повышения производительности труда в сельском хозяйстве, понимало и правительство, и земство. Многие крестьяне сами осознавали отсталость своих методов хозяйствования и, как справедливо отмечал уездный агроном П.Д. Веревкин, «путем горького опыта все больше и больше начинали уверяться в правильности высказываемых агрономами мыслей...»¹⁸

Важнейшей формой распространения агрокультурных знаний являлось устройство курсов по сельскому хозяйству. Как отмечал известный экономист А.В. Чаянов, курсы различались по своему содержанию, продолжительности и составу слушателей [Чаянов: 72]. По мнению земских агрономов, их проведение являлось «наиболее громоздкой, но и наиболее солидной системой распространения сельскохозяйственных знаний»¹⁹, вне зависимости от того, по каким отраслям они устраивались. Курсы, как правило, были продолжительными по времени, и теоретиче-

Таблица 1

Уезды	Население (в тысячах)	Десятин пашни
Ковровский	23,5	18,6
Муромский	34,5	20,7
Покровский	53,4	20,9
Шуйский	41,9	23,4
Гороховецкий	35,3	23,7
Вязниковский	38,9	25,7
Суздальский	38,7	29,6
Александровский	46,1	32,2
Владимирский	58,8	38,5
Переславский	53,4	40,0
Юрьевский	39,2	44,1
Судогодский	43,7	45,5
По губернии	39,9	28,8

ские знания на них подкреплялись практическими занятиями, в которых крестьяне принимали непосредственное участие. Ратуя за устройство сельскохозяйственных курсов, члены Юрьевской уездной управы так объясняли гласным очередного уездного земского собрания 1911 г. их значение: «...на этих курсах знакомятся с правильным ведением сельского хозяйства люди, имеющие практический опыт и заинтересованные хозяйством как единственным средством к существованию, а потому приобретенные познания будут применять на своей собственной земле, улучшая местное хозяйство»²⁰.

Во Владимирской губернии проводились специальные и общие курсы. В программу первых входил комплекс предметов, имеющих между собой непосредственную связь и относящихся к той или иной специальности. Вторые охватывали отрасли хозяйства определенного района, а также некоторые предметы общеобразовательного характера. При этом специальные курсы устраивались по деревням, а общие – в наиболее населенных пунктах. В зависимости от объема излагаемого материала, от преследуемых целей по длительности курсы могли быть пятидневными, двухнедельными и месячными.

Как отмечал в своем докладе уполномоченный по сельскохозяйственной части А.А. Новиков, во Владимирской губернии проведение курсов началось достаточно поздно, но они «быстро завоевали прочные симпатии населения»²¹. Так, уже в 1908 г. сельскохозяйственные курсы были устроены в 59 пунктах губернии: 15 – Департаментом земледелия, 18 – земскими управами, 17 – сельскохозяйственными обществами и 9 – отдельными лицами²². На проведенных Владимирским губернским земством и губернской землеустроительной комиссией в 1910 году сельскохозяйственных курсах обучились 58 человек. Оплата их производилась на паритетных началах: по тысяче рублей на их устройство выделили Владимирское губернское земство и Департамент земледелия²³. В 1911 г. губернское земство устроило еще одни сельскохозяйственные курсы²⁴. В 1914 г. губернским земством сельскохозяйственные курсы проводились уже во всех уездах, всего слушателей было 49 человек. В том же 1914 г. в пяти селениях Владимирской губернии были проведены теоретические и практические курсы по садоводству и огородничеству, в которых участвовали 46 слушателей, вместе с чтением лекций проходили консультации и велась показательная борьба с вредителями. Сельскохозяйственные курсы устраивали и уездные земства. Так, в 1913 г. в селе Алексино были организованы курсы по расширенной программе, на что Ковровское уездное земство внесло в смету 2 000 рублей²⁵.

Особое внимание во Владимирской губернии уделялось курсам по пчеловодству. Начиная с 1908 г. гу-

бернское земство организовывало их ежегодно. Передвижные курсы по пчеловодству устраивались инструктором пчеловодства Владимирского губернского земства П.И. Мещеряковским, а с 1911 года – Н.Г. Некрасовым, сменившим его на этой должности²⁶. В 1910 г. такие курсы были устроены в 7 пунктах следующих уездов: в Александровском, Владимирском, Судогодском, Гороховецком, Суздальском и Покровском уездах. Курсы для населения были бесплатными, при них имелся музей пчеловодства²⁷. В последующие годы места проведения курсов постоянно менялись. Проводились они обычно с середины лета и до конца осени – по две недели в каждом пункте²⁸. Как видно из отчета губернского инструктора пчеловодства Н.Г. Некрасова за 1911 год, особый интерес к курсам крестьяне проявляли в уездах, где пчеловодство играло большую роль, прежде всего Муромском и Александровском²⁹.

Важное значение имели сельскохозяйственные чтения и беседы, которые помогали крестьянам переходить от устарелых приемов хозяйствования к новым, более совершенным. Эти мероприятия проводились Владимирским земством еще с 1905 г., а в годы аграрной реформы приняли систематический характер. В 1906 г. при губернской управе была выбрана комиссия из состава агрономов, которые разрабатывали тематику чтений³⁰. По предложению губернского агронома А. Португалова, начиная с 1910 г., они приурочивались к сельскохозяйственным выставкам и сопровождалась показом пособий и «световых картин». Обязанность приобретения наглядных пособий была возложена на уполномоченного по сельскохозяйственной части А.А. Новикова, а также агрономов Д.М. Шорыгина и Е.И. Смирницкого³¹. Губернское земство ежегодно ассигновало на эти цели по 500 руб., однако в некоторых уездах периодически отмечалась нехватка пособий, и тогда земство ходатайствовало об их предоставлении перед Департаментом земледелия³².

Источники сохранили сведения об отношении крестьян к сельскохозяйственным курсам и чтениям. Известный ученый-агроном начала XX в. В.Э. Брунст справедливо писал: «...Почти с первых же шагов опыт показал, как ошибочно было представление о неспособности крестьян воспринимать полезные для них агрономические идеи и новые приемы хозяйства; неверно было прежде всего представление об однородности крестьянской массы, ибо земскому агроному пришлось на опыте убедиться, что в этой среде имеются весьма разнообразные типы и что, опираясь на людей с инициативой, возможно достигать многого, преодолевая косность массы и приобретать её доверие» [Брунст: 324].

Большое впечатление произвели на крестьян первые месячные курсы, которые проводились с 28 февраля по 24 марта 1910 г. в губернском центре, где слу-

шатели обеспечивались бесплатным содержанием, квартирой и даже получали суточные деньги. Выражая горячую благодарность земству и лекторам за полученные знания, курсисты заверили их, что непременно будут применять их на практике и поспособствуют их распространению среди односельчан³³.

Как отмечали уездные агрономы, по мере проведения аграрной реформы население проявляло все больший интерес к сельскохозяйственным чтениям. Так, участковый агроном Александровского уезда П.Д. Веревкин писал в своем отчете: «С каждым годом спрос на приезд агронома со стороны населения увеличивается, причем население часто задает определенную тему для предполагаемого чтения»³⁴. Инструктор по сельскохозяйственной части А.А. Новиков в своем докладе очередному Владимирскому губернскому земскому собранию в 1911 году справедливо отмечал, что «факт стремления к устройству сельскохозяйственных школ и курсов установлен»³⁵.

Подводя итоги, отметим, что в начале XX в. стал очевидным кризис традиционного натурального крестьянского хозяйства, которое исчерпало ресурсы экстенсивного развития. Требовалась модернизация аграрного сектора, что невозможно было без внедрения интенсивных методов хозяйствования и просвещения сельского населения. В период Столыпинской аграрной реформы, особенно на втором ее этапе (1910–1915 гг.), благодаря поддержке правительства и активному участию земских служб агрономическое просвещение поднялось на такой уровень, которого население не знало никогда ранее. Осознавая острую необходимость распространения знаний по сельскому хозяйству среди широких народных масс, агрономы Владимирской губернии проводили публичные лекции, беседы, народные чтения, снабжали население специальной популярной литературой. Наиболее действенной формой распространения агрокультурных знаний являлось устройство курсов – систематических чтений по определенной отрасли сельского хозяйства. Примечательно, что во Владимирской губернии укоренились именно земские сельскохозяйственные курсы, а не правительственные. Во многом это произошло благодаря личности губернского агронома А.В. Португалова, а также благодаря инициативам уездных земских агрономов. К сожалению, эта важная земская работа осталась незавершенной, поскольку реализация Столыпинской аграрной реформы была прервана Первой мировой войной.

Примечания

¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 417. Оп. 4. Д. 12. Л. 1.

² Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 372. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.

³ Земские подворные переписи 1880–1913 гг. По уездным итогам. Москва: ЦСУ СССР, 1926. 328 с. С. 125–126.

⁴ На рубеже полувековой работы (К юбилею земства) // Старый Владимирец. 1915. 22 апр. (№ 86). С. 2–3; 23 апр. (№ 87). С. 4; 24 апр. (№ 88). С. 2; 26 апр. (№ 90). С. 2; 28 апр. (№ 91). С. 2, 29 апр. (№ 92). С. 2–3; 30 апр. (№ 93). С. 2; 2 мая (№ 94). С. 2–3; 5 мая (№ 96). С. 2–3; Переславская краеведческая инициатива. Тема: власти. № 5063. URL: <http://pki.botik.ru/articles/g-narubeje1915.pdf>

⁵ Журналы очередного Владимирского губернского земского собрания 1912 г. Владимир, 1913. С. 30.

⁶ Журналы очередного Владимирского губернского земского собрания 1912 г. Владимир, 1913. С. 31.

⁷ На рубеже полувековой работы... URL: <http://pki.botik.ru/articles/g-narubeje1915.pdf>

⁸ Отчеты и доклады Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию по экономическому отделению. Владимир на Клязьме: Тип. губ. правления, 1911. С. 37.

⁹ Отчеты и доклады Владимирской губернской земской управы очередному земскому собранию 1909 года. Владимир на Клязьме: Тип. губ. правления, 1909. 275 с.; Отчет и доклад по агрономической части за 1909 год Муромскому очередному уездному земскому собранию 1910 года. Муром: Тип.-лит. Н.В. Зворыкина, 1910. С. 1.

¹⁰ Землеустройство (1907–1910): (Обзор деятельности землеустроительных комиссий со времени их открытия по 1 янв. 1911 г. б.) / ГУЗ и З. Деп. гос. зем. имуществ. Санкт-Петербург: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1911. С. 49–51; Труды Владимирского губернского сельскохозяйственного общества. Владимир, 1915. С. 10.

¹¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 2. 1910 г. Д. 11. Л. 3, 6, 16, 18.

¹² Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1914 г. Владимир, 1913 / Владимирский губернский статистический комитет. Владимир на Клязьме: Тип. губ. правления, 1913. С. 153.

¹³ Земское дело. 1912. № 23. С. 1574.

¹⁴ Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству (по данным на 1910 г.). Вып. 12. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1912. С. 641.

¹⁵ Местный агрономический персонал, состоящий на правительственной и общественной службе 1 января 1915 г. Петроград: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1910–1915. С. 556–557.

¹⁶ На рубеже полувековой работы... URL: <http://pki.botik.ru/articles/g-narubeje1915.pdf>

¹⁷ Отчеты и доклады Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию по экономическому отделению. Владимир на Клязьме: Тип. губ. правления, 1911. С. 37.

¹⁸ Александровское уездное земство. Агрономическое отделение. Агрономическая и экономическая деятельность за 1910–1911 гг. Владимир: Тип. М.П. Леонтьевой. 1912. С. 14.

¹⁹ Отчеты и доклады по агрономическому отделению очередному уездному земскому собранию (Александровский уезд). Владимир на Клязьме: Тип. губ. правления, 1914. С. 2.

²⁰ Журналы очередного и экстренных Юрьевских уездных земских собраний 1911 г. Владимир на Клязьме: Тип.-лит. губернской земской управы. 1912. С. 54.

²¹ Отчеты и доклады Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию по экономическому отделению. Владимир на Клязьме: Тип. губ. правления, 1911. С. 34.

²² Отчеты и доклады Владимирской губернской земской управы очередному земскому собранию 1909 года. Владимир на Клязьме: Тип. губ. правления, 1909. С. 87.

²³ Отчеты и доклады Владимирской губернской земской управы очередному земскому собранию 1909 года. Владимир на Клязьме: Тип. губ. правления, 1909. С. 264.

²⁴ Землеустройство (1907–1910): (Обзор деятельности землеустроительных комиссий со времени их открытия по 1 янв. 1911 г. б.) / ГУЗ и З. Деп. гос. зем. имуществ. Санкт-Петербург: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1911. С. 1010.

²⁵ Отчеты и доклады Владимирской губернской управы за 1914 год. Владимир на Клязьме: Тип. губ. правления, 1915. С. 94, 101.

²⁶ ГАВО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1041. Л. 12.

²⁷ ГАВО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1040. Л. 1.

²⁸ ГАВО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1087. Л. 26.

²⁹ Отчеты и доклады Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию по экономическому отделению. Владимир на Клязьме: Тип. губ. правления, 1911. С. 39.

³⁰ Московский областной съезд деятелей агрономической помощи населению 21–28 февраля 1911 г. Обзоры мероприятий по агрономической помощи населению в отдельных губерниях Московского района за десятилетие 1901–1910 гг. Москва, 1911. Вып. 2. С. 22.

³¹ ГАВО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 863. Л. 16.

³² ГАВО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1041. Л. 178.

³³ Отчеты и доклады Владимирской губернской управы очередному губернскому земскому собранию 1907 года по экономическим мероприятиям. Владимир на Клязьме: Тип. губ. правления. С. 14–18.

³⁴ Отчеты и доклады Владимирской губернской управы очередному губернскому земскому собранию 1908 года по экономическим мероприятиям. Владимир на Клязьме: Тип. губ. правления. С. 90.

³⁵ Отчеты и доклады Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию. По экономическому отделению. Владимир, 1911. С. 34.

Библиографический список

Балдин К.Е. Сельское хозяйство в России на пути прогресса: земские склады во Владимирской губернии в начале XX в. // Вестник Владимирского государственного университета: Социальные и гуманитарные науки. 2019. № 4. С. 5–13.

Бауэр А.А. Владимирский край. Естественно-исторический и культурно-экономический очерк состояния Владимирской губернии в середине второго десятилетия XX века // Труды Владимирского губернского научного общества по изучению местного края. Владимир: Гос. изд-во, 1921. Вып. 2. 156 с.

Брунст В.Э. Земская агрономия // Юбилейный земский сборник: 1864–1914 / под ред. Б.Б. Веселовского, З.Г. Френкеля. Санкт-Петербург: Изд. т-ва О.Н. Поповой, 1914. С. 323–341.

Булюкин Д.А., Белов А.М. Отношение к аграрной реформе П.А. Столыпина депутатов Государственной думы от Костромской и Ярославской губерний // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 2. С. 12–17.

Ефременко А.В. Земская альтернатива столыпинской приватизации. Ярославль: Диа-пресс, 1999. 267 с.

Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства. Москва: РОССПЭН, 2008. 328 с.

Рогалина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. 230 с.

Тюкавкин В.Г. Великоорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. Москва: Памятники исторической мысли, 2001. 302 с.

Чаянов А.В. Основные идеи и методы работы общественной агрономии. Москва: Новая деревня, 1924. 129 с.

Щагин Э.М. Столыпинская аграрная реформа: ее результаты и судьба // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Москва: МГПУ, 1995. С. 141–151.

References

Baldin K.E. *Sel'skoe khoziaistvo v Rossii na puti progressa: zemskie sklady vo Vladimirskoi gubernii v nachale XX veke* [Agriculture in Russia on the path of progress: zemstvo warehouses in the Vladimir province at the beginning of the twentieth century]. *Vestnik Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta: Sotsial'nye i humanitarnye nauki* [Bulletin of Vladimir State Univer-

sity: Social and Humanitarian Sciences], 2019, No. 4, pp. 5-13. (In Russ.)

Bauer A.A. *Vladimirskii krai. Estestvenno-istoricheskii i kul'turno-ekonomicheskii ocherk sostoianiiia Vladimirskoi gubernii v seredine vtorogo desiatiletiia XX veka* [Vladimir region. Natural-historical and cultural-economic essay on the state of the Vladimir province in the middle of the second decade of the twentieth century]. *Trudy Vladimirskogo gubernskogo nauchnogo obshchestva po izucheniiu mestnogo kraia* [Proceedings of the Vladimir provincial scientific society for the study of the local region]. Vladimir, Gos. Izd-vo Publ., 1921, vol. 2, 156 p. (In Russ.)

Brunst V.E. *Zemskaia agronomiia* [Zemstvo agronomy]. *Iubileinyi zemskii sbornik: 1864–1914* [Anniversary zemstvo collection: 1864–1914], ed. by B.B. Veselovsky, Z.G. Frenkel. St. Petersburg, Izd. t-va O.N. Popovoi Publ., 1914, pp. 323–341. (In Russ.)

Buliukin D.A., Belov A.M. *Otnoshenie k agrarnoi reforme P.A. Stolypina deputatov Gosudarstvennoi dумы ot Kostromskoi i Iaroslavskoi gubernii* [Attitude to agrarian reform P.A. Stolypin of State Duma deputies from the Kostroma and Yaroslavl provinces]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Kostroma State University], 2023, vol. 29, No. 2, pp. 12–17. (In Russ.)

Chaianov A.V. *Osnovnye idei i metody raboty obshchestvennoi agronomii* [Basic ideas and methods of work of public agronomy]. Moscow, Novaia derevnia Publ., 1924, 129 p. (In Russ.)

Efremenko A.V. *Zemskaia al'ternativa stolypinskoї privatizatsii* [Zemstvo alternative to Stolypin privatization]. Iaroslavl, Dia-press Publ., 1999, 267 p. (In Russ.)

Mogilevskii K.I. *Stolypinskie reformy i mestnaia elita: Sovet po delam mestnogo khoziaistva* [Stolypin reforms and the local elite: Council for Local Economic Affairs]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 328 p. (In Russ.)

Rogalina N.L. *Vlast' i agrarnye reformy v Rossii XX veka* [Power and agrarian reforms in Russia of the twentieth century]. Moscow, MGU named of M.V. Lomonosov Publ., 2010, 230 p. (In Russ.)

Shchagin E.M. *Stolypinskaia agrarnaia reforma: ee rezul'taty i sud'ba* [Stolypin agrarian reform: its results and fate]. *Formy sel'kokhoziaistvennogo proizvodstva i gosudarstvennoe regulirovanie. XXIV sessiia simpoziuma po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy* [Forms of agricultural production and state regulation. XXIV session of the symposium on the agrarian history of Eastern Europe]. Moscow, MGPU Publ., 1995, pp. 141–151. (In Russ.)

Tiukavkin V.G. *Velikorusskoe krest'ianstvo i Stolypinskaia agrarnaia reforma* [The Great Russian peasantry and the Stolypin agrarian reform]. Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 2001, 302 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.04.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 17.05.2024.

The article was submitted 21.04.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 17.05.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 15–22. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 15–22. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 358.4

EDN SVNNMX

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-15-22>

ДОКТРИНА ВОЗДУШНОЙ ВОЙНЫ ДЖ. ДУЭ В СОВЕТСКОЙ ВОЕННО-НАУЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920–30-Х ГГ.

Михайлов Андрей Александрович, доктор исторических наук, научный сотрудник, Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Москва, Россия, dragun66@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7175-406X>

Фишева Анастасия Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУ ВО образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Санкт-Петербург, Россия, ana-f@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1432-0828>

Аннотация. В статье рассмотрено отражение доктрины воздушной войны итальянского военного теоретика Джулио Дуэ (1869–1930) в военной, научной, научно-популярной и художественной литературе в СССР в 1920–30-е гг., ее критика советскими специалистами, дискуссии о роли авиации в войнах будущего. Согласно концепции Дуэ, исход целой войны мог быть решен авиацией, прежде всего – бомбардировщиками. Многие советские руководители в 1920-е гг. видели в авиации грозную военную силу и своеобразный «локомотив», способный увлечь промышленность, науку, культуру. Закономерно, что доктрина Дуэ вызвала у них большой интерес. Труды Дуэ и связанные с его доктриной произведения других иностранных авторов неоднократно печатались в СССР. В их публикации и обсуждении участвовали видные военачальники, специалисты в области авиации. Эти споры переплетались с дискуссиями о роли авиации в войнах будущего. Часть авторов считала, что в доктрине Дуэ есть рациональное зерно, и авиация может поставить противника на грань поражения в сжатые сроки. Другие настаивали на необходимости готовиться к затяжной войне, в которой авиация сыграет важную роль, но лишь как одно из средств борьбы. В целом обсуждение теории Дуэ в СССР в 1920–30-е гг. отразило существенные аспекты в развитии взглядов на задачи военно-воздушного флота.

Ключевые слова: доктрина Джулио Дуэ, авиация, война в воздухе, войны будущего, авиационные бомбардировки, самолеты-истребители, господство в воздухе, противовоздушная оборона, военная публицистика.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ФДНЧ в рамках научного проекта № 21-59-22004

Для цитирования: Михайлов А.А., Фишева А.А. Доктрина воздушной войны Дж. Дуэ в советской военно-научной публицистике и художественной литературе 1920–30-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 15–22. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-15-22>

Research Article

THE DOCTRINE OF AIR WARFARE BY GIULIO DOUHET IN THE SOVIET MILITARY-SCIENTIFIC JOURNALISM AND FICTION OF THE 1920S-30S

Andrei A. Mikhailov, Doctor of Historical Sciences, Researcher, The Research Institute (for Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russia, dragun66@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7175-406X>

Anastasiya A. Fiseva, Candidate of Historical Sciences, The North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia, ana-f@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1432-0828>

Abstract. The article says about reflection of the doctrine of air warfare of Italian military theorist Giulio Douhet (1869-1930) in military, scientific, popular science and artistic literature in the USSR in 1920-30s, its criticism by Soviet specialists, discussions about the role of aviation in the wars-to-be. According to the said concept, the lack of military aircrafts, primarily bombers, might cost an entire war. Numerous Soviet leaders in the 1920s saw aviation as a formidable military force and as a kind of “locomotive” capable of driving industry, science and culture. It is logical that Giulio Douhet’s doctrine aroused

their great interest. The works of the Italian general and some works of other foreign authors related to his doctrine, were repeatedly published in the USSR. Prominent military commanders and aviation specialists took part in their publication and discussion. Those disputes were intertwined with discussions about the role of aviation in the wars-to-be. Some authors believed that there was a rational grain in the doctrine of Giulio Douhet, and aviation could put enemy on the brink of defeat in short time. Others insisted on the need to prepare for a protracted war, where aviation would play an important role, but only as one of the means of struggle. As a result, the 1920s-30s' discussion of Giulio Douhet's theory in the USSR reflected significant aspects in the development of views on the tasks of the air fleet.

Keywords: Giulio Douhet Doctrine, aviation, air warfare, wars-to-be, aerial bombardment, fighter planes, air supremacy, air defence, military journalism.

Acknowledgments: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and FMSH (project number 21-59-22004 "National aeronautic projects in Russia / USSR and France in the first half of the XX century: prerequisites, actors, contexts")

For citation: Mikhailov A.A., Fischeva A.A. The doctrine of air warfare by Giulio Douhet in the Soviet military-scientific journalism and fiction of the 1920s-30s. *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 15–22 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-15-22>

Доктрина воздушной войны итальянского кадрового офицера, летчика и военного теоретика Джулио Дуэ¹ может быть отнесена к наиболее ярким и влиятельным военно-научным теориям XX в. В 1921 г. Дуэ опубликовал в Риме работу «Господство в воздухе» («Il Dominio dell' Aria») [Douhet], в которой выдвинул идею о том, что благодаря авиации возможно победить в будущей войне.

Взгляды советских военных специалистов на концепцию Дж. Дуэ уже привлекали внимание современных исследователей. Они нашли краткое отражение в работе генерал-майора авиации М.Д. Смирнова, опубликованной в 1946 г. [Смирнов]. Среди работ последнего времени стоит выделить статью А.А. Черниловского [Черниловский]. Однако в этой работе полно освещен разбор идей Дуэ только одним (хотя и очень видным) советским деятелем в области авиации – А.Н. Лапчинским².

Между тем взгляды итальянского стратега нашли отражение в публикациях многих советских военных специалистов, летчиков, публицистов, писателей. Споры о ней были жаркими и тесно переплетались с дискуссиями о задачах военной авиации, о военной доктрине СССР и др.

В середине 1920-х гг. у целого ряда военных, государственных деятелей и политиков в СССР и за рубежом сложилось убеждение, что в войнах будущего исключительную роль сыграют две силы: авиация и химическое оружие [Эскадрилья: 39, 41; Фрунзе: 41].

Во взглядах на то, как именно будет применяться авиация в грядущей войне, единого мнения у советских специалистов не было. Часть из них полагала, что военно-воздушному флоту предстоит решать самостоятельные задачи, но многие видели его функцию (по крайней мере на настоящем временном этапе) в поддержке наземных сил. Ярким выразителем второй точки зрения был военный летчик, организатор авиации А.В. Сергеев [Сергеев].

Профессор Военно-воздушной академии РККА В.В. Хрипин³ подвергал взгляды Сергеева крити-

ке [Хрипин 1925]. Он утверждал, что при строительстве советской военной авиации нужно исходить не только из современного состояния вооруженных сил, но учитывать перспективы их развития. В будущем же в ведущих странах авиация станет многочисленной и будет решать именно самостоятельные задачи.

Вполне закономерно, что дискуссии подобного рода повышали интерес к теории Дуэ. В 1926 г. Государственное военное издательство Наркомата обороны опубликовало его работу «Господство в воздухе» с предисловием А. Лапчинского [Дуэ 1926].

Лапчинский нашел в рассуждениях Дуэ много ошибок, доказывал, что воздушные бомбардировки сами по себе гарантировать победы не могут. Эту же мысль в том же году высказал один из постоянных авторов журнала «Авиация и химия» А. Григорьев [Григорьев: 10].

Вместе с тем некоторые советские военные деятели выдвигали тезис, что противники СССР, весьма вероятно, попробуют нанести удары именно авиацией по городам, далеко от линии фронта. Данная идея, например, красной нитью проходила через брошюру «Чем нам грозит воздух» одного из руководителей советских военно-вооруженных сил Е.И. Татарченко⁴ [Татарченко 1929].

В июле 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О состоянии обороны СССР» [Становление]. В нем была поставлена задача в сжатые сроки увеличить численность советской военной авиации.

В феврале 1930 г. Дж. Дуэ умер. Спустя месяц в журнале «Revista Aeronautica» («Обозрение воздухоплавания») вышла его статья «Война 19... года» [Douhet 1930]. В этом произведении описан вымышленный военный конфликт между Германией и противостоящими ей Францией и Бельгией. В самом начале войны, по рассказу Дуэ, Германия бросает на противника целую армаду самолетов-бомбардировщиков, которые буквально уничтожают несколько городов.

В СССР смерть Дж. Дуэ практически не вызвала откликов даже в авиационной прессе. Его посмертная статья, напротив, специалистов заинтересовала, и довольно быстро. В январе 1931 г. в первом выпуске журнала «Военный зарубежник» были напечатаны две главы из работы Дж. Дуэ. «Война 19... года» (под заглавием «Воздушная война будущего») [Воздушная война]. Во втором выпуске того же журнала вышла статья капитана немецкого Генерального штаба Х. Риттера [Проблема современного воздушного могущества], в которой рассматривались взгляды на воздушную войну специалистов из различных стран, в том числе и Дуэ.

Весной 1931 г. журнал «Вестник Воздушного флота» напечатал работу Дж. Дуэ «Война 19... года» (с некоторыми сокращениями) [Дуэ 1931].

В том же году Е.И. Татарченко опубликовал в «Вестнике воздушного флота» статью об авиационных маневрах, прошедших в Италии. Он подчеркивал, что легенда маневров базировалась на доктрине Дуэ, стала ее апробацией [Татарченко 1931].

В самом начале 1932 г. «Вестник Воздушного флота» опубликовал статью В. Хрипина [Хрипин 1932], в которой доктрина Дуэ упоминалась как реальная основа для военно-экономической политики зарубежных стран [Хрипин 1932: 6]. Игнорировать подобные тенденции, по мнению Хрипина, было бы опасной беспечностью. Поэтому СССР следовало развивать военно-воздушные силы и авиационную промышленность самыми быстрыми темпами, а военным специалистам изучать взгляды Дуэ.

В августе того же года на страницах «Красной звезды» вышел очерк начальника отдела тыла в Штабе ВВС РККА В.П. Афанасьева «Воздушный тыл». Рассуждая о ресурсах, необходимых для обеспечения большого воздушного флота, который ведет «самостоятельные воздушные операции в стратегическом масштабе», автор опирался на расчеты Дуэ [Афанасьев: 2].

Также в 1932 г. в СССР вышел научно-фантастический роман немецкого военного летчика и писателя Роберта Кнауасса⁵ (псевдоним – «майор Гельдерс») «Воздушная война 1936 года. Разрушение Парижа», который вызвал самые напряженные дискуссии и еще больше подогрел интерес к идеям Дуэ.

В мае 1932 г. три главы из этого романа были напечатаны журналом «Военный Зарубежник» [Майор Хельдер]. Вскоре после этого роман был опубликован в журналах «Красная звезда», «Локаф» (печатный орган Литературного объединения Красной Армии и Флота) [Гельдерс 1932а] и опубликован отдельным изданием [Гельдерс 1932б].

По сюжету романа между Великобританией и Францией начиналась война. Победу, и довольно быстро, одерживали британцы, воздушный флот

которых наносил мощный удар по Парижу. Причем если у Дуэ неприятельскую столицу громили огромные бомбардировщики, то Гельдерс отдал предпочтение универсальным самолетам (они могли действовать и как бомбардировщики, и как штурмовики).

По воспоминаниям современника, книга заинтересовала многих летчиков, она передавалась из рук в руки и заставляла думать о будущей войне (большинство военных того времени считали войну неизбежной) [Тимофеев: 88]. С рецензиями на «Воздушную войну...» выступил целый ряд авторов, как профессиональных военных, так и не имевших прямого отношения к армии и авиации. Нередко в отзывах упоминалась концепция Дуэ.

В журнале «Книга и оборона СССР» вышла рецензия, которую написали совместно А.Н. Лапчинский и видный экономист Д.П. Бухарцев [Бухарцев, Лапчинский]. Они сопоставляли книгу Гельдерса с работой Дуэ «Война 19... года» и отмечали, что немецкий автор стремился избежать ошибок своего предшественника. Так он, в отличие от Дуэ, не отказывался от описания военных действий на море и на земле, хотя итог борьбы в его сочинении решала все же авиация. Вместе с тем Лапчинский и Бухарцев доказывали, что сама идея о победе в войне силами одной (или почти одной) авиации неверна в принципе [Бухарцев, Лапчинский: 13]. Крайне резко отозвался о книге Гельдерса Я.М. Жигур⁶ [Жигур].

В самом начале 1933 г. в «Литературной газете» на книгу Гельдерса обрушился известный советский драматург Вс. Вишневский [Вишневский]. Он решительно заявлял, что с точки зрения военной науки роман Гельдерса никакой ценности не представляет. По его словам, советские военные специалисты давно раскрыли ложность теорий, подобных созданной Гельдерсом, как, например, теории Дуэ. При этом сторонниками Дуэ Вишневский называл военных специалистов, объявленных в то время противниками советской власти и заговорщиками. В число дуэтистов оказался зачислен А.А. Свечин⁷, который в действительности являлся сторонником подготовки к затяжной войне и никак не мог разделять идей Дуэ [Вишневский: 3].

Другой известный в то время литератор, П.А. Павленко, подвергнув книгу Гельдерса критике, не стал касаться технических и стратегических аспектов. Он напоминал читателям о неизбежном (с точки зрения большевиков) перерастании империалистической войны в гражданскую и предложил свою концовку повести: пролетарская революция сметает правительства и Франции, и Великобритании [Павленко].

Скорее всего, критики не знали, что книга Гельдерса заинтересовала И.В. Сталина, увидевшего в ней способность формировать «дух хорошего боевизма среди летчиков» [Советское руководство: 175].

В то время как в прессе активно обсуждался роман Гельдерса, «Воениздат» напечатал в сокращенном переводе книгу французского офицера А.М.П. Вотье⁸ «Воздушная опасность и будущее страны» [Вотье 1933].

Вотье считал, что предсказанное Дуэ нанесение мощного удара бомбардировочной авиацией одной из противоборствующих сторон в войне недалеко будущего вполне возможно. Правда, он также полагал маловероятным сведение всей войны к борьбе в воздухе. Но значимость авиации данный факт не отменял [Вотье 1933: 34].

Публикация в короткое время работ нескольких иностранных авторов о воздушной войне потребовала некоего обобщения их взглядов. В конце 1933 г. вышла в свет работа Е.И. Татарченко «Воздушная война в освещении иностранной литературы» [Татарченко 1933]. Теории Дуэ в ней был посвящен особый раздел [Татарченко 1933: 6–13].

Татарченко утверждал, что выводы Дуэ плохо обоснованы, и итальянский стратег «делает прыжки в будущее, притом самые невероятные, совсем отрываясь от твердой почвы реальности, от конкретики» [Татарченко 1933: 4]. Однако данное обстоятельство, по мнению Татарченко, никак не умаляло того факта, что значение военной авиации постоянно увеличивается.

В феврале 1934 г. М.Н. Тухачевский и И.П. Уборевич направили народному комиссару обороны Ворошилову письмо, в котором отмечали первостепенное значение в грядущих войнах авиации (а также танковых войск). В письме говорилось, что та сторона, которая не будет готова наносить мощные авиационные удары по объектам в глубине территорий противника, не сможет разрушать его коммуникации, склады горючего, оружия и боеприпасов, скорее всего потерпит поражение [Тухачевский: 13].

Также в 1934 г. «Воениздат» вновь выпустил книгу Гельдерса [Гельдерс 1934]. На этот раз в издание были включены предисловие А.Н. Лапчинского и полемические заметки П.А. Павленко, ранее опубликованные в журнале «Знамя». Лапчинский подверг книгу Гельдерса самой суровой и язвительной критике. Он даже сравнил немецкого автора с Хлестаковым и назвал его роман «писаниной», «весьма поверхностно характеризующей воздушную войну» [Гельдерс 1934: 3, 14, 18].

Выводы Лапчинского о нереальности сценария войны, описанного Гельдерсом, поддержал в печати целый ряд авторов. Например, публицист и поэт П.В. Незнамов осыпал роман немецкого автора целым градом насмешек в статье «Молниеносный майор» [Незнамов].

Сам Лапчинский уделил значительное внимание опровержению построений Дуэ и Гельдерса в монографии «Воздушный бой» [Лапчинский].

В 1934 г. «Воениздатом» была издана также книга «Будущая война» итальянского генерала Гектора (Этторе) Бастико⁹, который выступал как один из наиболее активных и последовательных оппонентов Дуэ [Бастико].

Таким образом, благодаря книгам, выпущенным «Воениздатом» в 1932–1934 гг., советские военные специалисты и широкий круг читателей получили возможность познакомиться с аргументами нескольких теоретиков воздушной войны, сторонников противников Дуэ. Явно назрела необходимость более полно, чем ранее, представить читательской аудитории труды самого итальянского ученого.

В 1935 г. «Воениздат» выпустил тиражом в 10 тыс. экземпляров сборник трудов Дж. Дуэ [Дуэ 1935], в который вошли четыре его работы: «Господство в воздухе», «Вероятные формы будущей войны», «Подведение итогов полемики по вопросам воздушной войны», «Война 19... года». Составители сборника включили в него библиографию трудов Дж. Дуэ [Дуэ, 1935: XXVII–XXXII].

Предисловие к сборнику написал В.В. Хрипин, который тщательно разобрал и проанализировал каждую из опубликованных работ. Оценка идей Дуэ носит у него двойственный характер. В начале своих рассуждений Хрипин отмечал, что на Западе многие политики и военные деятели «поднимают Дуэ на щит как некоего пророка будущей войны», но задача советских командиров изучать его идеи спокойно и беспристрастно [Дуэ 1935: VII].

Далее В. Хрипин, как и многие советские авторы до него, критиковал итальянского теоретика за непонимание классово-природы военных конфликтов. Наряду с претензиями идеологического характера, он заявлял о спорности многих положений Дуэ с военной точки зрения. Так, по его мнению, итальянский теоретик, увлекшись авиацией, недооценил другие средства борьбы, в том числе «мощные средства механизированных соединений и целых танковых армий» [Дуэ 1935: VII]. Советский командир также находил у Дуэ много ошибок относительно вооружения самолетов и тактики воздушного боя [Дуэ 1935: XIX].

Вместе с тем В.В. Хрипин предостерегал против недооценки суждений Дуэ (и в связи с этим критически отзывался о некоторых высказываниях Лапчинского в предисловии к книге Гельдерса) [Дуэ 1935: XXII]. Многие конкретные предположения итальянского стратега он считал очень значимыми. [Дуэ 1935: XXV].

В 1935 г. «Военное издательство» напечатало книгу А.М.П. Вотье, посвященную разбору идей Дуэ [Вотье 1935]. Предисловие написал видный советский военный деятель, начальник Управления ПВО РККА С.С. Каменев.

В книге Вотье содержится глубокая аргументация основных положений концепции Дуэ и критика отдельных ее деталей. Автор доказывал, что мощная авиация не исключает необходимости развивать наземную армию и флот, но именно она способна нанести противнику поистине сокрушительные удары. Особое внимание уделено в книге средствам борьбы с вражескими бомбардировщиками.

С. Каменев в предисловии поддержал тезис о том, что идеи Дуэ и Вотье «рождены страхом капиталистов перед массовыми армиями» [Вотье 1935: IV]. Однако он указывал и на опасность наращивания и активного использования военной авиации передовыми капиталистическими странами – потенциальными противниками СССР.

В июне 1936 г. вышла пространная рецензия на сборник работ Дуэ, написанная летчиком А. Алгазиным¹⁰ [Алгазин]. Вслед за Хрипиным Алгазин признавал, что воздушный флот способен нанести колоссальный ущерб тылу противника. Но он указывал также и на невозможность решить исход войны одной лишь мощной бомбардировкой.

В 1936 г., уже после публикации рецензии Алгазина, «Военное издательство» переиздало сборник трудов Дуэ [Дуэ 1936] и выпустило книгу «Воздушная мощь и сухопутные вооруженные силы» французского офицера Э.Ж. Аллео¹¹ [Аллео].

Аллео включил в свою работу детальный разбор концепции Дуэ [Аллео: 20–51]. Он подробно обосновывал точку зрения, что «действия одних воздушных сил против территории противника не способны дать решение войны» [Аллео: 51]. Одновременно Аллео подчеркивал возможность мощных авиационных бомбардировок, следствием которых станут большие разрушения промышленных объектов и городов, гибель множества людей.

Весной 1937 г. была переиздана книга Вотье «Военная доктрина генерала Дуэ» [Вотье 1937]. На этот раз редакция снабдила ее предисловием А.Н. Лапчинского.

В 1939 г. вышла книга Лапчинского «Воздушная армия». Издание это было посмертным: автор скончался в мае 1938 г. Как и в более ранних работах, в ней видное место занимал тезис о невозможности одержать победу только силами авиации и тем более исключительно авиационными бомбардировками. «Как бы активно ни действовала авиация в расположении противника, – писал Лапчинский, – он не может занять ни пяди неприятельской территории» [Лапчинский 1939: 6].

Имя и взгляды Дуэ неоднократно упоминались в книге Е. Татарченко «Воздушные силы в итало-абиссинской войне», опубликованной в 1940 г. [Татарченко 1940]. Автор утверждал, что создание Италией сильного военно-воздушного флота диктовались, сре-

ди прочего, и тем обстоятельством, что в руководстве страны нашлось немало сторонников идей Дуэ [Татарченко 1940: 12].

В целом доктрина Дуэ со второй половины 1920-х и до начала 1940-х годов чрезвычайно активно обсуждалась советскими военными специалистами. Она подвергалась жесткой критике, но отдельные положения итальянского стратега находили своих сторонников. При этом среди специалистов, а также в средствах массовой информации самое широкое распространение получил тезис о том, что потенциальный противник, государства Запада, приняли концепцию Дуэ именно как руководство к действию. В сочетании с вполне реальным наращиванием ВВС всеми ведущими странами данный тезис способствовал развитию военной авиации, анализу и решению конкретных проблем, касающихся ее состава, снабжения и тактики. Дискуссии вокруг теории Дуэ отразили существенные аспекты в развитии взглядов на задачи ВВС в межвоенный период.

Примечания

¹ Дуэ Джулио (Giulio Douhet) (1869–1930) – итальянский военный теоретик, один из основоположников концепции воздушной войны.

² Лапчинский Александр Николаевич (1882–1938).

³ Хрипин Василий Владимирович (1893–1938) – советский военный деятель, активный сторонник создания и организатор стратегической бомбардировочной авиации. В 1936–1937 гг. – командующий авиационной Армией особого назначения.

⁴ Татарченко Евгений Иванович (1893–1977) – летчик, советский военный деятель, автор трудов по организации и тактике военной авиации.

⁵ Кнаусс Роберт (Robert Knauss) (1892–1955) – германский военный деятель, летчик, писатель, участник Первой и Второй мировых войн, генерал Люфтваффе (1944).

⁶ Жигур Ян Матисович (1895–1938) – советский военный деятель, комбриг. В 1930–1937 гг. – заместитель начальника Военно-химического управления РККА.

⁷ Свечин Александр Андреевич (1878–1938) – российский и советский военный деятель, видный военный теоретик и историк.

⁸ Вотье Поль (Paul Vauthier) (1885–1979) – французский военный деятель и военачальник, участник Первой и Второй мировых войн, генерал, автор нескольких военно-теоретических работ, в том числе о роли авиации в войнах.

⁹ Бастико Этторе (Ettore Bastico) (1876–1972) – итальянский военный деятель и военачальник, участник Первой и Второй мировых войн, маршал Италии (1942).

¹⁰ Алгазин Алексей Сергеевич (1902–1938) – военный летчик, начальник кафедры Военно-воздушной академии РККА, автор работ по военной авиации.

¹¹ Аллео Эмиль-Жюльен-Жоффе-Леопольд (Alléhaut Emile-Julien-Joseph-Léopold) (1872–1952) – французский военный теоретик, писатель.

Список литературы

Алгазин А. Джулио Дуэ. «Господство в воздухе / пер. с ит. В.А. Виноград и Л.К. Фрчек; предисл. В.В. Хрипина. Москва, 1935. 392 с. // Вестник Воздушного Флота. 1936. № 6. С. 17–23.

Аллео. Воздушная война и сухопутные вооруженные силы. Москва: Воен. изд-во. 1936. 252 с.

Афанасьев В. Воздушный тыл // Красная звезда. 29 авг. 1932 г. С. 2.

Бастико Г. Будущая война. Сокращенный перевод III тома труда «Эволюция военного искусства». Москва: Гос. воен. иск-во, 1934. 151 с.

Бухарцев Д., Лапчинский А. Может ли авиация одна решить исход войны. Гельдерс, майор. Разрушение Парижа: пер. с нем. Москва: Военгиз, 1932 // Книга и оборона. 1933. № 2. С. 8–13.

Вишневецкий В. Майор Гельдерс и доверчивые советские издательства // Литературная газета. 11 янв. 1933 г. С. 3.

Воздушная война будущего. Дуэ. Générala Giulio Douhet. La Guerra del 19... Revista Aeronautica. Marzo. 1930 // Военный зарубежник. 1931. № 1. С. 40–55.

Вотье. Военная доктрина генерала Дуэ. Москва: Военгиз, 1935. 148 с.

Вотье. Военная доктрина генерала Дуэ. Москва: Воениздат, 1937. 237 с.

Вотье. Воздушная опасность и будущее страны. Москва: Военгиз, 1933. 232 с.

Гельдерс. Воздушная война 1936 года // Локаф. 1932а. № 8–9. С. 40–70; № 11. С. 88–121; № 12. С. 108–137.

Гельдерс. Воздушная война 1936 года. Разрушение Парижа. 2-е изд. Москва: Воениздат, 1934. 160 с.

Гельдерс. Воздушная война 1936 года. Разрушение Парижа. Москва: Воениздат, 1932б. 112 с.

Григорьев А. Авиация, ее виды и задачи // Авиация и химия. 1926. № 2. С. 10–11.

Дуэ Дж. Война 19... года // Вестник Воздушного флота. 1931. № 4. С. 14–27; № 5–6. С. 40–50.

Дуэ Дж. Господство в воздухе: сб. трудов по вопросам воздушной войны. 2-е изд. Москва: Воениздат, 1936. 608 с.

Дуэ Дж. Господство в воздухе. Эюд об искусстве ведения воздушной войны. Москва: Воениздат, 1926. 74 с.

Дуэ Дж. Господство в воздухе. Посмертное издание трудов по вопросам воздушной войны. Москва: ОГИЗ: Военгиз, 1935. 360 с.

Жигур Я. Буржуазная пропаганда войны в переводной литературе // Книга и пролетарская революция. 1933. № 6. С. 112.

Лапчинский А.Н. Воздушный бой. Москва: Военгиз, 1934. 288 с.

Лапчинский Н. Воздушная армия. Москва: Воениздат, 1939. 192 с.

Майор Хельдерс. Воздушная война 1936 г. (разрушение Парижа) // Военный Зарубежник. 1932. № 5. С. 12–29.

Незнамов П.В. Молниеносный майор // Литературная газета. 20 марта 1935 г. С. 3.

Павленко П. Воздушная война 1936 года. Полевический вариант // Знамя. 1933. № 5. С. 109–134.

Проблема современного воздушного могущества: пер. с нем // Военный зарубежник. 1931. № 2. С. 1–12.

Сергеев А.В. Стратегия и тактика Красного Воздушного флота. Москва: Вестник воздушного флота, 1925. 228 с.

Смирнов М.Д. Эволюция взглядов на боевое использование ВВС: библиографическая монография. Москва, 1946. 28 с.

Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. Москва: РОССПЭН, 1999. 519 с.

Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1932): сб. документов / гл. ред. Кольтюков и др. Москва: Терра, 2008. С. 325–331.

Татарченко Е. Большие итальянские воздушные маневры 1931 г. // Вестник Воздушного флота. 1931. № 10–11. С. 35–39.

Татарченко Е. Воздушные силы в итало-абиссинской войне. Москва: Воениздат, 1940. 196 с.

Татарченко Е.И. Воздушная война в освещении иностранной литературы. Москва: ОГИЗ, 1933. 30 с.

Татарченко Е.И. Чем грозит нам воздух. Москва: Осоавиахим, 1929. 32 с.

Тимофеев В.А. Товарищи летчики. Записки авиационного командира. Москва: Воениздат, 1960. 391 с.

Тухачевский М.Н. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1 (1919–1927 гг.). Москва: Воениздат, 1964. 264 с.

Фрунзе М.В. Внимание Воздушному Флоту! Речь на торжественном заседании, посвященном двухлетию ОДВФ 5 апреля 1925 г. // Фрунзе М. О молодежи. Москва: Молодая гвардия, 1937. 119 с.

Хрипин В. Проблемы современного авиационного строительства и военного применения воздушного флота // Вестник Воздушного флота. 1932. № 1. С. 5–9.

Хрипин В.В. Вопросы стратегии и тактики Красного Воздушного Флота (по поводу труда А.В. Сергеева) // Вестник Воздушного Флота. 1925. № 8. С. 5–8; № 9. С. 11–14.

Черниловский А.А. Прогнозирование будущей войны в 1920-х гг. итальянским генералом Джулио Дуэ и критика его теории в СССР // Ученые записки

Орловского государственного университета. 2016. № 3 (72). С. 84–88.

Эскадрилья «Ленин»: сб. материалов о передаче ОДВФ СССР XIII съезду эскадрильи «Ленин». Москва: ОДВФ СССР, 1924. 63 с.

Douhet G. Il Dominio dell'Aria. Saggio sull' arte della Guerra aerea, con una appendice contenente nozioni elementari di aeronautica. Roma: Stabilimento poligrafico per l'amministrazione della Guerra, 1921. 191 p.

Douhet G. La Guerra del 19... Revista Aeronautica. No. 3 [Marzo], 1930, pp. 12-25.

References

Afanasyev V. *Vozdushnyy tyl* [Air rear]. *Krasnaya Zvezda* [Red Star], 1932, August 29, p. 2. (In Russ.)

Algazin A. *Dzhulio Due. «Gospodstvo v vozduke», predisl. V.V. Khripina. M., 1935. 392 p.* [Giulio Due “Air Supremacy”, preface by V.V. Khripin. M., 1935, 392 p.]. *Vestnik Vozdushnogo Flota* [Bulletin of the Air Fleet], 1936, No. 6, pp. 17–23. (In Russ.)

Alleo. *Vozdushnaya voyna i sukhoputnyye voornozhennyye sily* [Air warfare and ground forces]. Moscow, Voenizdat Publ., 1936, 252 p. (In Russ.)

Bastico G. *Budushchaya voyna. Sokrashchennyy perevod III toma truda «Evolutsiya voyennogo iskusstva»* [Future war. Abridged translation of volume III of the work “The Evolution of the Art of War”]. Moscow, State military art Publ., 1934, 151 p. (In Russ.)

Bukhartsev D., Lapchinsky A. *Mozhet li aviatsiya odna reshit' iskhod voyny. Gel'ders, mayor. Razrusheniye Parizha. Moscow: Voengiz, 1932* [Can aviation alone decide the outcome of the war. Gelders, Major. Destruction of Paris. Moscow, Voengiz, 1932]. *Kniga i oborona* [Book and defense], 1933, No. 2, pp. 8-13. (In Russ.)

Chernilovsky A.A. *Prognozirovaniye budushchey voyny v 1920-kh godakh ital'yanskim generalom Dzhulio Due i kritika yego teorii v SSSR* [Forecasting a future war in the 1920s by the Italian general Giulio Douhet and criticism of his theory in the USSR]. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Oryol State University], 2016, No. 3 (72), pp. 84-88. (In Russ.)

Douai J. *Air supremacy. Gospodstvo v vozduke. Etyud ob iskusstve vedeniya vozdushnoy voyny* [A study on the art of air warfare]. Moscow, Voengiz Publ., 1926, 74 p. (In Russ.)

Douai J. *Gospodstvo v vozduke. Posmertnoye izdaniye trudov po voprosam vozdushnoy voyny* [Air supremacy. Posthumous publication of works on air warfare]. Moscow, Voenizdat Publ., 1935, 360 p. (In Russ.)

Douai J. *Gospodstvo v vozduke. Sbornik trudov po voprosam vozdushnoy voyny* [Air supremacy. Collection of works on issues of air warfare], 2-e izd. Moscow, Voenizdat Publ., 1936, 608 p. (In Russ.)

Douet J. *Voyna 19... goda* [War of 19...]. *Vestnik Vozdushnogo flota* [Bulletin of the Air Fleet], 1931, No. 4, pp. 14-27; No. 5-6, pp. 40-50. (In Russ.)

Eskadril'ya «Lenin»: sb. materialov o peredache ODVF SSSR XIII s"yezdu eskadril'i «Lenin» [Squadron “Lenin”: collection of materials on the transfer of the Lenin squadron to the XIII Congress of the USSR ODVF]. Moscow, ODVF USSR Publ., 1924, 63 p. (In Russ.)

Frunze M.V. *Vnimanije Vozdushnomu Flotu! Rech' na torzhestvennom zasedanii, posvyashchennom dvukhletiyu ODVF 5 aprelya 1925 g.* [Attention to the Air Fleet! Speech at the ceremonial meeting dedicated to the second anniversary of the ODVF on April 5, 1925]. *Frunze M. O molodezhi* [About youth]. Moscow, Young Guard Publ., 1937, 119 p. (In Russ.)

Gelders. *Vozdushnaya voyna 1936 goda* [Air war of 1936]. *Lokaf*, 1932, No. 8-9, pp. 40-70; No. 11, pp. 88-121; No. 12, pp. 108-137. (In Russ.)

Gelders. *Vozdushnaya voyna 1936 goda. Razrusheniye Parizha* [Air war of 1936. Destruction of Paris]. Moscow, Voengiz Publ., 1932, 112 p. (In Russ.)

Gelders. *Vozdushnaya voyna 1936 goda. Razrusheniye Parizha* [Air war of 1936. Destruction of Paris]. Moscow, Voenizdat Publ., 1934, 160 p. (In Russ.)

Grigoriev A. *Aviatsiya, yeye vidy i zadachi* [Aviation, its types and tasks]. *Aviatsiya i khimiya* [Aviation and chemistry], 1926, No. 2, pp. 10-11. (In Russ.)

Khripin V. *Problemy sovremennogo aviastroitel'stva i voyennogo primeneniya vozdushnogo flota* [Problems of modern aircraft construction and military use of the air fleet]. *Vestnik Vozdushnogo flota* [Bulletin of the Air Fleet], 1932, No. 1, pp. 5-9. (In Russ.)

Khripin V.V. *Voprosy strategii i taktiki Krasnogo Vozdushnogo Flota (po povodu truda A.V. Sergeeva)* [Questions of strategy and tactics of the Red Air Fleet (regarding the work of A.V. Sergeev)]. *Vestnik Vozdushnogo Flota* [Bulletin of the Air Fleet], 1925, No. 8, pp. 5-8; No. 9, pp. 11-14.

Lapchinsky A.N. *Vozdushnyy boy* [Air combat]. Moscow, Voenizdat Publ., 1934, 288 p.

Lapchinsky N. *Vozdushnaya armiya* [Air army]. Moscow, Voenizdat Publ., 1939, p. 6.

Major Helters. *Vozdushnaya voyna 1936 g. (razrusheniye Parizha)* [Air war 1936 (destruction of Paris)]. *Voyennyi Zarubezhnik* [Military Foreigner], 1932, No. 5, pp. 12-29. (In Russ.)

Neznamov P.V. *Molniiyenosnyy mayor* [Lightning-fast major]. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper], 1935, March 20, p. 3. (In Russ.)

Pavlenko P. *Vozdushnaya voyna 1936 goda: Polemicheskiy variant* [Air war of 1936: Polemical version]. *Znaniya*, 1933, No. 5, pp. 109-134. (In Russ.)

Problema sovremennogo vozdushnogo mogushchestva [The problem of modern air power]. *Voyen-*

nyy zarubezhnik [Military Foreigner], 1931, No. 2, p. 1-12. (In Russ.)

Sergeev A.V. *Strategiya i taktika Krasnogo Vozdushnogo flota* [Strategy and tactics of the Red Air Fleet]. Moscow, Bulletin of the Air Fleet Publ., 1925, 228 p. (In Russ.)

Smirnov M.D. *Evolyutsiya vzglyadov na boyevoye ispol'zovaniye VVS* [Evolution of views on the combat use of the Air Force]. Moscow, 1946, 28 p. (In Russ.)

Sovetskoye rukovodstvo. Perepiska. 1928-1941 gg. [Soviet leadership. Correspondence. 1928-1941]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999, 519 p. (In Russ.)

Stanovleniye oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1927-1932) [Formation of the military-industrial complex of the USSR (1927-1932)]. Moscow, Terra Publ., 2008, pp. 325-331. (In Russ.)

Tatarchenko E. *Bol'shiye ital'yanskiye vozdushnyye manevry 1931 g.* [Large Italian air maneuvers of 1931]. *Vestnik Vozdushnogo flota* [Bulletin of the Air Fleet], 1931, № 10-11, pp. 35-39. (In Russ.)

Tatarchenko E.I. *Vozdushnyye sily v italo-abissinskoy voyne* [Air forces in the Italo-Abyssinian war]. Moscow, Voenizdat Publ., 1940, 196 p. (In Russ.)

Tatarchenko E.I. *Chem grozit nam vozdukh* [What threatens us with the air]. Moscow, Osoaviakhim Publ., 1929, 32 p. (In Russ.)

Tatarchenko E.I. *Vozdushnaya voyna v osveshchenii inostrannoy literatury* [Air war in the coverage of foreign literature]. Moscow, OGIZ Publ., 1933, 30 p. (In Russ.)

Timofeev V.A. *Tovarishchi letchiki. Zapiski aviatsionnogo komandira. Comrade pilots* [Notes from an aviation commander]. Moscow, Voenizdat Publ., 1960, 391 p. (In Russ.)

Tukhachevsky M.N. *Izbrannyye proizvedeniya: v 2 t. T. 1: (1919-1927 gg.)* [Selected works: in 2 vols. T. 1: (1919-1927)]. Moscow, Voenizdat Publ., 1964, 264 p. (In Russ.)

Vautier. *Voyennaya doktrina generala Due* [Military doctrine of General Douhet]. Moscow, Voenizdat Publ., 1935, 148 p. (In Russ.)

Vautier. *Voyennaya doktrina generala Due* [Military doctrine of General Douhet]. Moscow, Voenizdat Publ., 1937, 237 p. (In Russ.)

Vautier. *Vozdushnaya opasnost' i budushcheye strany* [Air danger and the future of the country]. Moscow, Voengiz Publ., 1933, 232 p. (In Russ.)

Vishnevsky V. *Mayor Gel'ders i doverchivyye sovetskiye izdatel'stva* [Major Gelders and gullible Soviet publishing houses]. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper], 1933, January 11, p. 3. (In Russ.)

Vozdushnaya voyna budushchego. Due [Air warfare of the future. Due]. General Giulio Douhet. La Guerra del 19... Revista Aeronautica. Marzo. 1930. *Voyenny zarubezhnik* [Military foreigner], 1931, No. 1, pp. 40-55. (In Russ.)

Zhigur Ya. *Burzhuaznaya propaganda voyny v perevodnoy literature* [Bourgeois propaganda of war in translated literature]. *Kniga i proletarskaya revolyutsiya* [Book and proletarian revolution], 1933, No. 6, p. 112. (In Russ.)

Douhet G. *Il Dominio dell'Aria. Saggio sull' arte della Guerra aerea, con una appendice contenente nozioni elementari di aeronautica.* Roma, Stabilimento poligrafico per l'amministrazione della Guerra Publ., 1921, 191 p.

Douhet G. *La Guerra del 19...* Revista Aeronautica [Marzo], 1930, No. 3, pp. 12-25.

Статья поступила в редакцию 20.02.2024; одобрена после рецензирования 15.03.2024; принята к публикации 18.03.2024.

The article was submitted 20.02.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 18.03.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 2. С. 23–29. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 23–29. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 664.8:94

EDN JEVVDQ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-23-29>

КОНСЕРВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО «ЖЕЛРЫБЫ» В 1923–1929 ГГ.

Панов Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, Мурманский арктический университет, Мурманск, Россия, dmipanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0879-4130>

Аннотация. Статья посвящена малоизученной теме – консервному производству «Желрыбы». В качестве источниковой базы выступают материалы периодической печати 1923–1929 гг. и неопубликованные материалы центральных и местных архивов. В статье предпринята попытка выявить экономические и технические особенности, связанные с производством консервов предприятия «Желрыба». На обширном архивном материале изучается специфика производства консервов на предприятии, связанном с колонизацией Кольского полуострова, ассортимент производимой продукции, а также экономические показатели эффективности консервного производства предприятия. Приводятся данные о возможных вариантах иного географического размещения производств предприятия, с экономическим обоснованием плюсов и минусов тех или иных местностей. Автор приходит к выводу, что «Желрыба» смогла с нуля начать промышленное производство консервов высокого качества и одновременно способствовать экономическому развитию тех районов, где находились её производства.

Ключевые слова: Желрыба, Мурманск, Кольский полуостров, консервы, Териберка, Кандалакша.

Для цитирования: Панов Д.А. Консервное производство «Желрыбы» в 1923–1929 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 23–29. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-23-29>

Research Article

CANNING PRODUCTION OF “ZHELRYBA” IN 1923–1929

Dmitry A. Panov, Candidate of Historical Sciences, Murmansk, Russia, dmipanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0879-4130>

Annotation. The article is devoted to a little-studied topic – the canning production of “Zhelryba” (abbreviation of the Russian words “ZHELeznaya doroga”, railway, and “ryba”, fish). The source base is the materials of the periodical press of 1923–1929 and unpublished materials of the central and local (Murmansk) archives. The article attempts to identify the economic and technical features associated with the production of canned food of “Zhelryba” enterprise. Based on extensive archival material, the specifics of canned food production at the enterprise associated with the colonisation of Kola Peninsula, the range of products produced, as well as economic indicators of the effectiveness of the canning production of the enterprise, are studied. Data on possible options for a different geographical location of the enterprise’s production facilities are provided, with an economic justification of the pros and cons of certain localities. The author concludes that “Zhelryba” was able to start industrial production of high-quality canned food from scratch and at the same time contribute to the economic development of those areas where its production was located.

Keywords: Zhelryba, Murmansk, Kola Peninsula, canned food, Tiberberka, Kandalaksha.

For citation: Panov D.A. Canning production of “Zhelryba” in 1923–1929. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 23–29 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-23-29>

Одной из важнейших проблем XX века по-прежнему остаётся обеспечение населения продовольствием. Данная проблема касается абсолютно всех территорий нашей планеты. Не является исключением и Кольский полуостров. Большая часть полуострова находится за полярным кругом, поэтому он обладает достаточно тяжелыми условиями для проживания людей. Ведение полноценного сельского хозяйства в промышленном масштабе также является проблематичным, всё это делает продовольственный вопрос достаточно злободневным. Полноценное питание со всем комплексом витаминов и питательных веществ является для жителей полуострова не просто необходимостью, а жизненной необходимостью. Одной из составляющих рациона питания любого человека являются пищевые продукты, подвергнутые консервированию или специальной упаковке для более продолжительного хранения, для жителей Кольского полуострова такой вид продуктов приобретает особое значение.

Историография затронутого вопроса невелика. О консервном производстве «Желрыбы» отдельных научных работ нет, как, впрочем, и о самой «Желрыбе». Как правило, данная тема затрагивалась в изданиях, посвященных отдельным предприятиям, населённым пунктам [Флагман рыбообработки; Кузьмин, Разин; Береснев; Владимиров; История 1915]. Источниковую базу составляют данные Государственного архива Мурманской области, Национального архива Республики Карелия, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, Государственного архива Российской Федерации.

Первые предприятия, связанные с производством консервов, появляются в России в 1870-х гг. На них производились в небольшом количестве мясные, рыбные и овощные консервы. Но это были кустарные, слабо оснащенные предприятия. Быстрое развитие и техническое перевооружение консервной отрасли началось с середины 1920-х гг. Кольский полуостров не был исключением из этого процесса.

Попытки наладить консервное производство на Мурмане начались с 1899 года (Корельский, Гинц, Фан Смит, Куковеров, Спаде, Бонди)¹, но по определенным причинам они не смогли стать полноценным производством. Более удачная попытка была предпринята в 1921 году. Консервная станция Северной научно-промышленной экспедиции С.Я. Миттельмана произвела удачный производственный опыт консервов из воюксы². Первопроходцем в сфере промышленного производства консервов на Кольском полуострове стало одно из предприятий колонизационно-транспортного комбината, которым являлась железная дорога, – «Желрыба»³.

Консервное производство и организация для этого соответствующей инфраструктуры являлись для «Желрыбы» одним из её функциональных значений⁴. Производства открывались предприятием для более рационального использования и утилизации заготавливаемой её промышленными предприятиями рыбной продукции⁵, при этом производства находились не только на самом Кольском полуострове, но базовым регионом для Желрыбы был именно Кольский полуостров. Начало консервного производства предприятия относится к 1925 году. В этом году был оборудован консервный завод в Ленинграде, затем в Сороке (Карелия) и Кандалакше (Кольский полуостров). Отдаленность ленинградского завода от сырьевой базы в виде Белого моря и плохая организация промысла в Сорокском районе не дали предприятию развернуть работу соответствующих заводов в полной мере.

Консервная мастерская в Ленинграде (Ленинградская набережная, 26/28) начала работать в октябре 1924 г.⁶. Однако практически сразу было принято решение о преобразовании её в образцовый завод с переводом в другое здание (Фонтанка, 50). Помимо данного предприятия, «Желрыба» имела в Ленинграде и фильтровочную мастерскую, предназначенную для переработки рыбьего жира для медицины⁷. Видимо, логистика оказалось неподъемной: проработав какое-то время, завод закрылся и вновь начал работу лишь в марте – мае 1927 г.⁸

Техническое оборудование завода составляли 18 машин, поставленных из Одессы. Структура завода была следующей: консервный отдел (подразделявшийся на засолочное, рыбчистное, укладочное, закатное отделения), кухню, автоплавный отдел, оклеечный отдел, этикетно-упаковочный отдел, жестяной отдел⁹. Ассортимент продукции завода составляли консервы из пикши, зубатки, сельди, наваги, паштет из дичи и шпроты. Объем ежедневной продукции достигал 4 000 банок в день, при полной загрузке он мог быть доведен до 5 000.

В наиболее выигрышном положении находился завод в Кандалакше. Практика консервного дела и объективные экономические условия побудили «Желрыбу» к концентрации консервного производства именно в Кандалакше как пункте, расположенном непосредственно у источников рыбного сырья. Также за концентрацию консервного производства в Кандалакше говорили колонизационные соображения. Новое промышленное предприятие в этом месте должно было оказывать положительное влияние на создание вокруг него новых кадров населения, содействуя тем самым образованию в Кандалакше колонизационного центра для Северной Карелии и южной Лапландии. В дальнейшем производственные и колонизационные соображения пол-

ностью оправдались. Близость промыслового района, оснащение, кадры позволили заводу в сезон 1925–1926 гг. наладить производство и в дальнейшем эффективно работать. Последнее стоит учитывать, так как производство на заводе организовывалось при отсутствии хороших специалистов консервного производства, которых приходилось приглашать из-за рубежа¹⁰, а также в условиях недостаточно качественного оборудования и нерегулярного снабжения сырьем из-за низкого технического уровня местных ловцов. При этом всегда стоит помнить, что, развивая консервное производство, «Желрыба» попутно организовывала промысловое дело в прилегающих к заводу районах. Так, в районе кандалакшского завода предприятие смогло организовать зимний подлёдный лов сельди¹¹, рыбаков снабжали ставными подлёдными сетями, ставными неводами и другими, более совершенными орудиями лова. Помимо этого, завод стимулировал выгодную для населения продажу своего улова для нужд производства. Со временем завод был оснащён норвежским оборудованием¹², которое позволило в будущем поставить вопрос о расширении производства через переоборудование. Для постоянного снабжения сырьем заводом был заведён специальный моторный бот, который обслуживал (приём рыбы и перевозка её) ближайшие промысловые пункты.

Первым директором консервного завода «Желрыбы» в Кандалакше был М.А. Самородницкий¹³. На момент постройки завод состоял из двух отделений: консервное и жестяночное. Структура производства была достаточно серьёзной. Привозимая рыба попадала в разборочную, где её сортировали, отбирая подходящую, у отобранной отрезали головы, и она попадала уже в жаровую. Рыба раскладывалась на специальные решетки и опускалась на определенное время в кипящее масло. Поджаренная таким образом рыба поступала в укладочную, где её раскладывали в жестяные банки и добавляли соус, ма-

ринад, томатную пасту или другую составляющую. После этого жестяная банка поступала в закаточную. Пройдя эту стадию, консервная банка попадала в стерилизационное помещение. В специальный автоклав помещалось несколько сотен банок, которые в течение продолжительного времени обрабатывались паром. Вынутые из автоклава банки очищались опилками и приобретали чистый блеск, после чего поступали в обклеечную. Последняя стадия – упаковочная. Очень часто производство страдало от отсутствия не только сырья, но и соответствующих этикеток. Зачастую на все банки подряд клеили «сельдь в томате»¹⁴.

Сезон консервного производства 1925/26 гг. в целом был достаточно внушительным (табл. 1)¹⁵.

Поступательное развитие завода прервал пожар, произошедший 3 марта 1927 года. С июля 1927 года выработка консервов происходила во временной консервной мастерской, которую оборудовали взамен сгоревшего завода. О поступательном развитии завода свидетельствовало постоянно увеличивавшиеся показатели (табл. 2)¹⁶.

Однако, несмотря на это, невыполнение плана производства в сезон 1926–1927 гг. составило 34,3 %¹⁷.

Согласно отчетным данным, которые правление «Желрыбы» предоставляло в пищевой директорат Ленинградского областного совета народного хозяйства, сезон 1926/27 гг. и 1927/28 гг. завод в Кандалакше завершил с достаточно серьёзными показателями (табл. 3)¹⁸.

Предприятие неоднократно упрекали в повышении цен на консервы кандалакшского завода. Так, РКИ, проверявшая деятельность «Желрыбы», приводит следующие данные (табл. 4)¹⁹.

Повышение не выглядит катастрофическим, а учитывая, что сырьё, из которого производил консервы завод, не могло поступать стабильно (из-за природных особенностей колебания уловов), повы-

Таблица 1

Количество произведенных консервов заводами «Желрыбы» в сезон 1925/1926 гг.

Завод	Количество произведенных консервов
Кандалакшский завод	321 962 коробок
Сорокский завод	76 621 коробок
Ленинградский завод	125 980 коробок

Таблица 2

Количество произведенных банок консервов на Кандалакшском заводе

Период	Показатели (в штуках)
1924/25	119 651
1925/26	321 963
1926/27	312 115

Таблица 3

Производственные показатели Кандалакшского завода (количество и ассортимент, в штуках)
в сезон 1926/27 и 1927/28 гг.

Ассортимент	Период	
	1926–1927 гг.	1927–1928 гг.
Шпроты	260 800	489 048
Кильки	95 909	402
Анчоусы	–	286 597
Сардины	31 385	6 152
Навага	57 712	149 367
Треска и морской окунь	2 141	6 647
Разное	11 958	27 940
Итого	459 905	966 153

Таблица 4

Данные рабоче-крестьянской инспекции о средней стоимости банки консервов «Желрыбы»

Сезон	1925–1926 гг.	1926–1927 гг.	1927–1928 гг.
Средняя стоимость 1 банки консервов	37,8 копеек	40 копеек	41,5 копеек

Таблица 5

Средние показатели отпускных цен 1 банки шпрот «Желрыбы»

Сезон	1925–1926 гг.	1926–1927 гг.	1927–1928 гг.
Отпускная цена 1 коробки шпрот	70 копеек	66,5 копеек	57,8 копеек

шение вообще нельзя считать повышением. При этом имеются данные, которые свидетельствуют, что предприятие постоянно снижало стоимость выпускаемой продукции (табл. 5)²⁰.

Что касается качества производимых консервов, то стоит отметить следующее. 5 марта 1927 г. секция рыболовства и рыбоводства Русского технического общества дала свой отзыв на сардины и шпроты, а бюро экспертиз Ленинградской товарной биржи – на кильки, оба отзыва оказались положительными²¹.

Сезон 1928 г. кандалакшский завод сталкивался с отсутствием сырья для производства²². На 17.11.1928 г. завод прекратил выработку консервов, но продолжал производить консервные банки. За период с 20.10.1928 по 10.11.1928 г. было переработано около 1 тонны озёрной рыбы и ни одного килограмма сельди. Предполагалось загружать мощности завода таким неморским сырьём, как оленье мясо. Возможно, перебои с сырьём возникли из-за того, что директор завода снизил закупочную цену на сельдь²³. Другой причиной можно назвать то, что закупленное за границей оборудование поступило без запасных деталей и, соответственно, это несколько снижало интенсивность его использования²⁴.

Как своеобразная спасительная альтернатива выглядит попытка руководства «Желрыбы» наладить консервное производство в Териберке²⁵. Промконтора «Желрыбы» в первом полугодии 1929 г. осу-

ществляла проект консервной мастерской в Териберке для производства консервов из трески. 13 мая 1929 г. на совещании при промышленной секции облплана по вопросу об организации консервного завода в Териберке данный эксперимент «Желрыбы» был прекращён по следующим основаниям: «1. Признать, что организация Консервного завода в Териберке экономически нецелесообразна по следующим соображениям: а) нерегулярное снабжение сырьём в виду малого числа выходов рыбаков в море (15–16 раз в сезон), при отсутствии холодильника; б) большие накладные расходы, вызванные небольшими сроками работы завода в течение года (20–50 дней); в) высокая себестоимость и малая вероятность рентабельности завода; г) отсутствие местной рабсилы и необходимость привоза с Кандалакшского завода и других мест; д) неизученность рынка сбыта тресковых консервов); е) возможность продолжения опытного производства консервов из трески на заводе в Кандалакше, который имеет недогрузку. 2. Отсутствие технического проекта открываемого консервного предприятия»²⁶. Вероятно, данное решение было принято и по конъюнктурным моментам – в этом же году предприятие было ликвидировано, и, видимо, не было смысла вкладывать средства и ресурсы в проекты.

Ассортимент выпускаемой продукции был достаточно разнообразен для того времени: консервы

в собственном соку из трески, пикши, сайды – без головы, хвоста и внутренностей, но с костями и чешуей; консервы в собственном соку из трески, пикши, сайды – без головы, хвоста и внутренностей, но с костями и чешуей в бульоне (рыбном); консервы в бульоне из пикши и окуня, с предварительным их подкочпением; консервы типа шпрот из подкочпенной и затем вареной в масле сельди и мойвы; консервы из печени трески²⁷; консервированная оленина²⁸; сардины в прованском масле, приготовляемые из свежей селедки²⁹.

Консервного производства «Желрыбы» коснулся и пятилетний план развития мурманских промыслов. Согласно этому плану, производство консервов планировалось в двух местах – на консервном заводе в Кандалакше и в консервной мастерской на Кильдине. Объём продукции в Кандалакше планировалось увеличить с 3,6 миллионов банок в 1929 г. до 5,2 миллионов банок в 1933 г., на Кильдине (с 1931 по 1933 гг.) – с 480 тысяч банок до 720 тысяч банок. Разность объяснялась тем, что кильдинское производство планировалось как опытно-исследовательская работа³⁰. Планировалось производить консервы из сельди, наваги, семги, озёрной рыбы, морского окуня, трески, камбалы. Через осуществление производства из указанного ассортимента планировалось максимально использовать местную сырьевую базу, а также сделать завод в Кандалакше крупным фактором индустриализации местных промыслов. На последнем планировалось ввести двухсменный график работы и количество рабочих месяцев увеличить до 11³¹. Стоимость продукции планировалась к снижению³²; заработная плата в период (по Кандалакше и Кильдину) в среднем на одного рабочего планировалась на увеличение с 62.60 р. в 1929 г. до 79.97 р. в 1933 г.³³; по сути, планировалось почти безубыточное производство.

Стоит отметить, что консервное производство «Желрыбы» могло бы иметь совершенно другое географическое расположение. Вместо Ленинграда, Кандалакши, Сороки оно могло бы расположиться в Териберке, Александровске, Мурманске. В начале 1924 г. ряд работников предприятия совместно с работниками мурманской биологической станции³⁴ явились инициаторами дискуссии о вопросе размещения консервного производства «Желрыбы»³⁵.

Териберка уже имела консервную историю³⁶, поэтому её кандидатура выглядела предпочтительнее. Помимо этого, она являлась центральным пунктом на Восточном Мурмане и её местоположение обеспечивало необходимый объём сырья для завода, опираясь только на местно-пришрое рыбацкое население. Но при этом Териберка имела, по их мнению, ряд недостатков: 1) обеспеченность сырьём завода только на время промыслового сезона, с мая по октябрь;

2) сырьё только тресковых пород, что значительно ограничивало бы ассортимент выпускаемой продукции; 3) удаленность от Мурманска как центра снабжения, что значительно увеличило бы накладные расходы и повлекло бы удорожание продукции³⁷.

Александровск – удобная глубоководная гавань, которая является рыболовной базой для местных рыбаков-колонистов и финнов. Также он располагался в центре сельдяных промыслов, а на противоположном берегу залива находится Тюва-губа, являющаяся одним из центров сельдяного лова³⁸. Помимо этого, в достаточно близком Мотовском заливе производится лов трески с мая по декабрь (в Териберке по октябрь) и ближайшим приёмочным пунктом является Александровск. В сезон 1924 г. «Севгосрыбтрестом» в Александровске была организована вспомогательная база для траулеров, что также является залогом снабжения завода сырьём, а дооборудование траулеров холодильными установками позволило бы привозить более свежее сырьё для завода³⁹. К недостаткам Александровска можно было отнести: затруднительность добычи в районе Александровска наживки для ярусного лова; как и в Териберке, требуется полное снабжение из Мурманска, но дешевле на 50 % и более регулярно, так как оно будет производиться не в открытом море, а по заливу.

С установкой завода в Мурманске автоматически отпадала бы всякая надобность в снабжении топливом и материалами, сооружение самого завода удешевлялось, производство находилось бы под постоянным надзором и контролем, продукция могла бы немедленно отправляться на рынки сбыта⁴⁰. Однако при всех плюсах снабжения и логистики местоположение завода в Мурманске, по мнению работников «Желрыбы» и МБС, обладало большим минусом – удалённость от моря и промысла, что делало завод малопривлекательным для сдачи ему рыбы на переработку⁴¹.

В итоге инициативная группа склонялась к варианту – Александровск / Кандалакша / Сороки (Беломорск). Однако возник ещё один кандидат. Работники «Желрыбы» побывали в Кронштадте с целью осмотра и возможного использования в промысловых целях пароходов, стоящих там без использования⁴². Внимание комиссии привлёк один из пароходов, который планировался для использования в качестве консервного завода. Но история не знает сослагательного наклонения и заводы разместились по следующему варианту: Ленинград / Сороки / Кандалакша.

В 1929 г. правительственная Рабоче-крестьянская инспекция (РКИ) проверяла деятельность Мурманской железной дороги, в состав которой входила «Желрыба». В ходе проверки был выявлен «ряд вопиющих фактов бесхозяйственности и извращения классовой линии в работе комбината»⁴³, тем самым комиссия создала повод для ликвидации деятельно-

сти железной дороги как колонизационно-транспортного комбината. Одним из следствий этой проверки стала ликвидация «Желрыбы» согласно постановлению ЭКОСО РСФСР от 6 июля 1929 г. Однако на этом история производства консервов не закончилась.

Консервное производство «Желрыбы» сыграло определенную роль в изменении социокультурной среды вокруг себя. Данные изменения наиболее сильно выделялись в Кандалакше и Сороках как территориях, наименее освоенных населением. Консервное производство позволило создать дополнительные рабочие места, привлечь специалистов, рабочих, что позитивно сказалось на социально-экономическом развитии прилегающих территорий и позволило более эффективно приступить к освоению природных ресурсов Кольского полуострова и Карелии в рамках советской колонизации этих территорий.

После ликвидации предприятия консервные производства продолжали функционировать, но уже в несколько других условиях и другой подведомственности. Сложно говорить о влиянии консервного производства «Желрыбы» на общесоюзное производство консервов. Возможно, какие-либо заимствования производственного опыта и были, но, скорее всего, это был достаточно удачный местно-локальный опыт, который в будущем был инкорпорирован в общесоюзную политику по развитию пищевой промышленности.

Как колонизационное предприятие «Желрыба» выполнила своё предназначение и при этом все её начинания продолжали функционировать и работать на нужды советского государства.

Примечания

¹ Производственные силы района Мурманской железной дороги. 1923 г. Петрозаводск, 1923. С. 172; Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2289. Л. 1–29.

² Производственные силы района Мурманской железной дороги. 1923 г. Петрозаводск, 1923. С. 172.

³ А. Х. Промыслово-колонизационная работа «Желрыбы» за 1923–1926 гг. // Карело-Мурманский край. 1927. № 5–6. С. 21.

⁴ Работа Мурманской железной дороги за 1922–23 год. Обзор деятельности Правления и Управления по отчетным данным. Т. 1. Ленинград, 1924. С. 227.

⁵ Сборник положений и инструкций Правления рыбо-звериных промыслов Мурманской ж. д. «Желрыба». Ленинград, 1926. С. 40.

⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА-ИПД СПб). Ф. 9. Оп. 1. Д. 1168. Л. 46 об.

⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1168. Л. 47.

⁸ Очерк работы Мурманской железной дороги в 1926–1927 г. Ленинград, 1928. С. 152.

⁹ Консервный завод Желрыбы в Ленинграде // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 10. С. 15.

¹⁰ Жилинский А. Консервный завод в Кандалакше // Карело-Мурманский край. 1927. № 9. С. 10.

¹¹ Чиркин Г.Ф. Транспортно-промышленно-колонизационный комбинат Мурманской железной дороги. Его возникновение, развитие и метод работ. Москва; Ленинград, 1928. С. 62.

¹² Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 22. Л. 45 об.

¹³ А. Х. Консервный завод Желрыбы в Кандалакше // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 29. С. 15.

¹⁴ А. Х. Консервный завод Желрыбы в Кандалакше // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 29. С. 16.

¹⁵ ГАМО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 22. Л. 45 об. – 46.

¹⁶ Очерк работы Мурманской железной дороги в 1926–1927 гг. Ленинград, 1928. С. 152.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 374. Оп. 10. Д. 1281. Л. 1.

¹⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2279. Оп. 3. Д. 178. Л. 1.

¹⁹ ГАМО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 34. Л. 90 об.

²⁰ ГАМО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 34. Л. 91.

²¹ Чиркин Г.Ф. Транспортно-промышленно-колонизационный комбинат Мурманской железной дороги. Его возникновение, развитие и метод работ. Москва, Ленинград, 1928. С. 63.

²² Национальный архив республики Карелия (НАРК). Ф. Р-2448. Оп. 1. Д. 2/16. Л. 266.

²³ НАРК. Ф. Р-2448. Оп. 1. Д. 2/16. Л. 266 об.

²⁴ НАРК. Ф. Р-2448. Оп. 1. Д. 2/23. Л. 31.

²⁵ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 115. Л. 55.

²⁶ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 115. Л. 56.

²⁷ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 115. Л. 61 – 61 об.

²⁸ ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 115. Л. 65.

²⁹ Арнольд И. За «демократизацию» консервов! // Карело-Мурманский край. 1927. № 2. С. 30.

³⁰ ГАМО. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 39. Л. 151–152.

³¹ ГАМО. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 39. Л. 154.

³² ГАМО. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 39. Л. 167.

³³ ГАМО. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 39. Л. 161.

³⁴ Здесь и далее – МБС.

³⁵ ГАМО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 26. Л. 3–14.

³⁶ ГАМО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 26. Л. 3–4.

³⁷ ГАМО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 26. Л. 6.

³⁸ ГАМО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 26. Л. 7.

³⁹ ГАМО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 26. Л. 9.

⁴⁰ ГАМО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 26. Л. 10.

⁴¹ ГАМО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 26. Л. 10–11.

⁴² ГАМО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 26. Л. 13.

⁴³ Карело-Мурманский край // 1929. № 4–5. С. 22.

Список литературы

Береснев Н.П. Княжая Губа. Мурманск: Кн. изд-во, 1987. 120 с. (Города и районы Мурманской области).

Владимиров А. Акционерное общество «Желрыбы» // Рыбный Мурман. 1991. 4 окт.

История порта и города. Морской порт Канда-лакша, 1915 (к 100-летию Кандалакшского морского торгового порта) / В.В. Аварницына и др.; вступ. ст. Ю.С. Кочеринского. Кандалакша: б. и., 2015. 210 с.

Кузьмин Г.Г., Разин Е.Ф. Кандалакша. Мурманск: Кн. изд-во, 1968. 205 с. (Города и районы Мурманской области).

Флагман рыбообработки / Всесоюз. рыбопром. объединение Северного бассейна «Севрыба». Мурманск: Кн. изд-во, 1981. 80 с.

References

Beresnev N.P. *Knjazhaja Guba* [Prince's Lip]. Murmansk, Kn. Publ., 1987, 120 p. (*Goroda i rajony Murmanskoy oblasti* [Cities and districts of the Murmansk region]). (In Russ.)

Istorija porta i goroda. Morskoj port Kandalaksha, 1915 (k 100-letiju Kandalakshskogo morskogo torgovo-

go porta) [History of the port and city. Seaport of Kandalaksha, 1915 (to the 100th anniversary of the Kandalaksha sea trade port)], ed. by V.V. Avarnicyna & al., introductory article Ju.S. Kocherinskogo. Kandalaksha, 2015, 210 p. (In Russ.)

Flagman ryboobrabotki [The flagship of fish processing]. Murmansk, Kn. Publ., 1981, 80 p. (In Russ.)

Kuz'min G.G., Razin E.F. *Kandalaksha* [Kandalaksha]. Murmansk, Kn. Publ., 1968, 205 p. (*Goroda i rajony Murmanskoy oblasti*) [Cities and districts of the Murmansk region]. (In Russ.)

Vladimirov A. *Akcionernoe obshhestvo «Zhelryby»* [Joint Stock Company “Zhelryby”]. *Rybnyj Murman* [Fish Murmansk], 1991, 4 okt. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.02.2024; одобрена после рецензирования 11.05.2024; принята к публикации 22.05.2024.

The article was submitted 26.02.2024; approved after reviewing 11.05.2024; accepted for publication 22.05.2024.

О РЕАЛИЗАЦИИ НАРОДНЫМ КОМИССАРИАТОМ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР ПОСТАНОВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ ВО ВТОРОМ ПОЛУГОДИИ 1941 ГОДА

Белгородский Валерий Савельевич, доктор социологических наук, профессор, ректор Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия, info@rguk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7798-6742>

Дембицкий Сергей Геннадьевич, доктор экономических наук, профессор, первый проректор – проректор по образовательной деятельности Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии, Дизайн, Искусство), Москва, Россия, dembickij-sg@rguk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8845-5875>

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Аннотация. В данной статье исследуется процесс реализации Народным комиссариатом легкой промышленности СССР постановлений Государственного комитета обороны о производстве для действующей армии вещевого имущества и снаряжения. При этом охватывается сложнейший для советского государства период – второе полугодие 1941 года. Постановления исследуются в хронологическом порядке, по мере их принятия, что позволяет постигнуть поступательность формирования опыта государственного управления экономикой различных отраслей, и прежде всего легкой промышленности. Более того, они позволяют получить представление о потребностях Красной армии в этот период, государственных мерах, направленных не только на восполнение утраченных в первые месяцы сражений военного имущества, но и наращивании производства по выпуску обмундирования, и в первую очередь зимнего. В статье отражены проблемы, возникавшие при выполнении постановлений ГКО, их преодолении, а также первых действиях, направленных на объединение усилий наркоматов по решению первоочередных задач. В ней также на примере Украинской ССР приводятся сведения об утрате легкой промышленностью страны в результате оккупации значительного хозяйственного потенциала, который предстояло заместить предприятиям Центральной России и восточных регионов страны. В статье представлены итоги работы Наркомата легкой промышленности СССР за второе полугодие 1941 года. Статья адресована специалистам в области истории легкой промышленности, аспирантам, магистрантам и студентам высших учебных заведений.

Ключевые слова: Народный комиссариат легкой промышленности СССР, Государственный комитет обороны, Совет народных комиссаров СССР, государственное управление, постановления, приказы, разбронирование рабочей силы, вещевое имущество, итоги работы.

Для цитирования: Белгородский В.С., Дембицкий С.Г., Околотин В.С. О реализации Народным комиссариатом легкой промышленности СССР постановлений Государственного комитета обороны во втором полугодии 1941 года // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2, С. 30–39. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-30-39>

ON THE IMPLEMENTATION BY THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF LIGHT INDUSTRY OF THE USSR OF THE RESOLUTIONS OF THE STATE DEFENCE COMMITTEE IN THE 2ND HALF OF 1941

Valery S. Belgorodsky, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Rector of Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Moscow, Russia, info@rguk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7798-6742>

Sergey G. Dembitsky, Doctor of Economics, Professor, First Vice-rector – prorector of Educational Activities of Kosygin Russian State University (Technology, Design. Art), Moscow, Russia, dembitskij-sg@rguk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8845-5875>

Vladimir S. Okolotin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian History, Institute for the Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Abstract. This article examines the process of implementation by the People's Commissariat of Light Industry of the USSR of the resolutions of the State Defence Committee on the production of clothing and equipment for the acting army. At the same time, the most difficult period for the Soviet state is covered – the 2nd half of 1941. The resolutions are examined in chronological order, as they were adopted, which allows us comprehending the progressive formation of the experience of state management of the economy of various industries and, above all, light industry. Moreover, they allow us getting an idea of the needs of the Red Army during that period, state measures aimed not only at replenishing military equipment lost in the first months of the battles, but also increasing production of uniforms, primarily winter ones. The article reflects the problems that arose during the implementation of the Committee's resolutions, their overcoming, as well as the first actions to unite the efforts of the People's Commissariats to solve priority tasks. It also provides information on the example of the Ukraine SSR about the loss of the entire light industry as a result of the occupation of virtually all the economic potential, which was to be replaced by enterprises in Central Russia and the eastern regions of the Soviet Union. The article presents the results of the work of the People's Commissariat of Light Industry of the USSR for the 2nd half of 1941. The article is addressed to specialists in the field of the history of light industry, graduate students, undergraduates and students of higher educational institutions.

Keywords: People's Commissariat of Light Industry of USSR, State Defence Committee, Council of People's Commissars of USSR, public administration, resolutions, orders, labour force dismantling, personal belongings, work results.

For citation: Belgorodsky V.S., Dembitsky S.G., Okolotin V.S. On the implementation by the People's Commissariat of Light industry of the USSR of the resolutions of the State Defence Committee in the 2nd half of 1941. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 30–39. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-30-39>

Постановка проблемы и историография. С момента образования Государственного комитета обороны (ГКО) 30 июня 1941 г. его постановления были адресованы различным наркоматам, в том числе и Народному комиссариату легкой промышленности (НКЛП) СССР. Его предприятиям предстояло не только восстановить утраченное в прифронтовых районах вещевое имущество, но и, несмотря на эвакуацию многих предприятий, нарастить его производство. Постановку этих задач осуществляли ГКО и Совет народных комиссаров (далее СНК) СССР, решения которых дублировались приказами НКЛП СССР. В настоящее время эти документы доступны для исследования и содержат важный пласт исторической информации по теме государственного управления, в том числе в легкой промышленности, и прежде всего – в сложнейший для страны период второго полугодия 1941 года. Данная тема еще не нашла должного отражения как в российской, так и в региональной историографии. К числу современных работ по данной теме следует отнести научное издание А.К. Сорокина [Сорокин 2022], коллектив-

ную монографию В.С. Белгородского, С.Г. Дембицкого, В.С. Околотина и А.Ю. Гаврилова [Белгородский, Дембицкий, Околотин, Гаврилов 2023], а также труд одного из авторов данной статьи, имеющий региональный характер [Околотин 2017]. Однако в указанных исследованиях тема данной статьи практически не представлена. На преодоление этого пробела в исторических знаниях и направлено данное исследование.

Итак, ГКО был наделен чрезвычайными полномочиями по управлению народным хозяйством страны и ее ресурсами на время Великой Отечественной войны. Масштабность стоящих перед ним задач требовала принятия оперативных решений, в том числе и по обеспечению вещевым довольствием военнообязанных, мобилизованных по Указу Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 года. Уже с первых месяцев войны потребность в нем оказалась значительной. Это было связано с целым рядом причин. Во-первых, необходимостью объемной мобилизации военнообязанных и, во-вторых, утратой вещевого имущества, находившегося на складах в приграничных районах

страны. Они из-за быстрого продвижения соединенный германского вермахта были уничтожены или оказались на территории, оккупированной врагом.

Получить представление о размерах потребностей в обмундировании и вещевом имуществе для Красной армии, возникших в этот период, помогают постановления ГКО, принятые им во втором полугодии 1941 года.

Потребности Красной армии в обмундировании. К числу таких решений ГКО следует отнести его постановление № 9 сс от 3 июля 1941 г., получившее название «Об изъятии обмундирования из неприкосновенного запаса Дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа». Данным постановлением Наркомату обороны (НКО) СССР разрешалось изъять у них в общей сложности 500 тыс. комплектов нательного и теплого белья, портянок, теплых и зимних перчаток в количестве 1 300 тыс. пар (табл. 1). Сосредоточение данного имущества предписывалось произвести на складах в Омске, Челябинске, Свердловске и Чкалове.

На следующий день, 4 июля 1941 г., ГКО принял решение № 21сс, которым поручалось Н.А. Вознесенскому, М.З. Сабурову, В.А. Малышеву, М.Г. Первухину с привлечением наркомов вооружения, боеприпасов, авиационной промышленности, цветной металлургии и других наркоматов выработать военно-хозяйственный план обеспечения обороны страны. При этом имелось в виду использование ресурсов и предприятий, расположенных по Волге, в Западной Сибири и на Урале, а также возможностей фабрик и заводов, вывозимых в указанные районы в порядке эвакуации. При выработке плана предусматривал-

ся учет как основных предприятий, так и их смежников с тем, чтобы можно было производить вполне комплектную продукцию. Первый доклад Н.А. Вознесенского, согласно данному решению, предполагалось заслушать 7 июля 1941 года².

Однако события развивались стремительно. Уже 6 июля 1941 г. ГКО принял постановление № 39сс «О вооружении резервных армий и вновь создаваемых 15 дивизий пограничников». В разделе «О формировании новых войсковых частей» оно предусматривало следующее: «обязать НКО мобилизовать в прифронтовых районах Каменец-Подольской, Житомирской, Одесской, Винницкой, Киевской, Черниговской, Гомельской, Могилевской, Витебской, Смоленской, Калининской и Ленинградской областей весь призывной контингент до 50-летнего возраста, а также мобилизовать лошадей для формирования 56 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий» Кроме того, планировалось сформировать 6 дивизий в САВО (Средне-Азиатский военный округ) и УРВО (Уральский военный округ)³. К сожалению, в постановлении ничего не говорилось о том, как должно было осуществляться обеспечение их вещевым довольствием и шорно-седельным имуществом. Можно полагать, что это могло происходить за счет запасов, созданных перед войной, и в определенной степени через производство новой продукции в указанных регионах.

Действующей армии требовалось не только обмундирование, но и авиационные средства для борьбы с танками и бронетехникой противника. С этой целью 7 июля 1941 г. ГКО под воздействием военной обстановки издал постановление «О противотан-

Таблица 1

Перечень предметов военного обмундирования, подлежащих изъятию (в тыс.)¹

п/п	Наименование	ДВФ	ЗабВо	Всего
1	Пилотки	350	150	500
2	Шинели	350	150	500
3	Гимнастерки х/б	350	150	500
4	Шаровары х/б	350	150	500
5	Рубахи нательные	1 000	300	1 300
6	Кальсоны	1 000	300	1 300
7	Ремни поясные	350	150	500
8	Мешки вещевые	350	150	500
9	Плащи-палатки	350	150	500
10	Шапки-ушанки	350	150	500
11	Рубахи теплые	1 000	300	1 300
12	Кальсоны	1 000	300	1 300
13	Телогрейки ватные, полушубки и меховые жилеты	350	150	500
14	Шаровары ватные	350	150	500
15	Портянки теплые	1 000	300	1 300
16	Перчатки зимние	1 000	300	1 300

ковых зажигательных гранатах (бутылках)», которое подписал И.В. Сталин. В разделе «О зажигательных мешках для авиации» решение части задач возлагалось на Наркоматы текстильной и легкой промышленности. В частности: «Обязать ГУ ВВС Красной Армии (т. Жигарева) организовать с 15 июля снаряжение и применение авиацией зажигательных мешков с вязкой огнесмесью для поражения танков, мотомехчастей, транспортов, живой силы противника и создания массовых пожаров, для чего обязать: Наркомтекстиль СССР (И.Н. Акимов) поставлять Наркомлегпрому СССР ткань кембрик (тонкая хлопчатобумажная ткань. – О. В.) в количестве 3 000 метров в сутки с 10 июля с. г.; Наркомлегпром (С.Г. Лукин) организовать с 12 июля с. г. пошивку мешков из ткани кембрик в количестве 1 500 штук в сутки с поставкой ГУ ВВС Красной Армии»⁴.

9 июля 1941 г. ГКО принял постановление № 66сс «О дополнительном изготовлении и поставке вещевого имущества для Красной Армии в 3 квартале 1941 года», которое подписал В.М. Молотов. По сути, оно стало первым постановлением ГКО, определявшим задачи для наркоматов текстильной и легкой промышленности. В частности, оно обязало Наркомлегпром и Наркомтекстиль СССР, Наркоместпром РСФСР, Всекопинсоюз, Совнаркомы РСФСР, УССР, АзССР, УзССР, КазССР и промкооперацию изготовить и поставить Красной армии в указанный срок дополнительный объем вещевого имущества. В том числе: 1 млн штук шапок-ушанок, 1 млн шинелей, 2 млн пар хлопчатобумажных гимнастеров и шаровар, 1 млн телогреек, 2 млн ватных хлопчатобумажных шаровар, по 0,5 млн пар армейских сапог и полусапог, 1 млн пар валенок и другое вещевое имущество.

В этой связи Наркомтекстилю СССР предстояло поставить швейным и обувным предприятиям страны ткани, шерсть, шерстяную пряжу, нитки и пенькоджутовые изделия в объемах, необходимых для выполнения поставленной задачи. В свою очередь, Совнаркомы РСФСР, УССР, АзССР, УзССР, КазССР обязывались обеспечить выполнение поставок Наркомлегпромам СССР и РСФСР, а также Всекопинсоюзу швейной и шорно-седельной фурнитуры для изготовления вещевого имущества. Члены ГКО также разрешили наркоматам текстильной и легкой промышленности СССР по согласованию с НКО СССР «установить необходимые допуски на ткани, обувь и шорно-седельные изделия», поставляемые в действующую армию. Для ускорения выполнения военных заказов ГКО разрешил Наркомлегпрому СССР, Промкооперации, Всекопинсоюзу и местной промышленности выдавать на дом пошив военных изделий.

Тем же постановлением ГКО обязал Управление государственных резервов разбронировать из государственных запасов и передать Наркомлегпрому

СССР 900 тонн чепрака подошвенного винтового, 450 тонн полуваля стелечного винтового, 15 млн кв. дециметров юфти яловой и фурнитуры разной на 2 млн рублей. Он также разрешил Наркомлегпрому СССР при креплении низа армейской обуви применять железную проволоку вместо латунной. Наркомхимпрому СССР было поручено в 3-дневный срок рассмотреть заявку НКТП и НКЛП СССР на красители и химикаты для изготовления специальных текстильных тканей и пошива из них изделий, необходимых для Красной армии⁵.

Масштабность боевых действий, их жесточенность и оккупация врагом значительной части советской территории очень быстро привели к пониманию того, что война станет продолжительной и выйдет за пределы летне-осеннего периода 1941 года. В своих мемуарах заместитель председателя СНК СССР А.И. Микоян так вспоминал о его возникновении: «С генералом Хрулевым мы в день раза по два созванивались по телефону. Это позволяло лучше знать обстановку и при необходимости тут же оказывать ему необходимую помощь.

Анализируя как-то наличие запасов обмундирования, размещение заказов на новое изготовление, я убедился, что летнее обмундирование мы производили без больших трудностей. А вот что будет осенью и зимой, этот вопрос я поставил перед Хрулевым и его аппаратом, сказал, что не надо успокаиваться на наличии имеющегося, поскольку будут трудности с зимним обмундированием: валенками, шапками, телогрейками, шинелями. Я попросил Хрулева подготовить соответствующие материалы и соображения по этому вопросу. В результате проделанной работы была определена примерная потребность в зимнем обмундировании с учетом новой мобилизации в армию (к зиме численность вооруженных сил может увеличиться). Подсчитали при этом, сколько нужно для обеспечения войск валенок, шинелей, телогреек, шапок-ушанок, перчаток, варежек и минимальное количество тулупов, поскольку до войны их у нас не было. К решению этих вопросов были подключены нарком легкой промышленности С.Г. Лукин и нарком текстильной промышленности И.Н. Акимов. Это были деловые люди, надежные работники, на которых можно было положиться»⁵.

В результате уже 18 июля 1941 г. ГКО принял постановление «О мероприятиях по обеспечению Красной Армии теплыми вещами на зимний период 1941–1942 г.», подписанное И.В. Сталиным. Данным постановлением НКО СССР был утвержден план по сосредоточению теплого обмундирования на центральных и окружных складах Наркомата обороны с исполнением к 1 сентября 1941 года (табл. 2).

Планы снабжения теплыми вещами отдельно для каждого фронта и округа, говорилось в постанов-

Таблица 2

**Сведения о размерах накопления теплого обмундирования
на вещевых складах Наркомата обороны (в тыс.)⁶**

п/п	Наименование	Единица измерения	Количество
1	Телогрейки ватные	в штуках	6 116,1
2	Шаровар ватных	в штуках	6 226,7
3	Полушубки	в штуках	1 693,8
4	Валенки	в парах	5 013,8
5	Рубахи теплые	в штуках	9 450,5
6	Кальсоны теплые	в штуках	9 450,5
7	Шапки-ушанки	в штуках	9 047,6
8	Подшлемники	в штуках	6 000
9	Перчатки зимние	в парах	10 261,8
10	Рукавицы меховые	в парах	1 591,4
11	Портянки теплые	в парах	20 521,2
12	Жилеты меховые	в штуках	110,5
13	Свитера полушерстяные	в штуках	110,5

Таблица 3

**Сведения об объемах перемещения теплого обмундирования
на новые вещевые склады Наркомата обороны (в тыс.)⁷**

п/п	Наименование	Единица измерения	Количество
1	Телогрейки ватные	в штуках	2 032,2
2	Шаровары ватные	в штуках	2 336,4
3	Полушубки	в штуках	215,1
4	Валенки	в парах	874,7
5	Рубахи теплые	в штуках	4 100,4
6	Кальсоны теплые	в штуках	3 667,1
7	Шапки-ушанки	в штуках	4 139,4
8	Подшлемники	в штуках	1 905,7
9	Перчатки зимние	в парах	3 675,3
10	Рукавицы меховые	в парах	302,4
11	Портянки теплые	в парах	5 469,5
12	Жилеты меховые	в штуках	132,6
13	Свитера полушерстяные	в штуках	54,6

лении, надлежало рассмотреть и утвердить А.И. Микояну совместно с начальником Генерального штаба Красной армии Г.К. Жуковым.

Одновременно на НКО была возложена задача к 1 августа 1941 г. переместить теплые вещи, находившиеся в Ленинградском, Киевском, Одесском, Харьковском, Орловском и Московском военных округах в новые пункты хранения (табл. 3).

Наркомату путей сообщения (НКПС) СССР было предписано вне всякой очереди предоставить необходимое количество вагонов для перевозки теплого обмундирования к новым местам назначения.

В приложении к постановлению было указано местонахождение центральных и окружных вещевых складов НКО СССР и количество подлежащего в них размещения теплого обмундирования. При этом важно отметить, что большая часть вещевых складов на-

ходилась на востоке страны вне зоны досягаемости авиации противника (табл. 4).

В тот же день, 18 июля 1941 г., ГКО принял еще одно постановление – № 199сс «О производстве огнестойких тканей», которое ставило перед Наркоматами текстильной и легкой промышленности СССР новые задачи. Данное постановление подписал А.И. Микоян. Оно обязало Наркомтекстильпром поставить Наркомлегпрому в 3-м квартале 1941 г. не менее 3 млн метров одежных хлопчатобумажных тканей, обработанных огнестойкой пропиткой в ассортименте, установленном ГУ ВВС, НКВМФ, АБТУ и ГАУ Красной армии. Производство пропитки тканей было возложено на фабрику им. Свердлова (директор Кузьмин) и 1-ю ситценабивную (директор Макаров) с таким расчетом, чтобы уже в июле сдать 200 тыс. метров и остальное – равномерными партиями по декадам.

Таблица 4

Сведения о местонахождении центральных и окружных вещевых складов НКО и количестве размещения теплого обмундирования⁸

п/п	Наименование пунктов	Количество комплектов (в тыс. шт.)	Количество необходи- мой складской площади в тыс. кв. м
1	Чкалов	700,0	1 400
2	Челябинск	650,0	1 300
3	Свердловск	450,0	900
4	Омск	500,0	1 800
5	Казань	150,0	300
6	Молотов	400,0	800
7	Вологда	140,0	280
8	Арзамас	200,0	400
9	Саратов	420,0	840
10	Уфа	420,0	840
11	Ульяновск	300,0	600
12	Сталинград	450,0	900
13	Киров	300,0	600
14	Балашов	100,0	200
15	Куйбышев	460,0	920
16	Тбилиси	350,0	700
17	Ташкент	170,0	340
18	Хабаровск	900,0	1800
19	Иркутск	300,0	600
20	ИТОГО	7 760,0	1 5520

Главного интенданта Красной армии А.В. Хрулева постановление обязало в 2-дневный срок по согласованию с указанными наркоматами представить на рассмотрение и утверждение ГКО требующееся количество обмундирования и в соответствии с этим определить план его пошива из специальных огнестойких тканей. Руководителям наркоматов черной металлургии, электрической, химической и резиновой промышленности – И.Ф. Тевосяну, В.В. Богатыреву, М.Ф. Денисову и Т.Б. Митрохину соответственно – предстояло поставить Наркомлегпрому необходимые материалы, допоборудование и эксплуатационные установки в установленном количестве и в отведенные постановлением сроки. Его последний пункт обязывал С.Г. Лукина произвести пошив спецобмундирования из огнестойких тканей в счет плана пошива обмундирования для НКО и НКВМФ⁹.

В августе 1941 г. потребности в обмундировании и вещевом имуществе продолжали нарастать. Так, согласно постановлению № 459сс от 11 августа 1941 г., подписанному И.В. Сталиным, в военных округах страны предстояло сформировать 85 стрелковых и 25 кавалерийских дивизий. При этом штат стрелковых дивизий был определен в количестве 11 447 человек¹⁰. Изменился порядок их комплектования, вооружения, обмундирования и обеспечения другим вещевым довольствием. Отныне значитель-

ную нагрузку в этой работе стали нести регионы, на территории которых происходило формирование стрелковых и кавалерийских дивизий. Так, на территории Московского военного округа (МВО) надлежало создать 6 стрелковых дивизий¹¹. Для укомплектования личного состава новых формирований ГКО разрешил НКО СССР разбронировать из народного хозяйства 50 тыс. человек начальствующего состава (из них 35 тыс. человек – для формирования названных дивизий). С той же целью НКО получил разрешение «производить по мере потребности призыв граждан 1904–1895 гг. рождения и призыв новобранцев 1922–1923 гг. рождения»¹². Постановлением были указаны следующие места дислокации дивизий в МВО: 322-я стрелковая дивизия в Горьком (ныне Нижний Новгород), 324-я – в Чебоксарах, 326-я – в Саранске, 328-я – в Костроме, 330-я – в Арзамасе и 332-я – в Иванове¹³. Формирование 332-й стрелковой дивизии с дислокацией в Иванове надлежало завершить к 15 октября 1941 года.

Утрата хозяйственных ресурсов. Если на регионы РСФСР возлагалась задача обеспечения всем необходимым имуществом воинских соединений, формировавшихся на их территориях, то предприятиям Украинской ССР пришлось в первоочередном порядке обеспечивать сверхплановой продукцией целые фронты. Речь идет о постановлении ГКО

№ 640 сс от 8 сентября 1941 г. «О сверхплановом выпуске предметов вооружения, боеприпасов и интендантского имущества на Украине», подписанном И.В. Сталиным. Оно предусматривало следующие действия: «Выделить в распоряжение Совнаркома УССР материалы и полуфабрикаты для сверхпланового изготовления предметов вооружения, боеприпасов и интендантского имущества; Установить, что вся оборонная продукция, сданная предприятиям Украины по заказам Совнаркома УССР и ЦК ВПП (б) Украины сверх утвержденного им месячного государственного плана, распределяется Совнаркомом УССР и ЦК ВКП (б) Украины для Южного и Юго-Западного фронтов»¹⁴.

Принятию данного постановления предшествовала информационная записка секретаря ЦК ВКП (б) У Н.С. Хрущева от 31 августа 1941 г. с аналогичным постановлению ГКО названием. В ней сообщалось, что по состоянию на 26 августа 1941 г. на предприятиях республики изготовлены различные виды сверхплановой оборонной продукции, в том числе 89,8 тыс. рубах, сумки, вещевые мешки и т. д. По заявлению Н.С. Хрущева, в сентябре 1941 г. производство обо-

ронной продукции и интендантского имущества будет увеличено¹⁵. В приложении к данному письму содержались сведения о сверхплановом производстве интендантского имущества, произведенного на предприятиях Украины на указанную выше дату.

Однако выполнить это постановление не удалось. Уже 10 сентября 1941 г. ГКО принял постановление № 652 сс «О расформировании Западного, Киевского и Одесского военных округов». Согласно его содержанию, указанные округа «как оставшиеся без большей части территории и ресурсов для мобилизации и комплектования» воинских соединений были расформированы¹⁷. Таким образом, содержание данных постановлений позволяет представить потенциальный объем утраченной продукции, который мог бы быть произведен предприятиями легкой промышленности для вещевого снабжения Красной армии. Задача по его восполнению легла на фабрики и заводы, расположенные в Центральной России и в глубоком тылу.

Освобождение от отсрочек. 15 сентября 1941 г. ГКО принял постановление № 675с «О призыве военнообязанных, пользующихся отсрочками по мобили-

Таблица 5

Сведения о производстве сверхпланового интендантского имущества на предприятиях УССР по состоянию на 26 августа 1941 года¹⁶

п/п	Наименование продукции	Единица измерения	Общее количество
1	Рубахи	В штуках	89 800
2	Кальсоны	–	33 500
3	Обмотки	–	154 000
4	Пилотки	–	2 500
5	Простыни	–	2 600
6	Трусы	–	9 600
7	Комбинезоны	–	1 700
8	Наволочки тюфячные	–	3 000
9	Ботинки яловые	В парах	5 000
10	Ремни поясные	В штуках	67 400
11	Ремни оружейные	–	46 800
12	Тренчики	–	46 800
13	Сумки патронные	–	30 000
14	Сумки продуктовые компл.	–	62 500
15	Сумки вещевые	–	61 200
16	Чехлы для фляг	–	33 300
17	Чехлы для малых лопат	–	67 700
18	Торбы конские	–	1 000
19	Недоуздки и уздечки	–	2 000
20	Конские попоны	–	2 000
21	Стекла для фонарей «Летучая мышь»	–	20 000
22	Сумки санитарные	–	650
23	Сапоги яловые	В парах	500
24	Портянки	В штуках	50 000

зации, и граждан 1922 года рождения»¹⁸. Основанием для его принятия вновь послужил доклад Е.А. Щаденко председателю ГКО И.В. Сталину от 13 сентября 1941 г. «О покрытии потребности в рядовом и младшем начальствующем составе для формирования частей и маршевых пополнений за период август – декабрь 1941 года»¹⁹. В своем докладе заместитель Наркома обороны говорил о крайней необходимости призвать в армию 600 тыс. человек военнообязанных, имевших отсрочки от призыва из числа обученного состава в возрасте до 37 лет. Это мероприятие, утверждал Е.А. Щаденко, позволит «укомплектовать первоочередные формирования молодым, обученным, политически устойчивым и физически крепким составом». Также, по его словам, данный призыв «не отразится на работе соответствующих Наркоматов, т. к. берется лишь от 1 до 7 % от общего числа рабочих»²⁰.

Рассмотрев обращение Е.А. Щаденко, ГКО 15 сентября 1941 г. принял секретное постановление, которым разрешил Народному комиссариату обороны:

«Призвать в ряды Красной Армии 600 тыс. человек пользующихся отсрочками по мобилизации военнообязанных рядового и младшего начальствующего состава запаса первой категории не старше 37 лет по Наркоматам согласно прилагаемого расчета». При этом призыв не распространялся на «военнообязанных рядового и младшего начальствующего состава запаса, занимавших должности: руководителей предприятий и учреждений, инженерно-технических работников производства, мастеров, квалифицированных рабочих с шестого разряда и выше»²¹.

В приложении к постановлению в расчете «на всю территорию Союза» среди других были указаны Наркоматы текстильной и легкой промышленности. К общему числу рабочих и служащих, занятых в указанных отраслях, процент подлежащих призыву составил по 1 % для текстильной (10 200 человек) и легкой (7 600 человек) отраслей промышленности²².

О росте потребности Красной армии в вещевом имуществе. О том, какое количество военнотружущих Красной армии предстояло обеспечить в этот

Таблица 6

Сведения о выпуске военной продукции предприятиями легкой промышленности в 1941 году

Наименование изделий	Количество в тыс. штук	Процент выполнения плана
Шинели суконные	8 059,2	90,2
Гимнастерки	17 175,6	77,5
Шаровары	16 629,0	79,3
Рубахи натуральные	15 360,3	100,7
Кальсоны натуральные	15 819,4	102,5
Рубахи бумазейные	1 765,4	84,6
Кальсоны бумазейные	1 573,8	77,3
Куртки и телогрейки ватные	4 253,4	91,2
Шаровары ватные	3 200,8	88,9
Плащ-палатки	3 994,8	63,06
Шапки-ушанки	6 265,4	86,3
Пилотки	5 541,9	100,7
Шлемофоны зимние и летние	59,24	67,1
Подшлемники	2 667,0	42,3
Палатка УСБ-41	2 044,0	40,9
Палатка УСТ-41	2 667,0	42,3
Обувь армейская кожаная	19 122,7	89,5
Валенки	3 856,7	114,7
Полушубки	806,2	106,9
Тулупы и шубы	42,6	106,6
Жилеты овчинные	575,7	99,1
Седла кавалерийские	57,6	113,9
Сумки патронные унифицированные	9 431,7	95,0
Ремни поясные	7 357,2	122,3
Ремни ружейные	5 044,8	96,1
Фляги стеклянные	15 777,0	100,0
Рубахи трикотажные	4 100,7	96,8
Кальсоны трикотажные	4 015,7	88,7

период вещевым имуществом, можно судить по количеству продовольственных пайков, утвержденных постановлениями ГКО осенью 1941 года. Так, в постановлении ГКО № 660сс от 11 сентября «Об установлении численности Красной Армии на сентябрь и 4-й квартал 1941 г. и об отпуске продовольственных пайков для Народного комиссариата обороны» была названа цифра 7 400 тыс. человек²³.

В постановлении ГКО № 806сс от 15 октября 1941 г. «Об установлении численности войск Красной Армии и об отпуске продовольственных пайков для НКО в октябре 1941 г.» это число возросло до 8 029 тыс. человек и сверх того на 450 тыс. раненых, размещенных в госпиталях Наркомздрава²⁴. В результате с начала войны общая численность Красной армии с 5 774 тыс. человек возросла до 8,5 млн военнослужащих. Их было необходимо в короткие сроки обеспечить обмундированием и вещевым имуществом.

Итоги выполнения заказов. Согласно архивным документам, всего за 1941 г. предприятиями легкой промышленности СССР по военным заказам наркоматов обороны, Военно-морского флота и внутренних дел был выпущен следующий объем продукции (табл. 6)²⁵.

Таким образом, уже в начале Великой Отечественной войны в силу различных обстоятельств остро возросла потребность Красной армии в вещевом имуществе и обмундировании. Первоначально она покрывалась за счет изъятия запасов, предназначенных для обеспечения войск на востоке страны. Однако в дальнейшем решение этой задачи было полностью возложено на предприятия наркоматов текстильной и легкой промышленности. Из-за утраты западных регионов страны, где в силу экономической специфики размещалась значительная часть указанных производств, эвакуации оборудования и трудовых коллективов на восток ее выполнение было возложено на предприятия Центра России.

Одновременно формировался механизм взаимоотношений фронта и тыла, понимание первоочередных потребностей действующей армии, в том числе и в теплом обмундировании, а также способов их обеспечения предприятиями текстильной и легкой отраслей промышленности. По сути, шел сложный процесс наработки опыта управления народным хозяйством страны в условиях перевода его деятельности на первоочередной выпуск военной продукции. В итоге к началу осенне-зимнего периода второго полугодия 1941 г., несмотря на значительный спад в работе текстильной и легкой промышленности, в том числе и Центра России, неимоверными усилиями все же удалось в основном обеспечить Красную армию вещевым имуществом и обмундированием по времени года и в требуемом количестве. В пери-

од наступления под Москвой в начале декабря 1941 г. и в дальнейшем это стало важным преимуществом Красной армии перед германским вермахтом.

Примечания

¹ Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 70–71.

² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 1. Л. 123.

³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 1. Л. 207.

⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 1. Л. 207.

⁵ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 185. Л. 85–86.

⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 6. Л. 26.

⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 6. Л. 27.

⁸ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 6. Л. 28.

⁹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 6. Л. 48–50.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 12. Л. 122–126.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 12. Л. 123.

¹² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 12. Л. 125.

¹³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 12. Л. 128.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 17. Л. 5.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 17. Л. 9–10.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 17. Л. 12–13.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 17. Л. 102.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 18. Л. 41–42.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 18. Л. 44–49.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 18. Л. 49.

²¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 18. Л. 41–42.

²² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 18. Л. 43.

²³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 17. Л. 146–148.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 23. Л. 30.

²⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7604. Оп. 12. Д. 133. Л. 194–197.

Список литературы

Белгородский В.С., Дембицкий С.Г., Околотин В.С., Гаврилов А.Ю. Деятельность Народного комиссариата текстильной промышленности СССР в 1939–1942 гг. (по материалам Московской и Ивановской областей). Москва: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2023. 400 с.

Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 1: 22 июня – 31 декабря 1941 года. 2 изд., испр. и доп. Иваново: А-Гриф, 2017. 344 с.

Сорокин А.К. В штабах Победы. Очерки истории государственного управления в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Москва: Политическая энциклопедия, 2022. 239 с.

References

Belgorodskij V.S., Dembiczkij S.G., Okolotin V.S., Gavrilov A.Yu. *Deyatel'nost' Narodnogo komissariata tekstil'noj promy'shennosti SSSR v 1939–1942 gg. (po materialam Moskovskoj i Ivanovskoj oblastej)* [The ac-

tivity of the People's Commissariat of the Textile Industry of the USSR in 1939-1942 (based on the materials of the Moscow and Ivanovo regions)]. Moscow, Kosygin Russian State University Publ., 2023, 400 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Ivanovskaya oblast` v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`. Kn. 1: 22 iyunya – 31 dekabrya 1941 goda* [Ivanovo region during the Great Patriotic War. Book 1: June 22 – December 31, 1941], 2nd ed. Ivanovo, A-Vulture Publ., 2017, 344 p. (In Russ.)

Sorokin A.K. *V shtabax Pobedy`. Ocherki istorii gosudarstvennogo upravleniya v SSSR v gody` Velikoj*

Otechestvennoj vojny` 1941–1945 gg. [In the Victory headquarters. Essays on the history of public administration in the USSR during the Great Patriotic War of 1941-1945]. Moscow, Political Encyclopedia Publ., 2022, 239 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.04.2024; одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 17.05.2024.

The article was submitted 02.04.2024; approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 17.05.2024.

**ВОИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИЗ КАЗАХСТАНА В СРАЖЕНИЯХ И БИТВАХ
ПЕРВОГО ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.)**

Аккузинов Асет Кайролдинович, кандидат политических наук, докторант кафедры истории войн и военного искусства, Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Москва, Россия, altinay_akku@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5015-6546>

Аннотация. Целью статьи является анализ формирования в 1941–1942 гг. стрелковых, кавалерийских дивизий, бригад, полков и батальонов на территории Казахской ССР и их роль в первом периоде Великой Отечественной войны. Актуальность исследования определялась необходимостью изучения истории воинских формирований из Казахской республики со дня издания приказов Ставки ВГК СССР, выполнения этих приказов руководством Казахской ССР, организации ими взаимодействия с командованием Сталинградского, Уральского, Южно-Уральского, Средне-Азиатского военных округов и боевого пути воинских формирований из Казахстана в первые годы Великой Отечественной войны. Изучением темы в разные годы занимались авторы советского периода и современного Казахстана и России. В работе использованы коллективные труды исследователей, посвященные истории Великой Отечественной войны, исторические документы Архива Президента Республики Казахстан, Российского государственного архива социально-политической истории и боевые документы воинских формирований из Казахской ССР, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации. Приводятся особенности проводимой работы по формированию частей, соединений, обнаруживаются тенденции комплектования воинских частей дивизии начальствующим, младшим командным и рядовым составом подразделений. Раскрывается боевой путь казахстанских дивизий, бригад в первые годы войны, устанавливаются отдельные страницы героизма бойцов и командиров на полях сражений. Делается вывод, что воинские формирования из Казахстана внесли весомый вклад в остановку немецко-фашистских войск на подступах к Москве, Ленинграду, в оборону Сталинграда для создания условий коренного перелома в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: СССР, Казахстан, Великая Отечественная война, стрелковая дивизия, кавалерийская дивизия, стрелковая бригада, Москва, Ленинград, Сталинград.

Для цитирования: Аккузинов А.К. Воинские формирования из Казахстана в сражениях и битвах первого периода Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 40–52. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-40-52>

Research Article

**MILITARY UNITS FROM KAZAKHSTAN AT THE FIRST STAGE
OF THE AXIS AGGRESSION AGAINST THE USSR
(22 June 1941 – 18 November 1942)**

Asset K. Akkuzinov, Candidate of Political Sciences, doctoral student, Department of History of War and Military Art of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russia, altinay_akku@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5015-6546>

Abstract. The purpose of the article is to analyse the formation of rifle and cavalry divisions, brigades, regiments and battalions in the territory of Soviet Kazakhstan in 1941-1942, as well as their role in the first period of the Axis aggression against the USSR. The topicality of the research was determined by the necessity to study the history of military formations from Kazakh Soviet Republic from the day of issuing orders of the Supreme Command of the USSR; the execution of those orders by the leadership of the Kazakh Soviet Socialist Republic; the organisation of interaction with the command of Stalingrad, Ural, South Ural, Central Asian military districts; as well as the combat path of military units from Kazakhstan in the first year and a half of the War. The study of the said theme was worked out by both Soviet-system authors and those working in the conditions of modern national states – Kazakhstan and Russia. Collective works of researchers dedicated to World

War II East Front events; Kazakhstani President's Archive historical documents; as well as those from the Russian State Archive of Social and Political History; and combat documents of military units from Soviet Kazakhstan stored in the Russian Federation's Defence Ministry Central Archive, are used in the work. The peculiarities of the work held for formation of military units and formations are given; the trends of staffing the division military units by senior, junior commanding personnel, and also by privates, are outlined. The combat path of Kazakhstani divisions and brigades in the first period of the War is traced; numerous pages of heroism of soldiers and commanders on the battlefields are outlined. The conclusion, that military formations from Kazakhstan significantly contributed to repelling Hitler's troops near Moscow and Leningrad; as well as to defence of Stalingrad; just the same as the fact that they created the conditions for a fundamental turning point in the War in favour of the USSR, is made.

Keywords: USSR, Kazakhstan, World War II (East Front), rifle division, cavalry division, rifle brigade, Moscow, Leningrad, Stalingrad.

For citation: Akkuzinov A.K. Military units from Kazakhstan at the first stage of the Axis aggression against the USSR (22 June 1941 – 18 November 1942). *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 40–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-40-52>

Одним из аспектов вклада Казахстана в победу СССР в Великой Отечественной войне являются результаты боевых действий воинских частей и соединений из Казахской ССР в годы войны. К изучению темы в разные годы обращались советские, российские и казахстанские авторы (см.: [Абдыкалыков, Панкратова: 670; Нусупбеков: 5–31; Козыбаев: 27–56; Балакаев, Алдажуманов: 113–124; Белан: 336; Покровский: 130; Едыгенов 1972: 208; Едыгенов 2015: 192; Тасбулатов, Аманжолов: 98; Джунисбаев: 256; Асиллов: 82; Асанова; Куропатков, Сухенко, Фролов, Иванов: 15 и другие исследователи. Целью статьи является анализ формирования в 1941–1942 гг. стрелковых, кавалерийских дивизий, бригад, полков и батальонов на территории Казахской ССР и их роль в первом периоде Великой Отечественной войны. Задача исследования – показать боеспособность воинских формирований из Казахской ССР, героизм их бойцов и командиров. Автором для решения научной задачи использован метод источниковедения. В работе раскрываются сложности и успехи казахстанских дивизий и бригад в годы Великой Отечественной войны.

В период 1941–1942 гг. на территории Казахстана было сформировано более 50 частей и соединений, в числе которых 23 стрелковые дивизии (в том числе переформированные из числа стрелковых бригад на фронтах войны), 3 национальные кавалерийские дивизии, 2 национальные стрелковые бригады, отдельные полки, батальоны и другие подразделения [Алдажуманов, Джунисбаев: 65]. Численность людских ресурсов Казахской ССР, задействованных в составе воинских формирований Красной армии и мобилизованных в трудовые армии, составило около 2 млн человек при общей численности населения республики в 6 156,1 тысяч¹.

Вероломное нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. стало результатом оккупации территорий Молдавской, Белорусской, Украинской ССР, республик Прибалтики – Литовской, Латвийской,

Эстонской ССР, значительной части РСФСР, отступления частей Красной армии на восток страны, пленения летом – осенью 1941 г. огромного количества ее бойцов и командиров. Тогда советскому правительству потребовались немалые усилия для формирования практически новой Красной армии, получившей свое начало изданием приказов Ставки Главного Командования и постановлений Государственного комитета обороны СССР (ГКО) о формировании частей и соединений Красной армии². Среде-Азиатскому (САВО) и Уральскому (УрВО) военным округам, в территориальную ответственность которых входила Казахская ССР, предписывалось создать стрелковые, кавалерийские дивизии, отдельные стрелковые бригады, в том числе национальные. Указанные военные округа также формировали маршевые подразделения (батальоны, роты) для восполнения текущих потерь частей Красной армии на фронте. В ноябре 1941 г. в связи с изменениями обстановки на фронте приказом НКО СССР территория Казахстана была разделена между четырьмя военными округами: Сталинградским, Уральским, Южно-Уральским (ЮжУрВО), Средне-Азиатским, осуществлявшими поставку людских ресурсов по нарядам Главупраформа СССР.

Казахстан во взаимодействии с военными округами предписанные общегосударственные задачи выполнил, поставив в строй своих лучших сыновей и дочерей, более 600 тысяч из которых остались на полях сражений и навечно покрыли себя неугасаемой славой защитников мировой цивилизации. В основу исследования хода вооруженной борьбы с гитлеровской Германией частей и соединений Красной армии, сформированных на территории Казахской ССР, положено деление Великой Отечественной войны на три периода, а каждого периода – на кампании. Настоящая статья включает разделы, каждый из которых посвящен исследованию боевого пути частей и соединений из Казахстана в основных битвах и сражениях Великой Отечественной войны.

Формирование в Казахстане воинских частей и соединений Красной армии в годы Великой Отечественной войны. До начала этих событий, уже в марте 1941 г., в г. Семипалатинске (ныне г. Семей) начала формироваться 238-я стрелковая дивизия (сд), которая полностью была готова в августе 1941 г. Основную часть личного состава дивизии составляли граждане Семипалатинской (ныне область Абай), Восточно-Казахстанской, Акмолинской и Алма-Атинской областей, где и дислоцировались воинские части дивизии. С 19 июля 1941 г. постановлением ГКО на территории Казахстана за счет народного хозяйства в городах Акмолинск (ныне г. Астана), Актюбинск (ныне г. Актобе), Петропавловск и Алма-Ата (ныне г. Алматы) начали формироваться 310-я, 312-я, 314-я и 316-я стрелковые дивизии со сроками готовности соединений: 310-я – к 1 августа; 312-я, 314-я и 316-я – к 4 августа³. Дивизии были многонационального состава: казахов 30–40 %, русских 30–45 %, украинцев 20–25 %, представителей других национальностей 5–10 %, в целом около 30 национальностей [Асиллов: 69]. Бойцы и командиры этих соединений имели должную военную подготовку, часть из них обрели боевой опыт в советско-финской войне, Халхин-Голе и у оз. Хасан. Все это значительно повысило боеспособность казахстанских дивизий первой волны мобилизации, которым была отведена исключительная роль в обороне Москвы и Ленинграда, а две из них преобразованы: 316-я – в 8-ю гвардейскую, 238-я – в 30-ю гвардейскую.

Большие потери Красной армии в оборонительных боях на фронте летне-осенних кампаний 1941 г. потребовали новых воинских формирований. В соответствии с постановлением ГКО № 459сс от 11 августа 1941 г. в стране формировались 110 дивизий (85 стрелковых и 25 кавалерийских), из них в САВО четыре стрелковые и шесть кавалерийских дивизий. Штатом военного времени в стрелковых дивизиях предписывалось иметь в составе 11 447 человек, лошадей 2 698 голов. Сроком готовности соединений было 1 сентября 1941 года⁴.

В августе 1941 г. в Акмолинске формировалась 387-я сд, в Алма-Ате – 391-я сд. В конце 1941 г. и начале 1942 г. в Казахской республике были сформированы 405-я, переформированная в дальнейшем в 120-ю сд II формирования⁵, 458-я, 459-я, 460-я и 462-я стрелковые дивизии. Вновь организуемые стрелковые дивизии дислоцировались в Алма-Ате, Семипалатинске, Акмолинске и Чимкенте⁶. Для комплектования новых формирований САВО в Казахстане было отобрано шесть тысяч призывников-комсомольцев из числа молодежи казахской национальности: по 1 тыс. из них были направлены в 458-ю сд (г. Семипалатинск), 460-ю сд (г. Алма-Ата), 461-ю сд (г. Ташкент Узбекской ССР), в 459-ю

сд (г. Акмолинск) – данной дивизии в январе 1942 г. был присвоен номер 29⁷, в 462-ю сд (г. Чимкент) – в последующем, 29.04.1942 г., переформированную в 102-ю сд II формирования, 463-ю сд (г. Самарканд Узбекской ССР)⁸.

В период с 20 октября по 1 декабря 1941 г. в г. Алма-Ате была сформирована 39-я отдельная стрелковая бригада (осбр). Боевые действия бригада начала с прорыва укрепленного района Осташково – Селижарово и на участке 10–12 км первой в составе 4-й ударной армии прорвала линию обороны противника. Прошедшая боевой путь в четыре сотни километров упорных, ожесточенных боев с немецко-фашистскими захватчиками и выведенная на переформирование в район ст. Савелово, 20 апреля 1942 г. была преобразована в 88-ю стрелковую дивизию⁹.

С декабря 1941 г. в САВО было начато формирование 14 отдельных стрелковых национальных бригад, 14 кавалерийских национальных дивизий, 6 стрелковых и 2 отдельных стрелковых бригад¹⁰. Стрелковые дивизии сыграли значительную роль в зимних кампаниях 1942–1943 гг. при обороне Сталинграда, сражениях за Харьков и Ржев. Под Сталинградом 29-я сд была преобразована в 72-й гвардейскую, 120-я сд в 69-ю гвардейскую стрелковую дивизию¹¹.

Вышеуказанной директивой и приказом САВО в период с декабря 1941 г. по март 1942 г. в г. Алма-Ате была сформирована 100-я отдельная стрелковая бригада (осбр). Ее национальный состав включал: казахи – 86 %, русские – 11 % и 3% – украинцы, белорусы и другие национальности¹². Бригада в ноябре 1942 г. вступила в бои под г. Ржевом (Молодой Тут), в январе 1943 г. в районе г. Великие Луки участвовала в ликвидации великолукской группировки противника, в ноябре – декабре 1943 г. вела бои юго-западнее г. Невеля на рубеже Каралево – Колесниково. В связи с большими потерями в период боевых действий 100-я осбр была расформирована и включена в состав 1-й стрелковой дивизии¹³.

На территории ЮжУрВО в период с ноября 1941 г. по февраль 1942 г. были сформированы в г. Уральске (ныне г. Орал) 152-я отдельная стрелковая бригада, впоследствии 118-я сд III формирования, а в г. Актюбинске 101-я национальная стрелковая бригада, состоявшая из 2 485 добровольцев из Западно-Казахстанской и Актюбинской областей. Значительное пополнение бригада получила из Гурьевской (ныне Атырауская), Алматинской, Кзыл-Ординской, Южно-Казахстанской, Семипалатинской, Северо-Казахстанской и Карагандинской областей [Тасбулатов, Аманжолов: 98]. 129-й миномётный полк Резерва Главного Командования, сформированный также в ЮжУрВО в марте – октябре 1942 г. в г. Актюбинске в составе пяти батарей по шесть минометов на конной тяге в каждой. В его подразделениях служили представи-

тели 17 национальностей. Рядовой состав укомплектовывался из военнообязанных запаса, в основном казахов из западных областей Казахстана. Они составили до 75 % личного состава¹⁴. Сформированная к 1 марта 1942 г. в г. Соль-Илецк Чкаловской (ныне Оренбургская область, Россия) области ЮжУрВО, 196-я сд хоть и не имела статуса национальной, фактически могла именоваться таковой, так как на 80 % состояла из казахов, не обученных военному делу, до 60 % которых плохо или совершенно не владели русским языком¹⁵. Поставка военкоматами в дивизию людских ресурсов разных национальностей производилась из Чкаловской области РСФСР, Западно-Казахстанской, Актюбинской, Гурьевской (ныне Атырауская) и ряда других областей Казахстана [Куропатков, Сухенко, Фролов, Иванов: 15].

В территориальной ответственности УрВО в г. Кустанай (ныне г. Костанай) в период с 17 декабря 1941 г. по 25 апреля 1942 г. формировалась 151-я отдельная стрелковая бригада (осбр), впоследствии переформированная в 150-ю сд III формирования. В этот период бригада комплектовалась личным составом, занималась боевой подготовкой, которая проходила ускоренными темпами¹⁶. С 27 по 29 апреля 1942 г. шестью эшелонами бригада была направлена на фронт. Выгрузка личного состава производилась с 7 по 9 мая 1942 г. в прифронтовой полосе на ст. Валдай, где 151-я осбр вошла в состав 11-й армии Северо-Западного фронта [Асилев: 224].

Штабом САВО осенью 1941 г. в г. Ново-Казалинске Кызыл-Ординской области Казахской ССР формировалась 75-я отдельная стрелковая морская бригада (осмбр). В составе бригады было 75 % моряков, а командно-начальствующий состав в звене – взвод, рота, батальон – был укомплектован выпускниками Высшего военно-морского ордена Ленина Краснознаменного училища им. В.М. Фрунзе и Каспийского военно-морского училища¹⁷. Наименования 3-й гвардейской стрелковой бригады (гв. сд) 75-я осмбр была удостоена 17 марта 1942 г. за успешное выполнение задания командования в составе Холмской группы 3-й ударной армии Калининского фронта по окружению немецко-фашистских частей у г. Холм. В период с февраля по май 1942 г. в оборонительных боях с противником, пытавшимся прорваться к окруженной частями Красной армии своей группировке в г. Холм, 3 гв. сд, обескровленная ожесточенными боями, потеряв большую часть личного состава, была отведена в тыл армии для переформирования в 27-ю гвардейскую стрелковую дивизию¹⁸.

74-я отдельная морская стрелковая бригада начала формироваться 1 ноября 1941 г. в г. Актюбинске по приказу военного совета САВО. До прибытия командира бригады формирование было поручено председателю военного совета округа полковни-

ку Покровскому (инициалы в архиве не указаны). Укомплектованная личным составом, прошедшим боевую подготовку без материальной части, бригада под командованием генерал-майора береговой службы С.В. Лишенова 19.12.1941 г. прибыла в Москву в резерв Главного командования¹⁹. В тяжелых, ожесточенных боях под Москвой, понеся невосполнимые потери, 74-я омсбр 25 мая 1942 г. была выведена в г. Шую для переформирования в 292-ю стрелковую дивизию. В последующем 292-я сд в боях снова понесла большие потери и была переформирована в 173-ю стрелковую дивизию II формирования. 173-я сд за успешные боевые действия на Сталинградском фронте приказом народного комиссара обороны Союза ССР № 104 от 1 марта 1943 г. была преобразована в 77-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Свой боевой путь 77-я гв. сд завершит 5 мая 1945 г. с выходом ее частей к р. Эльбе²⁰.

На территории Казахской ССР в период 1941–1942 гг. были сформированы четыре кавалерийские дивизии (кд). Отдельная 81-я кд формировалась в период с августа по ноябрь 1941 г. в Джамбуле (ныне город Тараз) и три национальные (казахские) – 96-я кд – в январе – марте 1942 г. в Усть-Каменогорске, 105-я кд – в Джамбуле и 106-я кд – в г. Акмолинске [Джунисбаев, Алдажуманов, Асанова].

Исследование судеб казахстанских кавдивизий (кд) позволило более подробно установить их боевой путь только по 81-й кд, отраженный в «Журнале боевых действий 81 кд» за период с 20.09.1942 г. по 22.05.1943 г. В результате трагической судьбы 81-й кд, попавшей в окружение под Сталинградом, потерявшей в боях большую часть своего личного состава, дивизия была расформирована с передачей оставшегося контингента в части 7-го гвардейского корпуса²¹. Уже через два месяца, с началом формирования 96-й кд, она была расформирована, а личный состав дивизии направлен на Брянский фронт. Под Москвой летом 1942 г. 105-я кд была расформирована и направлена на доукомплектование других частей и соединений Красной армии [Джунисбаев, Алдажуманов, Асанова].

Части и соединения из Казахстана в боях за Москву (30 сентября 1941 г. – 20 апреля 1942 г.). Первая серьезная попытка немецких армий захватить Москву в октябре 1941 г. была сорвана героическими усилиями Красной армии, поддержанная трудящимися всего советского народа. Волоколамск и Алексин стали одним из основных направлений ударов противника для овладения столицей СССР. Войска 5-й, 16-й, 33-й, 43-й, 49-й и 50-й армий противостояли 51 дивизии противника, из них 13 танковых и 7 моторизованных, а остальные довольно значительные силы (9-ю и 2-ю армии) враг использовал для прикрытия своих ударных группировок. Соотно-

шение сил на Московском направлении составляло: по людям в дивизиях 2:1, по количеству танков 1,4:1, по орудиям и минометам 2,4:1 в пользу противника²².

В составе советских армий при обороне Москвы в период с 30 сентября 1941 г. по 20 апреля 1942 г. отважно сражались 312-я, 238-я, 316-я стрелковые дивизии, 75-я отдельная морская стрелковая бригада и 151-я отдельная стрелковая бригада, сформированные на территории Казахстана.

312-я стрелковая дивизия из г. Актюбинска прибыла на станцию Валдай Новгородской области 23 августа 1941 г. в распоряжение 52-й отдельной резервной армии (ОРА) и 26 августа в районе ст. Крестцы заняла оборону во втором эшелоне Северо-Западного фронта. В оборонительной операции на Можайской линии обороны (10–30 октября 1941 г.) дивизия получила первый свой боевой опыт. Из-за угрозы прорыва участка обороны частей 43-й армии в период с 6 по 10 октября 312-я сд по железной дороге была перебросена в район Малоярославца, где в районе ст. Ворсино подверглась бомбардировке авиации противника и потеряла убитыми 12 и ранеными 32 человека. Такие налеты были систематическими ввиду господства в небе вражеской авиации. 11 октября 312-я сд вошла в состав Московского военного округа и по его приказу заняла Малоярославецкий боевой участок²³.

В первых числах октября 1941 г. Ставкой Верховного Главного Командования (Ставка ВГК) были приняты меры по организации обороны на Можайской линии. Можайская линия обороны представляла собой четыре укрепленных района (Волоколамский – войска 16-й, Можайский – 5-й, Малоярославецкий – 43-й, Калужский – 49-й армий). 10 октября 1941 г. 12-й и 13-й армейские корпуса противника подошли к калужскому, а 57-й моторизованный корпус – к Малоярославецкому укрепрайонам, где завязались бои с частями Красной армии. Плотность огня артиллерии обороняющихся артиллерийских частей в среднем составляла 0,5–3 орудия на один километр фронта и являлась недостаточной для гарантированной остановки частей указанных армейских корпусов немецко-фашистских войск. В этих сложных условиях уже после того, как была прорвана противником оборонительная полоса и он подходил к Боровску, из резерва Ставки была введена в бой 312-я стрелковая дивизия. Здесь она задержала наступление немцев на четыре дня (14–17 октября)²⁴. В результате ожесточенных боев, продолжавшихся на этом участке до 26 октября 1941 г., невосполнимые потери понесли 312-я стрелковая дивизия, в которой из 10 867 человек осталось 147 человек, 17-я и 53-я сд 43-й армии (А). Приказом войскам 43-й армии от 26.10.1941 г. № 001 на основании шифротелеграммы командующего Западным фронтом № 6170 от 23.10.1941 г. из остатков 17-й, 312-й и 53-й сд соз-

дается одна стрелковая дивизия под номером 312. Формирование дивизии было возложено на командира 312-й сд полковника А.Ф. Наумова²⁵. Однако вновь сформированная дивизия получила наименование 53-я стрелковая дивизия, так как первый ее состав имел более раннюю историю формирования, датируемой сентябрем 1931 года²⁶.

238-я стрелковая дивизия из Семипалатинска после формирования и боевого слаживания по приказу военного совета САВО 25.8.1941 г. была перебросена в г. Ашхабад, где вошла в состав 52-й отдельной армии (ОА). Части дивизии были сосредоточены в городах Чарджуй (ныне г. Туркменабад), Керки и Термез для охраны афганской границы. В связи с обострением ситуации на подступах к Москве, по приказу Ставки ВГК 238-я сд 26.9.1941 г. перебрасывается на Западный фронт, и уже 8–9 октября 1941 г. части дивизии сосредоточились в районе г. Тулы. 16 октября 1941 г. по директиве начальника Генштаба № 003048 дивизия вошла в состав 49-й армии и получила задачу остановить наступление частей противника, не допустив их выхода на восточный берег р. Оки в районе г. Алексина. Дивизия, ведя бои на западном, затем восточном берегах р. Оки на рубеже Егнышевка – Алексин – Щукино, содействовала частям 50-й армии на Тульском направлении в Тульской оборонительной операции (23.10.1941 – 17.11.1941 г.). Части дивизии с 10 по 17 ноября 1941 г., ведя неравный бой с превосходящими по численности частями 131-й и 230-й пехотных дивизий (пд) противника в районе Шукино, остановили агрессора. Основной удар вражеских сил вынес 837-й стрелковый полк (сп) дивизии. Вплоть до перехода 15 декабря 1941 г. в наступление дивизия, ведя тяжелые оборонительные бои в районе Алексин, Шелепино, Божениново, останавливали противника, не допустили прорыва фронта и выхода его наступающих частей на дорогу Серпухов – Тула. Дивизия с 586-м гвардейским стрелковым полком (гв. сп) получила задачу прорвать оборону противника на фронте Погиблово, Карташево, Ботня, Морген-рот, форсировать р. Оку и овладеть районом Недельное. 238-я сд эту задачу выполнила в 2.00 22 декабря 1941 г., овладев районом Недельное, захватив в нем склады 13-го армейского корпуса противника, пленных, оружие, 250 автомашин и 200 лошадей. Потери дивизии за период с 18.10.1941 г. по 31.12.1941 г. составили: убитыми 1 520, ранеными 4 130, пропавшими без вести 3 300 человек²⁷.

В январе 1942 г. из состава 238-й сд организационно был выведен 173-й гаубичный артиллерийский полк, получивший наименование 173-й гаубичный артиллерийский полк Резерва Главного Командования (РГК)²⁸. В январе – марте 1942 г. дивизия на левом фланге 49-й армии вела бои за Торбеево, Попови-

чи, Полотняный завод, Дорохи, Пахомово, Шалдево, Сергиевское. В первых числах февраля армия вышла к р. Угре, с боем форсировала ее и целиной по глубоким снегам и лесам продолжала наступать в направлении г. Юхнов. С 8 февраля по 4 марта 1942 г. дивизия вела тяжелые наступательные бои за Юхнов в районе Устиновка, Савонино, Коммуна-Савонино, Пречистое. Освободив указанные населенные пункты по приказу Командарма-49 от 13.3.1942 г., дивизия получила задачу форсировать р. Угру и овладеть районом Городец – Грачевка. В течение второй половины марта и до конца апреля дивизия вела бои у р. Угры, неоднократно прорывая оборону противника, но развить успех не могла по причине отсутствия резервов и поддержки артиллерии, которая из-за глубокого снега, бездорожья не успевала за пехотой. Потери дивизии за январь – апрель 1942 г. составили: убитыми 2 694, ранеными 6 711 человек²⁹. Активные действия 238-й сд были отмечены командованием и 3.5.1942 г. указом Президиума Верховного Совета СССР дивизия была награждена орденом Красного Знамени, а 24.5.1942 г. приказом НКО Союза ССР № 60 238-я сд преобразована в 30-ю гвардейскую Краснознаменную стрелковую дивизию³⁰.

После двухмесячного пребывания в резерве 49-й армии дивизия 8.08.1942 г. была передана в состав 33-й армии. В освободительных боях за август – сентябрь потери дивизии составили: убитыми 1 557, ранеными 3 829 и пропавшими без вести 635 человек. В ночь на 1.10.1942 г. части дивизии, сдав участки, были выведены в резерв Западного фронта в район Валуево, Грязи, Ерышевка (25 км западнее Можайска) для пополнения и подготовки к наступлению³¹. Необходимо отметить, что стрелковая дивизия из Семипалатинска стала основным соединением 49-й армии на Калужском направлении, а также единственной из ее двенадцати соединений, преобразованной в гвардейскую (за оборону Москвы).

316-й стрелковой дивизии из г. Алма-Аты в оборонительных операциях советских войск на ближних подступах к Москве во второй половине ноября – начале декабря 1941 г. и при срыве второго наступления немецко-фашистских войск на Москву историей было отведено особое место, где она стала активным ее участником. 316-я сд так же, как и 312-я, в полном составе 25 августа 1941 г. прибыла на станцию выгрузки Боровичи Октябрьской железной дороги, совершила марш до Крестцов, преодолевая большие трудности бездорожья. Там же она вошла в состав 52-й ОРА и состояла в ней до октября 1941 г. В первых числах октября по приказу Ставки ВГК дивизия эшелонами по железной дороге направилась на Западный фронт, где вошла в состав 16-й армии, заняла оборону под Волоколамском³². Протяженность рубежа обороны дивизии составила 40–45 км. Справа

располагалось Московское море, слева – свх. Большечево, особо крепко обеспечивая участок Бухлово – Козлово. 14 октября 1941 г. дивизия вступила в бой с передовыми частями противника. 16–17 октября пехота противника, поддерживаемая 50 танками, повела наступление на свх. Большечево. В ходе боя 10 танков были сожжены. 23–24 октября противник встретил упорное сопротивление на участке 1075-го стрелкового полка (сп) в районе Спас-Рюховское, Чертаново и на участке 1073-го сп дивизии в районе Козлово, Красная Горка. Утром 24 октября противник проявил активность одновременно на двух направлениях: Дубосеково и Спас-Рюховское. Неся большие потери, он приостановил наступление. В этом бою родилось 28 Героев Советского Союза. На небольшом разъезде Дубосеково 28 красноармейцев во главе с политруком Ключковым вступили в неравный бой с 50 фашистскими танками. Бутылками с горючей смесью и гранатами они подбили 18 вражеских танков, сорвали их атаку и приостановили продвижение фашистов на Москву. В этом неравном бою двадцать шесть героев пали смертью храбрых, выполнив свой долг перед Родиной³³. 18 ноября 1941 г. при обстреле артотъем командного пункта дивизии (Гусенево) был смертельно ранен командир дивизии генерал-майор Иван Васильевич Панфилов. За образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецко-фашистскими оккупантами 17 ноября 1941 г. Народным комиссаром обороны 316-я сд была преобразована в 8-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Постановлением ГКО № 950 от 23.11.1941 г. 8-й гв. сд присвоено название имени Героя Советского Союза генерал-майора И.В. Панфилова.

24–25 ноября по приказу военного совета 16-й армии дивизия совершила поход и заняла оборону: по восточному берегу Истринского водохранилища, Лопатово, Горки, Раково. Противник, сосредоточив перед фронтом дивизии до 80 танков и пять полков пехоты, 4.12.1941 г. перешел в наступление. Дивизия упорно обороняла занимаемый рубеж, одновременно переходя в контратаки. 8.12.1941 г. части дивизии перешли в решительное наступление за овладение районом Крюково и, захватив противника врасплох, нанесли ему тяжелые потери, обратив в беспорядочное бегство. Захваченными трофеями стали: танков 31, тягачей 2, бронемашин 4, автомашин 41, легковых автомашин 2, мотоциклов 5, тяжелых орудий 2, орудий ПТО 3, станковых пулеметов 6, ручных пулеметов 6, много винтовок, боеприпасов и другого военного имущества. 12.12.1941 г. дивизия, совершив марш, заняла оборону в районе Истра, а с 15.12.1941 г. по приказу № 030 8-я гв. сд выходит из подчинения 16-й армии, переходит в резерв Ставки ВГК, сосредоточив свои части в районах: Желябино, Нахабино, Ново-Никольское, Гореносово, Чернево³⁴.

75-я отдельная стрелковая морская бригада из г. Ново-Казалинск Казахской ССР 18 декабря 1941 г. прибыла в г. Люблино Московской области и вошла в состав войск Московской зоны обороны. 5 января 1942 г. бригада была переподчинена командиру 2-го гвардейского стрелкового корпуса (гв. ск) и после четырехдневного марша сосредоточилась в районе Нахабино, Павловская Слобода и Захарово. 17 января 1942 г. из района Нахабино бригада была переброшена по железной дороге до ст. Бологое, откуда, совершив марш, вышла к району Слобода, в 15–20 км юго-восточнее Старой Руссы, где вступила в непосредственное соприкосновение с противником³⁵. После двенадцатидневных боев под Старой Руссой бригада была зачислена в состав Холмской группы 3-й ударной армии (УА) Калининского фронта.

17 марта 1942 г. за боевые заслуги в боях за Родину 75-я осмбр была переименована в 3-ю гвардейскую стрелковую бригаду (гв. сбр). 8 мая 1942 г. приказом Штакара-2 за № 019 3-я гв. сбр вышла на пополнение в район Раково – Козлово. За весь период боевых действий 75-я осмбр (3-я гв. сбр) нанесла противнику следующий урон в живой силе и технике: разбито 6 орудий, 8 минометов, 19 ручных и станковых пулеметов, 627 винтовок, 4 танка. Противник потерял убитыми и ранеными 1 200 солдат и офицеров. Захвачены трофеи: 18 орудий, 11 минометов, 47 пулеметов ручных и станковых, 1 танк, 6 складов разных³⁶. 21 мая 1942 г. приказом НКО СССР № 00389/ОП 3 гв. сбр была переименована в 27-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Плановая боевая подготовка по обучению личного состава началась 25 мая 1942 г. Дивизия на 65 % была укомплектована курсантами Могилевского, Ульяновского, Архангельского и Вологодского пехотных училищ. С 13 июня 1942 г. 27-я гв. сд была в составе группы войск резерва Калининского фронта, а 20 июня 1942 г. вошла в состав 58-й армии, находившейся в резерве фронта. 9 августа 1942 г. по распоряжению Ставки ВГК со ст. Селижарово эшелонами была направлена на станцию выгрузки Арчада Сталинградской области, где 18 августа вошла в состав 1-й гвардейской армии (Гв. А) Сталинградского фронта. С марша вступила в бой с противником, переправившимся на восточный берег р. Дон, отбросила его на 2 км от изгиба реки, захватив большие трофеи. 20 августа 1942 г. дивизия, согласно приказу Сталинградского фронта за № 00918/ОП, заняла исходное положение в районе Панышино с задачей: действуя в составе 4-й танковой армии Сталинградского фронта, уничтожить прорвавшегося противника. В результате упорных боев, длившихся до 26 августа, наступление противника было остановлено, противник отброшен на 3–5 км назад и прижат к р. Дон. 536-й и 544-й пехотные полки про-

тивника были почти полностью разгромлены, и враг вынужден был спешно перебросить на восточный берег р. Дон два батальона пехоты 305 пд и офицерский штрафной батальон. 2 сентября 1942 г. 27-я гвардейская стрелковая дивизия перешла к активной обороне³⁷.

151-я отдельная стрелковая бригада из г. Кустанай Казахской ССР свой боевой путь начала 10 мая 1942 г. в составе войск 11-й армии Северо-Западного фронта в его операциях против демянской группировки немцев³⁸. Бригада по приказу Штарма-11 с 26 мая по 27 августа 1942 г. вела наступательные и оборонительные бои в районе Нов. и Стар. Рамушево. Овладев лесом вост. Нов. Рамушево, бригада создала угрозу Рамушевскому узлу сопротивления противника. В этих боях враг потерял более 6 000 солдат и офицеров. Поставленную ближайшую задачу бригада выполнила. В последующем по приказу штаба 11-й армии бригада с 20 октября по 20 декабря 1942 г. вела наступательные бои в районе Сорокино, Горбы, где, преодолев сильное сопротивление противника, овладела лесом севернее Сорокина, при этом заняла 33 блиндажей и деревоземляных огневых точек (ДЗОТов), уничтожила до 250 гитлеровцев и захватила трофеи³⁹. С 27 декабря 1942 г. по 12 января 1943 г. 151-я осбр вела оборонительные бои в районе Вязовка, Ольховец и участвовала в наступательных операциях, содействуя частям 11-й армии.

В первых числах марта 1943 г. 151-я осбр вошла в состав 27-й армии и участвовала в операции Северо-Западного фронта по ликвидации Демянского плацдарма⁴⁰. Ведя наступление в составе войск 27-й армии в направлении Яшиных – Бол. Вороново, в районе Яшиных овладела отм. 25.1, чем нарушила систему обороны противника, который неоднократно контратаковал с целью вернуть утраченное положение. Дивизия отбила все попытки противника и удержала позиции, нанеся ему потери в живой силе до 700 солдат и офицеров убитыми и ранеными. В этих боях были взяты пленные и трофеи. В составе 12-го гв. ск 151-я осбр с 11 марта 1943 г. до сентября 1943 г. (до переформирования бригады в 150-ю сд) прочно обороняла рубеж от юго-восточного берега оз. Ильмень до района Бабки, Роша, Брусков в очень сложных погодных-климатических условиях постоянного дождя, грязевой жижи и непрерывного артобстрела противником позиций частей бригады. С поставленной задачей оборудования опорных пунктов Взвзд, Подборовка, Корпово, Некрасово, Чертицко, Мирогоща, Отвидино и Бабки бригада справилась на удовлетворительно. За свой боевой путь бригада уничтожила: до 10 тысяч солдат и офицеров противника, 47 орудий и минометов, 54 пулемета, 3 танка, штаб, 117 ДЗОТов и блиндажей, 4 склада с боеприпасами, 88 повозок с грузом, 113 автомашин. Отби-

то 110 контратак, захвачено 60 ДЗОТов и блиндажей, 4 орудия, 14 пулеметов, 6 минометов, 40 автоматов, 75 винтовок, 3 рации. За период боевых действий в бригаде было награждено орденами и медалями 452 человека⁴¹. На основании приказа № 00303 Штарма-34, в соответствии с директивой начальника Генерального штаба Красной Армии № орг./2/1438 от 2 сентября 1943 г., и приказа войскам Северо-Западного фронта № 0060 отдельные стрелковые бригады: 127-я, 144-я, 151-я – были переформированы в 150-ю стрелковую дивизию, а ее командиром назначен комбриг 151-й сд полковник Л.В. Яковлев⁴².

Воинские формирования из Казахской ССР в обороне Ленинграда (сентябрь 1941 – апрель 1942 гг.). В оборонительных операциях советских войск на Ленинградском направлении в июле – сентябре 1941 г. и в реализации замысла Ставки ВГК по деблокаде Ленинграда в зимней кампании 1941–1942 гг. в составе войск 52-й, 7-й, 54-й, 64-й армий на различных участках Ленинградского фронта принимали участие 310-я и 314-я стрелковые дивизии из Казахстана⁴³.

310-я стрелковая дивизия из Акмолинска прибыла на Ленинградский фронт и 27 августа 1941 г. поступила в распоряжение командующего 52-й армией. В период с 27 августа по 5 сентября 1941 г. дивизия находилась в круглосуточных маршах в условиях непрерывного дождя, по непригодным для артиллерии и техники грунтовыми дорогам (грязь, крутые подъемы, обрывы), форсировав р. Сязь, вышла к разъезду Зеленец, ст. Мыслино, Гостинополье, пройдя около 400 км. К этому времени немцы, заняв ст. Мга и г. Шлиссельбург, замкнув кольцо вокруг Ленинграда, продвигались в направлении побережья Ладожского озера для соединения с финской группировкой в Лодейном Поле. Истощенные боями части 128-й сд не могли сдерживать наступления противника, откатывались назад. Тогда в г. Волховстрой 310-я сд от командующего 54-й армией получила задачу: сосредоточиться в районе населенных пунктов Новая Хандрово, Назия, Путилово, остановить наступление немцев и перейти в контрнаступление, прорвать вражеское кольцо⁴⁴. Части 310-й сд, переброшенные 7–8 сентября по железной дороге, выгрузились на ст. Жихарево, Войбицало и Новый быт, под сильным и интенсивным налетом вражеской авиации выходили на исходное положение в район Апраксин Городок, Гойтолово, Гонтовая Липка, Торгалово. С 10 сентября по 23 октября, освободив занятые населенные пункты, нанесла урон противнику в живой силе и технике. За эту операцию дивизия получила благодарность от военного совета Ленинградского фронта. В период с 23 октября по 19 декабря 1941 г. дивизия продолжала вести оборонительные и контрнаступательные бои. За освобождение

населенных пунктов Куколь, Селище, Романье, Концы, Калидец от немецких оккупантов и за стойкую оборону дивизия получила благодарность от военного совета 54-й армии. В дальнейшем совместно с частями 44-й сд, преследуя отходящего противника до д. Городище, освобождала от фашистов населенные пункты Ленинградской области⁴⁵. 22 декабря 1941 г. дивизия из 54-й армии переподчиняется 64-й армии в составе северной оперативной группы Привалова. После освобождения дивизией населенного пункта Рысино ее части совершили 25-километровый марш по глубокому снегу и участвовали в освобождении поселков Леготково, Чирково и Мыслово. С 1 по 22 января 1942 г. дивизия совместно с 65-й сд, 4-й гв. сд вела наступательные бои на участке Зеленцы ст. Тигода. С 5 февраля 1942 г. дивизии увеличили участок обороны на широком фронте до 30 км: с юга Зеленцы, с севера Кирши. Ведя непрерывную активную разведку, истребляя живую силу врага, дивизия вела артиллерийский и минометный огонь по вражеским укреплениям и отражала атаки противника, изматывая его силы. В ходе боев были захвачены трофеи, пленные и документы. Особенно характерными боевыми эпизодами этого периода являются действия разведчиков: 4 апреля 1942 г. разведгруппа в составе 25 человек ночью переправилась на западный берег р. Волхов. Однако, достигнув переднего края обороны противника, группа была окружена. Разведчики 310-й сд приняли бой. В результате контратака противника была отбита. Противник на поле боя оставил 36 трупов, потери разведчиков составили 7 бойцов. 8 апреля 1942 г., выполняя приказ военного совета 4-й армии захватить боем живого «языка», группа разведчиков под командованием подполковника Новикова (инициалы в архиве не указаны), имея 3-дневную подготовку и наблюдение, на рассвете в течение полутора минут внезапно ворвалась на лыжах в расположение блиндажей и ДЗОТов противника, уничтожила 6 ДЗОТов-блиндажей, захватила двух пленных, пулемет и документы. В этом бою стрелками и артиллерией было истреблено 200 солдат и офицеров противника. Командование дивизии и разведотряд Новикова получил за это благодарность, а 10 человек – участников разведки боем – были представлены к правительственным наградам⁴⁶.

29 мая 1942 г. противник силою одной пехотной дивизии и двух полков при массированном огневом воздействии, поддержке авиации и танков после двухчасовой артподготовки перешел в наступление на позиции 1080-го сп дивизии. В течение четырех дней личный состав полка вел упорные бои, парализуя все попытки врага ликвидировать плацдарм 310-й сд на западном берегу р. Волхов, созданный для переброски основных сил соединения. Уничтожая живую силу и технику противника, полк плац-

дарм удержал. В этих боях личный состав проявил подлинный героизм, за что получил благодарность военного совета 4-й армии и Волховского фронта⁴⁷. На этом направлении фронта Киришского плацдарма 310-я стрелковая дивизия до момента сдачи участка 31 января 1943 г. частям 44-й сд и 24-й осбр сдерживала натиск противника и, переходя в контратаки своими частями, нанесла непоправимый урон врагу⁴⁸.

314-я стрелковая дивизия из г. Петропавловска по приказу САВО 26 августа 1941 г. по железной дороге прибыла на станцию выгрузки Хвойная, где директивой Ставки ВГК № 001200 вошла в состав 52-й резервной армии (РА), получив задачу занять оборону на рубеже: Зеленщина, Сельцо, Комел, Попал, куда пешим порядком, по трудно проходимым проселочным дорогам, совершив 250-километровый марш (в среднем по 50 км в сутки), прибыла 2 сентября 1941 г. распоряжением Штарма-52 № 0025. Дивизия была погружена на ст. Малая Вишера и переброшена на ст. Лодейное Поле, Заостровье, куда прибыла частями 6–9 сентября 1941 г. и была подчинена командующему Южной группой 7-й отдельной армии (ОА)⁴⁹.

К этому времени финны, тесня разрозненные части 3-й сд, своими передовыми частями достигли правого берега р. Свирь. По приказу командующего Южной группой № 0019 дивизия заняла полосу обороны по фронту Плотичное, Подпорожье, Свирь-3, Лодейное Поле, Ручьи, Кут-Лахта протяженностью 130 км. В боях за Подпорожье и Свирь-3 части дивизии нанесли противнику такие потери, что дальнейшее его наступление стало безуспешным. Дивизия закрепилась на рубеже Великий Двор, Каковичи, Бордовская, Свирь-3. На фронте Лодейное Поле – Заостровье попытки противника форсировать р. Свирь и выйти на левый берег успеха не имели. Напротив, в период с 21 по 25 октября 1941 г. с целью вскрыть силу и группировку противника в районе Новая Сегежа и Старая Сегежа сводным полком из двух батальонов 1078-го сп и одного 1074-го сп, форсировав р. Свирь и овладев правым берегом в районе Новая Сегежа, в течение четырех дней вела ожесточенный бой, удерживая за собой захваченные рубежи, тем самым нанеся противнику большие потери. Посетивший дивизию Герой Советского Союза генерал армии К.А. Мерецков присвоил внеочередные воинские звания особо отличившимся в боях при проведении Сегежской операции и наградил правительственными наградами⁵⁰.

С 14 октября 1941 г. по 1 апреля 1942 г. дивизия прочно удерживала рубеж по левому берегу р. Свирь на фронте Свирь-3, Шамокса протяженностью 30 км. Создав хорошо оборудованную в инженерном отношении оборону, укрепив передний край развитой системой противопехотных препятствий, части дивизии вели подготовку к предстоящим наступательным действиям. 11 апреля 1942 г., согласно приказу шта-

ба 7-й ОА № 001, части 314-й сд перешли в наступление против обороняющегося противника в Свирь-3. На направлении главного удара действовал 1074-й сп. В итоге десятидневных напряженных боев дивизия нанесла противнику значительные потери. Только убитыми на поле боя противник потерял более 2 000 солдат и офицеров⁵¹. В боях за Свирь-3 исключительный героизм проявил рядовой сапер П.И. Гончар. Разминировав вражеские минные поля, он заметил, что к советскому подбитому танку Т-34 бросилась большая группа белофиннов для уничтожения танка и его экипажа. Рядовой Гончар один вступил в бой со взводом противника, уничтожив восемь солдат, и заставил остальных отойти. 21 апреля 1942 г. П.И. Гончар, выполняя инженерные работы, обнаружил вражеские силы, пытавшиеся прорвать оборону частей 314-й сд. Красноармеец огнем из пулемета уничтожил до 75 солдат и офицеров противника. Враг отошел и открыл сильный минометный огонь, в результате которого рядовой Гончар получил множественные ранения, но выжил. За проявленный героизм в боях за Свирь-3 бойцы и командиры частей дивизии в количестве 231 человек были награждены правительственными орденами и медалями, а П.И. Гончару присвоено звание Героя Советского Союза⁵².

В последующем дивизия с переходом к обороне прочно удерживала занимаемый рубеж до 1 июля 1942 г. В период с 1 по 6 июля 1942 г. на основании приказа штаба 7-й ОА № 0023 дивизия, сдав рубеж обороны 21-й сд, была отведена в резерв 7-й ОА, где находилась по 15 сентября 1942 г., совершенствуя боевую подготовку личного состава и сооружая полковые опорные пункты⁵³. Директивой Генерального штаба РККА № 989624 и боевого приказа 7-й ОА № оп/00852 15 сентября 1942 г. дивизия поступила в резерв Ставки ВГК, совершила 320-километровый пеший марш, вышла в район Гонтовая Липка, Гайтолово и 28 сентября 1942 г. поступила в распоряжение 2-й ударной армии (УА) Волховского фронта, после чего по устному распоряжению командующего 2-й УА вошла в подчинение командира 4-го гвардейского стрелкового корпуса (гв. ск). По приказу последнего 1046-й сп дивизии на фронте Гонтовая Липка, Гайтолово уничтожил силы противника, вышедшие в тыл частей 4-го и 6-го гвардейских стрелковых корпусов, соединился с частями 4-го гв. ск, выходящим из окружения, 1500 красноармейцами и командирами 2-й УА с их техникой. За это командующим армией была объявлена благодарность личному составу 314-й сд.

4 октября 1942 г. 1074-й и 1078-й стрелковые полки вели оборонительные бои на фронте Гонтовая Липка, Гайтолово, Юго-запад. Противник после двухчасовой артподготовки при поддержке 19 танков перешел в наступление на участке обороны 1076-го сп. Шести-

кратные атаки были отражены, шесть танков подбиты, а живая сила почти вся уничтожена. В последующем дивизия выполняла задачи по обороне в составе 8-й армии, до 12 января 1943 г. прочно удерживала рубеж: справа – отметка 17.2, Гонтовая Липка, слева – безымянная высота юго-западнее Гайтолово⁵⁴.

Казахстанцы в битве под Сталинградом. Оборонительный период (с 17 июля по 18 ноября 1942 г.). Оборонительные операции войск Юго-Западного и Южного фронтов в июле 1942 г. проходили в крайне тяжелых для Красной армии условиях. Расстроить, измотать силы противника, не дать ему использовать Сталинградский плацдарм для приведения в исполнение плана Гитлера по выходу в тыл Москвы – было основной задачей стратегии Главного Командования Красной армии в этот период борьбы с немецко-фашистскими захватчиками⁵⁵.

102-я стрелковая дивизия, сформированная в Чимкенте (ныне город Шымкент), 6 апреля 1942 г. по приказу САВО была направлена в Рязань, в пути перенацелена в г. Славянск Луганской области. В конце апреля 1942 г. дивизия прибыла в район боевых действий войск Южного фронта (ЮФ) и подчинена сначала 24-й армии (20.05.1942 – 31.05.1942), затем командующему 37-й армией (29.04.1942 – 14.08.1942)⁵⁶.

Германские войска, упорным наступлением тесня войска Южного фронта за р. Дон, попытались их окружить в районе Таганрога и в устье р. Северский Донец. По замыслу Гитлера, 4-я танковая армия должна была форсировать р. Дон в районе Цымлянской и Николаевской для подготовки удара по Сталинграду по левому берегу р. Дон. Наступление противника началось 20 июля 1942 г. В особенно тяжелом положении оказалась 24-я армия. Командование Южного фронта, обеспечивая отход основных соединений за р. Дон, приказало 37-й армии, в составе которой еще с июня 1942 г. вела боевые действия у р. Северский Донец 102-я сд, развернуться для обороны южного берега реки от Константиновской до устья р. Маныч⁵⁷. В этих оборонительных операциях Юго-Западного и Южного фронтов дивизия понесла большие потери и 14 августа 1942 г. была расформирована, а оставшийся личный состав передан в 275-ю стрелковую дивизию, которая также входила в состав 37-й армии⁵⁸.

Захват немецкими войсками Сталинграда, по определению Ставки ВГК, был самой главной опасностью для всего советского фронта, что могло привести к расколу фронта на две изолированные одна от другой части и потере коммуникаций, связывающих центральные районы страны с Кавказом. 12 июля 1942 г. Ставка ВГК перед 62-й, 63-й, 64-й и 21-й армиями вновь организованного Сталинградского фронта поставила задачу занять и прочно оборонять рубеж по р. Дон от Павловска до Клетской, далее по линии до Верхне-Курмоярская⁵⁹.

29-я стрелковая дивизия из г. Акмолинска (ныне г. Астана), к этому времени уже сосредоточившаяся в Воловском районе Тульской области, по приказу № 07 ОП 64-й армии была направлена на Сталинградский фронт, где 17 июля 1942 г. выгрузилась на ст. Жутова Сталинградской железной дороги⁶⁰. В оборонительных боях на восточном берегу р. Дон дивизия с приданной ей 137-й тбр принимала участие в составе войск 64-й армии на рубеже Суворовский – Верхне-Курмоярская с задачей не пропустить противника на восток. Перед фронтом дивизии действовали 194 пп 71 пд и первая пд 6-го румынского корпуса. За время обороны дивизией на восточном берегу р. Дон противнику был нанесен ущерб: уничтожено 1 300 солдат и офицеров, взято в плен 3 солдата, уничтожено 8 ручных и станковых пулеметов, 4 противотанковых ружья, 5 противотанковых ПТО, рация и тягач, подавлено 3 артиллерийских и 2 минометные батареи, подбито 2 танка. Не менее ожесточенные и результативные бои дивизии проходили перед выводом ее в резерв 64-й армии, в период с 6 по 11 августа 1942 г., за рубежи на южном берегу р. Аксай, где частями дивизии было уничтожено 1 500 и взято в плен 11 солдат и офицеров противника, разбито 6 орудий, одна автомашина, шесть повозок, подавлено 11 минометных батарей, артиллерией рассеяно и частично уничтожено до 5 батальонов пехоты, рассеяно 7 автоколонн, включавших до 180 машин, уничтожено шесть машин с пехотой, разбит один штаб, подожжен нефтесклад и взорван склад с боеприпасами. Захвачены множественные трофеи. Оборонительные бои 29-я сд под Сталинградом вела в районе с. Ялхи в период с сентября до конца декабря 1942 г. На этом фронте дивизия обороняла и укрепляла занимаемый рубеж, сковывая центр Сталинградской группировки противника и препятствуя выходу его частей к Волге, южнее Сталинграда⁶¹.

120-я стрелковая дивизия, получившая 6 000 человек, 80 % которых составляли казахи из расформированной Алма-Атинской 405-й стрелковой дивизии, 4 сентября 1942 г. прибыла в район балки Пичуга Сталинградской области, совершив комбинированный марш из района формирования г. Казани, поступила в распоряжение 66-й армии Сталинградского фронта. Дивизия вступила в бой в районе, Ерзовка в самый разгар ожесточенных, решающих боев под Сталинградом, когда противник ввел в бой огромные по численности живую силу, технику и любую ценою пытался овладеть городом – плацдармом для дальнейшего выполнения своей основной задачи: выхода вверх по р. Волге к Москве⁶².

В этот же день дивизии Штармом-66 была поставлена боевая задача нанести главный удар противнику в направлении м. Рынок, расположенного в 9 км северо-восточнее Сталинграда и совместно с сосе-

дями: слева 299-я сд, справа 231-я сд – прижать его к р. Волге и там уничтожить. Дивизия сразу после марша была введена в бой. Перед фронтом дивизии находились кадровые части 3-й и 6-й моторизованных дивизий вермахта, насыщенных техникой, особенно 6-ствольными минометами и автоматическим оружием. Оборона противника представляла собой разветвленную систему батальонных узлов и ротных пунктов сопротивления, расположенных по обеим берегам балки Сухая Мечетка, не оставляющую «мертвых» или непростреливаемых пространств. Следует также отметить широкое использование немцами в этой обороне неисправных танков, наполовину зарытых в землю, для ведения огня из пулеметов, автоматов и расположение окопов и огневых точек на обратных скатах высот и курганов.

В один из ответственных моментов боя у высоты 141,2 у балки Сухая Мечетка в ночь с 7 на 8 сентября 1942 г. командир 538-го сп майор Трубицын и батальонный комиссар того же полка Трифонов (инициалы офицеров в архиве не указаны), не задумываясь, лично повели полк в атаку, самоотверженно и честно выполнили свой долг до конца и погибли смертью героев. Бои на этом участке продолжались в течение 40 дней. Однако ни ввод в бой немцами новых сил и танков, переброшенных из-под Сталинграда, ни использование своей дальнобойной артиллерии, дула пушек которых были повернуты от Сталинграда по наступающим частям дивизии, ни организация огневых мешков и контратак, ни непрерывная бомбежка с воздуха группами в 50 и более самолетов – ничто не смогло сломить мужества частей 120-й сд. 24 октября 1942 г. немцы крупными силами прорвали фронт на рубеже 84-й сд в районе Ерзовка, что создало угрозу левому краю Сталинградского фронта. В этих условиях Штарм-66 перебросил на участок прорыва 289-й сп 120-й дивизии. Только с четвертого штурма полк опрокинул противника, обратив его в бегство, и восстановил утраченное 84-й сд положение оборонительного рубежа.

В дальнейшем не менее ожесточенные бои 120-я сд вела в районе среднего течения Дона. Дивизия, командование которой принял подполковник К.К. Джахуа (7.09.1942 г.), к этому времени вошла в состав 24-й армии Донского фронта, совершила 7–9 ноября марш с берега р. Волги из балки Черемушная к р. Дон в район Качалинская, Паньшино и 10 ноября 1942 г. сменила 214-ю сд, заняв рубеж обороны Качалинская, оз. Кривое, иск. высота 56,8. Дивизия готовилась к наступлению⁶³.

Таким образом, исследование показало, что в период 1941–1942 гг. на территории Казахской ССР были сформированы многонационального состава дивизии, бригады, полки и батальоны, что оказалось своевременной мерой, повлиявшей на остановку крупных сил

противника на подступах к Москве. Преобладающее большинство в них составляли казахи, русские, украинцы, белорусы, а также граждане других национальностей, проживавшие на территории республики. Эти части и соединения приняли самое активное участие в стратегически важных оборонительных и наступательных операциях 1941–1942 гг. В рамках исследования рассмотрено участие крупных формирований из Казахстана в боях за Москву (30 сентября 1941 г. – 20 апреля 1942 г.), в обороне Ленинграда (сентябрь 1941 г.), в битве под Сталинградом – оборонительного периода (с 17 июля по 18 ноября 1942 г.). В ожесточенных оборонительных боях воинские формирования из Казахстана, действуя на направлениях сосредоточения основных усилий корпусов, армий, фронтов и Ставки ВГК, проявили стойкость и мужество. Интернациональный дух личного состава воинских формирований из Казахстана стал основой их героических подвигов, позволив реализовать замыслы Ставки ВГК. Стрелковые дивизии из Казахской республики проявили себя наилучшим образом, удостоившись преобразования в гвардейские части, были награждены правительственными наградами Союза ССР.

Роль этих частей заключалась в совместном с другими соединениями Красной армии срыве планов фашистской Германии молниеносной войны против страны Советов. В исследованный период были созданы условия для коренного перелома в самом сложном – первом – периоде Великой Отечественной войны, когда проявились лучшие качества советских людей, заслуги которых по праву разделяют и воинские формирования из Казахстана.

Примечания

¹ Архив Президента Республики Казахстан г. Алматы (АП РК). Ф. 708. Оп. 5. 1. Д. 1121. Л. 89 // Исторические материалы: сайт. URL: <https://clck.ru/392SNw> (дата обращения: 24.02.2024).

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 163–167 и др. документы и приказы.

³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 163–167.

⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 151–153; Оп. 2. Д. 12. Л. 122–130. Цит. по: Президентская библиотека. URL: <https://clck.ru/392STY> (дата обращения: 24.02.2024).

⁵ 120-я сд начала сформироваться 10.3.1942 г. в г. Казани. В мае дивизия получила из расформированной 405-й сд около 6 000 человек пополнения, 80 % которого составляли казахи, плохо понимавшие русскую речь // ЦА МО РФ. Ф. 1203. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

⁶ ЦА МО РФ. 391-й сд. Ф. 1716. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁷ ЦА МО РФ. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁸ АП РК. Ф. 705. Оп. 5.1. Д. 1125. Л. 58.

⁹ ЦА МО РФ. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 – 2 об.

¹⁰ ЦА МО РФ. Ф. 1918. Оп. 1. Д. 2.; ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 297. Л. 136–162.

¹¹ ЦА МО РФ. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.; ЦА МО РФ. Ф. 1203. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

¹² ЦА МО РФ. Ф. 1918. Оп. 1. Д. 2.

¹³ ЦА МО РФ. Ф. 1042. Оп. 0000001. Д. 0003. Л. 53.

¹⁴ ЦА МО РФ. Ф. 3428. Оп. 1. Д. 6. Л. 61.

¹⁵ ЦА МО РФ. Ф. 1016. Оп. 0000001. Д. 0004. Л. 22.

¹⁶ ЦА МО РФ. Ф. 838. Оп. 1. Д. 52. Л. 26.

¹⁷ ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 257. Л. 71.

¹⁸ militera.lib.ru: Военная литература: сайт. URL: <https://clck.ru/39A4Go> (дата обращения: 02.03.2024);

ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 257. Л. 71.

¹⁹ ЦА МО РФ. Ф. 1591. Оп. 1. Д. 6. Л. 21.

²⁰ ЦА МО РФ. Ф. 1223. Оп. 1. Д. 1. Л. 1., 13.

²¹ ЦА МО РК. Ф. 3601. Оп. 1. Д. 5. Л. 47.

²² Операции Советских Вооруженных Сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.): в 4 т. Т. 1. Москва: Воениздат, 1958. С. 297–301.

²³ ЦА МО РФ. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 6, Л. 2 – 7 об.

²⁴ Операции Советских Вооруженных Сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.): в 4 т. Т. 1. Москва: Воениздат, 1958. С. 288–291.

²⁵ ЦА МО РФ. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 6, Л. 12.

²⁶ ЦА МО РФ. Ф. 1166. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²⁷ ЦА МО РФ. Ф. 1114. Оп. 1. Д. 1. Л. 2-3.

²⁸ ЦА МО РФ. Ф. 11003. Оп.: 0000001. Д. 0001. Л. 17.

²⁹ ЦА МО РФ. Ф. 1114. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–4.

³⁰ ЦА МО РФ. Ф. 1114. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

³¹ ЦА МО РФ. Ф. 1114. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–4.

³² ЦА МО РФ. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 об.

³³ ЦА МО РФ. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об.

³⁴ ЦА МО РФ. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

³⁵ ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 257. Л. 71–71 об.

³⁶ ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 257. Л. 71–71 об.

³⁷ ЦА МО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 257. Л. 71 об.

³⁸ В операции Северо-Западного фронта против демянской группировки немцев (13.02.1942 г. по 14.05.1942 г.) наступающие войска 23.2.1942 г. завершили окружение демянской группировки противника и вели безуспешные бои по ее уничтожению до второй половины марта 1942 г. В марте противнику удалось пробить коридор шириной до 4 км и 23 апреля 1942 г. соединиться с окруженной группировкой. В дальнейшем в результате упорных боев к 14.5.1942 г. противник расширил коридор до 12 км // Память народа: электронная система. URL: <https://clck.ru/3A9tju> (дата обращения: 18.04.2024).

³⁹ ЦА МО РФ. Ф. 838. Оп. 1. Д. 52. Л. 26.

⁴⁰ В операции Северо-Западного фронта по ликвидации Демянского плацдарма (15 февраля – 1 марта 1943 г.) войска 53-й армии, вклинившись в оборону противника в районе Залучье, создали угрозу окру-

жения демянской группировке. 18.2.1943 г. противник начал отход с демянского плацдарма. Советские войска, преследуя противника, к 1.03.1943 г. вышли на рубеж Омычкино, (иск.) Дубки, северо-западнее Залучья // Память народа: электронная система. URL: <https://clck.ru/3A9th7> (дата обращения: 18.04.2024).

⁴¹ ЦА МО РФ. Ф. 838. Оп. 1. Д. 52. Л. 26 – 26 об.

⁴² ЦА МО РФ. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁴³ Операции Советских Вооруженных Сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.): в 4 т. Т. 1. Москва: Воениздат, 1958. С. 166–188, 471–481.

⁴⁴ ЦА МО РФ. Ф. 1618. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

⁴⁵ ЦА МО РФ. Ф. 1618. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 – 3 об.

⁴⁶ Память народа: электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/39DK85> (дата обращения: 04.03.2024).

⁴⁷ Память народа: электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/39DLJ8> (дата обращения: 04.03.2024).

⁴⁸ ЦА МО РФ. Ф. 1618. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 – 4 об.

⁴⁹ ЦА МО РФ. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁵⁰ ЦА МО РФ. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁵¹ ЦА МО РФ. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.

⁵² ЦА МО РФ. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.

⁵³ ЦА МО РФ. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

⁵⁴ ЦА МО РФ. Ф. 1623. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.

⁵⁵ ЦА МО РФ. Ф. 1203. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁵⁶ Память народа: электронный ресурс сайт. URL: <https://clck.ru/39JLwa> (дата обращения: 08.03.2024).

⁵⁷ Операции Советских Вооруженных Сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.): в 4 т. Т. 1. Москва: Воениздат, 1958. С. 609–610.

⁵⁸ Память народа: электронная система. URL: <https://clck.ru/39JRfH> (дата обращения: 08.03.2024).

⁵⁹ Операции Советских Вооруженных Сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.): в 4 т. Т. 1. Москва: Воениздат, 1958. С. 616.

⁶⁰ ЦАМО. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁶¹ Исторический формуляр и описание боевых действий 72-й гв. сд. // ЦА МО РФ. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–5.

⁶² ЦА МО РФ. Ф. 1203. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об. – 3.

⁶³ ЦА МО РФ. Ф. 1203. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–6.

Список литературы

Абдыкалыков М.А., Панкратова А.М. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. 670 с.

Алдажуманов К.С., Джунисбаев А.А. Национальные воинские соединения Казахстана на фронтах войны (1941–1945). Алматы: Полиграфия-сервис и К, 2021. 256 с.

Асилов Н.Т. Воинские формирования Казахстана на фронтах Великой Отечественной войны. Нур-

Султан: Военно-исторический музей ВС РК, 2021. 388 с.

Балакаев Т.Б., Алдажуманов К.С. Историография Казахстана периода Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы истории Советского Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 113–124.

Белан П.С. На всех фронтах: казахстанцы в сражениях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Алматы: Галым, 1995. 336 с.

Джунисбаев А.А., Алдажуманов К.С., Асанова С.А. Кавалерийские соединения Казахстана в годы войны (1941–1945): по материалам 81, 96 и 105-й кавалерийских дивизий // edu.e-history.kz: электрон. науч. журнал. 2020. № 4 (24). URL: <https://clck.ru/39BR9a> (дата обращения: 03.03.2024).

Едыгенов Н.Е. Участие казахстанцев в партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Алма-Ата: Наука, 1972. 208 с.; Едыгенов Н.Е. Участие казахстанцев в партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд. Алматы: Елтаным, 2015. 192 с.

Козыбаев М.К. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Алматы: Елтаным, 2015. 304 с.

Куропатков Е.П., Сухенко И.П., Фролов С.С., Иванов В.П. Боевой путь 196-й Гатчинской Краснознаменной стрелковой дивизии. Москва: Академия исторических наук, 2007. 509 с.

Нусупбеков А.Н. Казахстанцы в битве под Москвой // Казахстан в Великой Отечественной войне: очерки. Алма-Ата: Наука, 1968. Вып. 1. 348 с.

Покровский С.Н. Казахские соединения на Курской дуге. Алма-Ата, 1973. 130 с.

Тасбулатов А., Аманжолов К. Военная история Казахстана: очерки. Алматы: Рауан, 1998. 175 с.

References

Abdykalykov M.A., Pankratova A.M. *Istoriya Kazakhskoy SSR s drevneyshikh vremen do nashikh dnei* [History of the Kazakh SSR from ancient times to the present day]. Alma-Ata, KazOGIZ Publ., 1943, 670 p. (In Russ.)

Aldazhumanov K.S., Dzhunisbayev A.A. *Natsionalnyye voynskiyе soyedineniya Kazakhstana na frontakh voyny (1941-1945)* [National military formations of Kazakhstan at the war fronts (1941-1945)]. Almaty, Poligrafiya-servis i K Publ., 2021, 256 p. (In Russ.)

Asilov N.T. *Voynskiyе formirovaniya Kazakhstana na frontakh Velikoy Otechestvennoy voyny* [Military formations of Kazakhstan at the fronts of the Great Patriotic War]. Nur-Sultan, Military History Museum of the Armed Forces of the Republic of Kazakhstan Publ., 2021, 388 p. (In Russ.)

Balakayev T.B., Aldazhumanov K.S. *Istoriografiya Kazakhstana perioda Velikoy Otechestvennoy*

voyny [Historiography of Kazakhstan in the period of the Great Patriotic War]. *Aktualnyye problemy istorii Sovetskogo Kazakhstana* [Actual problems of the history of Soviet Kazakhstan]. Alma-Ata, 1980, pp. 113-124. (In Russ.)

Belan P.S. *Na vsekh frontakh: kazakhstantsy v srazheniyakh Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [On all fronts: Kazakhstanis in the battles of the Great Patriotic War 1941–1945]. Almaty, Galym Publ., 1995, 336 p. (In Russ.)

Dzhunisbayev A.A., Aldazhumanov K.S., Asanova S.A. *Kavaleriyskiye soyedineniya Kazakhstana v gody voyny (1941–1945): po materialam 81.96 i 105-y kavaleriyskikh diviziy* [Cavalry formations of Kazakhstan during the war (1941–1945): on materials of 81st, 96th and 105th cavalry divisions]. edu.e-history.kz: electronic scientific journal, 2020, No. 4 (24). URL: <https://clck.ru/39BR9a> (access date: 03.03.2024). (In Russ.)

Edygenov N.E. *Uchastiye kazakhstantsev v partizanskom dvizhenii v Belorussii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Participation of Kazakhstanis in the partisan movement in Belorussia during the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 208 p.; Edygenov N.E. *Uchastiye kazakhstantsev v partizanskom dvizhenii v Belorussii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Participation of Kazakhstanis in the partisan movement in Belorussia during the Great Patriotic War], 2-e izd. Almaty, Eltanym Publ., 2015, 192 p. (In Russ.)

Kozybayev M.K. *Izbrannyye trudy: v 2 t. T. 2* [Selected Works: in 2 vols. Vol. 2]. Almaty, Eltanym Publ., 2015, 304 p. (In Russ.)

Kuropatkov E.P., Sukhenko I.P., Frolov S.S., Ivanov V.P. *Boyevoj put 196-y Gatchinskoy Krasnoznamennoy strelkovoy divizii* [Battle path of the 196th Gatchina Red Banner Rifle Division]. Moscow, Academy of Historical Sciences Publ., 2007, 509 p. (In Russ.)

Nusupbekov A.N. *Kazakhstantsy v bitve pod Moskvoy* [Nusupbekov A.N. Kazakhstanis in the Battle of Moscow]. *Kazakhstan v Velikoy Otechestvennoy voyne ocherki* [Kazakhstan in the Great Patriotic War collection]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1968, vol. 1, 348. (In Russ.)

Pokrovskiy S.N. *Kazakhstanskiye soyedineniya na Kurskoy duge* [Kazakhstani formations at the Kursk Bulge]. Alma-Ata, 1973, 130 p. (In Russ.)

Tasbulatov A., Amanzholov K. *Voyennaya istoriya Kazakhstana: ocherki* [Military history of Kazakhstan. Essays]. Almaty, Rauan Publ., 1998, 175 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.04.2024; одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 17.05.2024.

The article was submitted 02.04.2024; approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 17.05.2024.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕНГЕРСКИХ И УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ В УСТАНОВЛЕНИИ ГИТЛЕРОВСКОГО «НОВОГО ПОРЯДКА» НА БРЯНЩИНЕ В 1941–1943 ГОДАХ

Занько Евгений Александрович, аспирант, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия, Z_E_A9696@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4863-1142>

Аннотация. Одной из малоизученных тем истории Великой Отечественной войны является участие в борьбе против Красной армии и советских партизан на стороне гитлеровцев граждан стран-союзников Третьего рейха и представителей ряда народов СССР; их роль в военных преступлениях против советского населения. Одним из подвергавшихся оккупации регионов СССР, где такое сотрудничество гитлеровцев и их союзников имело место в широких масштабах, стала Брянщина. Здесь в составе прогитлеровских формирований действовали такие союзники гитлеровцев, как французы, итальянцы, финны, испанцы, румыны, греки, хорваты, русины, а также ряд коллаборационистских формирований. В данной статье на основе архивных документов из брянских архивов, включая недавно рассекреченные документы из архива УФСБ по Брянской области, воспоминаний участников боевых действий и выживших очевидцев, изучено участие в геноциде мирного советского населения наиболее жестоких соратников гитлеровцев – подразделений венгров и украинских коллаборационистских формирований. Основное внимание сосредоточено на выяснении мотивов и целей соратников гитлеровцев, того, какие военные преступления они совершили и какова была их истинная роль в установлении и поддержании на Брянщине гитлеровского «нового порядка».

Ключевые слова: полк «Десна», коллаборационизм, военные преступления гитлеровцев, украинский добровольческий полк, партизаны Брянщины, геноцид.

Для цитирования: Занько Е.А. Деятельность венгерских и украинских националистических формирований в установлении гитлеровского «нового порядка» на Брянщине в 1941–1943 годах // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 53–59. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-53-59>

Research Article

ACTIVITIES OF NATIONALIST FORMATIONS OF HUNGARY AND THE UKRAINE IN THE ESTABLISHMENT OF HITLER'S "NEW ORDER" IN BRYANSK REGION (1941–1943)

Evgeny A. Zanko, postgraduate student of the correspondence department of Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia, Z_E_A9696@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4863-1142>

Abstract. The adoption of Hitler's side by the 3rd Reich satellite states' citizens as well as representatives of a number of peoples of the USSR for active participation against the Red Army and Soviet partisans, is one of the little-studied topics of the World War II East Front history; as well as the role of those persons in war crimes against Soviet civilians. Bryansk Region was one of the occupied territories of the USSR, where such collaboration took place on a large scale. Here, together with Hitler's Wehrmacht, such nationals as the French, Italians, Finns, Spaniards, Romanians, Greeks, Croats, the Ukraine Rusyns acted, as well as a number of Russian renegade formations. In this article, on the basis of archival documents from Bryansk archives, including recently declassified documents from the archives of the political police department of Bryansk Region, as well as on the basis of recollections of participants in fighting, casual witnesses and on the basis of testimonies of surviving victims, the participation of Hitler's most brutal collaborators – units of the Hungarian and Ukraine units – in the destruction of the Soviet civilians, is studied. The main attention is paid to the elucidation of criminal motives and purposes of Hitler's collaborators; to what concrete crimes against humanity they committed; and also what were the true scales of their role in the establishment and attempts to maintain Hitler's 'new order' in the occupied territory of Bryansk Region.

Keywords: 'Desna' regiment, collaboration, Hitler's war crimes, Ukraine volunteer regiment, partisans of Bryansk Region, Russia's appeal to world community to recognise WW II destruction of Soviet civilians as genocide.

For citation: Zanko E.A. Activities of nationalist formations of Hungary and the Ukraine in the establishment of Hitler's "new order" in Bryansk Region (1941–1943). Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 53–59 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-30-2-53-59>

Участие в войне с СССР союзников Германии, как и коллаборационистских формирований, остается одним из относительно слабо изученных аспектов Великой Отечественной войны. К настоящему времени эта тема наиболее основательно изучена в масштабе всей войны (М.И. Семиряга, Б.Н. Ковалев и др.), на примере наиболее крупных контингентов (итальянский альпийский корпус, испанская «Голубая дивизия» и др.) (Б.Н. Ковалев, А.В. Елпатьевский и др.). Относительно немного известно о союзниках гитлеровцев, находившихся в их «тени», – французах, бельгийцах, венграх, финнах, шведах и др., чьи формирования были менее многочисленны, но не менее жестоки и причастны к массовым преступлениям против советских граждан, многие из которых совершались совместно с коллаборантами. Их изучение представляет актуальную задачу, особенно на материале локальных территорий. Одним из них была Брянщина, оккупированная более двух лет, «новый порядок» в которой устанавливался и поддерживался гитлеровцами совместно с их многочисленными союзниками и коллаборантами. Выяснить доселе неизвестные страницы их совместных военных преступлений позволяют архивные документы региональных архивов, лишь недавно рассекреченные и вводимые в научный оборот, а также работы брянских историков (Ю.Т. Трифанков, Е.Н. Шанцева, В.В. Дзюбан), которые занимались данной темой.

С самого начала войны в составе вооруженных сил Третьего рейха сражались представители многих стран, оккупированных Германией. В основном национальные части использовались не для ведения регулярных боевых действий, а для борьбы с партизанами и карательных акций¹. Среди национальных формирований, действовавших на территории оккупированной гитлеровцами Брянщины, было больше всего венгерских. Необходимо отметить, что Венгрия накануне Великой Отечественной войны не имела территориальных претензий к СССР и поначалу немцы не сильно нуждались в её вооруженных силах. Однако в результате поражения в битве за Москву зимой 1941–1942 гг., когда вермахт понес большие потери в живой силе и технике, руководству Третьего рейха понадобились и венгерские силы. 6–9 января 1942 г. Будапешт посетил министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп. Он убедил регента М. Хорти отправить в СССР войска, чтобы «одолеть большевизм». Причиной вступления в войну также являлись и реваншистские настроения Хорти, который рассчитывал в обмен за помощь Германии получить от Румынии Южную Трансильванию [Варга:

80–81]. Кроме того, немцы стремились использовать формирования венгров, потому что не имели доверия к сформированной ими же местной полиции на оккупированных советских территориях².

В феврале 1942 г. Венгрия отправила на советско-германский фронт 207 тыс. человек [Варга: 89–97]. Их действия определялись директивой № 10 главы венгерского генштаба генерал-полковника Ф. Сомбатхейи, где приказывалось в борьбе с партизанами не скупиться на жестокость: сожжение населенных пунктов, убийство мирных жителей, конфискацию скота и продовольствия [Варга: 94].

Как показывали перехваченные приказы венгерского командования, в большинстве венгры не знали, что такое СССР и каково в действительности его население. Нацистская пропаганда уверяла их, что жить в СССР плохо, и воюют они потому, что если Красная армия захватит Венгрию, то якобы «уничтожит всю венгерскую нацию». Кроме того, немцы сообщали венграм, что советские партизаны издеваются над пленными венграми, чтобы у тех не было желания сдаваться³.

Непосредственно на территории Брянщины против советских партизан сражались части 108-й и 102-й венгерских пехотных дивизий под командованием генерал-лейтенанта О. Абта⁴. Их общая численность составляла 3 000–3 500 человек⁵. Однако поскольку венгерские части не были снабжены миномётами и артиллерией, не знали местности, а боевые качества венгерских солдат были относительно невысоки, то уже к весне 1942 г. венгры начали терпеть поражения от партизан [Попов: 282–283]. Как отмечали советские партизаны, венгры были храбры до первого боя, а получив первые удары, «настроение у них сильно падало». В сентябре 1942 г. 102-я дивизия из-за больших потерь была переведена в другой район. Несмотря на «страшилки» о жестокостях партизан, среди венгров нередкой была сдача в плен, из-за чего 1 мая 1942 г. немецкое командование приказало ловить и расстреливать всех дезертиров, трусов и паникёров⁶.

Большие потери, неясность своего положения, затяжной характер войны, страх перед партизанами, плохое снабжение обозлили и дезориентировали венгерские формирования, что, по мнению венгерских историков, вызывало у них желание сорвать злость на мирном населении, чем и объясняются большинство совершенных венграми военных преступлений. Так, в деревне Светлово Севского района, занятой 9 мая 1942 г., венгры убили всех жителей, кто не успел спрятаться; всех женщин изнасиловали; уг-

нали весь скот и разграбили имущество; после чего деревня была сожжена. 20 мая 1942 г. в деревне Слободка венгры пленили 67 крестьян, связали им руки и бросили в картофельную яму, после чего закидали её соломой и подожгли [Варга: 93–95]. Тогда же, 9–16 мая 1942 г., 200-я венгерская бригада совместно с 135-м немецким полком сожгла 43 населённых пункта в Суземском районе. Причём население подвергалось ужасным пыткам. В селе Устарь каратели в одном из подвалов убили 19 человек с помощью отравляющих веществ; множество женщин было изнасиловано, а потом расстреляно⁷.

11 апреля 1942 г. венгерские войска заняли деревню Угревище Комарического района. Венгры сожгли 300 жилых домов. Одним из жителей, И.М. Степченкова, они живём бросили в огонь; учителя Ф.С. Бунякова ранили и вырезали кожу на спине, а затем разрезали живот и вынули внутренности; четырёх колхозникам отрезали уши и носы, затем выкололи глаза и только потом расстреляли; венгры изнасиловали 10 девочек; четырёхлетней девочке Зине Князевой они сломали пальцы на руке; было расстреляно около 100 человек, остальных венгры угнали с собой. В селе Хвощёвка Севского района венгерские каратели сожгли 92 избы и расстреляли 172 человека, предварительно конфисковав у всех имущество. В посёлке Слепухино сожгли 31 дом и расстреляли 21 человека. В посёлке Забитый Хинельского сельсовета было сожжено 18 домов и расстреляно 12 человек. В селе Подлесные-Новосёлки было изнасиловано 50 женщин, включая несовершеннолетних девушек. В селе Бересток было сожжено 170 домов и расстреляно 181 человек, включая женщин и детей; при этом двум колхозникам щипцами оторвали пальцы на руках и ногах, выбили зубы, отрезали носы и половые органы, выкололи глаза и сожгли. Сёла Святово и Борисово были сожжены полностью⁸.

1 июня 1942 г. венгерские и немецкие карательные отряды полностью уничтожили 13 сёл в Выгоничском районе. Все это также сопровождалось издевательствами над мирным населением. Например, в селе Белоусовка венгры изнасиловали девушку Е. Белову, вывернули её руки, отрезали груди, выкололи глаза и потом застрелили. В селе Стегачёвка они расстреляли 12-летнего М. Третьякова. В селе Гутка повесили 8 человек. В селе Жихово каратели согнали 127 человек в сарай и подожгли его. При занятии села Пигаревка его полностью сожгли, а тех, кто пытался сбежать, расстреливали⁹.

В августе 1942 г. немецкие войска, выслеживая партизан, полностью сожгли деревню Глинное Навлинского района. Выжившее население ушло в лес и поселилось четырьмя группами рядом друг с другом. 5 января 1943 г. жителей бывшей деревни нашли в лесу венгры в количестве двадцати человек. Венгры

начали угощать детей сладостями, а взрослых хлебом, убеждали всех не бояться. На следующий день венгры в количестве 150 человек вернулись и приказали всем жителям собраться за 10 минут и отправиться в сторону Навли. Стариков, которые не могли идти, клали на подводы, а тех, кто не успел собраться за 10 минут, заставили идти босиком по снегу. Лишь нескольким людям удалось сбежать¹⁰.

16–30 сентября 1942 г. венгры заняли весь Навлинский район. Участь жителей деревень, кто не успел уйти вместе с партизанами, была плачевной: венгры сожгли 74 деревни; более двух тысяч человек были сожжены, расстреляны и утоплены; десятки угнаны в немецкое рабство. Во время оккупации Клинцов венгры жестоко избивали, а иногда и расстреливали нарушавших комендантский час [Шанцева, Дзюбан: 44–47].

25 сентября 1942 г. венгры, преследуя партизан из отряда им. Молотова, заняли деревни Думча и Вознесенское Вознесенского района и полностью сожгли их. Большинство населения из обеих деревень было угнано неизвестно куда¹¹. В январе 1943 г., преследуя партизанский отряд им. Ворошилова, Хомутовский район заняла большая карательная экспедиция, состоящая из частей СС, румын и 108-й венгерской дивизии. Заняв 11 сёл района, каратели грабили и истребляли мирных жителей по обвинению в «пособничестве партизанам» [Власов: 79–80]. 6 июля 1943 г. венгры заняли посёлок Парасочки. Обвинив в пособничестве партизанам, венгры вывели всё население посёлка и погнали в сторону леса, где уже была вырыта могила. По дороге они избивали людей, несмотря на крики, плачи и мольбы пощадить хотя бы детей. Доведя до братской могилы, венгры расстреляли 143 человека. Такую же участь повторили жители соседних сёл Важица, Голубочки, Ломанка, Новосергеевка [О героях былых времён: 177].

Если говорить о боевой эффективности венгров, то, с одной стороны, они сумели сделать так, чтобы их боялись и ненавидели. 13 января 1942 г. в одной из партизанских радиogramм сообщалось, что венгры «ещё более жестокие свиньи, чем немцы». 19 мая 1942 г. министр пропаганды Германии Й. Геббельс отмечал в своём дневнике, что, когда венгры сообщают об «умиротворении» какой-либо деревни, это означает, как правило, что там не осталось ни одного жителя, что создаёт трудности в проведении сельхозработ.

Однако в целом венгры плохо справлялись с возложенной на них гитлеровцами задачей по борьбе с партизанами. Им не только не удавалось подавить партизанское сопротивление, но, наоборот, своими зверствами они лишь объединяли население и заставляли его убеждаться, что партизаны – спасители [Варга: 95–98]. Как уже указывалось, поражения нередко вызывали у венгров страх. Партизаны не-

однократно сообщали, что венгры сражаются пьяными и нехотя, поэтому во время боёв немцы их гонят перед собой силой оружия¹². Все это вызывало злость у немцев, которые пренебрежительно относились к своим союзникам. Со стороны венгров иногда вспыхивали восстания. Так, в мае 1942 г., когда один из венгерских батальонов отказался воевать против партизан, немецкое командование бросило против него авиацию, в результате бомбардировок много венгров погибло¹³.

Если в 1942 г. немцы ещё могли удержать венгров на фронте, то с 1943 г., после поражения в Сталинграде, моральное состояние венгров совершенно пало. Венгры страдали от изношенной обуви, недостатка питания, отсутствия артиллерии и достаточного количества оружия, больших потерь, страха перед партизанами. Некоторые батальоны даже открыто грозились немцам, что уйдут, если не будет достаточно оружия. Среди венгров процветало хищение и воровство боеприпасов. Некоторые венгерские солдаты саботировали приказы начальства и отказывались сжигать дома или грабить колхозников. Заканчивалась подобными случаями арестом и передачей дел в военный трибунал, а также разжалованием. Однако это не помогало, множество венгров при первой же возможности переходили к партизанам, а потом вело огонь по своим бывшим союзникам¹⁴.

Помимо формирований своих союзников, гитлеровцы создавали националистические вооружённые формирования из народностей СССР, которые официально назывались «добровольческими» и более приспособленными для борьбы с партизанами¹⁵. На территории Брянской области действовали: белорусские националисты, грузинские, армянские, азербайджанские, но больше всего было украинских. Стоит сразу отметить, что, несмотря на близость Брянщины к УССР, следы политической деятельности ОУН(б)–УПА, ОУН(м) и Полесской сечи не фиксируются [Штоппер, Кукатов: 93]. На Брянщине украинские отряды выполняли, прежде всего, полицейско-карательные функции.

Формировались они из военнопленных украинской национальности из расположенного на Брянщине концлагеря «Дулаг-142», которые добровольно изъявляли желание служить Германии. Использование украинцев не было случайным. Ещё до войны по плану «Ост» немцы планировали посеять вражду между украинцами и великороссами [Шли на битву партизаны: 253]. Кроме того, использовать для борьбы с партизанами граждан окраинных государств рекомендовал командующий обеспечением тыла группы армий «Центр» генерал М. фон Шенкендорф: считалось необходимым использовать знания украинцами местности, языка для проведения антипартизанских операций¹⁶. Несмотря на название,

украинские формирования состояли также и из русских, которые, находясь в плену, меняли свои фамилии на украинские, поскольку украинцы содержались в лучших бытовых условиях¹⁷, поэтому иногда немцы называли полк «Десна» «русским полком». В нем также служили белорусы, татары, грузины и даже евреи [Трифанков, Шанцева: 126]. Командирами формирования становились бывшие командиры и политработники Красной армии, а также немецкие офицеры [Подпрятков: 179].

Желая набрать достаточно добровольцев, немцы проводили среди военнопленных агитацию, что якобы «Украина теперь свободна, но её свободу необходимо защитить оружием». Так, 18 августа 1942 г. в пригороде Брянска Орджоникидзеграде (Бежице) был сформирован украинский добровольческий полк «Десна» из 2 700 человек во главе с немецким майором Вейзе – комендантом «Дулаг-142». Полк состоял из пяти батальонов и одного артдивизиона¹⁸. Вступившие в полк давали клятву в верности А. Гитлеру [Шанцева, Дзюбан: 140].

Задача полка состояла в том, чтобы удерживать правый берег реки Десны и не допускать партизан в сёла за продовольствием. Полк сжигал сёла с целью лишить партизан связи с населением¹⁹. Батальоны и роты полка «Десна» дислоцировались на территории Брянского, Жирятинского, Почепского, Выгоничского, Навлинского и Трубчевского районов, где в основном и осуществлялись карательные мероприятия²⁰. Украинские полицейские установили в Брянщине жестокий пропускной и контрразведывательный режим, который, как и венгерский, по жестокости превосходил немецкий. Например, за сожжённый дом полицейские сжигали 10 домов мирных жителей. За убийство старосты расстрелу подлежало 10 человек [Трифанков, Шанцева: 133].

Особенной жестокостью выделялся 615-й батальон, возглавляемый обер-лейтенантом немецкой армии Кубелем. С июля 1942 г. по август 1943 г. 615-й батальон неоднократно участвовал в карательных экспедициях против советских партизан в лесах Выгоничского, Жирятинского, Навлинского районов Брянщины, где вёл бои с советскими партизанами. Каждая карательная экспедиция сопровождалась грабежами, насилием, арестами советских граждан²¹. В составе батальона особой жестокостью отличались татарин М. Тучков, бывший старший лейтенант РККА, в полку – командир роты, а также украинец из Днепрпетровска Я. Гольцев, бывший лейтенант артиллерии, в полку – переводчик командира батальона. Так, осенью 1942 г. в одном из сёл Выгоничского района они избивали крестьянку за то, что та скрыла от них самогон²².

18 мая 1942 г. 615-й батальон захватил деревню Княжичи Жирятинского района. Выбив из дерев-

ни партизан, каратели согнали всё мужское население в центр села, а затем из винтовок расстреляли. По дороге в Орджоникидзград украинские каратели зашли в село Байтичи и там расстреляли 8 человек, а потом село Княвичи и полностью его сожгли за то, что им оказали сопротивление партизаны, прежде чем отступить. Мирное население Княвичей было согнано в здание местной школы, которая была сожжена²³.

В июне 1942 г. в одной из деревень Трубчевского района каратели из 4-й роты арестовали семью Кислевич за то, что один из их сыновей был партизаном. Отец, сын и дочь подверглись жестокому избиванию, после чего 18-летнего Н. Кислевича расстреляли²⁴.

10 сентября 1942 г. один из батальонов полка «Десна» провёл карательную акцию в деревне Карбовка Погарского района за нападение на полицая. В наказание деревня была сожжена, 76 жителей расстреляно, остальные расселены по окрестным деревням. В деревне Ивановск Трубчевского района они расстреляли 10 человек; в деревне Голубчи – шесть; в селе Семячки – двух стариков, а командир карательной роты А. Сахаров изнасиловал 14-летнюю девочку [Головачёв: 55–56].

24 сентября 1942 г. 4-я рота 617-го батальона полка «Десна» сожгла село Вздружное и посёлок Ворошиловский Навлинского района. На следующий день каратели пригнали население этих населённых пунктов на берег р. Десны возле деревни Ивановск Трубчевского района и расстреляли из автоматов²⁵. Зимой 1942 г. бойцы полка принимали участие в ограблении сёл Водружное и Дворкино Почепского района. Под предлогом борьбы с партизанами каратели отбирали у крестьян кур, мёд, сало и другие продукты²⁶.

В 1943 г. в руки брянских партизан попал акт «Десны» от 1 ноября 1942 г., где сообщалось, что все дороги в районе действия полка заминированы, но обычные миноискатели не могут засечь мины, из-за чего бойцы полка всё время на них подрываются. Поэтому предписывалось для разминирования использовать гражданское население. Обычные люди должны были идти по дорогам вместе с бороной и таким образом находить зарытые мины. Вслед за людьми должны были идти патрули на расстоянии не менее 25 метров. Предписывалось изымать бороны и лошадей у населения²⁷.

Если говорить про боевую эффективность украинского полка «Десна», то она была примерно такой же, как и у венгров. Он сумел добиться страха со стороны мирного населения, которое подчас считало украинцев более нахальными, чем даже сами немцы²⁸. Однако, несмотря на карательные акции против партизан и террор по отношению к мирному населению, деснинцы не смогли подавить партизанское движение [Трифанков, Шанцева: 149]. Кроме того, высо-

кие потери, отсутствие у многих из них осознанной мотивации воевать, нескрываемое презрение со стороны немцев привело к тому, что украинские полицейские отряды легко поддавались советской контрпропаганде. Они охотно слушали чтение советских газет, которое партизаны устраивали, стоя на своем берегу р. Десны, и интересовались положением в СССР и на фронтах²⁹. К 1943 г. многие деснинцы уже не верили заявлениям немцев о скорой победе³⁰.

В результате двух с лишним лет оккупации на Брянщине было убито 74 744 мирных жителя, уничтожено 1 000 населённых пунктов и сожжено около 200 000 домов [Трифанков, Шанцева: 220]. Установить, какая доля этих жертв на руках 108-й венгерской дивизии и украинского добровольческого полка «Десна», практически невозможно, поскольку эти формирования редко действовали в одиночку, обычно совершая карательные акции вместе с немцами. Не вели такие подсчеты партизаны и советские спецслужбы, не делая никакой разницы между гитлеровцами и их приспешниками.

Тем не менее можно сказать, что венгерские и украинские формирования приняли самое деятельное и непосредственное участие в установлении и поддержании на Брянщине беспощадного карательно-полицейского режима, по малейшему подозрению в связи с партизанами сожгли несколько сотен сёл, с особой жестокостью убили несколько тысяч мирных жителей и гораздо больше угнали в рабство. При этом своими репрессиями венгры и украинские коллаборационисты лишь сплывали население, давали веский повод советским партизанам на справедливое возмездие. Они не смогли посеять среди населения региона тотальный страх и подавить партизанское движение. Причины этого были, по-видимому, в том, что ни венгры, ни украинцы, по сути, не имели глубокой осознанной мотивации сражаться за гитлеровский «новый порядок»: если для первых ведущим мотивом был страх перед гитлеровцами, то для многих украинцев – желание «пересидеть» тяжелые времена в карательных отрядах. Отсутствие налаженного снабжения продовольствием и боеприпасами, уничижительное отношение со стороны гитлеровцев, высокие потери, осознание неотвратимости возмездия по мере успехов Красной армии вкупе с вышеперечисленными обстоятельствами приводило к тому, что и венгры, и украинцы использовались гитлеровцами прежде всего и в основном для расправ над мирным населением, но не для боев с Красной армией и сильными партизанскими отрядами.

Примечания

¹ Центр документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО). Ф. 1650. Оп. 1. Д. 71. Л. 9.

- ² ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 321. Л. 104.
³ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 71. Л. 27.
⁴ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 71. Л. 27–28.
⁵ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 73. Л. 41.
⁶ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 71. Л. 27.
⁷ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 15. Л. 6–7.
⁸ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 45. Л. 29–30.
⁹ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 244. Л. 4–5.
¹⁰ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 125. Л. 21.
¹¹ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 125. Л. 1.
¹² ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 15. Л. 105.
¹³ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 15. Л. 8.
¹⁴ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 87. Л. 5–6.
¹⁵ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 33. Л. 259.
¹⁶ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 135. Л. 10.
¹⁷ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 71. Л. 4.
¹⁸ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 71. Л. 10–11.
¹⁹ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 125. Л. 55.
²⁰ Архив УФСБ по Брянской области (далее – АУФСБ по Брянской области). Ф. 9. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
²¹ АУФСБ по Брянской области. Ф. 9. Оп. 109. Д. 1. Л. 7.
²² АУФСБ по Брянской области. Ф. 9. Оп. 109. Д. 2. Л. 41.
²³ АУФСБ по Брянской области. Ф. 9. Оп. 109. Д. 2. Л. 240–242.
²⁴ АУФСБ по Брянской области. Ф. 9. Оп. 109. Д. 1. Л. 173.
²⁵ АУФСБ по Брянской области. Ф. 9. Оп. 109. Д. 1. Л. 172.
²⁶ АУФСБ по Брянской области. Ф. 9. Оп. 109. Д. 2. Л. 34.
²⁷ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 125. Л. 43.
²⁸ АУФСБ по Брянской области. Ф. 9. Оп. 109. Д. 2. Л. 34.
²⁹ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 48. Л. 168.
³⁰ ЦДНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 125. Л. 28.

Список литературы

- Варга Е.* Венгрия в войне против СССР: события 1942 г. // Великая Отечественная война. 1942 год: Исследования, документы, комментарии; под ред. В.С. Христофорова. Москва: Главное архивное управление города Москвы, 2012. С. 79–108.
- Власов Ф.А.* В лесах непокорённой Брянщины. Пушкино, 2006. 283 с.
- Головачёв П.Н.* Отечественная война в Брянских лесах и «Серые волки». Москва, 2012. 122 с.
- О героях былых времён / сост. В. Коваленко. Клины: Клиновская городская типография, 2010. 182 с.
- Подпрятков Н.В.* Национальные воинские формирования народов Советского Союза в СССР и фашистской Германии в годы Второй мировой войны. Пермь, 2006. 234 с.

Попов А.Ю. Диверсанты Сталина: НКВД в тылу врага. Вече, 2018. 814 с.

Трифанков Ю., Шанцева Е., Дзюбан В. История оккупации Брянской области в годы Великой Отечественной войны: Партизанское движение и коллаборационизм (1941–1945 гг.): монография. Брянск: БГТУ, 2012. 385 с.

Шанцева Е., Дзюбан В., Трифанков Ю. Брянщина в период оккупации 1941–1943 гг.: Генезис партизанского движения и коллаборационизма: монография. Брянск: БГТУ, 2010. 290 с.

Шли на битву партизаны: сб. материалов научной конференции о всенародной борьбе в тылу врага на оккупированной территории Брянщины в период Великой Отечественной войны 1941–1943 гг. / сост. А. Юденков. Брянск, 1972. 254 с.

Штоппер С., Кукатов А. Нелегальный Брянск. 1941–1943 гг. Нелегальная деятельность различных сил в оккупированном Брянске и Орджоникидзеграде с 6 октября 1941 по 17 сентября 1943 года. Брянск: ООО «Буквица», 2014. 336 с.

References

Golovachjov P.N. *Otechestvennaja vojna v Brjanskikh lesah i «Serye volki»* [The Patriotic War in the Bryansk forests and the “Gray Wolves”]. Moscow, 2012, 122 p. (In Russ.)

O gerojah bylyh vremjon [About the heroes of bygone times]. Klinsky, 2010, 182 p. (In Russ.)

Podprjatov N.V. *Nacional'nye voinskie formirovanija narodov Sovetskogo Sojuza v SSSR i fashistskoj Germanii v gody Vtoroj mirovoj vojny* [National military formations of the peoples of the Soviet Union in the USSR and Nazi Germany during the Second World War]. Perm, 2006, 234 p. (In Russ.)

Popov A.Ju. *Diversanty Stalina: NKVD v tylu vraga* [Stalin's saboteurs: The NKVD behind enemy lines]. Vech Publ., 2018, 814 p. (In Russ.)

Shanceva E., Dzuban V., Trifankov Ju. *Brjanshhina v period okkupacii 1941-1943 gg.: Genezis partizanskogo dvizhenija i kollaboracionizma: monografija* [Bryansk region during the occupation of 1941–1943: The genesis of the partisan movement and collaboration: monograph]. Brjansk, BSTU Publ., 2010, 290 p. (In Russ.)

Shli na bitvu partizany. Sbornik materialov nauchnoj konferencii o vsenarodnoj bor'be v tylu vraga na okkupirovannoj territorii Brjanshhiny v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1943 gg. [The partisans were going to battle. Collection of materials of the scientific conference on the national struggle behind enemy lines in the occupied territory of the Bryansk region during the Great Patriotic War of 1941–1943]. Brjansk, 1972, 254 p. (In Russ.)

Shtopper S., Kukatov A. *Nelegal'nyj Brjansk. 1941–1943 gg. Nelegal'naja dejatel'nost' razlichnyh sil v okkupirovannom Brjanske i Ordzhonikidzegrade s 6 ok-*

tjabrja 1941 po 17 sentjabrja 1943 goda [Illegal Bryansk. 1941-1943. Illegal activities of various forces in occupied Bryansk and Ordzhonikidzograd from October 6 1941 to September 17 1943]. Brjansk, Bukvica Publ., 2014, 336 p. (In Russ.)

Trifankov Ju., Shanceva E., Dzuban V. *Istorija okkupacii Brjanskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: Partizanskoe dvizhenie i kollaboracionizm (1941–1945gg.): monografija* [The history of the occupation of the Bryansk region during the Great Patriotic War: The Partisan movement and collaboration (1941-1945): monograph]. Brjansk, BSTU Publ., 2012, 385 p. (In Russ.)

Varga E. *Vengrija v vojne protiv SSSR: sobytija 1942 g.* [Hungary in the war against the USSR: the events

of 1942]. *Velikaja Otechestvennaja vojna. 1942 god: Issledovanija, dokumenty, kommentarii* [The Great Patriotic War. 1942: Research, documents, comments]. Moscow, 2012, pp. 79-108. (In Russ.)

Vlasov F.A. *V lesah nepokorjonnoj Brjanshhiny* [In the forests of the unconquered Bryansk region]. Pushkino, 2006, 283 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 11.05.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 11.05.2024; accepted for publication 13.05.2024.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ШКОЛЯРЫ (к вопросу об отношениях с городской и университетской средой)

Гусева Марина Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет, Иваново, Россия, gmar@inbox.ru

Аннотация. Средневековые университеты были сосредоточением интеллектуальной мысли своей эпохи. Они оставили глубокий след в культурной жизни стран. Большинство университетов возникали или рядом с городом, или внутри муниципальных стен. Это заставляло город и университет выстраивать свою систему отношений, а «ученое сообщество» – предъявлять определенные требования к учащимся, в частности к внешнему виду, поведению, форме занятий. Исследование показало, что своеобразным идеалом для университета выступало монашеское общежитие, скромность студентов, стремление к знаниям. Так, одежда должна была отражать статус учащегося, принадлежность к определенному факультету или землячеству. Запрещалось носить заостренные туфли, оружие, демонстрировать богатство, достаток. Форма и механизм проведения занятий также регламентировались со стороны администрации университетов. Особые отношения складывались у школяров с окружающей их городской средой. Важно было контролировать пришлых людей в городе, регулировать плату студентов за наемные квартиры, закрепление их за магистрами. В большинстве конфликтов между сторонами королевская власть принимала позицию университетов. В итоге, в частности, в Кембридже сформировалась модель «Кембридж – город в университете».

Ключевые слова: университет, Средние века, одежда, поведение, отношения «ученого сообщества» и города.

Для цитирования: Гусева М.А. Средневековые школяры (к вопросу об отношениях с городской и университетской средой) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 60–65. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-60-65>

Research Article

MEDIEVAL SCHOLASTIC GUILDS MEMBERS (on the issue of relations with urban and university environment)

Marina A. Guseva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, agro-biotechnological university of the Upper Volga, Ivanovo, Russia, gmar@inbox.ru

Abstract. Medieval universities were the centre of intellectual thought of their era. They had left a deep mark on the cultural life of national states. Most universities emerged either near a town or within its walls. This forced the town and the university to build their own system of relations; while the ‘scholastic guild’ imposed certain requirements on the students, in particular on their appearance, behaviour and form of study. The paper showed that what acted as a kind of ideal for the university, was the monastic dormitory, the modesty of students, the pursuit of knowledge. Thus, clothing was to reflect the status of a student, belonging to a certain faculty or being a compatriot. Stiletto shoes, cold weapons, ostentatious wealth – all these things were forbidden to wear or to possess. The form of study and the programme of classes were also regulated by the university administration. A special relationship was formed with the surrounding urban environment in the ‘guild’ members. It was important to control new inhabitants in the town, the timeliness of students’ payment of their hired accommodation; many of the above responsibilities were assigned to the masters. In most conflicts between the parties, the royal authority would accept the position of the universities. As a result, in Cambridge in particular, the model of ‘Cambridge – a city within a university’ formed.

Keywords: university, Middle Ages, clothing, behaviour, relations between “scholastic guild” and town.

For citation: Guseva M.A. Medieval scholastic guilds members (on the issue of relations with urban and university environment). Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 60–65 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-60-65>

Средневековый университет соединил в себе людей, которые хотели получить знания, и людей, способных эти знания дать. Со временем из стен университетов вышла особая плеяда «ученых людей», генерирующая и интересующаяся новыми идеями, которые нередко опережали свою эпоху.

Интересно рассмотреть, что же представляло собой средневековое студенчество (деление на «нации», образ монашеского общежития, формы проведения занятий), а также как складывались отношения «ученого сообщества» с городской и университетской средой, установить требования последней к «своим» подопечным.

В англоязычной медиевистике средневековые университеты изучены довольно хорошо [Brooke, Cobban, Rashdall]. Так, работы А. Коббана охватывают основные вехи истории старейших университетов Англии – Оксфорда и Кембриджа, деятельность колледжей. В отечественной историографии освещение получили лишь отдельные аспекты деятельности университетов [Гусева 2014: 11–14]. В частности, события XIV века в Кембридже, а именно восстание У. Тайлера, где гнев горожан оказался направлен на представителей «ученого сообщества», рассмотрены в работе А.А. Кирилловой [Кириллова]. Отношения церкви с университетами изучали М.Н. Панютина, В.А. Евсеев [Евсеев, Панютина: 123–125]. Отдельное изыскание В.А. Евсеева посвящено анализу взаимосвязи между университетскими и городскими корпорациями Оксфорда и Кембриджа, установлению причин их конфликтов в XIII–XIV веках [Евсеев: 37–58]. Коллективный труд по истории европейского Средневековья являет собой «Город в средневековой цивилизации Западной Европы». В нем представлены различные стороны жизни городов указанной эпохи. В частности, П.Ю. Уваров на примере Парижского университета показал его роль в жизни отдельных регионов и королевства в целом, деятельность землячеств или «наций» в вопросах самоуправления данного «ученого сообщества» [Город 4: 51–65]. А.В. Лычагин исследовал взаимоотношения английских университетов с церковью и городской средой в XIII – начале XV века [Лычагин]. Общие вопросы происхождения средневековых университетов Европы, их структуру, основные формы обучения изучили О.Э. Душнин и В.В. Ряполов [Душнин: 26–31; Ряполов: 15].

Таким образом, мы видим, что в центре внимания отечественных и зарубежных медиевистов находились общие вопросы социально-политического, социально-экономического характера, история отдельных университетов. Отношения «ученых мужей» с городом и университетской средой остаются пока относительно неизученными вопросами. Частично восполнить эти пробелы призвана настоящая работа.

В качестве источников для нашего изыскания послужили «Анналы Кембриджа», или «Погодные записи Кембриджа». В них представлен перечень основных событий жизни города. В частности, в издании мы находим информацию о появлении в пределах городской черты университета, отдельных аспектах отношений «ученого сообщества» и местных жителей, муниципальной общины. В исследовании задействован первый том издания [Annals 1].

Другими источниками являются статуты отдельных университетов Европы, послания монархов, переписка школяров. Они представлены в изданиях «Документов по истории университетов Европы XII–XV вв.» [Документы], «Антологии педагогической мысли христианского Средневековья» [Антология].

Первое собрание скомпоновано по разделам, отражающим разную направленность представленных документов. В частности, «Университет и католическая церковь», «Организационная структура университетов», «Учебный процесс» и др. Второе также подразделено на главы. Например, «Рождение средневековой педагогики – основания европейского образования». «Христианское образование и Античность». Другой том издания представлен рубриками: «От схолии к схоластике: становление педагогики классического средневековья», «Единство и многообразие: средневековые педагогические идеалы», «Учительный долг: магистр в школе и университете». В нашем исследовании использован второй том собрания, затрагивающий XI–XV века.

Отдельные сведения о жизни университетов, взаимоотношениях с внешней средой представлены в труде П. Абельяра «История моих бедствий» [Абельяр].

Все указанные документы дают нам довольно большой пласт информации по истории и различным внутренним аспектам жизни университетов Европы. Находят в них свое отражение и вопросы взаимоотношений «ученых сообществ» с муниципальной средой, горожанами.

Средневековый университет был одним из центров учености своей эпохи. Инициаторами создания «ученых сообществ» могли выступить как светская власть, так и церковь. Первой требовались грамотные чиновники, юристы, второй – знающие проповедники, специалисты канонического права. Некоторые из университетов образовывались стихийно, например, как в Кембридже. При этом церковь обладала правом пожалования магистрам, получившим степень в одном университете, возможности преподавания в других учебных заведениях. Подобное правило распространялось не на все университеты Европы. В частности, оксфордские магистры не обладали данной привилегией, а Кембриджский университет пользовался ей уже с XIV века. Согласно булле Папы Александра IV от 1255 г., магистры университета Са-

ламанки после соответствующего экзамена получали право преподавать в любом университете Европы, исключая Париж и Болонью [Документы: 25].

Студенческое сообщество делилось на землячества или «нации». Так, в XIII веке в Болонье было 13 землячеств. В Пражском университете в XIV веке было всего 4 землячества: богемское, польское, баварское, саксонское.

В разных университетах состав одних и тех же «наций» мог отличаться. Например, в Болонском университете к «германской нации» относились богемцы, моравяне, литовцы и датчане. В Пражском университете моравяне, венгры и славяне входили уже в богемскую «нацию». Представители от каждой «нации» находились в качестве советников при ректоре университета.

Интересно, что национальный состав и название «наций» мог зависеть от политической обстановки в стране. Так, во время Столетней войны «английская нация» Парижского университета была переименована в германскую, а большинство англичан покинули университет [Город 4: 55].

Отметим, что присутствие школяров на определенных занятиях регламентировалось также принадлежностью к землячествам. В частности, статуты Болонского университета в начале XV века указывали, что при анатомировании мужского трупа 5 слушателей должны были представлять ломбардскую «нацию», 4 – тосканскую, 4 – римскую, 3 – ультрамонтанскую, 3 – город Болонья. При вскрытии женского тела 8 человек были из ломбардской «нации», 7 – из тосканской, 7 – из римской, 5 – из ультрамонтанской, 3 – жители Болоньи [Документы: 45].

По данным П.Ю. Уварова, зачастую «нации» объединяли жителей одного региона, которые в обычной жизни были разобщены и не воспринимали себя как единое целое. Традиционно прибывший в Париж студент приписывался к одному из преподавателей своего землячества. Самостоятельный выбор учителя школяром был весьма ограничен – действовал принцип территориального единства.

«Нация» могла ходатайствовать перед факультетами о дополнительной помощи своим землякам, помогала нести расходы, связанные с получением степени; отстаивала интересы соотечественников в различных конфликтах и спорах. Также «нации» играли знаковую роль в системе присвоения степеней. Представители землячеств следили за качеством преподавания, вмешивались в решение административных дел. В частности, в 1443 г. французская и пикардийская «нации» не поддержали решение старших факультетов о проведении значимой процессии и запретили студентам в день торжества появляться на улице [Город 4: 54, 60].

Таким образом, землячества играли довольно весомую роль в жизни университетов, школяров.

На наш взгляд, можно говорить и об определенной иерархии факультетов. Например, в университетских статутах мы находим указания на порядок следования представителей разных сообществ на значимых церковных и светских мероприятиях. Возглавлял процессию ректор, далее располагались магистры теологии, доктора канонического права, доктора гражданского права, магистры медицины, деканы, лиценциаты, ... , бакалавры теологии. Последние должны были присутствовать в беретах, а по особому распоряжению – в мантиях.

В Парижском университете особое внимание было уделено учащимся свободных искусств и теологии. В частности, при погребении студентов данных факультетов обязательно было присутствие половины магистров. Если же умирал один из магистров, то остальные должны бодрствовать всю ночь и лично читать псалтырь или обеспечивать другим способом его чтение [Документы: 10, 40].

Средневековый школяр за период обучения мог проявить себя в разных видах работы: как хороший слушатель, убедительный оратор, талантливый диспутант. Известно, что основными формами обучения были лекции, диспуты и «репетиции» [Антология 2: 206]. Последнее представляло собой вариант, отчасти напоминающий современный коллоквиум. Обычно данное занятие проходило в форме детального объяснения определенного отрывка текста, иногда это был оживленный диалог между магистром и школяром. Практиковалось повторение уже прочитанного, его сжатый пересказ. В диспутах же ученик и учитель могли доказывать противоположные точки зрения [Абеляр: 1–2].

Университеты предъявляли отдельные требования к поведению, внешнему виду и образу жизни «своих» школяров. Стремилась они регулировать и их отношения с городской средой.

Известно, что в Средние века одежда человека отражала его статус, социальное положение. Внешний вид школяров должен был указывать на принадлежность к факультету, место в иерархии в качестве «ученого мужа».

Например, в Сорбонне в XIV веке разрешалось использовать лишь закрытое верхнее одеяние. Запрещались любые украшения, в частности шелковая отделка. В Парижском университете магистрам следовало носить строгую черную мантию, спускающуюся до пят. Разрешалось использование паллия. Но запрещалось носить туфли с удлиненными носками или особой отделкой. Магистр искусств во время лекций, диспутов не мог надевать митру и укороченное по бокам верхнее платье [Документы: 19, 36, 61]. В период возведения в степень в классах и на проповедях студенты факультета «свободных искусств» носили мантию или сутану. Это показывало важность момента [Антология 2: 208].

Нередко школяры нарушали подобные требования, что вызывало недовольство среди простых обывателей. Например, в Кембридже в начале XIV века горожане жаловались на слишком привольную и вызывающую одежду школяров, веселый нрав, длинные волосы, спадающие на плечи, завитые и напудренные. Их одежда была оторочена дорогим мехом и имела свисающие рукава, которые не прикрывали локти. Туфли удивляли своей расцветкой – в красную и зеленую клетку. Пальцы школяров украшались кольцами, а на талии находились большие и дорогие пояса, покрытые эмалью с позолотой [Annals 1: 95].

Обычно каждая университетская община имела свой знак на одежде, который был записан в специальной книге. А любой член сообщества мог понять принадлежность школяра к «нации», факультету.

Одежда могла свидетельствовать и о статусе своего владельца в качестве «ученого мужа». Например, статуты Парижского университета сообщали, что «студент, претендующий на степень бакалавра, приходит на публичный акт... находясь в своей обычной одежде. После этого педель велит ему подняться, облачиться в одежду бакалавра и сесть между бакалаврами...» [Документы: 55]. Студенты факультета «свободных искусств» в период возведения в степень и при получении права на преподавание должны были носить мантии или сутаны в классах, на проповеди.

Университеты стремились создать идеал «ученого мужа», который ведет близкий к монашескому образ жизни [Антология 2: 188–189]. Так, в своем произведении П. Абеляр призывал вместо изысканных кушаний питаться полевыми растениями и сухим хлебом, вместо мягких постелей – устраивать себе ложе из сена и соломы... Ссылался он и на Ветхий завет, когда «сыны пророческие, были подобны монахам, строили себе хижины вблизи реки Иордана и, оставив города и шумные скопления людей, питались ячменной крупой и полевыми травами» [Абеляр: 12].

В документах медицинской школы в Монпелье говорилось, что «будущий выпускник не должен мечтать о богатстве или погоне за счастьем, но точно стремиться прочесть знаки в книге Природы...» Статуты же факультета «свободных искусств» Парижского университета указывали, что студентам следовало слушать лекции, сидя на полу, дабы показать смирение.

В середине XIV века врач из Валенсии писал сыновьям, что нужно ограничивать себя в пище, в частности в употреблении сырых луковиц, молока и сыра, которые притупляют разум и чувства. Необходимо гулять каждый день по утрам и вечерам, часто играть в мяч. Это позволит сохранить здоровье [Документы: 13, 53].

Пропагандировались идеи общежития, совместных трапез, где нужно быть немногословным и скром-

ным. Принимать пищу у себя в комнате можно только при болезни или наличии кровоточащих ран. Остатки пищи возвращались распорядителю, который передавал их бедным клирикам. Запрещались пляски перед домом, азартные игры и «что-либо неподобающее перед началом лекции» [Документы: 36, 61, 66].

Своя система отношений складывалась у школяров с окружающей их городской средой. В частности, это касалось разделения полицейско-контрольных и административных функций сторон.

Очевидно, что университеты привлекали к себе большое число людей. Возникал вопрос о необходимости регулирования их пребывания в пределах городской черты. Так, статуты Кембриджа требовали, чтобы каждый школяр был прикреплен к определенному магистру или покинул город в течение двух недель. В Париже никто не мог считаться студентом, если не имел учителя, способного за него поручиться. На это будущему школяру отводилось 15 дней. Запрещалось учащимся носить оружие или что-то похожее на него, а университету – защищать нарушителей покоя, которые формально числились студентами, но на занятиях не присутствовали [Документы: 19, 24]. В Кембридже в домах, где проживали школяры, была введена должность «старшего» или принципала, отвечавшего за поведение «своих» подопечных. А с 1268 г. в каждом городском квартале избирались двое уважаемых местных жителей, которые контролировали нахождение на территории пришлых людей [Annals 1: 52, 117].

Другой проблемой во взаимоотношениях школяров и горожан был вопрос платы за съемное жилье, приобретаемую пищу, бытовые принадлежности. Известно, что университеты изначально не имели своих помещений и были вынуждены снимать их у горожан. Последние нередко завывали арендную плату. Так, в XIII веке в Кембридже была создана специальная комиссия из горожан и представителей университета, которая контролировала плату за сдаваемое местными жителями жилье [Annals 1: 52]. В документах Парижского университета мы находим жалобу «ученого сообщества» о «досаждении школярам по уплате таксы за дома». В Кракове в XIV веке при основании университета король потребовал, чтобы новоприбывшие школяры могли покупать пищу без дополнительной пошлины, а дрова, приобретенные за пределами Краковской провинции, ими свободно провозились в город.

Исследование показало, что постепенно отношения между городом и университетами стали выстраиваться в относительно стройную систему [Гусева 2018: 139–141]. Но большая часть привилегий постепенно переходила к «ученому сообществу». Так, вопрос подсудности школяров был решен в пользу университетов, церкви. Клирики оказались непод-

судными для светского суда, а школяры-миряне не-досягаемы для властей города. При анализе статута можно сказать, что в большинстве возникающих конфликтов виновенной стороной оказывались горожане, которые «всячески препятствовали росту науки» [Документы: 63–64].

Также на протяжении Средневековья отмечается и рост земельных владений университетов, образуются целые кварталы, где компактно проживали школяры. Подобный район появился в центре Парижа в середине XIV века. А дофин Карл разрешил перекрыть улицы воротами, дабы оградить студентов от преступных посяганий горожан и других «врагов науки» [Документы: 64]. В Кембридже в XIV–XV веках на территории города образуется ряд крупных университетских колледжей: Клэр, Пембрук, Гонвилл и Кэйюси, Тринити Холл, Корпус Кристи. Заметим, что изначально колледжи основывались по принципу монастырского общежития. Основатель колледжа даровал ему городские дома, земельные участки, которые в дальнейшем разрастались. Постепенно владения университетских колледжей оказывались неотъемлемой частью городской среды. Так, в 1446 г. жители Кембриджа жаловались королю на опустение домовладений и невозможность собрать десятинный сбор, связывая это с возросшими владениями Кингз колледжа и исключением школяров, магистров из системы налогообложения [Annals 1: 197–198]. Заметим, что если в XIV веке по объему налогообложения Кембридж занимал 20-е место из 42 городов, то в начале XVI века находился уже на 29-м месте [Hoskins: 176–177].

Таким образом, мы видим, что университеты, возникнув внутри муниципального сообщества, вынуждены были выстраивать свою систему отношений с городом. Школяры же требовали пристального внимания со стороны университетских властей. Последние пропагандировали образ студента, который должен вести близкий к монашескому стиль жизни, стремиться к познанию наук. Статуты университетов регламентировали одевание и поведение школяров, призывая их к умеренности. Муниципальные корпорации также организовывали свою систему отношений с «учеными сообществами».

Однако постепенно университеты стали завоевывать все больше привилегий, которые ограничивали свободы городских корпораций. Отмечается рост земельных владений «ученых сообществ». Они освобождаются от налогового бремени, а клирики и школяры становятся неподсудными для суда городов. Таким образом, сформировалась, в частности в Англии, модель «Кембридж – это город в университете».

Список литературы

Антология педагогической мысли христианского Средневековья. Т. 2 / сост., вступ. ст. и общ. ред.

В.Г. Безрогова, О.И. Варьяш. Москва: Аспект Пресс, 1994, 352 с.

Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Extra muros: город, общество, государство. Т. 4. Москва: Наука, 2000. 354 с.

Гусева М.А. Контрольно-полицейские полномочия городских властей Кембриджа и университета в XIII веке. Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Архангельск: САФУ, 2014. № 1. С. 11–14.

Гусева М.А. К вопросу об отношениях города и университета Кембриджа в XIII–XIV веках // Аграрный вестник Верхневолжья. 2018. № 4. С. 139–141.

Документы по истории университетов Европы XII–XV вв. / под ред. Г.И. Липатниковой. Воронеж: ВГПИ, 1973. 157 с.

Душин О.Э. Средневековые университеты: у истоков европейского высшего образования // Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 17. Вып. 2. С. 26–31.

Евсеев В.А., Панютина М.Н. Церковь и становление английских средневековых университетов. Церковно-исторический ежегодник. Иваново: ИВГУ, 2002. С. 123–125.

Евсеев В.А. Борьба университетской и городской корпораций: столкновения школяров и горожан (на примере Оксфорда и Кембриджа XIII–XIV вв.) // Интеллигенция и мир. 2024. № 1. С. 37–58.

Кириллова А.А. Классовая борьба в городах Восточной Англии в XIV вв. Вопросы социальной и классовой борьбы в английских городах XIV–XV вв. Москва: [б. и.], 1969. С. 240–249.

Лычагин А.В. Эволюция взаимоотношений английских университетов с церковью, государством и городской средой в XIII – первой половине XV вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь: СГУ, 2001. 314 с.

Ряполов В.В. Возникновение средневековых университетов: содержание и формы обучения // Бизнес и дизайн ревю. 2018. № 1 (9). 15 с.

Annals of Cambridge, ed. by Ch.H. Cooper. Cambridge, Warwick and Co., 1842, vol. 1, 452 p.

Brooke Ch. A History of the University of Cambridge. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2004, 320 p.

Cobban A.B. The English university life in the Middle Ages. Cambridge, Scholar press, 2004, 281 p.

Cobban A.B. The Medieval Universities: their development and organization. London, Methuen, 1975, 264 p.

Hoskins W. Local history of England. London, Longman, 1959, 307 p.

Rashdall H. The Universities of Europe in the middle ages. Cambridge, Cambridge univ. press, 2010, 562 p.

References

Antologija pedagogičeskoj mysli hristianskogo Srednevekov'ja [An anthology of pedagogical thought of the Christian Middle Ages], comp., introductory article and

general ed. by V.G. Bezrogov, O.I. Varyash. Moscow, Aspekt Press Publ., 1994, vol. 2, 352 p. (In Russ.)

Dokumenty po istorii universitetov Evropy XII–XV vv. [Documents on the history of European universities of the XII–XV centuries], ed. by G.I. Lipatnikovoj. Voronezh, VGPI Publ., 1973, 157 p. (In Russ.)

Evseev V.A., Panjutina M.N. *Cerkov' i stanovlenie anglijskih srednevekovyh universitetov* [The Church and the formation of English medieval universities]. *Cerkovno-istoricheskij ezhegodnik* [Church historical yearbook], 2002, pp. 123–125. (In Russ.)

Evseev V.A. *Bor'ba universitetskoj i gorodskoj korporacij: stolknovenija shkoljarov i gorozhan (na primere Oksforda i Kembriidzha XIII–XIV vv.)* [The struggle between university and city corporations: clashes between schoolchildren and townspeople (on the example of Oxford and Cambridge in the XIII–XIV centuries)]. *Intelligencija i mir* [Intelligentsia and the World], 2024, No. 1, pp. 37–58. (In Russ.)

Gorod v srednevekovoj civilizacii Zapadnoj Evropy. Extra muros: gorod, obshhestvo, gosudarstvo [A city in the medieval civilization of Western Europe. Extra muros: city, society, state]. Moscow, Nauka Publ., 2000, vol. 4, 354 p. (In Russ.)

Guseva M.A. *Kontrol'no-policejskie polnomochija gorodskih vlastej Kembriidzha i universiteta v XIII veke* [The control and policing powers of the city authorities of Cambridge and the University in the XIII century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta* [Bulletin of the Northern (Arctic) State University], 2014, No. 1, pp. 11–14. (In Russ.)

Guseva M.A. *K voprosu ob otnoshenijah goroda i universiteta Kembriidzha v XIII–XIV vekov* [On the issue of relations between the city and the University of Cambridge in the 13th–14th centuries]. *Agrarnyj vestnik*

Verhnevolzh'ja [Agrarian Bulletin of the Upper Volga Region], 2018, No. 4, pp. 139–141. (In Russ.)

Kirillova A.A. *Klassovaja bor'ba v gorodah Vostochnoj Anglii v XIV vv.* [Class struggle in the cities of East Anglia in the XIV century]. *Voprosy social'noj i klassovoj bor'by v anglijskih gorodah XIV–XV vv.* [Issues of social and class struggle in English cities of the XIV–XV centuries]. Moscow, 1969, pp. 240–249. (In Russ.)

Lychagin A.V. *Jevoljucija vzaimootnoshenij anglijskih universitetov s cerkov'ju, gosudarstvom i gorodskoj sredoj v XIII – pervoj polovine XV vv.: dis. ... kan. ist. nauk.* [The evolution of the relationship of English universities with the Church, the state and the urban environment in the XIII – first half of the XV centuries: PhD thesis]. Stavropol', SGU Publ., 2001, 314 p. (In Russ.)

Annals of Cambridge, ed. by Ch.H. Cooper. Cambridge, Warwick and Co. Publ., 1842, vol. 1, 452 p.

Brooke Ch. A History of the University of Cambridge. Cambridge, Cambridge Univ. Press Publ., 2004, 320 p.

Cobban A.B. The English university life in the Middle Ages. Cambridge, Scholar press Publ., 2004, 281 p.

Cobban A.B. The Medieval Universities: their development and organization. London, Methuen Publ., 1975, 264 p.

Hoskins W. Local history of England. London, Longman Publ., 1959, 307 p.

Rashdall H. The Universities of Europe in the middle ages. Cambridge, Cambridge univ. press Publ., 2010, 562 p.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024; одобрена после рецензирования 11.05.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 16.04.2024; approved after reviewing 11.05.2024; accepted for publication 13.05.2024.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ООН ПО СОДЕЙСТВИЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ В 1990-Е ГГ.

Федотов Леонид Андреевич, ведущий специалист по радиочастотному обеспечению государственного предприятия «Завод точной электромеханики», Минск, Республика Беларусь, fiadot@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-2141-9455>

Аннотация. В начале третьего десятилетия XXI века информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) рассматриваются в Организации Объединенных Наций (ООН) в качестве неотъемлемого фактора процесса развития. В данной статье представлен анализ событий, связанных с началом обращения ООН к указанному фактору на рубеже 1980–90-х гг. и на протяжении 1990-х гг. Выделены важнейшие мероприятия, инициированные в главных и вспомогательных органах универсальной международной организации, направленные на изучение ИКТ в качестве фактора развития и мобилизацию политической воли международного сообщества по расширению их внедрения и применения. В ходе обозначенного периода предложены три этапа повышения вовлеченности ООН в проблематику ИКТ: от привлечения общего внимания к их значению в процессе развития к определению рекомендаций для международного сообщества по сокращению цифровой пропасти. В статье показано, что такие рекомендации, как и в целом деятельность ООН в области содействия развитию в 1990-е гг., являлись проводником процесса глобализации и в значительной степени отражали неолиберальную экономическую парадигму. Однако при этом они выступали противовесом в отношении сторонников рыночного фундаментализма и служили обоснованием для необходимости как оказания международной помощи развивающимся странам, так и гарантирования социальной направленности национальной политики в области ИКТ.

Ключевые слова: история ООН, развитие, проблема цифровой пропасти.

Для цитирования: Федотов Л.А. Деятельность ООН по содействию использованию информационно-коммуникационных технологий в целях развития в 1990-е гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 66–77. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-66-77>

Research Article

THE UN ACTIVITIES ON FACILITATING THE APPLICATION OF INFORMATION AND COMMUNICATIONS TECHNOLOGY FOR THE PURPOSES OF DEVELOPMENT IN THE 1990S

Leonid A. Fyadotaŭ, senior specialist for frequency resources management Republican Manufacturing Unitary Enterprise “Precise Electro-Mechanics Plant”, Minsk, Republic of Belarus, fiadot@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-2141-9455>

Abstract. In the early 3rd decade in the 21st century, the information and communications technology (hereinafter referred to as ICT) is regarded as an inalienable factor of the international development. This article presents the analysis of the events related to the outset of the UN involvement in this factor promotion at the turn of the 1980s and further until the late 90s. It marks out the most important measures initiated at the UN main and subsidiary bodies aiming at the ICT study as a development factor and the international community’s political will mobilisation on the ICT’s broadest possible adoption and application. Within the period under consideration, three stages marking the expansion of the UN involvement in the ICT issues, from attracting general attention to their importance in the development towards the drafting of recommendations for the international community on bridging the digital divide, are proposed by us. The article finds out that these recommendations just as other UN activities in the development field worked in favour of the globalisation and evidently reflected the neoliberal paradigm. However, in the meantime they counterbalanced market fundamentalists and provided the grounds for the need of planning the international aid for developing nations and guaranteeing social focus in the national ICT policies.

Keywords: UN history, international development, digital divide.

For citation: Fyadotaŭ L.A. The UN activities on facilitating the application of information and communications technology for the purposes of development in the 1990s. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 66–77 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-66-77>

Введение. В 2023 г. ООН устами Генерального секретаря Антониу Гутерриша подтвердила свою вовлеченность в координацию усилий международного сообщества по решению задачи перекрытия цифровой пропасти, отсекающей около трети мирового населения от современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)¹. Деятельность универсальной международной организации в названной сфере уже имеет значительную историю. Ее изучение представляется необходимым для целей планирования реализации текущих и будущих программ и проектов ООН. Настоящее исследование посвящается работе ООН по содействию распространению ИКТ как одного из аспектов деятельности в интересах развития в 1990-е гг.² Ретроспективное обращение к временным рамкам, охватывающим деятельность ООН с 1991 г. по 2000 г. и рассматриваемым в историографии универсальной международной организации как период наибольшего распространения в качестве идеологического ориентира развития глобализации на основе нелиберальных подходов [Sayward: 116], представляет научный интерес в эпоху нарастания мощи и остроты тенденций, противоположных глобализации, и именуемой постглобализацией.

Участие ООН в преодолении проблемы цифровой пропасти не стало к настоящему времени самостоятельным предметом научных исследований. Причину, по нашему мнению, следует связывать с отношением к ООН в первую очередь как к дискуссионному форуму, не относящемуся к главным центрам дипломатии в экономической и социальной сферах [Toye J., Toye R.: 280], включая и сравнительно узкоспециализированную сферу ИКТ. Усилиям международного сообщества по содействию развитию, включая деятельность ООН в данной области в 1990-е гг., посвящены монографии К. Панцерева, А. Урнова, А. Чернова, С. Бермео, И. Бунн, А. Лион, Б. Оберхолзера, К.-К. Пеасе, Р. Ридделла, Э. Саывард, коллективные монографии К. Гибсона, К. Андерссона, Э. Остром и С. Шивакумара; К. Мингст, М. Карнс и А. Лион; Д. Пучалы, К. Лаатикаинен и Р. Цоате; В. Якупца и М. Келли. Значительная часть вышеупомянутых исследований была выполнена в рамках экономических, юридических и политических наук, однако при этом отражает исторический аспект в различных направлениях деятельности ООН. В рассмотренных автором монографиях 1990-е гг. характеризуются как время, усугубившее наступившее еще в предыдущее десятилетие неблагоприятное положение Глобального Юга в отношениях с Севером в плане развития. Его выражением стала «обремененность» действий по содействию развитию обязательствами по проведению государствами определенных политических мер, очерченных «вашингтонским консенсусом». При этом деятельность ООН обеспе-

чивала смягчение увязки развития с политическими императивами надлежащего управления в духе «вашингтонского консенсуса» благодаря внесению в них социальной составляющей.

Компьютерным, электронным и информационным технологиям в качестве одного из факторов экономической составляющей процесса развития посвящен один из структурных элементов монографии исследователя из США У. Нафзигера «Экономическое развитие» (Nafziger: 370–377). Написанная автором на рубеже 1990–2000-х гг., данная работа отражает подход, который, как можно будет убедиться ниже, был аналогичен распространенному в названный период в экспертном сообществе, связанном с ООН. Его суть – в признании наличия широкой и растущей цифровой пропасти между богатыми и бедными, включая государства, наряду с допущением возможности ее сокращения, а также минимизации отсталости в экономической и социальной сферах благодаря проведению в жизнь определенных мер государственной политики.

Значительное внимание развитию уделено в трудах сторонников миросистемного анализа, включая таких признанных его теоретиков, как И. Валлерстайн и С. Амин. В качестве ключевой проблемы данного процесса еще задолго до окончания холодной войны между капиталистической и социалистической системами они рассматривали не объем имеющихся ресурсов, а направление международной технической помощи спонсорами на цели, способствующие, по словам С. Амина, «развитию отсталости», то есть усиливающих отставание периферии миросистемы от ее ядра (Амин: 198–214). Изменения миросистемы, сопровождавшие кризис и крах социалистической системы, только усугубили соответствующий концептуальный изъян, выдвинув неолиберализм на позицию ведущей идеологии (Валлерстайн: 192–193).

В качестве целей настоящего исследования рассматриваются: выявление фактов, направлений и форм участия ООН в распространении ИКТ в контексте содействия процессу развития и их политэкономический анализ, определяющий их значение для истории многостороннего сотрудничества в области развития.

1. Внесение информационно-коммуникационного аспекта в повестку дня по вопросам развития. Технологии передачи, приема, обработки и хранения информации находились в фокусе внимания ООН практически на протяжении всей истории данной международной организации. Их возможности в качестве инструмента развития впервые попали в политическую повестку главных органов ООН в конце 1960-х гг. Например, на 26-й сессии Генеральной Ассамблеи (ГА) в декабре 1971 г. была принята резолюция 2804 «Применение вычислительной техники в целях развития», в которой содержалась поддержка рекомендаций о разработке националь-

ных политик в области применения вычислительной техники³. В дальнейшем, по мере зарождения и формирования концепции нового международного информационно-коммуникационного порядка, внимание многосторонней дипломатии ИКТ привлекали преимущественно в качестве средства международного информационного обмена⁴. К исходу 1980-х гг. ИКТ начали рассматриваться в качестве одного из самостоятельных источников экономического роста (Nafziger: 371) и в этом качестве вернулись в политическую повестку развития. На этапе данного возвращения, временные рамки которого очерчиваются периодом с 1990 г. по 1995 г., в ООН происходило признание значения информационных технологий (ИТ) в качестве фактора развития⁵. Оно ознаменовалось принятием в 1990 г. Экономическим и Социальным Советом (ЭКОСОС) резолюции 1990/58 «Международное сотрудничество в области информатики», документа «Новое партнерство в целях развития: Картаженское обязательство» восьмой сессии Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД)⁶, состоявшейся в феврале 1992 г., Повестки дня на XXI век, принятой на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в июне 1992 г.⁷, итоговых документах шести всемирных конференций, созванных под эгидой ООН в период с 1994 г. по 1996 г.⁸ созданием ЭКОСОС Специальной рабочей группы открытого состава по информатике в 1995 г.⁹, а также подготовкой Комиссии по науке и технике в целях развития к определению последствий ИТ для развития основной темы ее деятельности на межсессионный период, проведенной в 1993–1995 гг.

Последнее из перечисленных мероприятий имело одним из результатов рассмотрение на второй сессии Комиссии по науке и технике в целях развития в 1995 г. дискуссионной справки «ИТ в интересах развития», представленной секретариатом ЮНКТАД. Она содержала краткий обзор структуры международного рынка ИТ с группировкой национальных экономик по степени их участия в функционировании данного рынка, отметив при этом наличие на тот момент практически полного контроля со стороны экономически развитых государств. В ней предлагался и перечень направлений для рассмотрения возможностей более полного применения ИТ в целях развития, включавший социальный, инфраструктурный, правовой и политический аспекты. Хотя в справке не были обойдены вниманием вопросы использования потенциала данных технологий при решении проблем национального развития, доминировал в ней все же посыл о приоритете укрепления посредством ИТ тех секторов национальной экономики, которые обеспечивали конкурентные преимущества в международном разделении труда¹⁰.

Упомянутая справка способствовала разработке

и принятию без голосования на 50-й сессии Генеральной Ассамблеи (ГА) резолюции «Наука и техника в целях развития», в которую был включен пункт о деятельности ООН в области ИТ, в том числе о выработке рекомендаций по вопросам, связанным с ИТ и их последствиями для развития¹¹. Содержание рассмотренной справки, равно как и документы восьмой сессии ЮНКТАД, подтверждают вывод Э. Савьярд о том, что к середине 1990-х гг. основным содержанием усилий ЮНКТАД в отношении развивающихся стран стало содействие в их адаптации к экономической глобализации [Sayward: 115]. Достижению этой цели в основном служили и семь программ технического сотрудничества ЮНКТАД, предполагавшие широкое применение ИТ. Не случайно, что часть их реализовывалась ЮНКТАД совместно со Всемирным банком – одним из ключевых проводников экономической глобализации на нелиберальной основе.

К 1993 г. Программа развития ООН (ПРООН) относит начало своей полномасштабной проектной деятельности, направленной на применение информационных технологий для целей развития¹². Впрочем, эту датировку следует считать условной, поскольку в 1990–1993 гг. при участии ПРООН, по нашей оценке, ежегодно выполнялись в среднем 16 проектов, предусматривавших повышение потенциалов в области ИТ и телекоммуникаций. Суммарно они охватили около четырех десятков государств мира. 1992 год положил начало реализации первого глобального проекта ООН, в котором основополагающее значение имели ИКТ – Программы по созданию сети по вопросам устойчивого развития (the Sustainable Development Networking Program).

На региональном уровне деятельности ООН информационно-коммуникационная составляющая в первой половине 1990-х гг. наиболее отчетливо проявилась в политической повестке Экономической комиссии для Африки (ЭКА). Причиной обращения ООН к ИКТ при разработке политики по содействию решению социально-экономических проблем в Африканском регионе, ведущем историю от начала 1980-х гг., очевидно, являлась острота проблемы поиска новых драйверов преодоления отсталости, не стоявшей в такой значительной мере в других географических регионах. С 1984 г. на сессиях ЭКА систематически принимались резолюции о развитии информационных сетей. В 1992 г. в контексте усилий стран Африки по активизации региональной экономической интеграции восемнадцатая сессия конференции министров, ответственных за экономическое развитие и планирование, одобрила резолюцию «Информационные системы в интересах экономического развития и интеграции». В ней содержался призыв к государствам о разработке национальных политик

в информационной сфере, но без рекомендации конкретных политических инструментов¹³.

2. Утверждение информационно-коммуникационного аспекта в повестке дня по вопросам развития. Этап осознания значения ИТ для процесса развития сменился поиском форм и механизмов вклада ИТ в развитие. Он характеризуется подготовкой под эгидой ООН шести справочно-позиционных документов, три из которых были целиком посвящены данной проблеме:

- итоговый доклад рабочей группы по информационно-коммуникационным технологиям в целях развития (1997 г., начиная с этого доклада в ООН стал употребляться термин «информационно-коммуникационные технологии») (ИКТ)¹⁴;

- заявление Административного комитета по координации (АКК), объединяющего организации системы ООН, о всеобщем доступе к основным информационным и коммуникационным услугам (1997 г.)¹⁵;

- доклад о человеческом развитии «Глобализация с человеческим лицом» (1999 г.)¹⁶;

- доклад Генерального секретаря «Роль ООН в содействии развитию в контексте глобализации и взаимозависимости» (1999 г.)¹⁷;

- доклад Генерального секретаря ООН «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в двадцать первом веке» (подраздел «Возведение цифровых мостов» раздела III «Свобода от нужды», 2000 г.)¹⁸;

- доклад группы экспертов высокого уровня по информационной и коммуникационной технологии (2000 г.)¹⁹.

В их содержании могут быть отмечены следующие общие положения:

- положительная обобщенная оценка глобализации, в том числе в области ИКТ, воплощенной в идее формирования глобальной информационной инфраструктуры (ГИИ);

- признание наличия вызовов и угроз, создаваемых как глобализацией в целом, так и процессами, связанными с формированием всемирного информационного общества, особенно с расширением цифровой пропасти, названной Генеральным секретарем зияющей;

- выделение в сфере ИКТ различных проявлений неравенства, не только географического, но также возрастного, имущественного, образовательного и языкового, что концептуально переносило приоритет по минимизации данного неравенства с международного на национальный уровень;

- придание значения разработке активной отраслевой политики с признанием необходимости адаптации соответствующей национальной политики к местным условиям;

- приведение в качестве образцов успешной национальной отраслевой политики государств, в которых

сектор ИКТ приобрел экспортоориентированный характер (Индия, Ирландия, Коста-Рика, островные государства бассейна Карибского моря);

- оптимизм в отношении выполнимости задачи сокращения цифровой пропасти;

- признание недостатка ресурсов для увеличения международной технической помощи и необходимости укрепления отраслевого государственно-частного партнерства.

Относительно конкретные цели по сокращению цифровой пропасти в ее географическом измерении, отделяющей государства Юга от Севера, а также некоторые механизмы по их достижению были представлены в докладе группы экспертов высокого уровня по информационной и коммуникационной технологии. Такие цели включали сокращение средних издержек доступа в развивающихся странах к сети Интернет в пять раз в течение двух лет; содействие увеличению числа компьютеров, а также национальных бюджетных ассигнований на цели образования и подготовку кадров в сфере ИКТ за аналогичный период в два раза; подключение всех общин к единой сети к концу 2004 г., предлагаемое для выдвижения в ходе Ассамблеи тысячелетия. В качестве механизмов достижения предлагалось рассмотреть возможность списания небольшой части международной финансовой задолженности развивающихся стран в обмен на увеличение финансирования ими развития ИКТ, увеличение международной помощи развивающимся странам в обмен на снижение ими выбросов парниковых газов²⁰.

Положения большинства упомянутых справочно-позиционных документов попадали на рассмотрение ГА и ЭКОСОС. Так, заявление АКК о всеобщем доступе к основным информационным и коммуникационным услугам было представлено вниманию 52-й сессии ГА. Содержание доклада Генерального секретаря «Роль ООН в содействии развитию в контексте глобализации и взаимозависимости» составило одну из основ резолюции 54-й сессии ГА «Роль ООН в поощрении развития в условиях глобализации и взаимозависимости», принятой без голосования 22 декабря 1999 г.²¹ Доклад Генерального секретаря ООН «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в двадцать первом веке» был приурочен к Ассамблее тысячелетия ООН.

Девятая сессия ЮНКТАД (1996 г.) закрепила электронную торговлю в числе трех основных направлений по содействию повышению эффективности торговли. При этом в основу данной работы была положена концепция ГИИ. Кроме того, итоговый документ сессии, озаглавленный «Партнерство в интересах экономического роста и развития», определял в качестве существенного элемента политики государств и международных учреждений по поддерж-

ке субъектов сектора реальной экономики оказание помощи в доступе к информационным сетям (пункты 78, 82)²².

В политической повестке деятельности ООН на региональном уровне лидерство в фокусировании внимания на применении ИКТ в интересах развития в середине 1990-х гг. продолжал сохранять Африканский регион. Результатом деятельности созданной ЭКА в 1995 г. рабочей группы высокого уровня по информационным технологиям и связи стала Инициатива по формированию информационного общества в Африке (AISI). AISI не была свободна от оптимистичного отношения к глобализации, поскольку имела первоочередной задачей содействие интеграции национальных информационных и коммуникационных инфраструктур во всемирную информационную систему, а также от распространения общих подходов для применения государствами во внутренней политике²³.

Начиная с 1997 г. вопрос о применении ИКТ в содействии развитию неизменно рассматривался в ходе сессий Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО). На 55-й сессии ЭСКАТО в 1999 г. был рассмотрен Обзор социально-экономического положения в Азиатско-Тихоокеанском регионе, посвященный взаимосвязи информационных технологий, глобализации, экономической безопасности и развития. Знаменательной особенностью данного рассмотрения стало обращение к проблемным вопросам, в первую очередь порожденным прогрессом в области ИТ. Было намечено проработать некоторые механизмы формирования региональной отраслевой политики²⁴.

3. Дальнейшее повышение значения информационно-аналитического аспекта в повестке дня ООН по вопросам развития. В июле 2000 г. ИКТ впервые стали предметом отдельного рассмотрения одним из главных органов ООН – ЭКОСОС – в ходе этапа заседаний высокого уровня основной сессии 2000 г. по теме «Развитие и международное сотрудничество в XXI веке: роль информационной технологии в контексте основанной на знаниях глобальной экономики».

Проведение этапа заседаний высокого уровня основной сессии ЭКОСОС 2000 г. продемонстрировало достаточно высокую степень общности видения международным сообществом задачи вклада ИКТ в рассматриваемый период. Все участники форума (представители государств, международных организаций, транснациональных компаний) проявили единство в осознании наличия угрозы расширяющейся цифровой пропасти между экономически развитыми и развивающимися странами, важности объединения усилий и ресурсов международных организаций, включая бреттон-вудские учреждения, в деле содей-

ствия развитию ИКТ, в необходимости создания благоприятной законодательно-регуляторной среды для наращивания национальных потенциалов в области ИКТ, потребности гарантирования культурно-языкового разнообразия во всемирном информационном пространстве, а также целесообразности правового регулирования прав и обязанностей в информационном пространстве. Также были заметны и различия акцентов, расставленных в выступлениях делегатов экономически развитых стран, Всемирного банка, МВФ, ВТО с одной стороны, и представителей преобладающего большинства развивающихся стран. В то время как у первых можно отметить упор на приоритетную роль активной политики правительств в деле обеспечения благоприятной среды и инициирования проектов с участием широкого круга национальных и зарубежных партнеров, то есть на внутреннем контуре деятельности по уменьшению цифровой пропасти, то вторые заостряли внимание в большей степени на задаче создания эффективной и равноправной системы международной помощи, то есть на внешних условиях, для соответствующих усилий. Выступление на форуме российского представителя – заместителя министра иностранных дел С. Орджоникидзе – было примечательно акцентом на обеспечении задачи предотвращения использования ИКТ в целях, не совместимых с международной стабильностью и безопасностью²⁵.

Декларация министров, принятая по итогам этапа заседаний высокого уровня, олицетворяла первую попытку закрепления на глобальном политическом уровне составляющих элементов консенсуса государств в отношении международных, национальных и региональных усилий в области ИКТ как фактора развития. В данном документе ИКТ отводилась центральная роль в зарождающемся новом этапе функционирования мировой экономики, называемом экономикой, основанной на знаниях, а также роль значимого (но не единственного) фактора ускорения экономического роста, устранения нищеты в развивающихся странах и странах с переходной экономикой, а также их интеграции в международную экономику. В нем был подтвержден вывод, ранее признанный на международном экспертном уровне, о неспособности свободного рынка самого по себе обеспечить уменьшение цифровой пропасти и создать цифровые возможности для всех. При этом главным инструментом для оказания международной помощи объявлялось формирование партнерств между потенциальными донорами и реципиентами, предполагающих широкое участие частного бизнеса и некоммерческих организаций. Инициативы, направленные на обеспечение стабильных финансовых источников международной помощи, в декларации отражения не нашли. В ней содержался лишь общий призыв к членам меж-

дународного сообщества о принятии на самом высоком политическом уровне обязательства о стремлении к уменьшению цифровой пропасти²⁶.

Попытка решения проблемы финансирования деятельности по содействию развитию ИКТ была предварительно намечена в резолюции ЭКОСОС 2000/29, принятой на пленарном заседании упомянутого главного органа ООН в июле 2000 г. Она содержала поддержку рекомендациям Специальной рабочей группы открытого состава по информатике, среди которых упоминалось создание целевого фонда, наполняемого добровольными взносами всех заинтересованных сторон²⁷.

На заседаниях Саммита тысячелетия, состоявшегося в рамках 55-й сессии ГА в сентябре 2000 г., из порядка 150 лидеров-участников, согласно нашей оценке, примерно 40 представителей всех групп государств затронули в своих заявлениях непосредственно темы цифровой революции и применения ИКТ, преимущественно в контексте оценки процессов глобализации и влияния на экономическое развитие. В абзаце шестом пункта 20 Декларации тысячелетия ООН нашли поддержку в целом положения декларации министров, принятой по итогам проведения этапа заседаний высокого уровня основной сессии ЭКОСОС 2000 года, а также призыв к государствам – членам ООН, чтобы их политика и мероприятия не препятствовали доступу граждан к возможностям, созданным благодаря цифровой революции²⁸.

В сентябре 2000 г. на встрече на уровне министров, посвященной Программе развития ООН (ПРООН), проведенной в продолжение Саммита тысячелетия, ИТ и использование сети Интернет прозвучали в качестве важнейшего нового направления в деятельности ПРООН как учреждения по борьбе с бедно-

стью на всемирном и страновом уровнях²⁹. На рубеже 2000–2001 гг. проекты ПРООН в области ИКТ были консолидированы в глобальную инициативу «ИКТ в целях развития», реализуемую в виде региональных и национальных проектов³⁰. В 2000 г. объем технической помощи в отношении сектора ИКТ, предоставленной в системе ООН, составил 58 миллионов долларов, в то же время по линии Всемирного банка – одного из проводников неолиберальной мирозкономики – объем выделенных в указанном году заемных средств только на нужды проектов в области телекоммуникаций почти двукратно превысил эту сумму. При этом более 70 процентов объема помощи выделялось из внебюджетных источников, что свидетельствует о непосредственной зависимости от доноров.

Проектная деятельность ПРООН в области ИКТ охватила около 55 крупных и средних развивающихся государств и стран с переходной экономикой, а также ряд малых островных стран. На рисунке 1 представлены сведения о количестве проектов ПРООН в области ИКТ, реализованных на страновом уровне в 1990-е гг. В первой страновой программе для Российской Федерации ПРООН (1994–1996) и первом страновом рамочном документе по сотрудничеству для Российской Федерации ПРООН (1997–1999 с продлением до 2000 г.) внедрение современных ИКТ и содействие расширению их использования не были определены в числе приоритетных направлений. Этот факт может свидетельствовать о признании наличия у России иных существенных ресурсов, обеспечивающих прогресс сектора ИКТ в национальной экономике.

Наибольшее число проектов касалось так или иначе обеспечения либо расширения доступа к сети Интернет для широких слоев населения, учебно-академических и общественных организаций. Данный

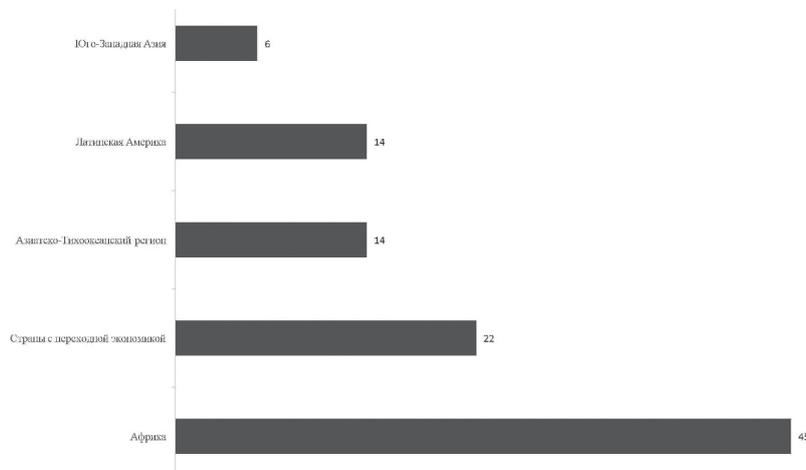

Рис. 1. Проекты международной технической помощи ПРООН в области ИКТ в 1990-е гг. (по группам государств-бенефициаров, без учета малых островных государств). Подсчет произведен по данным, представленным в документе DP/2001/CRP.8

факт служит отражением глобализационного дискурса в осуществлении деятельности по содействию развитию в ООН в 1990-е гг. Вторым по числу реализуемых проектов направлением стало укрепление общих и профессиональных компетенций в сфере ИТ. Оно охватывало как наименее развитые страны, так и страны со сравнительно высокоразвитыми отраслями ИТ, такими как Индия и Эстония, с ориентацией на тех аспектах, которые не представляли коммерческого интереса. Далее количественно следовали проекты, относящиеся к реформированию – в сферах государственного управления с использованием ИТ и национальных систем регулирования самих телекоммуникаций; по использованию ИКТ в реальном секторе экономики, в том числе по созданию национальных отраслей ИТ (Бразилия, Монголия). Наименьшее число проектов относилось к применению ИТ для целей устойчивого развития и разработки местного контента.

Количественная оценка влияния проектов технической помощи на параметры развития считается весьма затруднительной даже при выделении ее значительных объемов, учитывая взаимное воздействие различных прочих факторов (Riddell: 174–175). Проектная деятельность ООН по оказанию международной технической помощи в 1990-е гг. с ее небольшими ресурсами тем более не могла сыграть решающую роль в преодолении отсталости в области ИКТ государств глобального Юга и ряда государств с переходной экономикой. Как свидетельствуют данные, представленные во Всемирных докладах по коммуникации и информации, подготовленных ЮНЕСКО в 1989–2000 гг., несмотря на то, что по отдельным направлениям ИКТ, прежде всего в расширении телекоммуникационной инфраструктуры, различия между глобальным Севером и глобальным Югом

в 1990-е гг. сократились, а отдельные государства Азии и Латинской Америки к концу десятилетия оказались в числе крупнейших экспортеров товаров сектора ИКТ, развитие ИКТ на Глобальном Юге преимущественно оказывалось развитием в отставании.

На рубеже 1990-х – 2000-х гг. лидерами в определении политических рамок для применения ИКТ в целях развития оставались Африканский и Азиатско-Тихоокеанский регионы. Организованный ЭКА в октябре 1999 г. первый Африканский форум по вопросам развития был посвящен проблемам становления информационного общества³¹. В заявлении министров, принятом по итогам 34-й сессии указанной комиссии в мае 2001 г., основным инструментом, призванным раскрыть потенциал ИКТ для экономического и социального развития стран региона, называлось создание благоприятной среды на национальном уровне, что соответствовало неолиберальным представлениям о деятельности по содействию процессу развития (Toye J., Toye R.: 260–261).

В июне 2000 г. под эгидой ЭСКАТО состоялся региональный круглый стол, посвященный использованию информационных технологий в интересах развития. Результаты данного форума в значительной степени вошли в текст резолюции «Региональное сотрудничество в области информационно-коммуникационных технологий в целях развития», принятой на 57-й сессии Комиссии в апреле 2001 г. Подходы, составившие идеологическую основу данного документа, сочетали задачу обеспечения благоприятной рыночной среды на национальном уровне с совершенствованием системы международной поддержки усилиями государств в развитии ИКТ, но при этом не предлагали конкретных инициатив, а лишь ограничивались призывами по их формированию к региональным и международным акторам³².

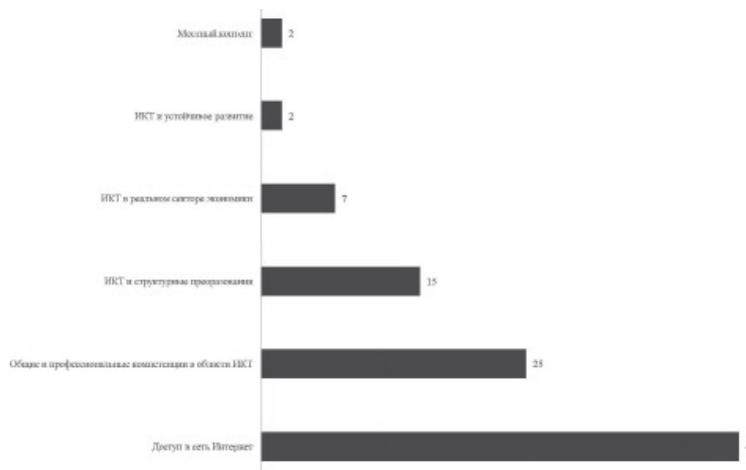

Рис. 2. Проекты международной технической помощи ПРООН в области ИКТ в 1990-е гг. (по тематическим направлениям проектов; подсчет произведен по данным, представленным в документе DP/2001/CRP.8)

Начиная с 2000 г. единые политические рамки для регионального сотрудничества в области ИКТ начали формироваться в регионе Латинской Америки и бассейна Карибского моря. В июне 2000 г., в преддверии подготовки к этапу заседаний высокого уровня основной сессии ЭКОСОС-2000 по инициативе Бразилии и Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна на региональной встрече в бразильском Флорианополисе была принята Декларация об использовании информационно-коммуникационных технологий в целях развития³³.

К 2000 г. разработку политических рамок для регионального сотрудничества в области ИКТ в интересах развития начали осуществлять и страны арабского мира при ведущей организующей роли Экономической и Социальной комиссии для Западной Азии (ЭСКЗА). Вопрос «Информационные технологии и развитие» обсуждался в повестке дня двадцать первой сессии ЭСКЗА в мае 2001 г. При этом центральное место в его ходе заняли не вопросы формирования благоприятной рыночной среды, а получения технологий и создания собственного потенциала в области ИТ³⁴.

Единственным регионом, в котором при ведущей координирующей роли ООН не формировались политические рамки для сотрудничества в области ИКТ, на рубеже 1990-х – 2000-х гг. оказалась Европа. Непосредственной причиной такого состояния дел можно считать начатую еще во второй половине 1980-х гг. концентрацию деятельности Европейской экономической комиссии ООН (ЭКЕ) на таких направлениях сотрудничества, которые представляют безусловный общеевропейский практический интерес и при этом не обладают политической конфликтностью.

Закключение. На рубеже 1980–90-х гг. ООН вновь после достаточно длительного перерыва обратилась к ИТ в качестве потенциально могущественного инструмента развития, хотя на региональном уровне данная тематика никогда не исчезала из поля зрения универсальной международной организации. На первом этапе, временные рамки которого представляется целесообразным ограничить 1995 г., значение ИТ было отражено в документах всемирных конференций, восьмой сессии и некоторых программах технического сотрудничества ЮНКТАД, Экономической комиссии для Африки, проектах ПРООН. На втором этапе (в 1995 г. – первой половине 2000 г.) в ООН проводился поиск конкретных механизмов вклада в развитие посредством ИТ (с 1997 г. – ИКТ). На третьем этапе (со второй половины 2000 г.) ИКТ становятся неотъемлемым объектом обсуждения проблематики развития в ГА и ЭКОСОС, а также принятых ими политических решений.

Видение вклада ИКТ в процесс развития, получившее отражение в экспертных документах и поли-

тических решениях ООН в 1990-е гг., красноречиво характеризует подзаголовок Доклада о человеческом развитии 1999 г. – «Глобализация с человеческим лицом». Оно основывалось на необходимости поддержки процессов глобализации с признанием необходимости активного реагирования на международном и национальном уровнях на сопровождающие данное явление риски и угрозы. Противостоя рыночному фундаментализму, предлагаемые в ООН инструменты такого реагирования испытывали заметное влияние неолиберальной экономической парадигмы, хотя и в меньшей степени, нежели международные организации, находившиеся под контролем экономически высокоразвитых государств. Данные инструменты в существенной мере смещали акцент в решении проблемы сокращения цифровой пропасти с изменения неблагоприятного положения большинства развивающихся стран в международной экономической системе посредством ее преобразования в сторону структурных изменений в национальной экономической политике в области ИКТ на основе внедрения рыночных отношений. В качестве обоснования необходимости таких изменений служили отдельные примеры государств Глобального Юга, которые смогли занять достаточно выгодные ниши в системе международных экономических отношений в области ИКТ.

Источником привнесения неолиберальных подходов в документы ООН являлась не только политическая деятельность в органах и учреждениях организации экономически развитых стран и тех развивающихся стран и государств с переходной экономикой, которые взяли неолиберализм за основу своей социально-экономической политики, но и экспертное сообщество, в том числе и его представители из развивающихся стран. При этом документы ООН предостерегали от прямого переноса на национальную основу политических мер и инструментов, не соответствующих с особенностями каждого государства. Их позитивное значение можно усмотреть также в распространении среди лиц, ответственных за принятие государственных решений в области ИКТ, социально ориентированного подхода, в первую очередь в отношении экономически уязвимых групп населения, и системного подхода, предполагающего встраивание политики в области ИКТ в решение широкого круга задач национального развития. К исходу рассматриваемого десятилетия в ООН была сформулирована задача создания механизмов международной помощи развивающимся странам в области ИКТ, однако ни на глобальном уровне, ни в региональных структурах ООН она не нашла практического решения.

Значение как экспертных, так и политических документов ООН по вопросам использования ИКТ в целях развития можно охарактеризовать как исключительно прикладное – они не генерировали новых

концепций и понятий, а привлекали в помощь процессу развития созданные научной мыслью и апробированные практикой других международных организаций (как понятие информационного общества) и государств (в случае с концепцией информационных супермагистралей).

Вопросы применения ИКТ в целях развития в рассматриваемый период не становились объектом острой политической борьбы в главных и вспомогательных органах ООН – соответствующие документы в них получали одобрение консенсусом. Однако ход обсуждения их положений свидетельствовал о том, что противоречия во взглядах на инструменты содействия международного сообщества процессу развития между Севером и Югом сохранялись.

Примечания

¹ António Guterres, United Nations Secretary-General. WSIS Forum 2023 Message. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3E5BqhiisNA&list=PLh5wUIxznUUW4s2W58BbRakUP7BgZ8Cl> (access date: 16.05.2023).

² В данной публикации термин «Развитие» используется в значении, установленном Декларацией о праве на развитие, принятой резолюцией 41/128 Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1986 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml (access date: 30.05.2023).

³ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей. 2804 (XXVI). Применение вычислительной техники в целях развития. 2017-е пленарное заседание, 14 декабря 1971 года // Резолюции, принятые по докладом Второго комитета. URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/331/28/pdf/nr033128.pdf?token=0JV4R3TXucVgcZmiAZ&fe=true> (дата обращения: 05.04.2024).

⁴ Many Voices One World. Towards a new more just and more efficient world information and communication order: Report by the International Commission for the Study of Communication Problems. London, Kogan Page; New York, Unipub; Paris, Unesco, 1981, pp. 253-272.

⁵ В первой половине 1990-х в официальных и рабочих документах ООН объектом рассмотрения являлись информационные технологии, хотя процесс их конвергенции с телекоммуникациями подчеркивался и в данный период.

⁶ Proceedings of the United Nations Conference on Trade and Development. Eighth session. Cartagena de Indias, Colombia, 8-25 February 1992. Report and Annexes. TD/364/Rev.1. UNCTAD. New York, UN, 1993. URL: <https://unctad.org/meeting/eighth-session-united-nations-conference-trade-and-development-unctad-viii> (access date: 14.12.2023).

⁷ United Nations Conference on Environment and Development. Rio de Janeiro, Brazil, 3 to 14 June 1992.

Agenda 21. United Nations Sustainable Development. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/Agenda21.pdf>. (access date: 14.12.2023).

⁸ Глобальная конференция по устойчивому развитию малых островных развивающихся государств (1994 г.), Всемирная конференция по уменьшению масштаба стихийных бедствий (1994 г.), Международная конференция по народонаселению и развитию (1994 г.), Всемирный саммит по социальному развитию (1995 г.), Четвертая Всемирная конференция по положению женщин (1995 г.), Конференция ООН по населенным пунктам (1996 г.)

⁹ Резолюция 1995/61. Необходимость согласования и совершенствования информационных систем Организации Объединенных Наций в целях обеспечения их оптимального использования и доступности для всех государств // Экономический и социальный совет. Официальные отчеты, 1995 год. Дополнение № 1. URL: https://digitallibrary.un.org/record/222690/files/E_1995_95-RU.pdf

¹⁰ Commission on Science and Technology for Development. Second session. Geneva, 15 May 1995. Item 4 of the provisional agenda. Information technologies for development. An issues note by the UNCTAD secretariat. E/CN.16/1995/9 // UN Digital Library. 16 March 1995. URL: https://digitallibrary.un.org/record/184190/files/E_CN.16_1995_9-EN.pdf (access date: 14.12.2023).

¹¹ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей. 50/101. Наука и техника в целях развития. 96-е пленарное заседание, 20 декабря 1995 года // Резолюции, принятые по докладом Второго комитета. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n96/764/73/pdf/n9676473.pdf?token=x1AbNDqmqzto4bcvxfn&fe=true> (дата обращения: 09.04.2024).

¹² Executive Board of the United Nations Development Programme and the United Nations Population Fund. Annual session 2001. 11-22 June 2001, New York. Item 11 of the provisional agenda. Information technology for development. DP/2001/CRP.8. United Nations Development Programme. 08.06.2001. URL: <http://web.undp.org/execbrd/pdf/DP2001CRP8.PDF> (access date: 14.12.2023).

¹³ Economic and Social Council. Official Records, 1992. Supplement No. 13. United Nations Economic Commission for Africa. Annual Report 14 May 1991 – 23 April 1992. E/1992/33 E/ECA/CM.18/24. United Nations Economic Commission for Africa Knowledge Repository. URL: <https://repository.uneca.org/ds2/stream/?#/documents/f2847036-6882-541e-9197-89e7b4b99a12/page/1> (access date: 14.12.2023).

¹⁴ Комиссия по науке и технике в целях развития. Третья сессия. Женева, 12 мая 1997 года. Пункт 2 предварительной повестки дня. Основная тема: информационно-коммуникационные технологии в целях развития. Доклад рабочей группы

по информационно-коммуникационным технологиям в целях развития. E/CN.16/1997/4. UN Digital Library. 07.03.1997. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/233314?ln=ru> (access date: 14.12.2023).

¹⁵ United Nations General Assembly. Fifty-second session. Items 12 and 89 of the provisional agenda. Report of the Economic and Social Council. Questions relating to information. Statement of the Administrative Committee on Coordination on universal access to basic communication and information services. A/52/354. UN System Chief Executives Board for Coordination. 15.09.1997 URL: https://unsceb.org/sites/default/files/imported_files/press/9724387e_0.pdf (access date: 14.12.2023).

¹⁶ Human Development Report 1999: Globalization with a Human Face. UNDP Human Development Reports. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-1999> (access date: 14.12.2023).

¹⁷ United Nations General Assembly. Fifty-fourth session. Agenda item 104. Globalization and Interdependence. Role of the United Nations in promoting development in the context of globalization and interdependence. Report of the Secretary-General. A/54/358. UN Digital Library, 15.09.1999. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/268/69/PDF/N9926869.pdf?OpenElement> (access date: 14.12.2023).

¹⁸ Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Пятьдесят четвертая сессия. Пункт 49(b) повестки дня. Ассамблея тысячелетия. Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке. Доклад Генерального секретаря. A/54/2000*. UN Digital Library. 27.03.2000. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/410974?v=pdf> (access date: 18.04.2024).

¹⁹ Генеральная Ассамблея. Пятьдесят пятая сессия. Пункт 102 предварительного перечня. Экономический и Социальный Совет. Основная сессия. Пункт 2 предварительной повестки дня. Доклад группы экспертов высокого уровня по информационной и коммуникационной технологии. A/55/75 – A/2000/55. Объединенные Нации: Цифровая библиотека. 22.05.2000. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/417544?ln=ru> (дата обращения: 15.12.2023).

²⁰ Генеральная Ассамблея. Пятьдесят пятая сессия. Пункт 102 предварительного перечня. Экономический и Социальный Совет. Основная сессия. Пункт 2 предварительной повестки дня. Доклад группы экспертов высокого уровня по информационной и коммуникационной технологии. A/55/75 – A/2000/55. Объединенные Нации: Цифровая библиотека. 22.05.2000. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/417544?ln=ru> (дата обращения: 15.12.2023).

²¹ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей. A/RES/54/231. Пятьдесят четвертая сессия. Пункт 104 повестки дня // Генеральная Ассамблея Организации

Объединенных Наций. Резолюции 54-й сессии (1999–2000 годы). 22.02.2000. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/282/02/PDF/N0028202.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.12.2023).

²² Proceedings of the United Nations Conference on Trade and Development. Ninth session. Midrand, Republic of South Africa, 27 April – 11 May 1996. Report and Annexes. TD/378/Rev. 1. UN Digital Library. New York, UN, 1997. URL: https://digitallibrary.un.org/record/239310/files/TD_378_Rev-1-EN.pdf (access date: 15.12.2023).

²³ United Nations Economic Commission for Africa. Annual Report. 4 May 1995 – 8 May 1996. E/1996/35 E/ECA/CM. 22/14. UN Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/216704> (access date: 15.12.2023).

²⁴ Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. Annual Report. 29 April 1999 – 7 June 2000. E/2000/39. E/ESCAP/1197. UN Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/420828> (access date: 15.12.2023).

²⁵ Economic and Social Council. Substantive session of 2000. High-level segment. Provisional summary record of the 15th meeting. Held at Headquarters, New York, on Friday, 7 July 2000, at 10 a. m. E/2000/SR.15. UN Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/440690?v=pdf> (access date: 10.04.2024).

²⁶ Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятьдесят пятая сессия. Дополнение № 3 (A/55/3/Rev.1). Доклад Экономического и Социального Совета за 2000 год. Объединенные Нации Цифровая библиотека. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/219/45/PDF/N0121945.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.12.2023).

²⁷ Организация Объединенных Наций. Экономический и Социальный Совет. Резолюции и решения, принятые Экономическим и Социальным Советом на его основной сессии 2000 года (5–28 июля 2000 года). E/2000/INF/2/Add.2. Объединенные Нации Цифровая библиотека. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/610/36/IMG/N0061036.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.12.2023).

²⁸ United Nations Millennium Declaration. United Nations Human Rights Office of the High Commissioner. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/united-nations-millennium-declaration> (access date: 16.12.2023).

²⁹ Исполнительный совет Программы развития Организации Объединенных Наций и Фонда Организаций Объединенных Наций в области народонаселения. Ежегодная сессия 2001 года. 11–22 июня 2001 года. Пункт 9 предварительной повестки дня. Годовой доклад Администратора за 2000 год. DP/2001/14 // Объединенные Нации: Цифровая

библиотека. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/374/47/IMG/N0137447.pdf?OpenElement> (дата обращения: 16.12.2023).

³⁰ Essentials. Synthesis of Lessons Learned. Evaluation Office. No. 5. September 2001. United Nations Development Programme. URL: http://web.undp.org/evaluation/documents/essentials_5.pdf (access date: 20.04.2024).

³¹ United Nations Economic Commission for Africa. Annual Report. 9 May 1999 – 5 May 2000. E/2000/38 E/ECA/MFC. 2/7. UN Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/431959> (access date: 16.12.2023).

³² Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. Annual Report. 8 June 2000 – 25 April 2001. E/2001/39. E/ESCAP/1231. UN Digital Library. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/B05/105/5X/PDF/B051055.pdf?OpenElement> (access date: 16.12.2023).

³³ Economic Commission for Latin America and the Caribbean. Road maps towards an information society in Latin America and the Caribbean. ECLAC Repository. Santiago, Chile. July 2003. URL: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/d7108675-fc25-4be5-a94b-6f8947319b20/content> (access date: 08.12.2023).

³⁴ Economic and Social Commission for Western Asia. Report on the twenty-first session. 10-11 May 2001. E/2001/41. E/ESCWA/21/10. Archive UNESCWA. New York, UN, 2001. URL: https://archive.unescwa.org/sites/www.unescwa.org/files/ministerial_sessions/docs/21-10.pdf (access date: 16.12.2023).

Список литературы

Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. Москва: Территория будущего, 2006. 248 с.

Панцеров К.А. Страны Тропической Африки на пути в глобальное информационное общество: проблемы и перспективы. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2010. 254 с.

Урнов А.Ю. Африка и ООН на исходе первого десятилетия XXI века: вопросы развития, миротворчества и реформирования ООН. Москва: Институт Африки РАН, 2011. 227 с.

Чернов С.А. Становление глобального информационного общества. Проблемы и перспективы. Москва, Дашков и К, 2003. 231 с.

Amin S. Unequal Development: An Essay on the Social Formation of Peripheral Capitalism, transl. by B. Pearce. The Harvester Press, 1976, 440 p.

Bermeo S.B. Targeted Development: Industrialized Country Strategy in a Globalizing World. Oxford University Press, 2018, 180 p.

Bunn I.D. The Right to Development and International Economic Law: Legal and Moral Dimensions. Hart Publishing, 2012, 360 p.

Gibson C., Andersson K., Ostrom E., Shivakumar S. The Samaritan's Dilemma: The Political Economy and of Development Aid. Oxford University Press, 2005, 264 p.

Jakupec V., Kelly M. Foreign Aid in the Age of Populism: Political Economy Analysis in the Age from Washington to Beijing. Routledge, 2019, 192 p.

Lyon A.J. US Politics and the United Nations: A Tale of Dysfunctional Dynamics. Lynne Rienner Publishers, 2016, 251 p.

Mingst K.A., Karns M.P., Lyon A.J. The United Nations in the 21st Century. 6th Edition. Routledge, 2022, 400 p.

Oberholzer B. Development Macroeconomics: Alternative Strategies for Growth. Edward Elgar Publishing, 2020, 333 p.

Pease K.-K.S. International Organizations: Perspectives on Global Governance. Routledge, 2019, 345 p.

Puchala D.J., Laatikainen K.V., Coate R.A. United Nations in Politics: International Organization in a Divided World. Routledge, 2016, 256 p.

Riddell R.C. Does Foreign Aid Really Work? Oxford University Press, 2007, 504 p.

Sayward A.L. The United Nations in International History. Bloomsbury Academic, 2017, 306 p.

Toye J., Toye R. The UN and Global Political Economy: Trade, Finance and Development. Indiana University Press, 2004, 393 p.

References

Chernov A.A. *Stanovlenie global'nogo informacionnogo obshhestva. Problemy i perspektivy* [Formation of the Global Information Society: Problems and Perspectives]. Moscow, Dashkov i K Publ., 2003, 254 p. (In Russ.)

Pancerev K.A. *Strany Tropicheskoy Afriki na puti v global'noe informacionnoe obshhestvo: problemy i perspektivy* [The States of Sub Saharan Africa on the way to the Global Information Society]. St. Petersburg University Publ., 2010, 254 p. (In Russ.)

Urnov A.Ju. *Afrika i OON na ishode pervogo desjatiletija XXI veka: voprosy razvitija, mirotvorchestva i reformirovanija OON* [Africa and UN at the End of the 21st Century First Decade: Issues Related to the UN Development, Peace-Building and Reforming]. Moscow, The Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2011, 231 p. (In Russ.)

Amin S. Unequal Development: An Essay on the Social Formation of Peripheral Capitalism, transl. by B. Pearce. The Harvester Press Publ., 1976, 440 p.

Bermeo S.B. Targeted Development: Industrialized Country Strategy in a Globalizing World. Oxford University Press Publ., 2018, 180 p.

Bunn I.D. The Right to Development and International Economic Law: Legal and Moral Dimensions. Hart Publ., 2012, 360 p.

Gibson C., Andersson K., Ostrom E., Shivakumar S. The Samaritan's Dilemma: The Political Economy and of Development Aid. Oxford University Press Publ., 2005, 264 p.

Jakupec V., Kelly M. Foreign Aid in the Age of Populism: Political Economy Analysis in the Age from Washington to Beijing. Routledge Publ., 2019, 192 p.

Lyon A.J. US Politics and the United Nations: A Tale of Dysfunctional Dynamics. Lynne Rienner Publ., 2016, 251 p.

Mingst K.A., Karns M.P., Lyon A.J. The United Nations in the 21st Century. 6th Edition. Routledge Publ., 2022, 400 p.

Oberholzer B. Development Macroeconomics: Alternative Strategies for Growth. Edward Elgar Publ., 2020, 333 p.

Pease K.-K.S. International Organizations: Perspectives on Global Governance. Routledge Publ., 2019, 345 p.

Puchala D.J., Laatikainen K.V., Coate R.A. United Nations in Politics: International Organization in a Divided World. Routledge Publ., 2016, 256 p.

Riddell R.C. Does Foreign Aid Really Work? Oxford University Press Publ., 2007, 504 p.

Sayward A.L. The United Nations in International History. Bloomsbury Academic Publ., 2017, 306 p.

Toye J., Toye R. The UN and Global Political Economy: Trade, Finance and Development. Indiana University Press Publ., 2004, 393 p.

Статья поступила в редакцию 21.01.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 24.04.2024.

The article was submitted 21.01.2024; approved after reviewing 23.04.2024; accepted for publication 24.04.2024.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 78–83. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 78–83. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09“19”

EDN FHRBGH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-78-83>

С.В. МАКСИМОВ – ТВОРЧЕСКИЙ СОЗЕРЦАТЕЛЬ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Щербакова Марина Ивановна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Россия, m-shcherbakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6705-8707>

Аннотация. В статье на фоне общего обзора творческого наследия писателя-этнографа С.В. Максимова (1831–1901) рассмотрены специфические черты художественно-документальной прозы писателя, связанные с ее жанровыми особенностями, творческая позиция и метод работы этнографа, авторская манера повествования, ее стилистика. Пословицы, поговорки, присловья, фразеологизмы составляют в прозе Максимова культурно-речевой фон, столь необходимый в этнографических зарисовках народного быта. Анализируются собранные и представленные на страницах книг писателя-этнографа редкие образцы народного красноречия, отразившие тесные связи бытового уклада и трудовой деятельности русского народа с его обрядами и поэзией, а также примеры речевого народного этикета, которому Максимов посвятил несколько очерков, адресованных детям и простонародному читателю. Приведены яркие примеры народного языкотворчества. Акцентируется связь творческих устремлений Максимова с большими изменениями и перспективными тенденциями отечественной системы образования 1870-х гг. Отмечается, что в прозе писателя не столько изображалась народная жизнь, сколько воссоздавалось народное мировосприятие.

Ключевые слова: русская словесность XIX в., С.В. Максимов, художественно-документальная проза, этнографическая проза, речевой этикет, народное красноречие.

Для цитирования: Щербакова М.И. С.В. Максимов – творческий созерцатель русской национальной жизни // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 78–83. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-78-83>

Research Article

SERGEY MAKSIMOV – CREATIVE CONTEMPLATOR OF RUSSIAN NATIONAL LIFE

Marina I. Shcherbakova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of Research, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, m-shcherbakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6705-8707>

Abstract. In the article, against the backdrop of a general overview of the creative heritage of the writer-ethnographer Sergey Maksimov (1831–1901), the specific features of the writer's documentary prose related to its genre features, the creative position and method of work of the ethnographer, the author's style of narration, and its stylistics are considered. Proverbs, sayings, puns, and phraseological units form the cultural and speech background in Maksimov's prose, which is so necessary in ethnographic sketches of folk life. Rare examples of folkish eloquence collected and presented on the pages of the ethnographer's books are analysed, reflecting the close connections of the everyday life and work activities of the Russian people with their rituals and poetry, as well as examples of folkish speech etiquette, to which Sergey Maksimov devoted several essays addressed to children and the common reader. Vivid examples of folkish language creation are given. The connection between Sergey Maksimov's creative aspirations and major changes and promising trends in the domestic education system of the 1870s is emphasised. It is noted that the writer's prose did not so much depict people's life as recreate the people's worldview.

Keywords: 19th century Russian literature, Sergey Maksimov, artistic and documentary prose, ethnographic prose, speech etiquette, folk eloquence.

For citation: Shcherbakova M.I. Sergey Maksimov – creative contemplator of Russian national life. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 78–83 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-78-83>

Определяя основное качество ритмической прозы, Флобер подчеркивал, что она остается прозой и даже в высшей степени прозой, а не превращается в стихи. Вероятно, эта же закономерность есть и в определении этнографической прозы: она не превращается в этнографию или другую смежную науку, а остается прозой, и ей присущи важнейшие качества литературы.

Результатом полувековой литературной деятельности С.В. Максимова являются 342 журнальных публикации, а также 84 книжных издания и переиздания. Основной объем творческого наследия составляют главные книги писателя: «Год на Севере», «На Востоке», «Сибирь и каторга», «Лесная глушь», «Бродячая Русь Христа-ради».

Художественно-документальная проза Максимова имеет свои специфические черты, прямо связанные с ее жанровыми особенностями. Ей присуще обилие материалов современной жизни разных слоев простонародья, этнографические зарисовки, исследовательский характер описаний, чрезвычайная подробность в воссоздании панорамы народной жизни, ретроспективный взгляд в глубину отечественной культуры [Владимиров; Мартынова]. «Кладем в основу откровенность, личные наблюдения, голые факты, целостно взятые из жизни» [Максимов 11: 4], – определял сам писатель особенности своего творчества.

На исходе века, анализируя весь путь русской реалистической литературы и искусства в целом, Л.Н. Толстой сформулировал ответ на вопрос о предмете и содержании искусства, противопоставив «жизнь трудового человека с его бесконечно разнообразными формами труда и связанными с ними опасностями» – «маленьким наслаждениям, ничтожным забавам нашей жизни не труда и творчества, но пользования и разрушения того, что сделали для нас другие» [Толстой 30: 86–87].

Художественно-документальная проза Максимова, с одной стороны, включает в себе четко обозначенную Толстым тематику и проблематику искусства для народа; с другой стороны, в книгах Максимова нет и намека на то, что присуще, по наблюдениям Толстого, искусству богатых классов, составляет его идейно-эстетические принципы. Это объясняет несложившуюся судьбу этнографического направления в целом, причины, по которым оно осталось в пасынках в общелитературном процессе второй половины XIX в.

Наука должна стать наукой творческого созерцания – не в отмену логике, а в наполнение ее живую предметностью; не в поспание факта и закона, а в узрение целостного предмета, скрытого за ними.

И.А. Ильин

Безусловная заслуга Максимова как писателя-этнографа – создание эпических картин народной жизни и тех ее сторон, которые традиционно оставались в тени: нищенство, странничество, каторга, старообрядчество, религиозные секты. Как книга «Сибирь и каторга» стала энциклопедией русской каторги, другой монументальный труд Максимова – «Бродячая Русь Христа-ради» – энциклопедией русского нищенства и странничества.

Литературный дебют Максимова совпал с периодом, когда, по словам В.И. Даля, «пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный. Народный язык был доселе в небрежении; только в самое последнее время стали на него оглядываться, и то как будто из одной снисходительной любознательности» [Даль 1956, I: XIII].

Максимов собрал и разместил на страницах своей прозы довольно редкие образцы народного красноречия о русских городах и горожанах. Это уникальный аспект темы русской городской культуры, представленный в творчестве писателя. «Если не собрать и не сберечь народных пословиц вовремя, то они, вытесняемые уровнем безличности и бесцветности, стриждою под гребенку, то есть общенародным просвещением, изникнут, как родники в засуху» [Даль 1993, I: II], – писал Даль.

Ценность собранных в прозе Максимова народных пословиц и присловий о русских городах обусловлена тем, что они ярко отражают характерность каждого города, быстро угасавшую к концу XIX в. и дошедшую до полной нивелировки. «Ярославцы – красавцы, лукавцы, песенники, чистоплюи» [Максимов 20: 352]; «Цуканы-тверяки в приглядку с сахаром чай пьют» [Максимов 20: 315]; «Сицкая кокура. Сицкарь с топором, что казак с конем. Сицкаря топор одевает, топор обувает, топор кормит» [Максимов 20: 330]; «Мологожане-коноводы» [Максимов 20: 330]; «Кимряки-сычужники: летом штукатуры, зимой чеботари»; «Семендяевщина (по имени местности): булочник да колбасник, пряничник да пирожник» [Максимов 20: 319].

«Россия это такая, стало быть, земля, что ни один супостат не одолеет, – говорит герой очерка “Сысоев”. – Начать с Москвы – золотых маковок, где калачи да сайки такие пекут, что ни в одном заморском царстве не сделают. Вот за ней тут и пойдут разные города наши: Ярославль-городок, Москвы уголок... Кострома – веселая сторона. Тут Вятка, всему бо-

гатству matka... Архангельск город – всему морю ворот» [Максимов 14: 131–132].

Предметом особенного внимания Максимова и материалом специального изучения на протяжении всей жизни писателя были тесные связи бытового уклада и трудовой деятельности русского народа с его обрядами и поэзией [Плеханов]. Вряд ли можно назвать хотя бы один очерк, в котором не использованы наблюдения автора в области народных поверий, преданий, обрядов и обычаев; прежде всего тех, которые связаны с народным сельскохозяйственным календарем. М.С. Федосеева убедительно показала, что во время своего путешествия по Владимирской губернии в 1855 г. Максимов много наблюдал и фиксировал особенности жизни и быта, торговых промыслов крестьян [Федосеева: 72–101].

Творческий путь Максимова складывался параллельно с большими изменениями и перспективными тенденциями отечественной системы образования 1870-х гг. Во-первых, значительно увеличилось число народных школ, расширилась их учебная программа; многие одноклассные народные школы были преобразованы в двухклассные. Во-вторых, возрасставшее число грамотных, читающих граждан делало актуальным и насущным вопрос об учреждении библиотек при училищах и народных читален; популярными стали публичные чтения для народа. Все это привело к еще больше возросшей потребности в литературе для народа.

В этой связи Комитет грамотности (при Вольном экономическом обществе) выпустил «Систематический обзор русской народно-учебной литературы» – аннотированный список книг, вышедших в России за последние двадцать лет, которые могли быть рекомендованы для преподавания в народных школах. «Наша учебно-народная литература, – пояснялось в обзоре, – несмотря на довольно сильное движение ее за последнее время, слишком еще молода, основные ее начала относительно слишком еще мало установились, чтобы можно было ожидать от нее вполне зрелых и целесообразных произведений» [Систематический обзор: VIII].

В числе 964 названий, рекомендованных в списке, – тринадцать книг Максимова: в разделе «Закон Божий» – «Святые места русской земли. I. Соловецкий монастырь. II. Троицкая Сергиева лавра»; по программе родного языка – «Кавалер Иван Сысоев», «Куль хлеба и его похождения»; по курсу географии – «Год на Севере», «Год на Востоке», «Мерзлая пустыня, или повесть о диких народах...», «Дремучие леса», «Степи», «Русские горы и кавказские горцы», «Лесная глушь», «Голодовка и зимовка на Новой Земле»; для чтения по истории России предлагалась работа «Владимир Святой и Равноапостольный».

Очерки для народа Максимов начал писать с середины 1860-х гг., помещая их в газете «Голос», «Сыне Отечества», «Модном магазине», в журналах «Школьная жизнь», «Семья и школа», «Детское чтение», «Игрушечка», «Задушевное слово».

В 1865–1866 гг. писателем были подготовлены книжки для издательства «Общественная польза» – «О русской земле», «О русских людях». Под общим заголовком «Край крещеного света» вышли рассказы, также адресованные читателю из простонародья: «Мерзлая пустыня, или повесть о диких народах, кочующих с полуночной стороны России», «Дремучие леса, или рассказ о диких народах, населяющих русские леса», «Степи, или рассказ о народах, кочующих по степям с полуденной стороны России», «Русские горы и кавказские горцы». В издании для солдат «Досуг и дело» А.Ф. Погосского вышли рассказы «Крестьянский быт прежде и теперь» и «Кавалер Иван Сысоев».

Большую популярность и широкое распространение получили книжки, составленные и отредактированные С.В. Максимовым для Комиссии по устройству народных чтений в Соляном Городке. Писатель подготовил двадцать книжек, в том числе: «Святые места Русской земли», «Как и чему учил Петр Великий народ свой», «Голодовка и зимовка на Новой Земле», «Ледяное царство и мертвая земля», «Рассказы из русской истории и кто человек, тому сродно все человеческое». По оценке педагогов, книги и очерки Максимова отвечали важнейшим требованиям, предъявляемым к народно-учебной литературе: помимо содержания и ясности изложения, они могли заинтересовать и приохотить к чтению.

В рецензии журнала «Детский сад» книга Максимова «Куль хлеба» была причислена к таким образцам литературы для народного и детского чтения, пример которых мог бы вызвать «все более и более подражателей и из детской литературы наконец были бы вытеснены бездарные спекуляторы, поставляющие всякий хлам» [Детский сад: 266].

В России в предыдущие десятилетия был накоплен опыт по созданию хрестоматий и изданий для народного чтения, выработались общие правила и требования, которые, на первый взгляд, были чрезмерно просты, а на деле представляли непреодолимую трудность. Содержание книг для народа должно было быть доступным и конкретным, язык – истинно народным, без искусственной стилизации, а дидактические элементы – скрыты занимательной формой повествования. Этими качествами книги Максимова обладали в полной мере.

Знание этнографии и природный талант рассказчика подсказывали писателю, что важно не столько изобразить народную жизнь, сколько воссоздать народное мировосприятие [Лошиц]. Это делает кни-

ги доступными, поможет удовлетворить потребность народа в чтении. Сообразя свои творческие решения с требованиями читателя-простолюдина к литературе, Максимов избегал всякого рода литературных штампов. Простота, ясность и образность мыслей, меткость и характерность деталей пришли в язык книг Максимова из народной речи, устного народного творчества.

В 1862 г. Л.Н. Толстой в статье «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» писал о собственном опыте педагогической работы: «Единственные же книги, понятные для народа и по его вкусу, суть книги, писанные не для народа, а из народа, а именно: сказки, пословицы, сборники песен, легенд, стихов, загадок... Нельзя поверить, не испытав этого, с какою постоянной новой охотой читаются все без исключения подобного рода книги» [Толстой 8: 61].

Наблюдая современную жизнь, Максимов пришел к пониманию того, что русские люди на его глазах переставали быть русскими, не знали, как говорили их предки [Гнетнев]. Они не только сами перестали сочинять пословицы, но плохо понимали готовые.

Речевому народному этикету писатель посвятил несколько очерков, адресованных детям и простонародному читателю: «Знать сову по полету. В защиту родной речи и родных обычаев», «Русский человек в гостях. Этнографический очерк», «Русский человек в дороге. Этнографический очерк», «На привет – ответ. Этнографический очерк» и др.

Очерк Максимова «Знать сову по полету. В защиту родной речи и родных обычаев» детский журнал «Игрушечка», основанный Т.П. Пассек в 1880 г., печатал с продолжением в трех номерах 1883 г. На первых страницах автором пересказан известный случай с В.И. Далем, который по слову «склезко» признал в проходившем мимо плотнике «новгородца, и притом из северных уездов». Следом за плотником шли «два старца со сборной книжкой для подаяния на монастырь. Один сказался вологжанином, но по слову возбудил сомнение. В.И. Даль его переспросил: “Да откуда ж вы родом?” – Я тамодей (вм. тамошний) – проврался словом настоящий ярославец. На это ему было указано. Он побагровел, потом побледнел. Вглянувшись, забывшись, с товарищем и отвечал, растерявшись: “Не, родимый!” – “О, да еще и ростовский!” – сказал Даль, захохотав: он узнал в старце при последнем ответе его необлужного ростовца. Не успел отгадчик произнести этих слов, как монах повалился в ноги: не погуби! То были бродяги с фальшивыми видами и поддельною книжкою». Язык, по словам Максимова, – «высочайшее из телесных даров, величайшее человеческое право и чудесный дар выражать свои мысли словами. Язык целого народа, наречие главных племен, говор обширных и определенных местностей – это то, что может лишь со-

вершенствоваться, но не исчезать без следа...» [Игрушечка: 1110–1112].

Через несколько лет, в 1886 и 1887 гг., в развитие этой мысли, Максимов написал три очерка о речевом народном этикете, адресовав их детям простонародному читателю: «Русский человек в гостях», «Русский человек в дороге» и «На привет – ответ».

«Из разного множества приветов и пожеланий мы видим, сколько душа русского народа обильна любовью, и насколько русское сердце вообще богато одарено отзывчивыми нежными струнами» [Игрушечка: 1078].

Очерки напечатал другой детский журнал – «Задушевное слово» – в отделе для детей старшего возраста (от 9 до 14 лет). Это сотрудничество не было случайным.

40 лет – с 1876 по 1918 г. – журнал еженедельно издавался в России. С 1885 г. редактировать «Задушевное слово» стал Н.Х. Вессель – русский педагог, литератор, этнограф, один из основателей в 1869 г. и в последующем секретарь Педагогического общества в Санкт-Петербурге. Составитель сборников народных песен, в числе которых «Школьные песни» (115 народных, литературных, исторических и военных песен, положенных для школ, 1879). В Максимова он справедливо увидел *своего* автора.

«На всякие случаи жизни сложились у народа свои особые “приветы”, и кто хорошо знает их, тот другой раз по привету узнает, из какой губернии прохожий: иначе приветствует встречного русский человек из северных губерний, иначе – из южных». По наблюдению Максимова, особенно ухитряются на вежливостях старые и пожилые люди.

– На хлебе, на соли да на добром слове! – благодарят уходящие.

– Дай Бог с нами пожить да хлеб-соль поводить! – отвечают хозяева.

Бойкий гость подхватывает: – Жить сто годов, нажить сто коров, меринов стаю, овец хлев, свиней подмостье, кошек шесток, собак подстолье!

Находчивый хозяин, чтобы не остаться в долгу, подговаривает:

– В долгий век и в добрый час! (и вам-де то же). Привет за привет и любовь за любовь, а завистливому – хрену да перцу, и то не с нашего стола!

– Дай тебе, Господи, с нашей руки да куль муки!

– Ваши бы речи да Богу в уши! – благодарят хозяева.

– Прощенья просим! – досказывают гости.

– На свидание прощаемся! Живите Божьими милостями, а мы вашими.

– Путь вам чистый.

– Счастливо оставаться!

Иные, как петухи в драке, не скоро разойдутся, потому что язык выработал, а обычай установил целые словари готовых приветствий» [Задушевное слово: 410–411].

Проза Максимова достоверна. Таковы были творческая позиция бытописателя и метод работы этнографа. Не только типы и судьбы ушедшей эпохи нарисовало перо превосходного художника. То, что удалось собрать Максиму на страницах своих книг, – роскошь народной речи, из которой только и может выработаться настоящий язык, а не пресное подобие его. Проза писателя – пример того, как сильный, свежий, богатый, краткий и ясный народный язык способен оплодотворить литературный язык, убереечь его от опошления.

Язык художественно-документальной прозы Максимова запечатлел тот мир реальных вещей и реальных отношений, в котором жил русский простолюдин.

Своеобразие художественно-документальной прозы Максимова в том, что не менее важной, чем сюжеты и их композиционное оформление, оказывается в ней сама авторская манера повествования, ее стилистика, подробно и достоверно передающая народное мировосприятие.

В иерархии речевой культуры писатель на первое место ставил простого мужичка, не лязгающего в карман за словом и округляющего речь легко и удачно; мужичка, о котором Гоголь написал в «Выбранных местах»: «Крестьянин наш умеет говорить со всеми себя высшими, даже с царем, так свободно, как никто из нас, и ни одним словом не покажет неприличия...» [Гоголь 6: 182].

Пословицы, поговорки, присловья, фразеологизмы составляют в прозе Максимова культурно-речевой фон, столь необходимый в этнографических зарисовках народного быта.

Так, многоцветным букетом пословиц и поговорок о хлебе начинает Максимов свою книгу «Куль хлеба». Не перелагая на читателя труд правильно понять их смысл, порою размытый временем, автор тут же комментирует их [Максимов 7: 1–2].

Описывая свое путешествие на Дальний Восток, Максимов вспомнил об одном из полученных перед отъездом напутствий: «Ловите слова пословицы... да нет ли такого нового слова и новой пословицы, в которых бы также всецело и неподражаемо мастерски улеглась добытая умом и жизнью какая-нибудь интересная сторона житейской мудрости. Пусть она дышит тем же горьким юмором, как и все другие: без того наш русский человек и не высказывается, и чем больше этого юмору, тем лучше: стало быть, есть еще надежда на будущее» [Максимов 11: 131].

У бурлаков на Волге Максимов услышал: «У нашего брата копейка ребром стоит, а с нее пар валит» [Максимов 13: 277]; и еще, также прямо относящееся к их тяжелой жизни: «Как не видишь своих, так и тошно по них, а увидишь своих, да много худых, так лучше без них» [Максимов 13: 276]. На палубе парохода записал такой диалог: «Ничего, по-

чтенный! Дождь – не дубина, мы – не глина!.. – Бог вымочит – Бог и высушит!» [Максимов 11: 92].

Живой процесс народного языкотворчества, связанный с современными реалиями, наблюдал Максимов на Амуре и анализировал его как этнограф. От поселенца услышал: «Кто на Амуре не бывал – тот и горя не знал; и кто на Амуре побывал – тот и горе распознал». Авторский комментарий таков: «Вот и новая, готовая поговорка – пока, на время; пойдет ли она дальше в века? – неизвестно» [Максимов 11: 200].

Помимо устойчивых форм народного красноречия Максимов собрал множество оригинальных шуток остроловов из простонародья и ввел их в текст своей прозы в виде прямой речи. В кабаке посетитель обращается к сидельцу: «Давай-ко покрепнее-то который, да вспень его, мошенника, пусти искру... – Явился штоф и три стакана. Выпили» [Максимов 13: 207].

Рядом с исконной красотой звучания народной речи щеголеватой нелепицей отдают кудреватые слова навыворот столичных подрядчиков, мелочных лавочников, апраксинцев, артельщиков. Этим питерщикам – «красноглаголивым пиитам» – «позавидовал бы любой провинциальный краснобай, хвативший через меру книжной премудрости» [Максимов 14: 117]. Яркие образцы темной речи питерщиков – «до того темной, что если она не настоящая чушь и дичь, то, по крайней мере, порядочная белиберда» – можно найти в книге «Лесная глушь».

Ярлык писателя-этнографа, ставший неслучайным сопровождением имени Максимова, умалил роль его неподражаемого таланта в истории русской культуры и отвел ему место в пресловутом «втором» ряду литературы. Между тем, сообщая о смерти Максимова, газета «Новое время» поместила в некрологе такие строчки: «Он не был ученым этнографом. Он не измерял черепа, не определял обхватов груди и длины оконечностей. Но то, что он мерил, и то, чего нельзя смерить никаким другим прибором, кроме человеческой чуткости и таланта, была душа народная, народная психология, народное мировоззрение» [Новое время].

Библиографический список

Владимиров И. Знаток народной жизни // Максимов С.В. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. Москва: Книжный клуб Книговек, 2010. С. 5–10.

Гнетнев К.В. Путешествие странного человека: по следам экспедиции Морского министерства Российской Империи по Белому морю 1856–1857 годов. Петрозаводск: Острова, 2013. 432 с.

Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. Москва: Русская книга, 1994.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. 700 с.

Даль В.И. Пословицы русского народа: в 4 т. Т. 1. Москва: Русская книга, 1993. 640 с.

Детский сад. 1873. № 4.

Лошиц Ю.М. Слушание земли. Москва: Современник, 1988. 331 с.

Максимов С.В. Знать сову по полету. В защиту родной речи и родных обычаев // Игрушечка. 1883. № 37. С. 1078–1089; № 38. С. 1110–1122; № 40. С. 1184–1186.

Максимов С.В. На привет – ответ. Этнографический очерк // Задушевное слово. Старший возраст. 1887. Т. ЛП. С. 410–411.

Максимов С.В. Собр. соч.: в 20 т. Санкт-Петербург: Тов. «Просвещение», 1908–1914.

Мартынова А.Н. Бытописатель земли русской: (Культ.-ист. очерк о писателе, ученом-этнографе С.В. Максимова). Москва: Мол. гвардия, 1987. 77 с.

Новое время. 1901. № 9668. 4 июля.

Плеханов С.Н. Охота за словом. Москва: Вече, 2011. 288 с.

Систематический обзор русской народно-учебной литературы. Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича. 1878. 743 с.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Москва: Худ. лит., 1928–1958.

Федосеева М.С. Экспедиция во Владимирскую губернию 1855 г. в творческой биографии С.В. Максимова // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 72–101. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-72-101>

References

Vladimirov I. *Znatok narodnoi zhizni* [Expert in folk life]. *Maksimov S.V. Sobr. soch.: v 7 t.* [Collection of works: in 7 vols]. Moscow, Knizhnyi klub Knigovek Publ., 2010, vol. 1, pp. 5-10. (In Russ.)

Gnetnev K.V. *Puteshestvie strannogo cheloveka: po sledam ekspeditsii Morskogo ministerstva Rossiiskoi Imperii po Belomu moriu 1856–1857 godov* [The journey of a strange man: following the expedition of the Maritime Ministry of the Russian Empire along the White Sea in 1856–1857]. Petrozavodsk, Ostrova Publ., 2013, 432 p. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Sobranie sochinenii* [Collection of Works]: in 9 vols. Vol. 6. Moscow, Russkaia kniga Publ., 1994. (In Russ.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ., 1956, 700 p. (In Russ.)

Dal' V.I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian People]. Vol. 1. Moscow, Russkaia kniga Publ., 1993, 640 p. (In Russ.)

Detskii sad [Kindergarten], 1873, No. 4. (In Russ.)

Loshits Iu.M. *Slushanie zemli* [Listening to the Earth]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988, 331 p. (In Russ.)

Maksimov S.V. *Na privet – otvet. Etnograficheski ocherk* [Hello – the answer. Ethnographic sketch]. *Zadushennoe slovo. Starshii vozrast* [A heartfelt word. Older age], 1887, vol. LII, pp. 410-411. (In Russ.)

Maksimov S.V. *Sobranie sochinenii: v 20 t.* [Collection of Works: in 20 vols.]. Saint Petersburg, Tov. “Prosveshchenie”, 1908-1914. (In Russ.)

Maksimov S.V. *Znat' sovu po poletu. V zashchitu rodnoi rechi i rodnykh obychaev* [Know an owl by its flight. In defense of native speech and native customs]. *Igrushechka* [Toy], 1883, No. 37, pp. 1078-1089; No. 38, pp. 1110-1122; No. 40, pp. 1184-1186. (In Russ.)

Martynova A.N. *Bytopisatel' zemli russkoi (Kult.-ist. ocherk o pisatele, uchenom-etnografe S.V. Maksimove)* [Writer of Everyday Life of the Russian Land (Cult.-historical Essay about the Writer, Ethnographer S.V. Maksimov)]. Moscow, Mol. Gvardiia Publ., 1987, 77 p. (In Russ.)

Novoe vremia [New time], 1901, No. 9668, 4 iulia. (In Russ.)

Plekhanov S.N. *Okhota za slovom* [Hunt for the word]. Moscow, Vechе Publ., 2011, 288 p. (In Russ.)

Sistematicheskii obzor russkoi narodno-uchebnoi literatury [Systematic review of Russian folk educational literature]. Saint Petersburg, Tip. M. Stasiulevicha Publ., 1878, 743 p. (In Russ.)

Tolstoi L.N. *Poln. sobr. soch.: v 90 t.* [Complete collection of works and letters in 90 volumes]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1928-1958. (In Russ.)

Fedosееva M.S. *Ekspeditsiia vo Vladimirskuiu guberniiu 1855 g. v tvorcheskoi biografii S.V. Maksimova* [Expedition to the Vladimir Province 1855 in the Creative Biography of S.V. Maksimov]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of the Russian classics], 2022, vol. 4, No. 4, pp. 72-101. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-72-101> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.04.2024; одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 20.05.2024.

The article was submitted 28.04.2024; approved after reviewing 17.05.2024; accepted for publication 20.05.2024.

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09“20”

EDN CPJMMT

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-84-93>

ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА В ВОСПРИЯТИИ РУССКОГО ФИЛОСОФА АЛЕКСАНДРА КОНСТАНТИНОВИЧА ГОРСКОГО

Пяткин Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского», Арзамас, Россия, nikolas_pyat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8659-7543>

Клековкина Ксения Сергеевна, студент историко-филологического факультета Арзамасского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского», Арзамас, Россия, klekovkinak@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-2157-5326>

Аннотация. В статье предлагается первый опыт изучения рецепции творческой личности С.А. Есенина одним из видных представителей русского религиозного космизма, философом, поэтом, публицистом Александром Константиновичем Горским (1886–1943), наследие которого лишь недавно стало общедоступным для исследователей. Прослеживаются основные вехи творческой биографии Горского, становление и ключевые аспекты его философского учения; поясняются причины интереса Горского к поэзии Есенина, несмотря на отсутствие личных контактов между ними, эксплицируются и комментируются обращения философа, зафиксированные в его трудах и письмах, к избранным страницам житнетворчества поэта. Указывается, что в философских построениях Горского значительное место занимает критика смертобожнической (смертопоклоннической) установки как в литературе, так и в религии. Особое внимание авторов статьи сосредоточено на анализе мемориального стихотворения А.К. Горского «Есенин», где отчетливо проявляется эта установка. Показывается, что в этом произведении философ создает неоднозначный образ покойного поэта, который не только бездумно растратил богоданный талант, но и всю силу его подчинил идее самоуничтожения. Оспаривается авторская датировка мемориального текста – 1925 год – из-за присутствия в содержании лирической эпитафии реминисценций из поэмы «Черный человек», опубликованной только в январе 1926 года. Устанавливается, что в поздних трудах Горского обращения к творчеству Есенина потенциально могут свидетельствовать о переоценке философом прежних суждений о поэте. Материалы настоящей статьи будут востребованы при подготовке раздела «Есенин и его современники» в «Есенинской энциклопедии».

Ключевые слова: русский религиозный космизм, мемориальный текст «Есенин», лирическая эпитафия, житнетворчество, смертопоклонничество, смертобожничество.

Для цитирования: Пяткин С.Н., Клековкина К.С. Творческая личность Сергея Есенина в восприятии русского философа Александра Константиновича Горского // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 84–93. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-84-93>

Research Article

THE CREATIVE PERSONALITY OF SERGEI YESENIN IN PERCEPTION OF THE RUSSIAN PHILOSOPHER ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GORSKIY

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philological Sciences, professor of the Chair of Russian Language and Literature of the Arzamas Branch of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Arzamas, Russia, nikolas_pyat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8659-7543>

Ksenia S. Klekovkina, student of the Faculty of History and Philology Arzamas Branch of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Arzamas, Russia, klekovkinak@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-2157-5326>

Abstract. The article offers the first experience of studying the reception of the creative personality of Sergei Yesenin by one of the prominent representatives of Russian religious cosmism, philosopher, poet, publicist Aleksandr Konstantinovich Gorskiy (1886–1943), whose legacy only recently became publicly available to researchers. The main milestones of Aleksandr Gorskiy's creative biography, the formation and key aspects of his philosophical teaching are traced; the reasons for Aleksandr Gorskiy's interest in Yesenin's poetry are explained, despite the lack of personal contacts between them, the philosopher's appeals, recorded in his works and letters, to selected pages of the poet's life are explicated and commented

on. It is indicated that in Aleksandr Gorskiy's philosophical constructions, a significant place is occupied by criticism of the death-worshipping attitude both in literature and in religion. The authors of the article pay special attention to the analysis of Aleksandr Gorskiy's memorial poem "Yesenin", where this attitude is clearly manifested. It is shown that in this work the philosopher creates an ambiguous image of the late poet, who not only thoughtlessly squandered his God-given talent, but also subordinated all his power to the idea of self-destruction. The author's dating of the memorial text – 1925 – is disputed due to the presence in the content of the lyrical epitaph of reminiscences from the poem "The Black Man", published only in January 1926. It is established that in Gorskiy's later works, references to Yesenin's work could potentially indicate a reevaluation of the philosopher's previous judgments about the poet. The materials of this article will be in demand with preparing the section "Yesenin and His Contemporaries" in "Yesenin Encyclopedia".

Keywords: Russian religious cosmism, memorial text "Yesenin", lyrical epitaph, life-creativity, death-worship.

For citation: Pyatkin S.N., Klekovkina K.S. The creative personality of Sergei Yesenin in perception of the Russian philosopher Aleksandr Konstantinovich Gorskiy. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No 2, pp. 84–93 (in Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-84-93>

Количество стихотворений, посвященных памяти Сергея Есенина, вряд ли поддается точному исчислению. Как отмечают авторы-составители «Летописи жизни и творчества С.А. Есенина», эти произведения создавали «не только известные поэты, но и рабочие, крестьяне, военнослужащие, представители интеллигенции, учащиеся – люди, потрясенные известием о смерти любимого поэта и, может быть, впервые написавшие поэтические строки» [Летопись: 399]. И далеко не все стихотворения на смерть Есенина в силу разных обстоятельств и причин были, что называется, своевременно опубликованы (а некоторые и вовсе пока еще не дошли до читателя), причем принадлежавшие не только авторам из обширного сообщества «народной поэзии», но и профессиональным литераторам. К числу последних относится русский философ, поэт, публицист, один из ярких представителей религиозного космизма Александр Константинович Горский (1886–1943), чей мемориальный текст о Есенине («Есенин»), написанный вскоре после его смерти, был обнародован только в 2018 году. А до этого времени, по крайней мере в есениноведческих источниках, никаких сведений о нем нет.

В последнем томе «Летописи...» в разделе «Памяти Есенина» есть упоминание о некоем Горском (без указания инициалов) как поэте, прочитавшем свои стихи, «посвященные памяти ушедшего», 13 января 1926 года на есенинском вечере, что состоялся «в помещении Воронежской консерватории» и был организован «секцией работников печати и воронежской организацией "Чернозем"» [Летопись: 366]. В данном случае речь идет об однофамильце Александра Константиновича Горского. Сам же философ в своей жизни с Воронежем связан не был и никакого отношения к местному писательскому объединению не имел. К тому же в январе 1926 года, по его собственному признанию, сделанному в письме к другу и единомышленнику Н.А. Сетницкому, он «утонул с головой в густо-атмосферической Москве» [Горский 2: 377] и за пределы столицы не выезжал.

Личность А.К. Горского, как и его труды, совсем недавно стали предметом научного изучения в российской гуманитаристике, где исключительный вклад принадлежит крупнейшему специалисту по русскому космизму А.Г. Гачевой, подготовившей двухтомное собрание сочинение и писем философа по материалам его архива и опубликовавшей ряд исследований об эстетике и художественной практике Горского [Гачева 2018; 2019; 2023].

Как известно, источником, своеобразным корнем русского космизма послужили труды выдающегося отечественного мыслителя, скромного работника Румянцевского музея Н.Ф. Федорова (1829–1903), и в первую очередь его работа «Философия общего дела». Учение Федорова было столь глубоким и многогранным, что оказало мощное влияние на становление и развитие многих философских школ в России и Европе и стало творческим базисом двух автономных, концептуальных ветвей русского космизма – естественнонаучной (Н.А. Умов, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский и др.) и религиозной (В.С. Соловьев, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев и др.).

В результате последовавших друг за другом в 1917 году революционных событий, печально знаменитого «философского парохода» к концу 1922 года в Советской России будущее религиозного космизма выпало на долю четырех деятелей: богослова, отца Павла Флоренского (1882–1937) и продолжателей идей «Московского Сократа» – А.К. Горского, В.Н. Муравьева (1885–1932), Н.А. Сетницкого (1888–1937) (подробнее см.: [Салмина, 2005]). Противопоставляя марксистскому социальному эталону концепцию христианского дела, которое бы охватывало все сферы жизнедеятельности, философы-космисты стремились «вынести литургию за стены храма» [Федотов: 83], достичь той стадии в духовной эволюции человечества, когда мир бы облекся Преображающим светом и Бог бы был «всяческая во всем» (1 Кор.15: 28).

Александр Константинович Горский, начиная свой путь как обычный мальчик из священнической семьи, жаждал выйти за пределы «храмовой литур-

гии», объединить человечество в воскресительном долге, невозможном «без веры в свою душу и в ее бессмертие» [Достоевский 13: 387]. Закончив Черниговскую семинарию, а затем и Московскую духовную академию, Горский по благословению одного из старцев, жившего на территории Троице-Сергиевой лавры, уходит нести свою миссию за пределы «храмовых стен». Он, подобно Алеше Карамазову, уходит в мир не для безблагодатной гедонистической жизни, а для воплощения той вечной «общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону», которую пророчил в своей «Пушкинской речи» Достоевский [Достоевский 14: 439]. Целью своей жизни Горский, открывший для себя жизнестроительное учение Н.Ф. Федорова и ставший одним из самых твердых его последователей, сделал веру в возможность построения «Царства Божия» на земле, «восстановление мира в то благолепие нетления, каким он был до падения» [Федоров: 401]. Эта идея зримо предстанет в первом поэтическом опыте А.К. Горского (под псевдонимом «А. Горностаев»; им впоследствии Горский будет подписывать большинство своих работ) – стихотворном сборнике «Глубоким утром» (1913), художественным и философским средоточием которого является «образ предрассветного чаяния, образ земли, готовой к встрече с Христом, Солнцем мира» [Гачева 2018: 204].

Эта книга подготовлена Горским в Одессе, куда он переезжает из Москвы, получив место преподавателя духовной семинарии и гимназии, и где ему будет предназначено пережить и начало Первой мировой войны, и две революции, и братоубийственную Гражданскую войну. Здесь, в Одессе, в полную силу он сможет творчески реализовать свои ранние интересы и увлечения, связанные с судьбами композиторов (А.Н. Скрябин, А.В. Ребиков), философов (Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев), поэтов и писателей (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, А.К. Толстой, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.А. Блок, А. Белый). В это десятилетие окончательно в сознании А.К. Горского определится заглавная задача не только искусства, но и всех сфер социальной деятельности человека: «не просто воспринять и нести благую весть о “новом небе и новой земле”, но и в синергии с Творцом прямо содействовать ее воплощению» [Гачева 2018: 205].

В 1922 году Горский с женой, певицей и пианисткой Марией Яковлевной, урожденной Монзалевской (1893–1972), переезжает в Москву, продолжая интенсивную творческую жизнь.

В столице он пишет один из главных своих философских трудов «Огромный очерк» (1924), в котором, обращаясь, казалось бы, к совершенно отличным друг от друга мирозерцательным явлениям (идеи Платона и практики йоги, фрейдистское учение и опыт пер-

вохристианских подвижников), прочитывая Пушкина и Лермонтова в свете концепций Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева, выводит органическую «формулу», объединяющую «темы смысла искусства и смысла любви» [Горский 1: 11] и становящуюся для мыслителя залогом абсолютного жизнотворчества и духовного преодоления художником смерти. Эта «формула», отчасти обнаруживающаяся в ранних работах Горского, творчески обогащаясь, в той или иной мере дает о себе знать в его «блоковском» цикле статей («Красная тайна (Россия в поэзии А. Блока)», «Крест над вьюгой (О “Двенадцати” А. Блока)»), в незавершенном труде «Магический кристалл» о романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин», философско-эстетических этюдах о Толстом, Достоевском, Горьком.

Письма А.К. Горского 20-х гг. свидетельствуют о его насыщенной публичной деятельности в Москве и широком диапазоне контактов, что, кстати сказать, не отменяло церковной жизни философа: вместе с женой он был прихожанином церкви Святой Живоначальной Троицы в Никитниках. Несмотря на то, что у Горского и Есенина в столице был довольно представительный круг общих знакомых, их встрече не суждено было состояться, хотя, по словам философа, она планировалась, а ее инициатором выступал поэт. Вот как об этом с нескрываемым сожалением пишет А.К. Горский в мае 1926 года Н.А. Сетницкому: «Очень я был огорчен на Пасхе известием, что генерал Брусилов последние месяцы все ждал меня, желая познакомиться с учением Н.Ф. [Федорова] (узнал через С.П. Бартенева), не дождался и умер неожиданно.

Такая же провокация вышла с Есениным» [Горский 2: 388].

Интерес поэта к идеям Н.Ф. Федорова отнюдь не случаен. В современной философской науке твердо обозначается, что интеллектуальный потенциал творческого мировидения Есенина сопряжен концепции русского космизма. Так, например, специалист в области софиологии Н.П. Мониная, эксплицируя и анализируя «поэтическую транскрипцию идей русского космизма» в литературе Серебряного века, в первую очередь обращается к художественному сознанию Есенина, указывая, что его космистские представления «проявляются в естественной связанности всего живого: космоса – человека – природы, в восприятии мира как живого мироздания, в космической гармонии и космической этике» [Мониная: 337, 329].

Богатейшая литературоведческая практика, актуализирующая мировоззренческие основы поэзии Есенина, неоспоримо свидетельствует, что в ней «обнаруживается оригинальная философия природы, философия истории, философия искусства, философия человека, философия образа» (курсив автора. – С. П.) [Воронова 2012: 31]. Мы особо выделяем научные труды авторитетного ученого О.Е. Вороно-

вой, в которых детализируется, наполняясь концептуальным содержанием, картина истоков, становления и развития религиозно-философских идей Есенина в органическом синтезе с поэтикой его художественного творчества [Воронова 2011; 2015; 2016а; 2016б; 2016в]. Показателен в данной связи опыт интерпретации исследователем поэмы «Пантократор», одной «из самых “космических” поэм революционно-романтического цикла Есенина», в завершении которого обоснованно говорится, что автор «развивает в финале поэмы мысли, близкие идеям Н.Ф. Федорова и Ключева, испытавшего на себе в молодости значительное влияние этого философа. Революция мыслится Есенину как возможность преодоления смертной природы человека, как метафизический переворот, совершающийся в сфере духа, делающий возможным воссоединение земли и неба, встречу ушедших с живыми» [Воронова 2016б: 28–29].

Приведенное выше высказывание Горского, кажется, вполне убеждает в том, что несостоявшаяся встреча с Есениным огорчила философа не меньше, чем навсегда упущенная возможность стать собеседником прославленного генерала Брусилова. И можно предположить, что желание познакомиться друг с другом у Горского и Есенина было взаимным.

О поистине живом интересе философа к личности Есенина говорит и сам факт написания стихотворения на смерть поэта, на похоронах которого, что важно подчеркнуть, автор лирической эпитафии присутствовал (см.: [Горский 2: 380]), и его нередкие обращения в трудах и письмах к поэзии и творческой судьбе Есенина, и, быть может, в высшей степени – запоминающаяся аттестация, данная Горским: «самый певучий и пленительный из молодых русских поэтов наших дней» [Горский 1: 724].

Однако здесь следует сделать одно важное уточнение, во многом проясняющее причины этого интереса. В философских построениях Горского исключительное значение принадлежит идее жизнотворчества, противостоящей «смертобожнической установке» «в поэзии, культуре, религии» [Гачева 2019: 154]. В трагической гибели Есенина философ и видит закономерный финал поэта-«смертопоклонника», который «кошмарным самоистреблением» растратил величайший Божий дар [Горский 1: 724]. Неслучайно имя Есенина фиксируется в письменных источниках Горского, что, как правило, датируются позже 1925 года. И обращения к личности поэта у философа (а оно идет у него всегда в одном ряду с именами самых значимых фигур отечественной литературы) становятся по большей части яркой эмоционально-образной иллюстрацией стоического неприятия идеи смертопоклонничества в искусстве. Так, в незавершенном очерке «Очная ставка» (начало 30-х гг.), относя к области наивных восторгов читателей их изумление «про-

роческому дару» русских классиков, «предвидевших и описывающих род своей смерти», Горский называет такое пророчество «сдачей позиции», ослабляющей «сопротивление жизненной силы» [Горский 2: 94–95]. По мысли философа, все это, вынуждая «художника “день каждый, каждую минуту” провожать мыслью о смерти, где-то и как-то долженствующей быть посланной “судбиной” (Пушкин), о пуле, которую кто-то для него уже отливает (Гумилев), о рукаве, на котором придется повеситься (Есенин), <...> не может не расцениваться в глубине сердца как постыднейшее малодушие и предательство...» [Горский 2: 95].

В развитие данной темы Горский далее указывает на роковое обстоятельство, что чаще всего обуславливает немощь души у «творца слова». Это его «самосуд», что, «выпадая из творческого плана, принимает характер расправы, темного, хаотического, стихийного *взрыва*», заставляющего «художника либо стремиться к ликвидации собственной жизни (как это ярко продемонстрировали на наших глазах ряд поэтов, кончая Есениным и Маяковским), либо порываться к истреблению своих творений (как это сделал Гоголь, как мечтал Блок: “Молчите, проклятые книги! Я вас не писал никогда”» (курсив автора. – С. П.) [Горский 2: 97].

В письме к своей младшей сестре Нине Константиновне Горской (конец 1934 года), наставнически размышляя о ее поэтических опытах, философ предупреждает об опасности, что таят «смертопрославительные стихи», даже если они не выражают подлинных настроений авторского сознания: «Нельзя не мечтать безнаказанно». А затем, апеллируя к трагическим страницам истории русской словесности, приводит твердый аргумент своей позиции: «Есенин домечтался, как он “на рукаве своем повесится”. Блок, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, все, кто хочешь, точно намечтали и накликали способы своей гибели. Неужели не интересно попробовать: а что выйдет, если наглухо закрыть шлюзы подобным мечтам» [Горский 2: 512].

Согласимся, что это эпистолярное высказывание воспринимается опрощенной формой отточенных и эффектных суждений А.К. Горского из философского очерка «Очная ставка», не теряя при этом ни глубины мысли, ни четкости оценки, которые ранее определили идейно-эстетическое звучание стихотворения на смерть Есенина. Вот его текст.

ЕСЕНИН

Слышно страшное в судьбе наших поэтов.

Н. Гоголь

Отпусти в закат!

С. Есенин

Закат клокочет... В облаке ль, в душе ль...

Так много золота не чаял и во сне ты!

... Не снес богатства лопнувший кошель:
Дождем просыпались монеты...

Злой сад эфирных ядов и зараз!
Беда, беда, в ком цвел он слишком пышно!
О, страшный мир! Его не знает глаз...
О, страшно все, что только слышно!

Откуда жгут и падают слова?
Что там гудит? Кто там поет и пляшет?
Беспомощно слепая голова,
Как птица крыльями, ушами машет...

В волшебные и бешеные дни
Кто там встает? Кто так глядит в упор нам?
Полмира спит и прячется в тени,
И тень хохочет человеком черным.

... Вот – снова крик... опять незримых крыл
Шумящий взмах... Обида или победа?
В висках вершин внезапный вихорь взмыл
И гарпии уносят Ганимеда.

<1925> [Горский 2: 204]

Первый эпитаф к лирической эпитафии Горского – цитата из очерка Н.В. Гоголя «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846), что служит отправной точкой размышлений писателя о роковой участи заглавных персон отечественной словесности: «...Слышно страшное в судьбе наших поэтов. Как только кто-нибудь из них, упустив из виду свое главное поприще и назначение, бросался на другое или же опускался в тот омут светских отношений, где не следует ему быть и где нет места для поэта, внезапная, насильственная смерть вырывала его вдруг из нашей среды. Три первостепенных поэта: Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, один за другим, в виду всех, были похищены насильственной смертью в течение одного десятилетия, в пору самого цветущего мужества, в полном развитии сил своих – и никого это не поразило» [Гоголь: 402–403].

Если первым эпитафом автор мемориального текста включает имя Есенина в один ряд с «первостепенными поэтами» русской литературы, которым была уготована «внезапная, насильственная смерть», «страшное в судьбе» (в поздних трудах философа, как мы уже отмечали, это станет едва ли не «общим местом»), то вторым – финальной строкой из стихотворения Есенина «Проплясал, проплакал дождь весенний...» (1917) – он ясно указывает на закономерное, самим поэтом предначертанное трагическое завершение его жизненного пути. Дело в том, что в этом стихотворении Горский видел эстетически кристаллизованную идею смертобожничества поэта, некую изначальную формулу его скорбной судь-

бы, что подтверждается контекстом цитат из данного произведения в работе о Н.Ф. Федорове «Огромный очерк», датированной 1924 годом: «...художник сам глубоко усомнился в праве своем на существование. <...> Зачем творить, к чему петь? Все равно “не разбудишь ты своим напевом дедовских могил”, “не изменят лик земли напевы, не стяхнут с листа”» [Горский 1: 724].

Метонимические эпитафы у Горского актуализируют концептуально-смысловое пространство текста и определяют его лексико-стилистический и экспрессивно-эмоциональный строй. Начальное слово эпитафии («закат»), повторяя финал стихотворения «Проплясал, проплакал дождь весенний...», манифестирует авторскую интенцию продолжения и одновременно завершения программного есенинского произведения как житетекста поэта, который оказывается полностью лишенным душевспасительных откровений. Основное содержание мемориального произведения строится на реминисценциях и аллюзиях к поэзии Есенина, что предстают очевидными маркерами его «кошмарного самоистребления». Всеохватывающее ощущение «страшного» в судьбе поэта, добровольно ушедшего из жизни, пронизывает всю ткань лирического повествования («страшно все»), стремительно усиливаясь от одной образной картины к другой, которые, как мозаика, образуют панораму обреченного мира.

Неслучайно появление в эпитафии темы «страшного мира» А. Блока. С одной стороны, она, глубоко осмысленная философом в его научно-публицистической блоковиане 1918–1919 гг., вполне органично вырастает из первого эпитафа, словно бы соединяя «век нынешний и век минувший». С другой, что более важно, эта тема фокусирует проблему житетворчества в искусстве, порождающего дух и плоть «страшного мира», в котором безраздельно властвует смерть. В стихотворении Горского завершающий акт такого житетворчества у Есенина олицетворен персонажами его поэмы «Черный человек»¹. Исключительная выразительность этих образов, подчеркивающая трагическую безысходность поэта, достигается за счет их художественной трансформации («Беспомощно слепая голова, / Как птица крыльями, ушами машет...», «Полмира спит и прячется в тени, / И тень хохочет человеком черным») и насыщения текста многоточиями и риторическими вопросами, репрезентирующими пространственно-объектную неопределенность изображенного мира («Откуда жгут и падают слова? / Что там гудит? Кто там поет и пляшет?», «Кто там встает? Кто так глядит в упор нам?»).

Присутствие в содержании эпитафии реминисценций из «Черного человека» Есенина заставляет усомниться в ее авторской датировке. Поэма была опубликована в 1926 году в январской книжке «Но-

вого мира», и в конце 1925 года Горский, никогда не встречавшийся с Есениным, познакомиться с текстом «Черного человека» не мог. Вероятнее всего, дата, выставленная под стихотворением, означает начало работы над ним, которая была завершена не раньше начала февраля 1926 года.

В марте того же года в письме А.К. Горского Н.А. Сетницкому содержится первое упоминание об этом произведении, автор которого сначала дает критический отзыв об эпитафии адресата («Ваше стихотворение на смерть Есенина очень содержательно, но, мне кажется, недостаточно лирично...»²), затем пытается определить эстетический канон стихотворения *in memoriam* («а между тем именно этого качества ждешь, когда тема – смерть лирика»), а в итоге не менее критично высказывается о собственном поэтическом опыте: «Я тоже написал нечто о погребении, на котором присутствовал, но не очень доволен своим» [Горский 2: 380].

Обращает на себя внимание то, что автор письма в определении темы мемориального текста (и своего, и чужого) использует оборот «смерть лирика», предпочитая его традиционному в данном случае словосочетанию «смерть поэта». И такая языковая избирательность Горского соответствует дискурсивной логике его литературно-философских воззрений, в системе которых понятие «лирика» имеет весьма примечательные коннотации. Так, в статье «Крест над вьюгой», дискутируя с Блоком о назначении лирики, Горский в императивном ключе заявляет, что «она строит жизнь... не создать лишь несколько райских песен она должна – а переделать все – весь ад окружающей жизни превратить в рай». И при этом «всякая лирическая песнь... проект – преобразование – безобразной жизни в прекрасную, лирическая тема – это зерно какого-то творческого плана...» (курсив автора. – С. П.) [Горский 1: 257]. Следовательно, «качество» «лиричности», которое Горский видит обязательным условием в стихотворениях, написанных на смерть поэта, должно проявляться в этико-художественной репрезентации отличительных черт преобразующего жизнестроительства, характеризующих творческое сознание лирика. Однако в решении этой сверхзадачи Горский избирает совсем другой путь: в художественной оптике текста располагается жизнестроительство совершенно иного рода.

Развитие сюжета в стихотворении «Есенин» подчинено движению авторской мысли от аллегории жизнестроительского потенциала поэта («...Не снес богатства лопнувший кошель: / Дождем просыпались монеты») к аллегорической картине его смерти: «И гарпии уносят Ганимеда».

В начальной строфе акцентируется идея поэтического таланта, который не стал для лирика залогом «литургического, перестраивающего всю жизнь дей-

ствия» [Горский 1: 257]. Наоборот, художественный дар, как это с болью и ужасом открывает для себя автор стихотворения, служит тому, что творческая личность поэта вбирает в себя «весь ад окружающей жизни» и растворяется в ней.

Концептуальной основой финальной аллегии у Горского выступает популярный в античном изобразительном искусстве сюжет «похищение Ганимеда». Но если в древнегреческой мифологии сына троянского царя Троса и нимфы Каллирои похищает Зевс, чтобы вознести на Олимп, где юноша будет служить богам, то в эпитафии Ганимеда уносят гарпии – полуженщины-полуптицы, обитательницы Аида, «злые похитительницы человеческих душ» [Мифы: 265, 266]. И план изображения, и план выражения заключительной строки органичны содержанию мемориального стихотворения Горского. Как вполне органично в контексте художественной биографии Есенина его отождествление с Ганимедом, *юношей-настухом необычайной красоты*. Кажется естественным здесь и то, что «вызванный» поэтом страшный, демонический мир в облике уродливых гарпий забирает своего создателя.

Горский, обращаясь к мифологической архаике и посредством приема монтажа трансформируя два самостоятельных античных сюжета в один, не только создает впечатляющий живописный образ, индизомно являющийся собой неизбежный итог есенинской судьбы, но и тем самым задает ценностные смыслы, в пространстве которых, по убеждению автора эпитафии, будет существовать поэт в памяти потомков³. И эти смыслы, что очевидно, не будут обращены к величайшему песенному дару Есенина, выразившему «нежность грустную русской души», к его «половодью чувств», вобравших в себя одухотворенную красоту родной природы, к его главной лирической теме, напитанной «одной большой любовью», – теме Родины⁴.

Содержание эпитафии Горского конституирует образ поэта, который не только бездумно растратил боготворенный талант, но и всю силу его подчинил идее самоуничтожения. По всей видимости, смертопоклонничество для автора стихотворения и есть то «страшное в судьбах русских поэтов», что еще раз подтверждено трагедией Есенина.

Вместе с тем говорить о схематичной одномерности воззрений философа на жизнестроительские стратегии отечественных классиков литературы, определяющие идейно-эстетическое содержание их произведений, было бы ошибочным. Это, в частности, полностью подтверждает исследование А.Г. Гачевой, посвященное изучению философско-критического очерка Горского «“Крест над вьюгой” (О “Двенадцати” А. Блока)». В своей работе ученый убедительно доказывает, что «Блок, по мысли Горского, вовсе

не выступает в “Двенадцати” апостолом отчаяния и безнадежности... Поэт-интеллигент ищет выхода, причем ищет его вместе со своими героями, символизирующими народное целое, с этими двенадцатью, которые составляют говорящее “апостольское число”» [Гачева 2018: 209].

В данной связи, возвращаясь к проблеме рецепции А.К. Горским творческой личности Есенина, стоит обратить внимание, по крайней мере, на два факта, свидетельствующих о неоднородном восприятии философом художественного мирозерцания поэта и его духовно-эстетических потенций.

В литературно-публицистических заметках «Творческая непрерывка» (ориентировочно начало 30-х гг.) Горский, прочитывая программные произведения А.С. Пушкина «сквозь призму “этики преображенного эроса”» [Горский 2: 881], обращается к символическому образу Черного человека, выходя при этом далеко за пределы, «заданные» ему автором драматической сцены «Моцарт и Сальери». Горский неожиданно опознает в этом inferнальном образе символическое воплощение «классового врага» всего рода человеческого, поскольку в нем сосредоточена, по мысли философа, идея пассивного жизнотворчества («желание царствовать на боку»), что и стало причиной трагедии пушкинского Моцарта и опосредованно самого Пушкина. По Горскому, только Есенину удалось разгадать и изобразить подлинную сущность Черного человека; в последней поэме Есенина философ прощательно рассмотрел акт высокой творческой воли автора-художника, направленный на утверждение торжества жизни. И такая точка зрения Горского обусловила критическую переоценку – пусть в заметках и тезисно изложенную – его прежних суждений об этой поэме Есенина и нем самом, а также некоторых собственных религиозно-философских идей: «как велика *заслуга Есенина* (и как смешон Крученых, да и сам Горностаев [Горский], ограничившиеся тогда лишь воспроизведением Свето-Человека, но не вскрывшие классовой сущности Черного...)» (курсив автора. – С. П.) [Горский 2: 20].

И еще один, пусть и не самый очевидный факт. В период с 1938 по 1943 год Горский создает необычный стихотворный цикл «Песни без недомолвок». В нем собраны стихотворения русских поэтов (от Батюшкова до Лебедева-Кумача), которые получили новое этико-художественное завершение, сочиненное философом и пронизанное «духом активного, творческого христианства» [Гачева 2019: 154]. И такие концовки (а они в ряде случаев, как, к примеру, в стихотворении Н. Гумилева «Несравненное право», кратно превышают оригинальный текст) призваны снять, зачастую в ироническом ключе, смертопоклоннические установки, отчетливо проявляющиеся, как считал Горский, в программ-

ных произведениях поэтов. Есенина в круге избранных философом для «исправления» девятнадцати авторов нет. Но здесь примечателен следующий нюанс. Первоначально цикл задумывался как песенный и собирался из текстов, которые уже были положены на музыку как известными музыкантами, так и женой Горского (подробнее об этом см.: [Горский 2: 918]). А она, что следует из уже упомянутого письма Горского Н.А. Сетницкому (март 1926), посвященному отозвалась на смерть Есенина, написав музыку на его стихотворение «Проплясал, проплакал дождь весенний...». Сеем полагать, что на репертуарном решении Марии Яковлевны сказало влияние ее мужа, для которого этот есенинский текст, о чем мы говорили выше, пророчески олицетворял трагическую судьбу поэта. Песенная версия стихотворения, что любопытно (и тут мы тоже предполагаем влияние Горского), завершается строками, заимствованными из поэмы Есенина «Преображение» (сами строки в письме не приводятся) [Горский 2: 380]. Она занимает одно из центральных мест в «необиблейском эпосе» поэта, а ее заглавная тема, как это убедительно доказывает С.Г. Семенова, – «в активности самого человека», «взыскание синергии, бытийственного сотрудничества с Богом» [Семенова: 368]. Есенинская картина миротворения в «Преображении», где манифестируется мысль о преодолении смерти и устройении земного рая (см.: [Воронова 2002: 298–309; Серегина, Субботин]), отчетливо перекликается с философско-теургическим содержанием жизнестроительных идей Горского. Творческая переработка стихотворения «Проплясал, проплакал дождь весенний...» в духе будущих «Песен без недомолвок» состоялась без прямого поэтического вмешательства автора этого цикла, разглядевшего в художественном наследии Есенина высшие потенции к реальному, лишенному апокалипсических настроений преображению мира, сакральным итогом которого становится «Царство Божие на земле». Попросту говоря, Есенин был «исправлен» стихами самого Есенина, и, видимо, поэтому ему не нашлось места в цикле Горского.

Над «Песнями без недомолвок» философ начнет работать в Калуге, куда будет вынужден переселиться, выйдя из заключения, к которому был приговорен летом 1929 года по «стандартному» для того времени обвинению: «участие в контрреволюционной организации» [Макаров]. Находясь на иждивении своей жены и не имея ни малейшей возможности публиковаться, хотя неоднократно предпринимая для этого попытки (направляет в периодическую печать юбилейные статьи о Пушкине и Блоке), Горский продолжает много и плодотворно трудиться. Его насыщенная творческая жизнь не прекратилась и с началом Великой Отечественной войны, когда Калуга оказа-

лась оккупированной фашистами. Спустя год после освобождения города Горский будет снова арестован и этапирован в Тульскую тюрьму.

В ходе следствия «Горскому припомнили все “грехи” перед Советской властью» и обвинили в шпионской деятельности и антисоветской агитации. Окончательного решения по своему грубо сфабрикованному делу философ не дождался: он умер 24 августа 1943 года в Тульской тюремной больнице. 15 апреля 1999 года постановлением прокуратуры Московского военного округа Александр Константинович Горский реабилитирован посмертно [Макаров].

На последнем допросе Горский заявил: «Я принял революцию и Советскую власть потому, что в них было заложено то, что двигало человечество вперед, к осуществлению мечты о полном овладении всеми силами природы, вплоть до полной ликвидации идиотизма природы – смерти и умирания. Но в действительности я вижу ту же мещанскую покорность природе и отсутствие борьбы за осуществление идеалов и мечтаний и не смогу с ним примириться» [Макаров].

Слова Горского – квинтэссенция его философских и социально-политических убеждений, которые окончательно сложились в 30-х годах, когда для него со всей очевидностью стало понятным фатальное расхождение декларативных постулатов большевистской идеологии и той безотрадной, не имеющей «целостного идеала» жизни, что все прочнее и прочнее укоренялась в культурной почве советского государства. Удивительно, но высказывание философа, занесенное в протокол допроса, практически повторяет пророческое откровение Есенина, сделанное им в письме к Е. Лившиц почти за четверть века до горького признания Горского: «Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого. Ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены, без славы и без мечтаний. Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений» [Есенин: 116].

И такое совпадение в пространстве русской духовной культуры кажется неслучайным. Случайным в данном отношении является лишь то, что Горскому и Есенину не суждено было встретиться при жизни. Однако этот факт, думается, нисколько не мешает тому, чтобы добавить еще один – и приметный – штрих в существующую ныне разноплановую картину восприятия современниками творческой личности Сергея Есенина.

Примечания

¹ О творческом родстве последней поэмы С. Есенина с циклом «Страшный мир» А. Блока подробно

но и обстоятельно говорится в статье Т.К. Савченко [Савченко].

² Стихотворение Н.А. Сетницкого на смерть Есенина не разыскано (см.: [Горский 2: 946]).

³ Тема памяти является ведущей в мемориальной лирике, и ее поэтическая репрезентация определяет модальную семантику текста (подробнее об этом см.: [Царькова 1999]).

⁴ В поэтическом сборнике «Памяти Есенина», изданном в 1926 году, в который помимо воспоминаний о поэте вошли 47 разных по своей эстетической ценности мемориальных стихотворений, художественное осмысление есенинского образа преимущественно основывается именно на этих семантических конструктах (см.: [Памяти Есенина: 159–233]).

Список литературы

- Воронова О.Е.* Космические мотивы в поэзии С.А. Есенина // Современное есениноведение. 2011. № 17. С. 6–13.
- Воронова О.Е.* Мировоззрение С.А. Есенина: опыт структурного анализа // Современное есениноведение. 2012. № 20. С. 31–35.
- Воронова О.Е.* Поэма «Небесный барабанщик» как финал «библейского цикла» С.А. Есенина // Современное есениноведение. 2016а. № 4 (39). С. 21–26.
- Воронова О.Е.* Поэма С.А. Есенина «Пантократор»: религиозно-философский и историко-культурный контекст // Современное есениноведение. 2016б. № 3 (38). С. 24–30.
- Воронова О.Е.* Поэма С. Есенина «Иорданская голубица» как опыт необиблейского мифотворчества // Современное есениноведение. 2016в. № 2 (37). С. 64–69.
- Воронова О.Е.* Сергей Есенин и русская духовная культура. Рязань: Узорочь, 2002. 498 с.
- Воронова О.Е.* Софийно-пантеистические мотивы в ранней лирике Сергея Есенина // Современное есениноведение. 2015. № 4 (35). С. 54–57.
- Гачева А.Г.* «Крест над вьюгой»: Философ Александр Горский – о поэме Александра Блока «Двенадцать» // Литературный факт. 2018. № 7. С. 197–256. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2018-7-197-256>
- Гачева А.Г.* Идеал психосинтеза и метаморфозы пола в философской и художественной практике А.К. Горского // Фемининность и маскулинность в культуре модерна: Россия и зарубежье. Москва: ИМЛИ РАН, 2023. С. 398–419. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-398-419>
- Гачева А.Г.* Идея литургической поэзии в эстетике и художественной практике А.К. Горского // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, № 1. С. 108–161. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.6001>
- Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. Статьи. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1952. С. 369–409.

Горский А.К. Сочинения и письма: в 2 кн. / вступ. ст., подгот. текста, сост. и коммент. А.Г. Гачевой. Москва: ИМЛИ РАН, 2018.

Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Санкт-Петербург: Наука, 1988-1996.

Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Письма. Москва: Наука: Голос, 1999. 818 с.

Летопись – Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. Т. 5, кн. 2. Москва: ИМЛИ РАН, 2018. 1158 с.

Макаров В.Г. Александр Горский: судьба, покалеченная «по праву власти» // Вопросы философии. 2002. № 8. С. 98–133. URL: <http://ihst.ru/projects/sohist/document/mak02vf1.htm?ysclid=ls7av8318m819871652> (дата обращения: 3.03.2023).

Мифы – Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. А–К. Москва: НИ «Большая советская энциклопедия», 2000. 672 с.

Монина Н.П. Идеи космизма в поэзии серебряного века // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3. С. 326–339.

Памяти Есенина: сборник. Москва: Изд-во Всероссийского союза поэтов, 1926. 269 с.

Савченко Т.К. Поэтический цикл А. Блока «Страшный мир» и поэма С. Есенина «Черный человек» // Есенин академический: Актуальные проблемы научного издания. Москва: Наследие, 1995. С. 181–189.

Салмина И.Ю. История формирования идей философии космизма в русской культуре: дис. ... канд. философ. наук. Мурманск, 2005. 150 с.

Семенова С.Г. Метафизика русской литературы: в 2 т. Т. 1. Москва: Издательский дом «Порог», 2004. С. 359–389.

Сергина С.А., Субботин С.И. Поэма С.А. Есенина «Преображение» как произведение религиозно-философской направленности: образец энциклопедической статьи // Сергей Есенин в контексте русской и мировой литературы: сб. науч. трудов. Москва; Константиново; Рязань: Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, 2020. Вып. 7. С. 90–98.

Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Москва: Прогресс, 1995. 517 с.

Федотов Г.П. Любовь и социология // Православное дело. Париж: [Б. и.], 1939. 91 с.

Царькова Т.С. Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков: Источники. Эволюция. Поэтика. Санкт-Петербург: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1999. 198 с.

References

Dostoevskii F.M. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected works: in 15 vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1988-1996. (In Russ.)

Fedorov N.F. *Sobr. soch.: v 15 t. T. 1* [Collected works: in 15 vols. Vol. 1]. Moscow, Progress Publ., 1995, 517p. (In Russ.)

Fedotov G.P. *Liubov' i sotsiologiia* [Love and sociology]. *Pravoslavnoe delo* [Orthodox Affairs]. Paris, 1939, 91 p. (In Russ.)

Gacheva A.G. «Krest nad v'iugoi»: *Filosof Aleksandr Gorskii – o poeme Aleksandra Bloka «Dvenadtsat'»* [“A cross over snowstorm”: Philosopher Alexander Gorsky on Alexander Blok’s poem “The Twelve”]. *Literaturnyi fakt* [Literary Fact], 2018, No. 7, pp. 197-256. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2018-7-197-256> (In Russ.)

Gacheva A.G. *Ideal psikhosinteza i metamorfozy pola v filozofskoi i khudozhestvennoi praktike A.K. Gorskogo* [The ideal of psychosynthesis and metamorphosis of gender in A.K. Gorsky’s philosophical and artistic practice]. *Femininnost' i maskulinnost' v kul'ture moderna: Rossiia i zarubezh'e* [Femininity and Masculinity in the Modernist Culture: Russia and Abroad]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2023, pp. 398-419. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-398-419> (In Russ.)

Gacheva A.G. *Ideia liturgicheskoi poezii v estetike i khudozhestvennoi praktike A.K. Gorskogo* [The Concept of the Liturgical Poetry in A. Gorsky’s Aesthetics and Artistic Practice]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [The problems of historical poetics], 2019, vol. 17, No. 1, pp. 108-161. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.6001> (In Russ.)

Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t. T. 8. Stat'i* [Complete works: in 14 vols. Vol. 8: Articles]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1952, 816 p. (In Russ.)

Gorskii A.K. *Sochineniia i pis'ma: v 2 kn.* [Essays and letters: in 2 vols.], introductory article, text prep., comp. and comment. by A.G. Gacheva. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva S.A. Eсенина: v 5 t. T. 5, kn. 2 [Chronicle of the life and work of S.A. Eсениn: in 5 vols. Vol. 5, iss. 2]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018, pp. 1158. (In Russ.)

Makarov V.G. *Aleksandr Gorskii: sud'ba, pokalechennaia «po pravu vlasti»* [Alexander Gorsky: fate crippled “by right of power”]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 2002, vol. 8, pp. 98-133. URL: <http://ihst.ru/projects/sohist/document/mak02vf1.htm?ysclid=ls7av8318m819871652> (access date: 3.03.2023). (In Russ.)

Mify narodov mira. Entsiklopediia: v 2 t. T. 1: A–K [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 15 vols. Vol. 1, A–K]. Moscow, Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia Publ., 2000, 672 p. (In Russ.)

Monina N.P. *Idei kosmizma v poezii serebriannogo veka* [Ideas of cosmism in the poetry of the Silver Age]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanities and social sciences], 2015, vol. 3, pp. 326-339. (In Russ.)

Pamiati Esenina: sbornik [In memory of Yesenin: collection]. Moscow, Vserossiiskii soiuz poetov Publ., 1926, 269 p. (In Russ.)

Savchenko T.K. *Poeticheskii tsikl A. Bloka «Strashnyi mir» i poema S. Esenina «Chernyi chelovek»* [A. Blok's poetic cycle "Terrible World" and S. Yesenin's poem "Black Man"]. *Esenin akademicheskii: Aktual'nye problemy nauchnogo izdaniia* [Academic Yesenin: Current problems of scientific publication]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, pp. 181-189. (In Russ.)

Salmina I.Iu. *Istoriia formirovaniia idei filosofii kosmizma v russkoi kul'ture: dis. ... kand. filosof. nauk* [The history of the formation of ideas of the philosophy of cosmism in Russian culture: DSc thesis]. Murmansk, 2005, p. 150. (In Russ.)

Semenova S.G. *Metafizika russkoi literatury: v 2 t. T. 1* [Metaphysics of Russian literature: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, izdatel'skii dom «Porog» Publ., 2004, pp. 359-389. (In Russ.)

Seregina S.A., Subbotin S.I. *Poema S.A. Esenina «Preobrazhenie» kak proizvedenie religiozno-filosofskoi napravlenosti: obrazets entsiklopedicheskoi stat'i* [S.A. Yesenin's poem "Transfiguration" as a work of religious and philosophical orientation: a sample encyclopedic article]. *Sergei Esenin v kontekste russkoi i mirovoi literatury. Vyp. 7* [Sergei Yesenin in the context of Russian and world literature. Vol. 7]. Moscow; Konstantinovo; Riazan, State Museum-Reserve of S.A. Yesenin Publ., 2020, pp. 90-98. (In Russ.)

Tsar'kova T.S. *Russkaia stikhotvornaia epitafiia XIX-XX vekov: Istochniki. Evoliutsiia. Poetika* [Russian poetic epitaph of the 19th-20th centuries: Sources. Evolution. Poetics]. St. Petersburg, Rus.-Balt. inform. tsentr BLITs Publ., 1999, 198 p. (In Russ.)

Voronova O.E. *Kosmicheskie motivy v poezii S.A. Esenina* [Cosmic motives in the poetry of S.A. Yesenin]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Modern Yeseninovedenie], 2011, No. 17, pp. 6-13. (In Russ.)

Voronova O.E. *Mirovozzrenie S.A. Esenina: opyt strukturnogo analiza* [Worldview of S.A. Yesenin: experience of structural analysis]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Modern Yeseninovedenie], 2012, No. 20, pp. 31-35. (In Russ.)

Voronova O.E. *Poema «Nebesnyi barabanshchik» kak final «bibleiskogo tsikla» S.A. Esenina* [The poem "Heavenly Drummer" as the finale of the "Biblical cycle" by S.A. Yesenin]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Modern Yeseninovedenie], 2016a, No. 4 (39), vol. 21-26. (In Russ.)

Voronova O.E. *Poema S.A. Esenina «Pantokrator»: religiozno-filosofskii i istoriko-kul'turnyi kontekst* [S.A. Yesenin's poem "Pantocrator": religious-philosophical and historical-cultural context]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Modern Yeseninovedenie], 2016b, No. 3 (38), pp. 24-30. (In Russ.)

Voronova O.E. *Poema S. Esenina «Iordanskaia golubitsa» kak opyt neobibleiskogo mifotvorchestva* [S. Esenin's poem "Dove of Jordan" as an experience of neobiblical mythmaking]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Modern Yeseninovedenie], 2016v, No. 2 (37), pp. 64-69. (In Russ.)

Voronova O.E. *Sergei Esenin i russkaia dukhovnaia kul'tura* [Sergei Yesenin and Russian spiritual culture]. Riazan, Uzorochie Publ., 2002, 498 p. (In Russ.)

Voronova O.E. *Sofiino-panteisticheskie motivy v rannei lirike Sergeia Esenina* [Sophianic-pantheistic motives in Sergei Esenin's early lyric poetry]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Modern Yeseninovedenie], 2015, No. 4 (35), pp. 54-57. (In Russ.)

Yesenin S.A. *Polnoe sobranie sochineniy: v 7 t. T. 6. Pis'ma* [Complete works: in 7 vols. Vol. 6: Letters]. Moscow, IMLI RAN Publ., 1999, 818 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 28.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 13.05.2024.

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09»20»

EDN ELRCVK

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-94-100>

УСАДЕБНЫЙ ТОПОС ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ В РОМАНЕ Б.Ш. ОКУДЖАВЫ «ПОХОЖДЕНИЯ ШИПОВА, ИЛИ СТРАННЫЙ ВОДЕВИЛЬ»

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. В статье аналитически осмысливается роль усадебного топоса Ясной Поляны в романе Б.Ш. Окуджавы «Похождения Шипова, или Странный водевиль». Отмечается, что характеристика композиции, стилистики романа, ключевых принципов организации художественного текста немислимы без оценки роли усадебного топоса. В художественном мире произведения существуют два образа Ясной Поляны – вымышленный и реальный. Первый появляется сразу и существует до финальной поездки жандармов с обыском в имение Толстого, реальный образ Ясной Поляны реализован в тексте за счет небольших по объему выдержек из писем самого Толстого к родным и друзьям. В работе применительно к роману характеризуется семантика усадебного сверхтекста и описываются его уровни. Топос Ясной Поляны способствует гармоничному сочетанию жанров исторического и авантюрно-психологического романов, позволяет Окуджаве выстроить целую систему оппозиций героев, точек зрения, отношения к событиям.

Ключевые слова: Б.Ш. Окуджава, Л.Н. Толстой, усадебный топос, исторический роман, историческая основа, авантюрно-психологическая линия, игра, семантика усадебного сверхтекста.

Благодарности: исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051: «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала», <https://rscf.ru/project/22-18-00051>

Для цитирования: Андреева В.Г. Усадебный топос Ясной Поляны в романе Б.Ш. Окуджавы «Похождения Шипова, или Странный водевиль» // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 94–100. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-94-100>

Research Article

THE ESTATE TOPOS OF YASNAYA POLYANA IN THE NOVEL BY B.SH. OKUDZHAVA “THE ADVENTURES OF SHIPOV, OR STRANGE VAUDEVILLE”

Valeria G. Andreeva, Doctor of Philological Sciences, Leading Research Fellow, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Kostroma State University, Kostroma, Russia, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article analytically comprehends the role of the estate topos of Yasnaya Polyana in the novel by Bulat Okudzhava “The estate topos of Yasnaya Polyana in the novel by Bulat Okudzhava “The Extraordinary Adventures of Secret Agent Shipov in Pursuit of Count Leo Tolstoy, in the year 1862”. It is noted that the characteristics of the composition, stylistics of the novel, and the key principles of the organisation of the literary text are unthinkable without assessing the role of the estate topos. In the artistic world of the work, there are two images of Yasnaya Polyana – fictional and real. The first appears immediately and exists until the final trip of the gendarmes with a search to Leo Tolstoy’s estate; the real image of Yasnaya Polyana is realised in the text through short excerpts from Leo Tolstoy’s letters to his family and friends. In relation to the novel, the work characterises the semantics of the estate supertext and describes its levels. The topos of Yasnaya Polyana promotes a harmonious combination of the genres of historical and adventure-psychological novels, allowing Bulat Okudzhava to build a whole system of oppositions of heroes, points of view, and attitudes to events.

Keywords: Bulat Okudzhava, Leo Tolstoy, estate topos, historical novel, historical basis, adventure-psychological line, game, semantics of estate supertext.

Acknowledgments: this work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Andreeva V.G. The estate topos of Yasnaya Polyana in the novel by B.Sh. Okudzhava “The Adventures of Shipov, or Strange Vaudeville”. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 2, pp. 94–100 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-94-100>

До сих пор исторический роман Б.Ш. Окуджавы «Похождения Шипова, или Странный водевиль» (1971) является одним из малоизученных произведений автора. Между тем художественный мир книги сложен и разноаспектен: имея явную историческую основу, относящуюся ко времени, предшествующему написанию произведения примерно на 90 лет, роман был чрезвычайно актуальным в 1970-е гг., остается он не менее насущным и в наши дни. Хотя, как справедливо отмечает Е.Н. Матюшкина, «на фоне исторической романистики 1960–80-х годов произведение Б. Окуджавы “Похождения Шипова, или Старинный водевиль” выделяется, прежде всего, неожиданной в рамках избранной жанровой формы трактовкой прошлого. Критика того времени не смогла адекватно оценить роман, осознать его документальный характер. Исследователи определяли роман как “непонятную вещь” или “странную прозу”» [Матюшкина: 44].

В данной статье мы не предполагаем проводить целостный анализ романа и его ключевых героев, цель работы заключается в аналитическом осмыслении роли усадебного топоса Ясной Поляны в произведении, выявлении конкретных уровней семантики усадебного сверткста. Однако усадебный топос настолько значим в романе, что характеристика композиции, стилистики романа, ключевых принципов организации художественного текста немислимы без оценки роли усадебного топоса.

Но прежде чем перейти собственно к предмету исследования, обратимся к исторической основе романа, его жанровой характеристике. Роман вышел в № 12 журнала «Дружба народов» за 1971 г. и назывался в первой публикации чуть пространнее – «Мерси, или Похождения Шипова: Старинный водевиль: Истинное происшествие». Исследователи отмечают, что одним из главных источников для романа Окуджавы стала статья И. Ильинского «Жандармский обыск в Ясной Поляне в 1862 г.» (1932). Тема политического сыска и преследования политических преступников была актуальной во все времена, не исключением оказался и Советский Союз. Разумеется, прямо о героях своего времени Окуджава писать не мог, поэтому им в качестве реальной жизненной фабулы был выбран сюжет о слежке за Л.Н. Толстым и проведении в усадебном доме Толстого в Ясной Поляне обыска. Е.Н. Матюшкина подчеркивает, что «роман “Похождения Шипова” создавался в тот период, когда разворачивалась писательская кампания в защиту А. Гинзбурга, создавшего “Белую книгу” (лето 1966 года), когда Б. Окуджава подписал письмо в защиту А. Сивянского и Ю. Даниэля» [Матюшкина: 46].

В художественном мире романа гармонично сочетаются историческая канва и авантюрно-психологические элементы, которые и слагают основной сю-

жет произведения. При этом все герои делятся на два противоположных лагеря. Главную антитезу на уровне персонажей «Л.Н. Толстой – сыщик Шипов» усиливает значительная группа лиц, занимающих руководящие посты и допустивших, утвердивших слежку за писателем.

При создании произведения Окуджава использовала действительные исторические документы – донесения и письма, лишь немного изменяя их. К примеру, первая выдержка из донесения жандармского штаб-офицера трансформирована всего на несколько слов. Чтобы не усложнять роман пояснениями, Окуджава заменил наименование революционной группы «Великорусс» на описательное выражение «из разных предосудительных изданий» [Окуджава]. В материалах к биографии Толстого Н.Н. Гусев восстанавливает всю канву событий со слежкой за Толстым и последующим обыском в Ясной Поляне, показывая, как правительство было напугано привезенной из Лондона и составленной Н.В. Шелгуновым прокламацией «К молодому поколению», как жандармский полковник Воейков сообщил в третье отделение слухи и опасения, связанные с деятельностью Толстого, как далее раскручивалось колесо слежки, а сыщику Шипову было поручено наблюдать за писателем в Москве и Ясной Поляне [Гусев: 497–498]. Разумеется, Окуджава несколько приукрасил приключения Шипова и его помощника Амадея Гираса, однако исторические свидетельства показывают, что элементы авантюры присутствовали и в реальной истории, что писателем была мало изменена суть фигуры и натуры Шипова.

В.В. Выдрина справедливо отметила, что в романах Окуджавы второй половины XX в. «очевидна ориентация на классические образцы литературы XIX в.» [Выдрина: 125]. Исследователи находят в образе сыщика Шипова отдельные поведенческие черты Чичикова – главного героя «Мертвых душ» Гоголя. Окуджава было важно создать в романе полное и контрастное противопоставление, кроме того, авантурные элементы в повествовании (как и у Гоголя) часто связаны с картинами и явлениями быта, а также окружением и привычками жизни героев.

Топос Ясной Поляны появляется уже в первой строке романа: «...В Тульской губернии проживает в собственном имении “Ясная Поляна” отставной артиллерийский офицер Толстой, очень умный человек, воспитывался, кажется, в Московском Университете и весьма замечателен своим либеральным направлением, в настоящее время он очень усердно занимается распространением грамотности между крестьянами...» [Окуджава: 4]. Донесение жандармского офицера в целом можно свести к тому, что Толстой в своем загородном имении живет, как хочет, и делает, что хочет. В сведениях о Толстом, сообщаемых разны-

ми административными лицами друг другу, то и дело встречаются наугад написанные факты, мало или совершенно не соотносимые с реальными событиями жизни Толстого. Окуджава иллюстрирует невежество большинства жандармов, которые в это время (действие происходит в 1862 г.) не знали уже широко известного всей России талантливому писателю Толстому. Так, из текста послания генерал-майора Потапова прекрасно заметно, что он гораздо лучше осведомлен о материальном – об имении, нежели о хозяине этого имения и его роде деятельности. Так, в финале Потапов отмечает: «Кстати, кажется, Граф Лев Николаевич – автор “Детство”, “Юношество”, “Воспоминание о Севастополе” и проч.» [Окуджава: 4].

Окуджава не раз в романе высмеивает примитивность и ограниченность людей, преимущественно главного исполнителя, Шипова, которому поручено было дознание. Цыган Амадей Гирос, взятый Шиповым в помощь, намного лучше самого сыщика понимает положение дел с либеральной интеллигенцией. Когда Гирос рассказывает Шипову о своей второй иллюзорной встрече с Толстым, он выдумает линию о финансовой помощи Толстого Герцену. «Кому?» – переспрашивает Шипов, не зная фамилии известного всем образованным кругам эмигранта. «Известный возмутитель, Мишель. Живет в Англии... Да, помогать, значит, этому Герцену, крестьянам жужжать в уши, что больно их притесняют, притесняют... А когда придет, мол, время, молнию-то и запустить», – отвечает Гирос [Окуджава: 28].

Сыщики уровня Шипова или Гироса не смогли самостоятельно разобраться во взглядах и жизненной позиции Толстого, но Окуджава показывает, что ни один из начальников более высокого уровня не позаботился о том, чтобы более четко узнать взгляды писателя и общественного деятеля. Если бы усилия жандармского управления были направлены не на внутреннюю переписку, а вовне, то они бы узнали, что и Толстой, и яснополянские учителя были заняты поиском наилучших способов и приемов обучения крестьянских детей: «Толстой выступил против заформализованности обучения не только в школах Западной Европы, но и в самой России, считая, что формализм европейского образования имеет наукообразный характер, а формализм отечественной школы – схоластически религиозный» [Хуторской: 93].

На протяжении всего повествования фигура Толстого и топос Ясной Поляны неразрывно связаны. Несмотря на тот факт, что горе-сыщики будут рисовать в воображении сцены общения с Толстым, главной целью станет поиск запрещенного в усадьбе.

С точки зрения взаимоотношений участников усадебного бытия в прошлом и настоящем важным оказывается то, что Шипов до своей карьеры сыщика был служащим в доме князя Долгорукова. «За столом

служил, пода-вал-с», – рассказывает Шипов [Окуджава: 15]. У высоких чинов складывается прочное убеждение в том, что бывший человек шефа жандармов и начальника III отделения Василия Андреевича Долгорукова не может не выказать в деле глубокой преданности и старательности. Между тем Шипов не просто лентяй и пьяница, он еще и завидует Толстому. Его не покидает ощущение своей незначительности по сравнению с владельцами имений, не случайно перед хозяйкой квартиры в Туле (Дасей) Шипов пытается предстать помещиком, знающим французский.

Главная ошибка властей, которую много раз подчеркивает Окуджава, заключалась в выборе человека слишком низкого уровня. Сама слежка за Толстым отвратительна и безосновательна, однако хоть сколько-нибудь образованный сотрудник жандармского управления смог бы все быстро выяснить и отвести подозрения от Толстого и его имения. Именно такую попытку открыть начальству правду предпринимает в романе жандармский полковник Муратов (во многом повинный в возникновении скандала). Однако Окуджава прекрасно демонстрирует, что заведенный механизм обвинения продолжает работать. Не случайно губернатор, при одном взгляде оценивший Шипова, сразу называет его «чудовищем» и далее недоумевает, почему «охотник за жуликами должен соваться в жизнь графа Льва Николаевича» [Окуджава: 16]. Шипов боится приблизиться к Толстому: и лично к писателю, и к Ясной Поляне. Постоянное пьянство сыщика в некотором роде оказывается его уходом от реальности, в которой он должен уличить Толстого. С.С. Бойко отметил, что у Окуджавы «сопоставление персонажей связано не со “сменой эпох”, а с мозаичностью синхронного среза культуры, которая слагается из субкультур разного типа с присущими характерами: ... аристократ Толстой – жулик Шипов...» [Бойко: 6].

В художественном мире романа существуют два образа Ясной Поляны – вымышленный и реальный. Вымышленный образ появляется на первых страницах произведения и существует до финальной поездки с обыском в имение Толстого, которое наконец-то предстает перед жандармами и перед читателями в истинном виде. Реальный образ Ясной Поляны появляется в тексте за счет небольших по объему выдержек из писем самого Толстого к родным и друзьям. Если для жандармов вымышленный образ имения рисуется в виде дома, в котором установлены типографские станки и печатаются прокламации, то для Толстого Ясная Поляна – не просто дом, но самое родное на земле место, источник силы и вдохновения. Необходимо пояснить, что в 1861–1862 гг. Толстой был занят не столько литературной деятельностью (от которой он готов был и вовсе отказаться), сколько

педагогикой – организацией школ и обучением крестьянских детей. Открывавшиеся им в усадьбе школы были значительной новацией для усадебного топоса и, конечно, не могли не смущать власть, постоянно опасавшуюся распространения революционных настроений.

Мы уже писали о том, что в одном из писем к Б.Н. Чичерину в начале 1860-х гг. Толстой сообщал об ошибках, о непозволительных промахах зрелого возраста, когда «шлянье вне дома, или писанье повестей, приятных для чтения, одинаково дурно и неблагопристойно» [Толстой 60: 327]. Под «шляньем вне дома» Толстой, конечно же, имел в виду европейские поездки Чичерина, а под «писаньем повестей» – собственную работу литератора. «Этим иллюзорным и эфемерным делам Толстой противопоставлял свое новое занятие – организацию школы в Ясной Поляне: Толстой серьезно начал заниматься обучением детей и взрослых крестьян, со своей увлеченностью писатель готов был посвятить этому делу всю жизнь, обосновывая необходимость просвещения народа» [Андреева: 68–69]. Поразительно, но неграмотные сыщики в романе Окуджавы пытаются уличить Толстого, развернувшего именно просветительскую работу с народом.

Для создания максимально полного и контрастного противопоставления топоса Ясной Поляны с точки зрения хозяина и жандармов Окуджава умело выбирает краткие толстовские цитаты. Так, отрывок из письма Толстого к Т.А. Ергольской иллюстрирует тягу писателя в родное усадебное гнездо: «...скучно ужасно и хочется домой» [Окуджава: 6]; отрывок из послания писателя к В.П. Боткину раскрывает увлеченность Толстого школами и изданием журнала «Ясная Поляна», уединенность писателя в своем имении и радость в связи с этой изоляцией: «Я смотрю из своей берлоги и думаю – ну-ка, кто кого!» [Окуджава: 33]; отрывок из письма Толстого к графине А.А. Толстой показывает, что, несмотря на московское оживление, писатель неизменно ощущал необходимость продолжения дел, которые ждали его в имении: «Нынче еду назад в деревню. Дела у меня пропасть и по школе, и по журналу, и по роману...» [Окуджава: 55]; наконец, отрывок из письма Толстого к А.Е. Берсу открывает удивительное ощущение писателя от нахождения в собственной усадьбе и занятий любимым делом [Окуджава: 58] и т. д.

Согласно логике движения авантюрного сюжета, мы видим несколько повторяющихся «подходов» сыщиков к Толстому и Ясной Поляне. Элемент повтора виден и в трех рассказах Гирса. Примечательно, что в выдумках Гирса Толстой оказывается обывателем, и, как это характерно для людей с ограниченным кругозором, сыщик представляет Толстого ровней

себе. Все три рассказа Гирса содержат необходимый для создания действенной иллюзии уровень деталей и подробностей усадебного быта. В первый свой «разговор» с Толстым Гирс успевает осмотреться в буфетной рядом с гимнастическим залом, где находит поистине барскую обстановку роскоши: «Ковры, Мишель, кругом ковры, кресла, вазы с цветами, лачей в ливрее. Хорошо, тепло... Графу я нравлюсь, это сразу видно» [Окуджава: 23]. Второй разговор происходит в номере Толстого, причем выдуманная Гирсом картинка барской жизни, когда он представляет Толстого в вишневом халате с персидскими чувяками из парчи на ногах и с трубкой, дополняется реальными воспоминаниями Шипова о жизни в имении Долгорукова: «В этом месте Шипов вдруг вспомнил, как, бывало, выкатывал он в доме князя Долгорукова столик красного дерева, полированный, с перламутровыми украшениями на крышке, весь такой важный, на четырех изогнутых ножках да на колесиках. Крышка его поднималась, опрокидывалась, а из-под нее вылезал на свет Божий целый полк графинчиков и штофчиков, тоненьких, пузатых, граненых, плоских, в которых мягко колыхались всевозможные настоек, окрашенные в невероятные цвета то ли сами по себе, то ли от разноцветного посудного хрусталя. Каких там только настоек не было!» [Окуджава: 27]. Именно во втором рассказе Гирса имение Толстого четко противопоставляется городскому топосу, характеризуется как «глушь».

Наконец, в третьем из придуманных рассказов Гирс повествует о якобы состоявшемся посещении им Ясной Поляны. Формульный образ дворянской усадьбы, который представляет герой, никак не соответствует топосу настоящей Ясной Поляны. Гирс говорит о белом доме с колоннами в четыре этажа, фактически о дворце. Он рисует свой проход по длинному коридору с расходящимися от него коридорчиками, которых, разумеется, никогда не было в Ясной Поляне. Неизменным символом роскоши и обеспеченности дома является для Амадея Гирса полностью уставленный яствами стол.

Характеризуя семантику усадебного сверткста, О.А. Гриневиц отметила, что она «неоднородна и разделяется на несколько подуровней»: «Первый, архетипический, уровень составляет мифологическое ядро сверткста, основанное на мифах о Золотом веке, Аркадии, Элизиуме, библейской легенде изгнания из Рая. Второй уровень связан с логическим расщеплением мифологической семантики, что приводит к формированию бинарных оппозиций: деревня – город, природа – цивилизация, естественное – искусственное, свое – чужое, прошлое – настоящее, воображение – реальность и др. На основе семантических оппозиций складывается система мотивов и образов усадебного текста, система топосов (план

выражения), составляющая *третий уровень*» [Гриневич: 48]. В романе Окуджавы мы видим реализацию всех трех уровней семантики, причем это воплощение характерно (разумеется, в оппозиционном смысле) как для иллюзорного, «жандармского» представления об усадьбе, так и для реальной оценки усадьбы и жизни в имении самим Толстым.

Первый уровень связан с недостижимостью происходящего в имении Толстого для жандармов и возведением самим Толстым своей усадебной жизни в особенный ранг – в Ясной Поляне поистине происходил грандиозный эксперимент писателя по возвращению в «рай» или строительству своего «рая»: «Ясная Поляна + женитьба наиболее близко стояли возле идеала. Это был предметный и олицетворенный “рай”» [Басинский: 60]; «Он нарисовал этот рай в своем воображении до такой степени прозрачной ясности и в то же время конкретности, что, по сути, уже жил в нем» [Басинский: 75]; «Читая воспоминания сыновей Толстого о яснополянском детстве, нельзя не прийти к мысли, что если он мечтал устроить в Ясной Поляне отдельно взятый рай, то ему это безусловно удалось. Но только не в отношении себя и жены, а в отношении маленьких детей» [Басинский: 135]. *Второй уровень* связан с противопоставлением деревни и города, но для жандармов деревня ассоциируется с «глушью», куда тяжело добраться сыщикам, где так вольготно заниматься противозаконной деятельностью, а для Толстого усадьба противопоставлена городам как обетованный уголок – развратному Вавилону. Наконец, *третий уровень* ассоциируется в представлении Толстого с мотивом снятия покровов, естественности, родной обстановки, убежища и т. д., а в представлении жандармов и сыщиков – с мотивом преступления, тайной, опасностью и угрозой. Примечательно в этом плане письмо, которое Шипов сочиняет для подполковника Шеншина. Выпрашивая денег на дальнейшие траты и придумываемая опасность, с которой им приходится сталкиваться, Шипов так описывает усадьбу: «А в Ясную Поляну попасть очень трудно, у них там двадцать мужиков сторожат днем и ночью, а уж поймают – псами затравят, палками забьют...» [Окуджава: 71].

Кульминационным моментом произведения становится подготовка к обыску имения и собственно сам обыск. В художественном мире романа пространному описанию поездки целой процессии жандармов в Ясную Поляну предшествует длительная переписка с массой указаний, ложных обвинений и фактов, причем Шипов в этой переписке почти вытесняет Толстого. В финале документов, бумаг и писем найдется отрывок из письма Толстого к Т.А. Ергольской и послание князя Долгорукова к полковнику корпуса жандармов Дурново, который был выбран старшим для осуществления обыска в имении. Отрывок

из письма Толстого максимально прост и душевен, писатель сообщает тетушке, что почти месяц находитесь без известий из дома, скучает, выздоравливает потихоньку, а к Ильину дню собирается быть в усадьбе [Окуджава: 124]. В послании же Долгорукова собраны все фантазмагорические и гиперболизированные суждения о Ясной Поляне, в их числе – наличие 30 или 40 студентов, которые нелегально проживают у Толстого в качестве учителей; доставка в усадьбу станков и красок для печати запрещенных сочинений; надежная охрана усадьбы, в которой имеется множество потайных помещений, и др. [Окуджава: 124].

Совершающийся в 13-й главе романа обыск усадьбы расставляет всё и всех по своим местам. Более того, в процессе вмешательства в жизнь Ясной Поляны и жандармы, и Шипов понимают, что вторглись они в мирный дом, который, наоборот, заслуживает охранения от царящего в большом мире беспорядка и шума. Окуджава передает, как атмосфера усадебного проспекта, благословенного дома мудрого хозяина переносит сыщиков в совершенно другой и непривычный им мир. И начинается «возмездие» в виде умиротворения с Шипова, который оказывается на некоторое время, как пишет автор, «на небесах»: «Михаил Иванович и сам не заметил, как перешел с рысцы на медленный шаг. Медленно так, прогуливаясь, двигался, окруженный столетними великанами, чуть склонившись в правую сторону, где будто бы вышагивал рядом с ним граф, и так они шли, куда не показался из-за деревьев приземистый дом...» [Окуджава: 129]. Знаменитый подъезд к дому Толстого почти в том же самом виде, каким его созерцал Толстой, мог наблюдать и Окуджава: «Главная планировочная ось – аллея Прешпект, подводящая от въездных башен к дому-музею, занимающему центральное положение в усадьбе» [Кулешова: 112]. Шипов, сразу осознавший свою ошибку, производит жалкие попытки защиты наиболее понятных ему «элементов» усадьбы – так, он старается заступиться за открывшую дверь и испугавшуюся горничную Дуняшу. Однако «заступничество» Шипова – такая же игра, какой было и его дознание.

Перед тем как понести наказание за свое бездействие и ложные сведения по поводу Ясной Поляны, Шипов успеваает мысленно обратиться к хозяевам – Марии Николаевне Толстой, которая в отсутствие брата была в имении, и к самому Льву Николаевичу Толстому, который грезится сыщику. Центральная тема обоих обращений Шипова – покаяние в уроне, нанесенном усадьбе. «Эх Марья Николаевна, Машенька, – подумал Шипов, – казните меня, голубушка! Да кабы я знал!.. Весь дом перевертели, разбойники! А какой дом был...» [Окуджава: 132]. «А я, ваше сиятельство, к вам бечь собрался, – сказал Шипов. – Дай, думаю, добегу, где граф кумыс пьет, расскажу, что да как...

Я все рассуждаю, в ножки бы упасть, прощения у вас просить, да ведь вы не простите...» [Окуджава: 133].

Примечательно, что читателю еще раз приоткрывается усадьбное прошлое Михаила Ивановича – Мишки Шипова, прекрасно служившего официантом и теперь воспринимающего свое усадьбное прошлое в виде благословенного времени, а настоящее – в виде досадной ошибки: «Михаил Иванович усмехнулся невесело, покачал головой и увидел, как он, еще молодой и красивый, в розовой рубашке и новых сапогах, легко летит к берегу озера... Рыбу запекает на углях в тесте княжеский повар, укладывает ее на блюдо, украшает луком, укропом, лимонными дольками, устанавливает блюдо на поднос, и Мишка Шипов летит обратно к поляне, где раскинулся княжеский пикник. Затем господа уходят в лес беседовать и аукаться, а Мишка сливает остатки вина, и пьет, и ест запеченную остывшую рыбу...» [Окуджава: 136].

Таким образом, мы постарались показать, что топос Ясной Поляны играет в произведении Окуджавы первостепенное значение, получая реализацию на разных уровнях семантики усадьбного сверхтекста. Именно топос Ясной Поляны способствует гармоничному сочетанию жанров исторического и авантюрно-психологического романов, позволяет писателю выстроить целую систему оппозиций героев, точек зрения, отношения к событиям. Торжество усадьбного топоса в произведении показано как восстановление справедливости, происходящее в результате соприкосновения жандармов с тем местом и тем домом, которые (как и их хозяин) оказались оклеветанными.

Библиографический список

- Андреева В.Г. «Любезный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л.Н. Толстого и Б.Н. Чичерина // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 1. С. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>
- Басинский П.В. Лев Толстой: бегство из рая. Москва: АСТ: Астрель, 2010. 636 с.
- Бойко С.С. Проза Булата Окуджавы на исторические сюжеты в историко-литературном контексте // Филологические науки. 2010. № 1. С. 3–13.
- Выдрина В.В. Проблема историзма и исторического романа в творческом сознании А. Пушкина и Б. Окуджавы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3 (118). С. 125–131.
- Гриневич О.А. Динамика функционирования усадьбного сверхтекста русской литературы: семантика, синтактика, прагматика // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 1 (49). С. 46–60. <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2020-49-1-46-60>
- Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. Москва: Изд-во АН СССР, 1957. 915 с.
- Кулешова М.Е. Русская усадьба как перспективный объект Всемирного наследия ЮНЕСКО: на примере «Ясной Поляны» Л.Н. Толстого // Наследие и современность. 2020. Т. 3, № 4. С. 109–127.
- Матюшкина Е.Н. Авантюренность в исторической прозе Б. Окуджавы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 1, № 3. С. 43–49.
- Окуджава Б.Ш. Похождения Шипова, или Старинный водевиль. Истинное происшествие. URL: https://imwerden.de/pdf/okudzhava_pochozhdeniya_shipova.pdf (дата обращения: 22.04.2024)
- Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Москва: Худож. лит., 1928–1958.
- Хуторской А.В. Свободная школа Л.Н. Толстого // Школьные технологии. 2010. № 6. С. 93–96.

References

- Andreeva V.G. «Liubeznyi drug... ne serdis' za otkrovennost'!»: perepiska L.N. Tolstogo i B.N. Chicherina” [“Dear Friend... Do not be Angry for Frankness!”: Correspondence of L.N. Tolstoy and B.N. Chicherin]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2023, vol. 5, No. 1, pp. 54-83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>. (In Russ.)
- Basinskii P.V. *Lev Tolstoy: begstvo iz raia* [Lev Tolstoy. Escape from Paradise]. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2010, 636 p. (In Russ.)
- Boiko S.S. *Proza Bulata Okudzhavy na istoricheskie suzhety v istoriko-literaturnom kontekste* [Prose of Bulat Okudzhava on historical subjects in a historical and literary context]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2010, No. 1, pp. 3-13. (In Russ.)
- Grinevich O.A. *Dinamika funktsionirovaniia usadbnogo sverkhteksta russkoi literatury: semantika, sintaktika, pragmatika* [Dynamics of functioning of the estate supertext of Russian literature: semantics, syntactics, pragmatics]. *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Smolensk State University], 2020, No. 1 (49), pp. 46-60. <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2020-49-1-46-60> (In Russ.)
- Gusev N.N. *Lev Nikolaevich Tolstoy. Materialy k biografii s 1855 po 1869 god* [Lev Nikolaevich Tolstoy. Materials for biography from 1855 to 1869]. Moscow, Izdvo AN SSSR Publ., 1957, 915 p. (In Russ.)
- Khutorskoi A.V. *Svobodnaia shkola L.N. Tolstogo* [Free School L.N. Tolstoy]. *Shkol'nye tekhnologii* [School technologies], 2010, No. 6, pp. 93-96. (In Russ.)
- Kuleshova M.E. *Russkaia usad'ba kak perspektivnyi ob"ekt Vsemirnogo naslediiu UNESCO: na primere "Iasnoi Poliany" L.N. Tolstogo* [Russian estate as a promising UNESCO World Heritage Site: on the example of “Yasnaya Polyana” L.N. Tolstoy]. *Nasledie i sovremennost'* [Heritage and modernity], 2020, vol. 3, No. 4, pp. 109-127. (In Russ.)

Matiushkina E.N. *Avantiurnost' v istoricheskoi proze B. Okudzhavy* [Adventurism in the historical prose of B. Okudzhava]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the A.S. Pushkin Leningrad State University], 2013, vol. 1, No. 3, pp. 43-49. (In Russ.)

Okudzhava B.Sh. *Pokhozheniia Shipova, ili Starinnyi vodevil'*. *Istinnoe proisshestvie* [The Adventures of Shipov, or Vintage Vaudeville. True incident]. URL: https://imwerden.de/pdf/okudzhava_pochozhdeniya_shipova.pdf (access date: 22.04.2024). (In Russ.)

Tolstoi L.N. *Poln. sobr. soch.: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols.]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1928-1958. (In Russ.)

Vydrina V.V. *Problema istorizma i istoricheskogo romana v tvorcheskom soznanii A. Pushkina i B. Okudzhavy* [The problem of historicism and the historical novel in the creative consciousness of A. Pushkin and B. Okudzhava]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2012, No. 3 (118), pp. 125-131. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.04.2024; одобрена после рецензирования 12.05.2024; принята к публикации 24.05.2024.

The article was submitted 30.04.2024; approved after reviewing 12.05.2024; accepted for publication 24.05.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 101–107. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 101–107. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09“20”

EDN IUWFJS

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-101-107>

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭМИГРАЦИЯ И «РУССКАЯ АКЦИЯ ПОМОЩИ» ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Азаров Юрий Алексеевич, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, gmammoth@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2897-5526>

Аннотация: Статья посвящена особенностям сформировавшегося в начале 1920-х гг. в Праге литературного центра русской эмиграции. Подчеркивается, что благодаря правительственной поддержке, оказанной в рамках «Русской акции помощи», были основаны десятки эмигрантских учреждений и организаций, которые своей главной задачей считали удовлетворение культурных, в том числе литературных запросов эмигрантов. С Прагой непосредственно связано зарубежное творчество литераторов, критиков, историков и публицистов, чье наследие составило весомый вклад не только в российскую, но и в мировую культуру. Здесь обосновались многие писатели, значительная часть которых оставалась в Чехословакии до конца жизни. Среди них А.Т. Аверченко, А.Л. Бем, В.Ф. Булгаков, Б.А. Евреинов, Д.М. Ратгауз, П.А. Кожевников, Вас.И. Немирович-Данченко, М.И. Цветаева, Е.Н. Чириков, К.А. Чхеидзе, Р.О. Якобсон. Президент Масарик, знаток творчества Достоевского, не сомневался, что советская власть уйдет в прошлое, поэтому в среде эмиграции необходимо сохранить русскую интеллигенцию, которую он считал главным носителем и распространителем демократических идей.

Ключевые слова: литература русской эмиграции, Русская Прага, Т.Г. Масарик, Русская акция помощи, М.И. Цветаева, И.А. Бунин.

Для цитирования: Азаров Ю.А. Литературная эмиграция и «Русская акция помощи» чехословацкого правительства // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 101–107. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-101-107>

Research Article

RUSSIAN ÉMIGRÉ LITERATURE AND THE “RUSSIAN HELP ACTION” OF THE CZECHOSLOVAK GOVERNMENT

Yuri A. Azarov, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, gmammoth@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2897-5526>

Abstract. The article is devoted to the features of the phenomenon that was formed in the early 1920s in Prague, the Russian émigré literary centre. It is emphasised that thanks to the government support provided within the framework of “The Russian Help Action” dozens of émigré institutions and organisations were founded, which considered their main task to satisfy the cultural, including literary, needs of the exiles. The exile work of writers, critics, historians and publicists was directly connected with Prague, as their heritage had made the important contribution not only to Russian but also to the world culture. Many writers settled there and the significant part of them remained in Czechoslovakia until the end of their lives. Among them were Arkady Averchenko, Alfred Bem, Valentin Bulgakov, Boris Yevreinov, Daniil Ratgauz, Pyotr Kozhevnikov, Vasily Nemirovich-Danchenko, Marina Tsvetaeva, Evgeny Chirikov, Konstantin Chkheidze, Roman Jacobson. Tomáš Garrigue Masaryk, being an expert on Fyodor Dostoevsky’s creative activity, had no doubt that Soviet power would become a thing of the past, therefore in his opinion it was necessary to preserve Russian intelligentsia in exile, which he considered the main bearer and propagator of democratic ideas.

Keywords: Russian émigré literature, Russian Prague, President TGM, Russian Help Action, Marina Tsvetaeva, Ivan Bunin.

For citation: Azarov Yu.A. Russian émigré literature and the “Russian Help Action” of the Czechoslovak government. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 101–107 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-101-107>

В 1920-х гг. в Чехословацкой республике развернулась одна из наиболее крупномасштабных программ в истории помощи беженцам из России, которая сыграла определяющую роль в формировании в Праге литературного центра русской послереволюционной эмиграции.

С Прагой непосредственно связано зарубежное творчество литераторов, критиков, историков и публицистов, чье литературное и научное наследие составило значительный вклад не только в российскую, но и мировую культуру. Здесь обосновались многие русские писатели, общественные деятели, философы и ученые, значительная часть которых оставалась в Чехословакии до конца жизни. Среди них А.Т. Аверченко, А.Л. Бем, В.Ф. Булгаков, Б.А. Евреинов, Д.М. Ратгауз, П.А. Кожевников, Вас.И. Немирович-Данченко, М.И. Цветаева, Е.Н. Чириков, писатель и философ К.А. Чхеидзе, историк литературы и фольклорист Е.А. Ляцкий, Р.О. Якобсон, историки А.А. Кизеветтер и В.А. Мякотин.

1 августа 1922 г. после недолгого пребывания в Германии в Чехословакию приехала Марина Цветаева вместе с дочерью и С.Я. Эфроном, с которым она встретила в Берлине. В то время в Праге сложилась близкая ей литературная среда, появилась возможность публиковаться, в Чехословакии она получала ежемесячное «иждивение» в 1000 крон. Именно здесь удалось наладить жизнь ранее разделенной семьи, а Эфрон поступил на философский факультет Карлова университета. Цветаева входила в редколлегия сборника Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии «Ковчег», в которой она работала совместно с профессором С.В. Завадским и В.Ф. Булгаковым.

Цветаева полюбила Прагу, куда, поселившись в пригороде, часто ездила по литературным делам, и в особенности Влтаву и Карлов мост со статуей стерегущего реку «бронзового рыцаря» Брунсвика. Ее отношение к Праге выразилось в «Стихах к Чехии» (1938–1939), в их торжественной символике, парадоксальных и мистических образах. К Праге она испытывала особое чувство, хотя чешская культура, как и чешский язык, оставались для нее чуждыми. В течение трех с небольшим лет Цветаевой пришлось переменить несколько мест – на какое-то время удалось поселиться в Праге, но снимать квартиру в столице оказалось не по средствам. Поэтому приходилось искать жилье на окраинах, в пригородах, деревнях. Среди них Вшеноры, где 1 февраля 1925 г. родился сын Георгий (Мур):

Край всего свободнее

И щедрей всего.

Эти горы – родина

Сына моего.

(«Стихи к Чехии», 1938) [Цветаева: 457].

М. Слоним, считавший себя убежденным поклонником поэтического таланта Цветаевой, пригласил ее сотрудничать с «Волей России». С редакцией журнала сложились теплые отношения, на его страницах были опубликованы поэмы «Крысолов» (1925), стихотворение «Полотерская» (1924), «Попытка комнаты» (1926), воспоминания о В. Брюсове (1925), многие стихотворения. В журнальных рецензиях цветаевское творчество всегда рассматривалось как одно из наиболее значительных явлений русской поэзии XX в. Студенческий журнал «Своими путями», с которым поэтесса была связана через его активного участника Эфрона, также постоянно печатал ее стихи. Проведя в Чехии три года и три месяца, Цветаева в ноябре 1925 г. уехала в Париж.

Особенности феномена русской литературной Праги вряд ли возможно объективно оценить в отрыве от контекста исторических предпосылок формирования здесь центра русского зарубежья – одного из наиболее значительных в Восточной Европе. Немаловажную роль сыграло также отношение к России первого президента Чехословакии Томаша Гаррига Масарика и ее первого премьер-министра Карела Крамаржа [Серрапионова: 60–65].

Именно благодаря их усилиям в течение первой половины 1920-х гг. здесь сложились благоприятные условия для развития эмигрантской литературы, культуры и науки. Следует отметить и то, что эмиграция оказывала значительное влияние на культурную, общественную и в первую очередь научную жизнь в Чехословацкой республике. Можно согласиться с составителями сборника документов по истории русской и украинской эмиграции, утверждающими, что появление русских и украинских беженцев в Чехословакии «... не было явлением случайным для чехословацкого общества. Прежде всего, это было результатом того позитивного восприятия России, которое сформировалось в среде чешской и словацкой общественности еще со времен национального возрождения. Подобное восприятие России основывалось на идее славянской взаимности и, прежде всего, на убеждении в том, что именно она должна освободить угнетенные славянские народы. Русофильство стало неотъемлемой частью чешской политики еще со времен австро-венгерского господства» [Документы: 7].

Особенности русской Праги характеризует чешский исследователь Иван Савицкий, потомок эмигрантов первой волны [Савицкий 2008: 49–62]. По его мнению, главная особенность русской колонии состояла в том, что Чехословакия являлась единственной страной, которая последовательно формировала «свою» эмиграцию. Политика властей по отношению к эмигрантам раскрывается благодаря сохранившимся документам: циркуляры, разосланные в посольства ЧСР, категорически предпи-

сывали не выдавать въездных виз представителям определенных категорий, среди которых назвались активные монархисты [Документы: 26]. Таким образом, на въезд «нежелательных» лиц были наложены ограничения; с другой стороны, персонам, соответствовавшим требованиям «режима наибольшего благоприятствования», выдавались официальные приглашения. Савицкий неоднократно подчеркивает, что данными обстоятельствами определялась основная отличительная черта Праги как литературного центра зарубежья.

По мере увеличения масштаба исхода из России стали появляться государственные и общественные организации, занимавшиеся проблемами беженцев. К началу 1921 г. подобных организаций насчитывалось 14 [Документы: 19]. Тогда же начала осуществляться «Русская акция помощи» (чеш. “Ruská rotopsná akce”), программа которой была официально одобрена правительством 28 июня 1921 г. Проведение акции осуществляло Министерство иностранных дел ЧСР, которое определяло принципы работы и размеры денежных дотаций. В целом на поддержку эмиграции правительство выделило больше средств, чем все другие европейские страны, взятые в целом. Бюджет акции составил более полумиллиарда крон, т.е. 5% среднегодового бюджета республики за 1919–1938 гг. [Документы: 9].

Предполагалось, что акция будет охватывать несколько направлений и осуществляться не только на территории Чехословакии. Среди заграничных получателей средств числились организации, школы, периодические издания и персонально писатели и представители науки и культуры [Серрапионова: 62]. В значительной мере она была нацелена на поддержку творческой интеллигенции.

Акция имела и другие особенности, обусловленные политической позицией чехословацких властей. Планировалось, что программа, помимо всего прочего, будет направлена на поддержку демократических сил в среде эмиграции, прежде всего эсеров, для которых создавались наиболее благоприятные условия. На основании тайного соглашения, заключенного в июле 1920 г. между А.Ф. Керенским и Бенешем, эсерам были выделены значительные средства. Благодаря чехословацкой поддержке они получили возможности для самой широкой литературной, пропагандистской и политической деятельности – с целью «организации и сплочения демократических сил внутри России» для свержения большевиков и развития «принципов мартовской революции 1917 года» [Савицкий 2008: 49]. Значительная финансовая помощь оказывалась периодической печати, в основном печатным органам, руководство которыми осуществлялось эсерами. До начала Второй мировой войны только в Праге выходило около 100 русскоязычных

журналов и 200 газет [Harbulová: 24]. Непосредственное финансирование МИДа ЧСР способствовало появлению не только газеты «Революционная Россия» (Юрьев, Париж, Прага), но и созданию таких крупных периодических изданий зарубежья, как «Воля России» (Прага, Париж), «Современные записки» (Париж), получивших широкую известность в качестве общественно-политических и одновременно важнейших литературных изданий.

Чешский исследователь Зденек Сладек объективно подчеркивает гуманитарный и одновременно политический характер «Русской акции помощи» [Документы: 8]. Так, Масарик не сомневался, что большевизм в России рано или поздно уйдет в прошлое, поэтому в среде эмиграции необходимо «собрать, сберечь и поддержать остаток культурных сил», сохранить русскую интеллигенцию, которую он считал главным носителем и распространителем демократических идей [Документы: 8]. В Праге открыл прием студентов Русский народный (свободный) университет, в котором в пору пика его деятельности обучалось до 5 тыс. слушателей.

Помощь со стороны чехословацких властей распространялась и на литераторов, писателей и деятелей культуры, проживавших в других странах. До начала 1930-х гг. из Праги получали денежные пособия постоянно находившиеся во Франции К.Д. Бальмонт, И.С. Шмелев, А.М. Ремизов и другие. Среди тех, кому оказывали поддержку чехословацкие власти, был И.А. Бунин. Так, в октябре 1921 г. он обратился к Масарику с письмом, в котором, сетуя на нужду и невозможность жить на гонорары – «по причине крайней бедности русских периодических изданий» [Документы: 28, 29], просил о материальной помощи. Просьба была удовлетворена – в качестве «дара» от республики писатель получил значительную сумму – 50 тыс. чешских крон. После обращения к Масарику в 1926 г. в течение пяти лет ежемесячную «ренту» получал и Д.С. Мережковский, выразивший свои чувства в благодарственном ответном письме, в котором, в частности, писал: «Друзья узнаются в несчастье. Мы, русские изгнанники, узнали, что чешский народ – наш друг» [Документы: 93].

У «Русской акции помощи», как и у русской литературной Праги, была своя предыстория, начавшаяся задолго до революции. В будущем именно она во многом определяла политику властей Чехословацкой республики по отношению к писателям и эмигрантам. Нельзя не согласиться с Савицким, что с этой точки зрения необходим экскурс в историю Гражданской войны в России и одновременно характеристика той роли, которую играл в ней Масарик и Чехословацкий корпус (легион), сформированный из военнопленных чехов и словаков. По существу это была созданная благодаря России национальная

армия, составившая основу будущего независимого государства [Савицкий 2002: 98].

Действительно, связь с Россией прослеживается на самых разных этапах борьбы за независимость в Чехословакии. Специфика освободительного движения в период Первой мировой войны состояла в том, что оно развивалось не на национальной территории, а за ее рубежами. Будущая революция опиралась на культурную и, прежде всего, литературную традицию и представлялась не только как национальная, но и республиканско-демократическая, движимая идеей противостояния диктатуре Вены и Будапешта. Характер и причины «заграничной» революции, как и революционного движения в самой Чехии, с учетом определяющей роли ее культурно-литературной традиции, раскрыты в статье Бенеша, написанной для «Воли России». В ней, в частности, отмечалось: «Наша борьба на родине была... массовой, народной, крайне демократической. Весьма характерно, и это необходимо усиленно подчеркнуть, что первым ее ясным выражением были писатели. Вся наша литература с эпохи Возрождения проникнута идеями революции, национальной свободы и демократических идеалов» [Бенеш: 32].

Личность Масарика, можно сказать, приобрела символическое значение для чехословацкой революции. Знаком не только славянской, но и мировой литературы, он стремился к созданию либеральной многопартийной демократии с участием национальных меньшинств. Наиболее известным биографом Масарика стал Карел Чапек – после 1925 г. между ними сложились дружеские отношения, именно Чапек внес наибольший вклад в формирование «мифа о Масарике».

Мировоззрение будущего президента сложилось еще в ранней юности, начало его жизненного пути во многом типично для представителя славянских народов, в полной мере испытывавших не себе гнет Австро-Венгерской монархии. «Сплошное нищество было» – таков лейтмотив записанных Чапек воспоминаний Масарика об отчем доме, опубликованных в «Воле России» [Чапек: 229].

В 1876 г. Масарик окончил Венский университет, получив ученую степень доктора философии (диссертация была посвящена суициду как социальному явлению, что во многом послужило причиной интереса к творчеству Достоевского), потом работал в Лейпциге, преподавал в Вене, а в 1882 г. вернулся на родину, где получил место профессора Карлова университета. Масарик любил русскую литературу и хорошо ее знал, был автором трудов о русских писателях, прежде всего о Достоевском, в 1887, 1889, 1910 гг. посещал Россию, встречался с Л.Н. Толстым и М. Горьким. Ряд его трудов посвящен истории философии, истории и литературе, среди них статья «Очерк о Ф.М. Достоев-

ском» (1892), книга «Этюды по русскому вопросу. Борьба Достоевского с русским нигилизмом» (1906). России посвящен трехтомный труд «Россия и Европа», впервые опубликованный в 1913 г. в Германии на немецком языке. В предисловии к I тому автор признавался, что Россия была и остается для него наиболее любопытной страной, а русская литература привлекает своей философской глубиной и стремлением к духовному самосовершенствованию: «Россия интересовала меня с юных лет. Мое познание этой страны началось со знакомства с ее литературой. Поначалу довольствуясь переводами, а позже выучив русский язык, я составил на основе сочинений русских писателей представление об этой стране, которое постарался затем дополнить изучением исторических и прочих источников, а также во время посещения Российской империи. Цель данной работы – постичь Россию изнутри, через русскую литературу, а так как я долгое время уделял внимание Достоевскому, и его анализу России, то, по существу, вся эта работа посвящена Достоевскому» [Масарик: 3].

Первоначально автор предполагал изложить размышления о России и революционном движении с помощью подробного анализа мировоззрения Достоевского, однако в процессе работы его план существенно изменился. Появилось убеждение, что одна из главных особенностей русской литературы состоит в ее прочной связи с философией, историей и социологией, не менее тесно она соприкасается и с политикой. В условиях гнета царизма литература вынужденно превратилась в некое подобие относительно свободной политической трибуны.

Литературно-исторические штудии неизменно привлекали внимание Масарика в его научной и политической деятельности. В 1883 г., год спустя после перехода в Карлов университет, он основал журнал «Атенеум. Страницы литературной и научной критики», в котором выступил с сенсационным разоблачением нескольких литературных фальсификаций. Речь шла о «средневековых» Краледворской и Зеленогорских рукописях (сюжет последней положен в основу оперы Бедржиха Сметаны «Либуше»), якобы обнаруженных адептом чешского возрождения Вацлавом Ганкой. Рукописи были искусно стилизованы под народный эпос, благодаря чему получили широкую известность. Однако Масарик, будучи сторонником правил научной этики, справедливо считал, что истинный патриотизм не может быть основан на подлоге. С годами он приобрел репутацию крупнейшего специалиста в области славистических исследований – читал лекции в разных учебных заведениях, а Императорский Санкт-Петербургский университет избрал его почетным профессором.

Таким образом, отношение Масарика к России во многом связано с Достоевским, взгляды которого,

по его убеждению, с философской точки зрения отражают и объясняют глубинную сущность русской души и русского характера. В том же ключе писал о Масарике-литературоведе и пражский профессор А.Л. Бем в статье «Осуждение Фауста (Этюд к теме “Масарик и русская литература”): «Итак – преодоление Фауста, вот задача славянской литературы в понимании Масарика (курсив А.Л. Бема. – Ю.А.). И ту литературу, в которой он уже видел практическое осуществление этой мировой задачи, он особенно ценил. Это – литература русская во главе с Достоевским и Толстым» [Бем: 165]. Как Достоевист Бем, безусловно, согласен с Масариком – никто из русских писателей не анализировал столь внимательно духовную составляющую своего народа и не пытался связать историю и социальные особенности русской жизни.

Интерес Масарика к славянству, как отмечал Ярослав Папоушек в статье «Масарик и славянство», проявился еще в юношеском возрасте, одновременно с осознанием собственной национальной принадлежности. Известно, что еще в гимназические годы он начал изучать польский и русский языки, его первое путешествие по Польше и России относится к концу 1880-х гг. После поездки появился целый ряд научных работ, посвященных народам этих стран. Одна из них, опубликованная в еженедельнике «Час», содержала размышления о Достоевском; в ней он пришел к убеждению, что «Достоевский является серьезнейшим человеком, какого мы себе только можем представить» [Папоушек: 279].

Ключевые особенности восприятия Масариком славянства, по мнению Папоушека, состоят в следующем. Политическая или военная составляющие отнюдь не являются главным содержанием жизни народа. Например, сравнительное изучение «Фауста» и «Братьев Карамазовых» дает нам значительно больше знаний о национальном характере русского или немца, чем десятки громких заявлений славянских или немецких патриотов. Таким образом, Масарик прежде всего обращает внимание на то, что разделяет славян, что мешает осознанию родства превратиться в культурное и, может быть, политическое единство. Препятствия для объединения славян он видит в двух факторах: прежде всего это факторы географического положения, но главным образом ревнивое отношение славянских народов к своей индивидуальности.

Говоря о «Русской акции помощи», следует затронуть вопрос, до настоящего времени остающийся без однозначного ответа. На протяжении более чем столетия вопрос о судьбе так называемого «колчаковского золота», т.е. части золотого запаса бывшей Российской империи, оказавшейся под контролем правительства Колчака, неизменно вызывает интерес историков, писателей и журналистов, порождая

множество публикаций, в которых высказываются самые противоположные точки зрения. Можно предположить, что русские студенты, получившие возможность учиться в Чехословакии, не задумывались о происхождении средств, без которых эта программа не могла бы состояться, как и многие писатели или ученые.

Однако данный вопрос привлек внимание И.А. Бунина. «Подвигам Чехословацкого легиона, совершенным в Сибири, посвящена его статья «Чехи и эсеры», написанная после знакомства с документами, обнародованными в русской газете в Японии «Дело России» (Токио, 1920). Они произвели на него глубочайшее впечатление, о чем он писал со свойственной ему эмоциональностью. Его статья, опубликованная в издававшейся В.Л. Бурцевым парижской газете «Общее дело», могла бы рассматриваться как одна из версий происхождения средств, на которые осуществлялась акция помощи.

Эпизоды «этой страшной для России и поучительной истории» [Бунин 1920: 2], ставшей известной благодаря «Делу России», легли в основу размышлений об истоках теплых отношений между чехословацкими властями и эсерами, оказавшимися посредниками в осуществлении «Русской акции помощи». Факты, изложенные в статье, свидетельствуют о том, что легионеры вывезли из России немалые ценности. Вероятно, к ним могла попасть и какая-то часть золотого запаса Российской империи, находившегося в эшелоне, который следовал за поездом адмирала Колчака. Бунин, всегда отличавшийся бескомпромиссностью, когда речь заходила о послеоктябрьской истории России, писал: «Читаю японскую газету “Дело России”... Ужасные документы печатаются там! <...> В чем выразилась тогда, т.е. весной 1918 года, борьба чехов против большевиков? Да почти ни в чем, говорит “Дело России”: боевых сил у большевиков тогда в Сибири не было, а кроме того, целый ряд городов – Челябинск, Омск, Иркутск – был очищен от большевиков исключительно русскими офицерами и добровольцами. Это не мешало, однако, чехам входить в эти города победителями, принимать овации населения, а затем тотчас же приступать к реквизиции русского казенного имущества, якобы для военных нужд. <...> Какую роль могли сыграть чехи в деле возрождения России! Но, увы, о благе ее они думали менее всего, – вся деятельность их вождей была проникнута политиканством да беззастенчивой спекуляцией (курсив Бунина. – Ю.А.); и судьбу свою они связывали исключительно с эсерами» [Бунин 1920: 2].

Осуждение того, что творилось легионерами, определяет основной пафос статьи Бунина. Чехословацкие «союзники» сыграли роковую роль в судьбе Колчака, о котором Бунин писал, что «золотыми

письменами... будет начертано Его имя в летописи Русской Земли» [Бунин 1921: 2]. Сначала они помогали Колчаку и даже обеспечили поддержку его сибирской армии в боях против большевиков. Но именно чехи впоследствии выдали «верховного правителя» в обмен на гарантии безопасности и свободного выезда за пределы России.

В течение ряда лет отношения между СССР и Чехословацкой республикой регулировались временным соглашением 1922 г., которое не предусматривало признания де-юре. Однако в условиях изменившейся международной обстановки и угрозы агрессии фашистской Германии правительство было вынуждено пойти на нормализацию отношений с СССР. 9 июня 1934 г. состоялся обмен нотами об установлении дипломатических отношений. В дальнейшем общая заинтересованность обеих стран в сохранении мира привела к более тесному сближению – в 1935 г. в Праге был подписан Договор о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических республик и Чехословацкой республикой. Подобное сближение не могло не сказаться на судьбе литературной эмиграции, помощь которой была прекращена или почти прекращена. Тем не менее, русские организации продолжали свою деятельность, работали и учебные заведения, хотя прежнего размаха уже не было и не могло быть. Некоторые из них сохранились вплоть до 1945 г., который считается исследователями концом феномена русской литературной Праги.

Список литературы

- Бем А.Л. Осуждение Фауста (Этюд к теме «Масарик и русская литература») // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе / сост. С.Г. Бочаров; предисл. и коммент. С.Г. Бочарова и И.З. Сураг. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 110–127.
- Бенеш Э. Смысл чешской революции // Воля России. 1923. № 8–9. С. 16–37.
- Бунин И.А. Его вечной памяти // Общее дело. 1921. 7 февраля.
- Бунин И.А. Чехи и эсеры // Общее дело. 1920. 24 декабря.
- Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939) / сост. Сладек З., Белошевская Л., предисловие З. Сладека. Прага: Славянский институт АН ЧР, издательство «Еурославика», 1998. 768 с.
- Масарик Т.Г. Россия и Европа. СПб.: РХГИ, 2000. 448 с.
- Папоушек Я. Масарик и славянство // Воля России. 1930. № 3. С. 277–286.
- Савицкий И. Прага и зарубежная Россия (очерки по истории русской эмиграции 1918–1938 гг.). Прага: IDEG PRAGUE, 2002. 151 с.
- Савицкий И. Начало «Русской акции» // Новый журнал. 2008. № 251. С. 49–62.
- Серепионова Е.П. Т.Г. Масарик, К. Крамарж и русская эмиграция // Славяноведение. 2003. № 4. С. 60–65.
- Цветаева М.И. Стихи к Чехии // Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1990. С. 455–468.
- Чанек К. Беседы с Т.Г. Масариком. М.: МИК, 2000. 277 с.
- Harbulová L. Ruská porevolučná emigrácia v Európe a vo svete. Centrá a činnosť pooktóbrovej politickej emigrácie z Ruska v rokoch 1918–1945. Prešov: Metodické centrum, 1999. 46 s.

References

- Bem A.L. *Osuzhdenie Fausta (Etiud k teme "Masarik i russkaia literatura")* [The condemnation of Faust (Etude for the theme "Masaryk and Russian Literature")]. Bem A.L. *Issledovaniia. Pis'ma o literature* [Research. Letters on literature], comp. S.G. Bocharov; pref. and comment S.G. Bocharova, I.Z. Surat. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2001, pp. 110–127. (In Russ.)
- Benesh E. *Smysl cheshskoi revoliutsii* [The meaning of the Czech revolution]. *Volia Rossii* [The will of Russia], 1923, No. 8–9, pp. 16–37. (In Russ.)
- Bunin I. *Ego vechnoi pamiatii* [To his eternal memory]. *Obshchee delo* [The common cause], 1921, 7 February. (In Russ.)
- Bunin I. *Chekhi i esery* [Czechs and Socialist Revolutionaries]. *Obshchee delo* [The common cause], 1920, 24 December. (In Russ.)
- Dokumenty k istorii russkoi i ukrainskoi emigratsii v Chexoslovatskoi respublike (1918–1939)* [Documents on the history of the Russian and Ukrainian emigration in the Czechoslovak Republic (1918–1939)], comp. Sladek Z., Beloshevskaja L. pref. by Z. Sladek. Praga: Slavianskii institut AN ChR; "Euroslavika" Publ., 1998, 768 p. (In Russ.)
- Masarik T.G. *Rossia i Evropa* [Russia and Europe]. St. Petersburg, RHGI Publ., 2000, 448 p. (In Russ.)
- Papoushek Ia. *Masarik i slavianstvo* [Masaryk and the Slavs]. *Volia Rossii* [The will of Russia], 1930, No. 3, pp. 277–286. (In Russ.)
- Savitskii I. *Praga i zarubezhnaia Rossiia (ocherki po istorii russkoi emigratsii 1918–1938 gg.)* [Prague and foreign Russia (essays on the history of Russian exile, 1918–1938)]. Prague, IDEG PRAGUE Publ., 2002, 151 p. (In Russ.)
- Savitskii I. *Nachalo "Russkoi aksii"* [The beginning of the "Russian Action"]. *Novyi zhurnal* [The new review], 2008, No. 251, pp. 49–62. (In Russ.)
- Serapionova E.P. *T.G. Masarik, K. Kramarz i russkaia emigratsiia* [T.G. Masaryk, K. Kramarz and the Russian emigration]. *Slavianovedenie* [The Slavonic studies], 2003, No. 4, pp. 60–65. (In Russ.)

Tsvetaeva M.I. *Stikhi k Chekhii. Stikhotvoreniia i poemy* [Poems for the Czech country. Verses and poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, pp. 455–468. (In Russ.)

Chapek K. *Besedy s T.G. Masarikom* [Conversations with T.G. Masaryk]. Moscow, MIK Publ., 2000, 277 p. (In Russ.)

Harbulová L. Ruská porevolučná emigrácia v Európe a vo svete. Centrá a činnosť poaktóbrovej politickej emi-

grácie z Ruska v rokoch 1918–1945. Prešov, Metodické centrum Publ., 1999, 46 p. (In Czech)

Статья поступила в редакцию 11.05.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 30.05.2024.

The article was submitted 11.05.2024; approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 30.05.2024.

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(410.1).09"17"

EDN JZWBWV

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-108-113>

МЫСЛИ, МАКСИМЫ, ХАРАКТЕРЫ: ФРАГМЕНТАРНОСТЬ КАК ПРИНЦИП ЭТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII ВЕКА

Голубков Андрей Васильевич, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, andreygolubkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7069-1033>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению эстетического феномена французской словесности XVII в., заключающегося в тесной связи фрагментарной формы с этическим содержанием художественного дискурса. В качестве объекта исследования избирается корпус афористических текстов, созданных в 1656–1697 гг. и представленных книгами «Мысли» Б. Паскаля, «Максимы» Ф. де Ларошфуко, а также «Характеры, или Нравы нынешнего века» Ж. де Лабрюйера. В процессе анализа систематизируются методы анализа указанного феномена в западной и отечественной традиции: «кратилистский» подход (Ж.Р. Дерби и Ж. Старобинский), «медицинский» метод (Л. Ван Дельфт, М.С. Неклюдова), «эдиционный» (Э. Бюри), а также «светский» (Р. Гарapon). Отмечается влияние топики, утвердившейся как метод научного дискурса и гномических жанров дидактического характера. На основе проведенного исследования показывается, что французские афористические тексты XVII в. отчетливо отличаются от предшествующей традиции установкой на эстетизм и отсутствием дидактической направленности.

Ключевые слова: афоризм, Ф. де Ларошфуко, «Максимы», Б. Паскаль, «Мысли», Ж. де Лабрюйер, «Характеры», этический нарратив, поэтика, фрагмент.

Для цитирования: Голубков А.В. Мысли, максимы, характеры: фрагментарность как принцип этического нарратива во французской литературе XVII века // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 108–113. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-108-113>

Research Article

THOUGHTS, MAXIMS, CHARACTERS: FRAGMENTATION AS A PRINCIPLE OF MORAL NARRATIVE IN THE 17TH CENTURY FRENCH LITERATURE

Andrey V. Golubkov, Doctor of Philological Sciences, RAS Professor, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, andreygolubkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7069-1033>

Abstract. The article is devoted to the understanding of the aesthetic phenomenon of the 17th century French literature, which consists in the close connection of the fragmentary form with the ethical content of discourse. The corpus of aphoristic texts created in 1656–1697, i.e. the books “Thoughts” by Blaise Pascal, “Maxims” by François de La Rochefoucauld, as well as “Characters or Mores of the present century” by Jean de La Bruyère are chosen as the object of research. In the process of work we systematise the methods of analysing this phenomenon in the Western and Russian traditions: the “cratylist” approach (Gilbert Romeyer Dherbey and Jean Starobinski), the “medical” method (Louis Van Delft, Mariya Neklyudova), “new publishing schemes” (Emmanuel Bury), as well as “secular” (Robert Garapon). We note the influence of topics which has established itself as a method of scientific discourse and gnomic genres of a didactic nature. In the result, we show that the French aphoristic texts of the 17th century clearly differ from the previous tradition by an attitude towards anthropological aestheticism and the absence of a didactic purpose.

Keywords: aphorism, François de La Rochefoucauld, “Maxims”, Blaise Pascal, “Thoughts”, Jean de La Bruyère, “Characters”, moral narrative, poetics, fragment.

For citation: Golubkov A.V. Thoughts, maxims, characters: fragmentation as a principle of moral narrative in the 17th century French literature. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 108–113 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-108-113>

«Мысли» Б. Паскаля (созданы в 1657–1658; первое издание в 1670), «Максимы» Ф. де Ларошфуко (1665–1678) и «Характеры» Ж. де Лабрюйера (1688–1696) – вершины фрагментарного стиля во французской словесности XVII столетия. Их магистральным сюжетом оказывается оппозиция бытия и кажимости, связанные с ней бескомпромиссное сомнение, генерализованное презрение, отчетливое недоверие и глобальная подозрительность в отношении любых намерений человека. В настоящей статье нам бы хотелось остановиться на прояснении соотношенности фрагментарного – купированного – стиля и этического дискурса: почему же в течение 4 десятилетий во французской светской и религиозной традиции наблюдается такая популярность короткой формы при описании человеческих нравов.

Общеизвестно, что «Мысли» Паскаля рассматриваются в качестве разрозненных фрагментов задуманной книги «Апология христианской веры», которая осталась незаконченной в силу непреодолимых обстоятельств (фрагментация при сборе информации и при подготовке речи в Пор-Рояле в 1658, смерть автора в 1662). Тем не менее у самого Паскаля внутри «Мыслей» есть значительное количество отсылок к ценности фрагментарного письма, а также стремление по-светски «нравиться при помощи мелких клочков» [Jaouen], которые окажутся эффективными для светского убеждения «достойного человека» – социального типажа, становление которого проходит в течение первой половины XVII в. Тезис о вынужденности фрагментарного стиля в качестве издательского проекта в отношении «Мыслей» базируется на общем представлении компилятивного сборника как предтекста – наброска к более грандиозному труду, который должен быть оценен с точки зрения классической поэтики как имеющий начало, середину и конец. Заметим, что именно как наброски к не сложившемуся целому воспринимали текст Паскаля его первые издатели; так же оценивал Н. Буало-Депрео «Характеры» Лабрюйера, а Вольтер в труде «Век Людовика XIV» – труд Ларошфуко. Тем не менее в последнее время формульный характер моралистов оценивается именно как сокровенная поэтическая особенность (а не дефект текста), более того, предположение о вынужденном фрагментарном характере «Мыслей» Паскаля ставится под сомнение [Голубков]. Нельзя не вспомнить знаменитое высказывание С.С. Аверинцева: «“Мысли” – книга, которая осталась незавершенной не только из-за смерти автора, но и по каким-то собственным внутренним законам: с точки зрения традиционной концепции жанра книга без жанра, книга нескладная, несостоявшаяся, так сказать, не книга, нелитература, которая, однако, оказалась самым жизненным шедевром века» [Аверинцев: 113]).

Тип повествования скачками – «отдельными мыслями» – оказался поводом для атак на Лабрюйера, который в своей «Академической речи» (1693) был вынужден оправдываться, отбиваясь от нападок и обвинений в неспособности создать законченный текст. Логика его аргументации неизбежно строилась вокруг стратегии типологизации, редукционистского сведения многообразия к исчисляемым рубрикам, при этом он отдельно указывал на бесперспективность поиска прототипов своих героев. Методологическая логика типологии, основывающаяся на перипатетических представлениях о темпераменте и характере навязывает фрагментарность, ее подтверждением оказывается сама структура книги «Характеры» Теофраста. Лабрюйер называет свой труд, используя слово, восходящее к ключевому тексту Теофраста, а также провозглашая независимость по отношению к Ларошфуко и Паскалю; как и его античный предшественник, Лабрюйер стремится «показать людям вообще» [Лабрюйер: 22]. В «Слове о Теофрасте» Лабрюйер утверждал неизменность человеческой природы: «Люди, если говорить о сердце и страстях, совсем не изменились; они все такие же, какими были тогда и какими их обрисовал Теофраст: суетные, скрытные, льстивые, корыстные, бесстыдные, назойливые, подозрительные, злоречивые, сварливые, суеверные» [Спор о древних и новых: 331]. Художественная стратегия Лабрюйера может быть соотнесена с опытом классицистической комедии (восходящей, в свою очередь, к новой аттической комедии), которая оперирует сложившимися устойчивыми типами, тем не менее Лабрюйер нарочито преодолевает стандартизированные комедийные сюжеты и всю фабульную логику разворачивания действия, концентрируя свое внимание на личности, анализ этического своеобразия которой потребовал именно фрагментарного письма.

В свою очередь, Ларошфуко использует в названии слово «максима», отсылающее к традиционной логике (большая посылка силлогизма [Goyet]), а также к салонным разговорам круга госпожи де Сабле (ее собственный сборник «Максимы» был издан посмертно в 1678 г.). Нельзя не согласиться с А. Мосс, которая рассматривает «Максимы» в качестве значимого свидетельства окончательного разрыва с предшествующей диалектической и риторической традицией [Moss: 437]: Ларошфуко, по ее мнению, не использует цитаты и не отсылает к авторитетным текстам («локус авторитетности» приписан коллективному «мы» – светскому сообществу, настроенному на самоанализ), а также уже не рассматривает свой труд как компиляцию, из которой можно заимствовать примеры для аргументации. При этом Ларошфуко указывает, что публика ожидала от него именно традиционную топическую структуру: «Если

же кто-нибудь обратит внимание на методу ее (книги) составления, то должен отметить, что, на мой взгляд, каждую максимуму нужно было бы озаглавить по предмету, в ней трактованному, и что расположить их следовало бы в большем порядке. Так как порою один и тот же предмет упоминается в нескольких максимах, то люди, к которым я обратился за советом, рассудили, что всего правильнее будет составить Указатель для тех читателей, которым придет охота прочесть подряд все размышления на одну тему» [Ларошфуко: 150].

Итак, повторим, ключевой исследовательский вопрос, неизбежно возникающий при анализе указанных сочинений Паскаля, Ларошфуко и Лабрюйера, касается выяснения причин, почему этический нарратив, фокусирующийся на исследовании человеческой природы, оказывается соотнесен с купированным – формульным – стилем? Исследовательская традиция, посвященная этим текстам, огромна, тем не менее попробуем выделить ряд подходов к обозначенной проблеме.

Ж.Р. Дерби и Ж. Старобинский обосновывают так называемый «кратилистский» метод, в основе которого – допущение, что фрагментарная форма оказывается идеальным образом самого содержания книги: усложняющийся в Новое время индивид, отчетливо демонстрирующий свою сложность, может быть описан исключительно мультипликативно, системный последовательный анализ, который присутствует в связанном трактате, дает сбой из-за отсутствия инструментария, способного осмыслить и репрезентировать нестабильность [Dherbey; Starobinski]. В русле настоящего подхода в отечественной филологической традиции прочитываются и статьи Н.А. Жирмунской; так, в статье «Человек в микромире афоризма» она отмечала: «Динамическая изменчивость человека в понимании Монтеня сменяется у Ларошфуко изначальной стабильной двойственностью и двуличностью, не оставляющей места для конечного торжества светлого и доброго начал» [Жирмунская, 13]. Создаваемая в указанных текстах атмосфера во многом схожа по своим основаниям с идеологическим климатом 1660–80-х гг. во Франции, в том числе с пессимистическими установками трагедий Ж. Расина, а также романа «Принцесса Клевская» М.М. де Лафайет; во всех указанных текстах сделан акцент на принципиальной нестабильности человеческой личности.

Не менее распространенным объяснением синтеза этики и формульности оказывается предположение о совпадении морализаторских и медицинских практик, наиболее ярко настоящая концепция нашла воплощение в трудах Л. Ван Дельфта, а также отечественного филолога М.С. Неклюдовой [Van Delft; Неклюдова]. Развивая высказанные ван Дельфтом замечания о том, что в афористическом наррати-

ве Лабрюйера и Ларошфуко «риторические подходы аналогичны операциям анатома во время расчленения» [Van Delft: 221], Неклюдова отмечает: «Их можно назвать анатомами: во второй половине XVII столетия термин “анатомия” был в ходу и обозначал любое разъятие с целью анализа – неважно, человеческого тела или души. Как и естествоиспытателей, их интересовало то, что скрывается за внешней оболочкой, за привычными действиями, за столь, казалось бы, ординарными побуждениями» [Неклюдова: 5]. Безусловным допущением при таком подходе оказывается идентификация моралиста с врачом, который предлагает лекарство для излечения (в связи с чем невозможно игнорировать опыт афоризмов Гиппократа, удобных для запоминания) или же патологоанатомом, производящим рассечение человеческого сердца: «С приверженностью к анатомированию связано и тяготение моралистов к малым литературным формам: максимах, сентенциям, «характерам», портретам, размышлениям, беседам, эссе. Они ставили перед собой цель добраться до неделимого и не поддающегося редуцированию значения, будь то основные человеческие инстинкты или предельно экономный способ их представления» [Неклюдова: 6].

Нельзя не упомянуть в контексте нашего анализа и важные наблюдения Э. Бюри, который популярность фрагментарности в этическом дискурсе увязывает с влиянием гуманистической эдиционной культуры и формирующимися новыми практиками чтения, а также привычкой рецепции «смесей» [Bury: 33–38]. Эдиционное пространственное расположение (фрагментирование источника или атомизация мысли, а также последующая классификация) оказывается следом популярности как топики, так и относительно новой модели текста – *varietas*.

Проблема системного изложения (метода) науки оказывается одной из самых важных в дискуссиях Республики словесности в Новое время. Эразм Роттердамский в трактате «Об изобилии» популяризировал топику как инструмент филологического анализа – *eruditio* (знания, комментария), противостоящего *imitatio* (подражание древним текстам). Р. Агрикола и П. де Ла Раме предписывали последовательность и почти формализованную схему работы с источником – выделение проблемы, дробление (рассечение) на составные части, подбор примеров. В трактате «О способе обучения, а также чтения и толкования авторов» (1512) Эразм описывал сборник мест как основной метод образовательного процесса. Методологическая организация *eruditio* как раз устанавливала приоритет «купированного» стиля над периодическим, воплощавшегося, кроме прочего, в значительном количестве классификаций, схем и таблиц, ставших зрительным воплощением пространственной диспозиции знания.

XVI и XVII вв. – период колоссальной популярности компендиумов и энциклопедий. В ряде случаев рамистская методология смыкалась с мнемоническими техниками, когда классификация производилась с использованием топонимики библиотеки («Универсальная библиотека» К. Геснера, 1545; «Универсальная библиотека» Ж. Леклерка, 1686; и др.), театра, а в ряде случаев больницы: «Театр мира» П. Бозтьо (1558), «Театр человеческой жизни» Т. Цвингера (1565), «Театр различных умов» (1583) и «Больница неизлечимо помешанных» (1586) Т. Гарцони, «Театр» Ж. Бодена (1596), «Театр человеческих жизней» Ж.Ж. Буассара (1596) и др. В числе значительных энциклопедических по охвату материала сводов – семитомная «Энциклопедия» И.Г. Альстеда (1630); одним из последних примеров колоссального компендиума, построенного на принципах топики, оказывается книга «Полигистор» Д.Г. Морхофа (изд. в 1688–1708 гг.), который в 1-м томе полемизирует с критиками общих мест (в частности с Ш. Сорелем и его «Французской библиотекой»), а также представляет историю *loci communes*, рассуждая о флорилегиумах, сборниках примеров, апофтегм, пословиц, сентенций и т. д.); в числе образцовых, по его мнению, текстов оказываются рубрицированные К. Ликосфеном и П. Шароном произведения Сенеки и М. де Монтеня, труды Эразма и Монтеня, а также апофтегмата Н. Перро д’Абланкура и афоризмы Ф. Бэкона.

Не будем также забывать, что поздний Ренессанс отмечен широким распространением печатных античных и византийских компилятивных сборников – «Аттические ночи» Авла Геллия (1469, альдина 1515), «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» Диогена Лаэртского (1472), «Естественная история» Плиния Старшего (1473), «Полигистор» Солина (1473), «Дистихи Катона» (1475), «Сентенции» Публия Сира (1515), «Пирующие софисты» Афиня (альдина 1514), «Флорилегий» Стобея (отрывки в 1521, полный текст 1536, в латин. пер. К. Геснера – 1543), «Пестрая история» Элиана (1545), «Хилиады» Иоанна Цеца (1546), «Строматы» Климента Александрийского (1550), «Сатурналии» Макробия (1560) и др. На их фоне как раз и обрела популярность традиция печатных *varietas* и различного рода смесей, которые представляли собой фиксацию вариантов античных текстов с комментариями и корректурами – они активно приобретали характер досугового чтения интеллектуалов: «Комментарии» Ф. Бериальдо (1482), «Корнукопия» Н. Перотти (1489); «Смесь» (1489, с посвящением Лоренцо Медичи) и «Панэпистемон» (1490) А. Полициано; «Античные чтения» Целия Родигина (альдина 1516); труды Г. Бюде («Комментарии», 1529), Ф. Робортелло (1543), «Универсальная библиотека» (1545) и «Пандекты» (1548) К. Геснера, П. Веттори (1553),

М.-А. Мюре (1559), И.-Ю. Скалигера, Юста Липсия. Произведения такого рода в значительной степени сопротивлялись тенденции к структурированию информации в соответствии с методом топики и предоставляли читателю возможность получать удовольствие от случайной диспозиции частей, которая возводилась в эстетический принцип. Ярким свидетельством нарастающей популярности нового способа чтения оказывается сборник «Адагии» Эразма Роттердамского (1500).

Нельзя в нашем контексте не упомянуть о концепции Р. Гарапона, которая основывается, в свою очередь, на тезисе, что короткая форма оказывается важным симптомом светской речи с ее скачками, повторами, пуантами, парадоксами и всеми атрибутами перформативности [Garon]. Нам представляется, что в связи с этим короткая разговорная форма оказывается эффективной техникой распространения знания среди «достойных людей», а ее популяризация знаменует собой окончательный отказ от прямого наставления и устремление к анализу неидеализированной антропологической природы.

Светский афоризм, как может показаться, во многом наследует формульный стиль традиционной топики, прежде всего пословицы, прагматика которой не предполагает критической рефлексии прежде всего из-за категоричности и имперсональности. Сентенциозный характер отличает французскую гномическую поэзию в духе дистихов Катона, пользовавшуюся популярностью вплоть до середины XVII в., таковы «Катрены» Г. де Пибрака (1574), «Мимы, назидания, пословицы» Ж.А. де Баифа (1576, многочисленные переиздания), «Картины жизни и смерти» П. Матье (1610). Назидательная пословица, тем не менее, в описываемый нами период оказывается уже почти исключительно уделом простонародья: примером может служить реплика в комедии «Скупой» Мольера, в которой главный герой произносит в доказательство своей скупости пословицу, восходящую к Сократу «Мы для того едим, чтобы жить, а не для того живем, чтобы есть» (3, 5 [Мольер 3: 79]). Не менее показательна и реплика горожанина Горжибюса в комедии «Сганарель, или Мнимый рогоносец»:

Прочли бы вы хоть раз – ведь смысл их так прекрасен –
Пибраковы стихи иль взяли томик басен
Советника Матье – весьма почтенный труд!
А сколько мудрости вы почерпнете тут!
Советы грешникам для чтения прелестны
И учат в краткий срок жить праведно и честно
[Мольер 1: 260].

Не будет лишним вспомнить, что лорд Честерфилд в письме к своему сыну (1741) настоятельно требует избегать пословиц в светском общении: «Существуют также неловкости речи, употребление слов и выражений, которых самым тщательным образом

следовало бы избегать, коверканье языка, дурное прозвище, всем надоевшие поговорки и избитые пословицы, свидетельства того, что человек привык бывать в низком и дурном обществе. В самом деле, если вместо того, чтобы сказать, что у людей бывают разные вкусы и у каждого человека свой, ты разрешишься пословицей и скажешь “Всяк молодец на свой образец” или “У всякого скота своя пестрота”, люди вообразят, что ты всю свою жизнь провел в обществе одних только горничных и лакеев» [Честерфилд: 13].

Светский этический нарратив предпочитает купированный стиль, который лишь внешне можно соотносить с текстами топической или гномической традиции; «мысли», «максимы» и «характеры» сущностно как раз противостоят пословице (сентенции, апофтегме) и всей предшествующей топической традиции прежде всего отсутствием имплицитного намерения улучшить человеческую природу: функционал нового светского афоризма, в отличие от гномического, состоит не в том, чтобы привести к дидактическому трюизму и универсальному закону, но в эстетизации парадокса. И нельзя не вспомнить в этой связи программное заявление Лабрюйера: «Философ проводит всю жизнь в наблюдениях за людьми и, не щадя сил, старается распознать их пороки и слабости. Излагая свои мысли, он порою ищет для них отточенную форму, но не авторское тщеславие движет им при этом, а желание показать открывшуюся ему истину в таком свете, чтобы она поразила умы» [Лабрюйер: 34].

Список литературы

Аверинцев С.С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. Москва: Наука, 1986. С. 104–116.

Голубков А.В. Ad memoriam: к вопросу о базовой фрагментарности паскалевских мыслей // Франция и Россия: вокруг Блеза Паскаля. Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. С. 85–94.

Жирмунская Н.А. Человек в микромире афоризма // Размышления и афоризмы французских моралистов XVI–XVIII веков. Санкт-Петербург: Corvus, 1995. С. 5–22.

Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века. Москва; Ленинград: Художественная литература, 1964. 416 с.

Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимы. Ленинград: Наука, 1971. 293 с.

Мольер. Полн. собр. соч.: в 3 т. Москва: Искусство, 1985–1987.

Неклюдова М.С. Анатомия нравов: французские моралисты XVII–XVIII вв. // Ларошфуко Ф. де. Максимы. Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века. Сент-Эвремонт Ш. де Сен-Дени де.

Избранные беседы. Клапье де Вовенарг Л. де. Введение в познание человеческого разума. Размышления и максимы. Шамфор С.-П. Н. Максимы и мысли. Москва: АСТ, 2004. С. 5–22.

Спор о древних и новых. Москва: Искусство, 1985. 471 с.

Честерфилд. Письма к сыну. Максимы. Характеристики. Москва: Наука, 1978. 328 с.

Bury E. Littérature et politesse. L'invention de l'honnête homme (1580–1750). Paris, Presses universitaires de France, 1996, 268 p.

Dherbey G.R. Temps et contre-temps chez La Bruyère. Revue d'histoire littéraire de la France, 1984, No. 3, pp. 355-372.

Garapon R. Les Caractères de La Bruyère: La Bruyère au travail. Paris, Société d'édition d'enseignement supérieur, 1978, 215 p.

Goyet F. L'origine logique du mot “maxime”. Logique et littérature à la Renaissance. Paris, Champion, 1994, pp. 27-49.

Jaouen F. De l'art de plaire en petit morceaux. Pascal, La Rochefoucauld, La Bruyère. Paris, Presses universitaires de Vincennes, 1996, 186 p.

Moss A. Du lieu commun à la maxime: de la Renaissance au monde classique. Formes littéraires brèves. Wrocław, Paris, Edition de l'Université de Wrocław, 1991, pp. 43-52.

Starobinski J. La Rochefoucauld et les morales substitutives. La Nouvelle Revue française, 1966, No. 163, pp. 16-34.

Van Delft L. Littérature et anthropologie: Nature humaine et caractère à l'époque classique. Paris, Presses Universitaires de France, 1993, 288 p.

References

Averintsev S.S. *Istoricheskaja podvizhnost' kategorii zhanra: opyt periodizatsii* [Historical mobility of the genre category: the experience of periodization]. *Istoricheskaja poetika. Itogi i perspektivy izucheniia* [Historical poetics. Results and prospects of the study]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 104-116. (In Russ.)

Golubkov A.V. *Ad memoriam: k voprosu o bazovoi fragmentarnosti paskalevskikh myslei* [Ad memoriam: on the question of the basic fragmentation of Pascal's thoughts]. *Frantsiia i Rossiia: vokrug Bleza Paskalia* [France and Russia: around Blaise Pascal]. Saint-Petersburg, Aleteia Publ., 2020, pp. 85-94. (In Russ.)

Zhirmunskaja N.A. *Chelovek v mikromire aforizma* [A man in the microcosm of aphorism]. *Razmyshleniia i aforizmy frantsuzskikh moralistov XVI–XVIII vekov* [Reflections and aphorisms of French moralists of the XVIth–XVIIIth centuries]. Saint-Petersburg, Corvus Publ., 1995, pp. 5-22. (In Russ.)

Labriuiet Zh. de. *Kharaktery, ili Nravy nyneshnego veka* [Characters, or the Mores of the present century].

Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literature Publ., 1964, 416 p. (In Russ.)

Laroshfuko F. de. *Memuary. Maksimy* [Memoirs. Maxims]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, 293 p. (In Russ.)

Mol'er. *Poln. sobr. soch.: v 3 t.* [Complete Works: in 3 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1985-1987. (In Russ.)

Nekliudova M.S. *Anatomiia nraov: frantsuzskie moralisty XVII–XVIII vv.* [Anatomy of morals: French moralists of the XVIIth-XVIIIth centuries]. Laroshfuko F. de. *Maksimy* [Maxims]. *Labriuier Zh. de. Kharaktery, ili Nravy nyneshnego veka* [Characters or the Mores of the present century]. Sent-Evremon Sh. de Sen-Deni de. *Izbrannye besedy* [Selected conversations]. Klap'e de Vovenarg L. de. *Vvedenie v poznanie chelovecheskogo razuma. Razmyshleniia i maksimy* [An introduction to

the knowledge of the human mind. Reflections and maxims]. Shamfor S.-R.N. *Maksimy i mysli* [Maxims and thoughts]. Moscow, AST Publ., 2004, pp. 5-22. (In Russ.)

Spor o drevnikh i novykh [The dispute about the ancient and the new]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1985, 471 p. (In Russ.)

Chesterfield. *Pis'ma k synu. Maksimy. Kharaktery* [Letters to my son. Maxims. Characters]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 328 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 15.05.2024.

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(43).09”19”

EDN KHEZJH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-114-121>

ПРЕЛОМЛЕНИЕ РОМАНТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ Э.Т.А. ГОФМАНА В РАССКАЗЕ А.К. ДОЙЛЯ «СЕРЕБРЯНОЕ ЗЕРКАЛО»

Королева Вера Владимировна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия, queenvera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>

Киселева Анна Олеговна, соискатель кафедры второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия, ann3012k@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-1881-5729>

Аннотация. В статье на примере рассказа А.К. Дойля «Серебряное зеркало» исследуется влияние немецкого писателя-романтика Э.Т.А. Гофмана на английский неоромантизм. Поднимается вопрос об актуальности проблемы преемственности немецкой романтической традиции в английском неоромантизме. Черты гофмановской поэтики в рассказе Дойля рассматриваются в виде присущего творчеству Гофмана идейно-тематического комплекса («гофмановский комплекс»), который проявляется в осмыслении следующих проблем: двоемирие (мир реальный – мир ирреальный), механизация человека и общества (реализуется в романтической оппозиции *неживое* (прагматическое мировосприятие) – *живое* (романтическое мировосприятие)), двойничество (представлено «зеркальным комплексом» (зеркало, глаза)) и психологизм (анализ психического состояния, которое возникает в момент сильного эмоционального напряжения («разумное» безумие)). В заключение статьи делается вывод о том, что гофмановская традиция преломляется в творчестве Дойля: вместо героя с романтическим мировосприятием в центре неоромантического текста – герой-прагматик, который лишен творческого видения и способен познать новый мир только в состоянии «разумного» безумия.

Ключевые слова: Э.Т.А. Гофман, А.К. Дойль, неоромантизм, «гофмановский комплекс», двоемирие, механизация человека и общества, неживое – живое, зеркальный комплекс, психологизм.

Для цитирования: Королева В.В., Киселева А.О. Преломление романтических традиций Э.Т.А. Гофмана в рассказе А.К. Дойля «Серебряное зеркало» // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 114–121. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-114-121>

Research Article

REFRACTION OF E.T.A. HOFFMANN'S ROMANTIC TRADITIONS IN THE SHORT STORY "THE SILVER MIRROR" BY ARTHUR CONAN DOYLE

Vera V. Koroleva, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, the Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia, queenvera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>

Anna O. Kiseleva, graduate student of the Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, the Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia, ann3012k@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-1881-5729>

Abstract. The article examines the influence of the German writer E.T.A. Hoffman on English neo-Romanticism using the example of the short story "The Silver Mirror" by Arthur Conan Doyle. The question of topicality of the question of the continuity of the German romantic tradition in English neo-Romanticism is raised. The features of Hoffman's poetics in Doyle's short story are considered in the form of an ideological and thematic complex inherent in Hoffman's work ("Hoffman complex"), which manifests itself in understanding the following problems: the two worlds (the real world – the unreal world), the mechanisation of man and society (realised in the romantic opposition of the inanimate (pragmatic worldview) – living (romantic worldview)), duality (represented by a "mirror complex" (mirror, eyes)) and psychologism (analysis of the mental state that occurs at a time of strong emotional stress ("reasonable" insanity)). In conclusion, the article concludes that Hoffman's tradition is refracted in Doyle's work: instead of a hero with a romantic worldview in the core of the neo-

romantic text, the hero is a pragmatist who is devoid of creative vision and is able to see a new world only in a state of “reasonable” madness.

Keywords: E.T.A. Hoffmann, Arthur Conan Doyle, neo-Romanticism, “Hoffman complex”, duality, inanimate – living, mirror complex, psychologism.

For citation: Koroleva V.V., Kiseleva A.O. Refraction of E.T.A. Hoffman’s romantic traditions in A.K. Doyle’s short story “The Silver Mirror”. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 114–121 (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-114-121>

Творчество немецкого писателя Э.Т.А. Гофмана (1776–1822) оказало большое влияние на развитие мировой литературы, что связано с яркой стилистикой, необычными образами и актуальной проблематикой его произведений. По словам Н.Я. Берковского, во Франции Гофман «отозвался в творчестве О. Бальзака и А. Мюссё, в Англии – Ч. Диккенса, в России его высоко ценили В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Ап.А. Григорьев, Н.В. Гоголь, Вл.Ф. Одоевский, Ф.М. Достоевский» [Берковский: 426].

Однако если вопрос о влиянии Гофмана на русскую [Ботникова; Игнатов; Королева 2020а; Родзевич и др.], немецкую [Гладилин; Королева, Притомская и др.], американскую [Cobb; Королева 2024 и др.] и французскую [Stedman; Ванслов и др.] литературу поднимался исследователями неоднократно, то гофмановская традиция в английской литературе остается малоизученной. Одной из причин этого является чуждость немецкого романтизма с его сказочными сюжетами и двоемирием мировосприятию англичан, особенно в XIX в., ориентированному на прагматический индивидуализм.

Тем не менее можно говорить, что на рубеже XIX–XX вв. в связи с формированием в Англии неоромантизма как литературного направления интерес английских писателей к немецкой романтической традиции становится тенденцией. Английских неоромантиков волновали те же проблемы, что и немецких романтиков: мистицизм и сверхъестественное, механизация человека и общества, а также глубинные процессы, протекающие в душе человека (двойничество). Этот вопрос рассматривался нами на примере Гофмана и Р.Л. Стивенсона в статьях «“Гофмановский комплекс” в повести Р.Л. Стивенсона “Странная история доктора Джекила и мистера Хайда”» [Королева, Киселева: 256] и «Гофмановские традиции в повести Р.Л. Стивенсона “Странная история доктора Джекила и мистера Хайда”» [Королева 2024], где был выделен пласт гофмановского интертекста у английского писателя и проанализирована трансформация гофмановской поэтики.

Следует отметить, что в современном литературоведении существует неоднозначное отношение к неоромантизму. Один из главных аспектов полемики – вопрос о том, является ли неоромантизм продолжением романтизма. Л. Дербенева считает, что эти литературные направления представляют собой различные

типы искусства [Дербенева: 22]. Сходной позиции придерживается и Н.Я. Дьяконова [Дьяконова: 179]. Другие ученые считают неоромантизм продолжением романтизма. Так, В.Н. Богословский и З.Т. Гражданская выделяют общие черты этих направлений: критика общества и приключенческий характер произведений [История: 232]. Г.В. Аникин и Н.П. Михальская полагают, что неоромантики возрождают традиции приключенческой литературы, внося в нее новые элементы. Главный герой в их произведениях мечтает о путешествиях в дальние страны. Он жаждет уйти от обыденного, прозаического буржуазного бытия, рассматривая это как своеобразную форму протеста против социального зла [Аникин, Михальская: 328]. Кроме того, герой неоромантической литературы стремится к самореализации, ищет свое место в мире и пытается осуществить свои мечтания. В.Н. Богословский подчеркивает одно важное качество неоромантиков – большое внимание психологическому анализу поступков героев [История: 232]. Описывая различные подходы к данному понятию, Вл.А. Луков приходит к выводу о том, что неоромантизм является совокупностью различных литературных направлений, которые схожи с романтизмом [Луков: 309]. Таким образом, преемственность неоромантизмом романтических традиций в произведениях английских неоромантиков – вопрос актуальный и перспективный для современной компаративистики.

В английской литературе одним из ведущих неоромантиков является Артур Конан Дойль (1859–1930). Писатель получил популярность в большей степени как автор детективных рассказов о сыщике Шерлоке Холмсе и его помощнике докторе Ватсоне, тем не менее важная часть его творчества связана с осмыслением мистических и таинственных явлений (переселение душ, магнетизм, метемпсихоз, управление сознанием другого человека, природа раздвоения), что роднит его произведения с немецким романтизмом, и в частности с Гофманом, для творчества которого эти темы также были актуальны. Несмотря на отсутствие упоминаний имени немецкого романтика самим Дойлем, исследователи обратили внимание на черты гофмановской поэтики у английского писателя в связи с новеллой Гофмана «Мадемуазель де Скюдери» [Чертанов: 123].

На наш взгляд, гофмановские традиции не только отражаются в художественном мире Дойля, но и по-

лучают развитие, что становится очевидно, если проводить сопоставительный анализ с помощью «гофмановского комплекса», под которым подразумевается комплекс сюжетов, образов, проблематики и стилистики, характерных для художественного мира писателя [Королева 2020б]. Данный метод, основанный на интертекстуальном подходе [Кристева], позволяет увидеть черты гофмановского интертекста как единое целое, а также проследить его трансформацию.

Одним из рассказов Дойля, в котором обнаруживается гофмановский интертекст, является «Серебряное зеркало» (*The Silver Mirror*, 1908), где традиции немецкого романтика отражаются комплексно и характеризуются следующими чертами: осмысление проблемы механизации человека и общества (одержимость главного героя идеей), которая реализуется в оппозиции *неживое* (прагматическое мировосприятие) – *живое* (романтическое мировосприятие) и двоимирии (мир реальный – мир ирреальный), а также в проблеме двойничества, которая проявляется в «зеркальном комплексе» (зеркало, глаза) и психологизме (осмысление психического состояния, которое возникает в момент сильного эмоционального напряжения («разумное» безумие)).

Основной проблемой рассказа «Серебряное зеркало» является проблема механизации человека и общества, которая осмысливается через образ протагониста – прагматичного бухгалтера, лишённого веры в мистицизм. Главный герой, желая выслужиться, ищет ошибки в финансовых отчетах на грани психических возможностей: «Я устал до предела... Я должен закончить с последним гроссбухом и со всем делом, прежде чем встану из-за стола. Я должен сделать это. Должен» [Дойль]. Дойль изображает своего героя одержимым идеей, которая поработает его. Он работает словно автомат, несмотря на усталость, и верит, что это поможет ему в продвижении по карьерной лестнице и улучшит его репутацию. Автор рассказа осуждает общество, которое дает человеку ложные идеалы, в основе которых лежат деньги и карьера: «Мои расчеты должны быть готовы к определенному числу, если этого не случится, я упущу открывшиеся передо мною возможности. Какой же может быть отдых?» [Дойль].

Фанатичная работа приводит его к физическому и психологическому перенапряжению, но бухгалтер даже не думает останавливаться, ему страшно, что он может не оправдать ожидания общества, и «преступник» избежит наказания: «Я опутываю сетью – виток за витком – это грузное тело. Но если меня подведут нервы или мне не достанет сил, – смеяться последним будет он» [Дойль]. При этом у протагониста не возникает вопроса, действительно ли виноват этот «преступник», у него нет сочувствия к нему.

Главный герой должен найти в его отчетах следы финансовых махинаций во что бы то ни стало.

Проблема механизации человека и общества, которую Дойль поднимает в рассказе, восходит к немецкому романтизму, и в частности к Гофману, который в своих произведениях также размышлял над губительными для души человека филистерскими идеалами. Так, в новелле «Повелитель блох» (*Meister Floh*, 1822) следователь Кнаррпант, чтобы получить повышение по службе, обвиняет Перигринуса Тиса в похищении девушки, основываясь на показаниях свидетелей, которые видели, будто бы он вносил ее в свой дом. Кнаррпант находит состав преступления в словах из дневника Тиса: «Сегодня я был, к сожалению, в убийственном настроении», которые он трактует как сожаление человека с преступными наклонностями о том, что «ему не удалось совершить убийство» [Гофман 5: 424]. Другой пример находим в новелле «Песочный человек» (*Der Sandmann*, 1816): общество восхищается красотой и изящностью куклы, воспринимая ее как живую, но не замечает естественной природной красоты других девушек. По мнению Гофмана, такое мировосприятие угрожает человеку, так как он утрачивает душу, перестает отличать живое от неживого и сходит с ума.

Дойль переосмысливает проблему механизации человека и общества в неоромантических традициях. Его герой ставит превыше всего карьеру, став жертвой механистического мира. Протагонист Дойля отличается от гофмановского романтического героя, который обладает поэтическим мировосприятием и умеет видеть прекрасное. Его вводят в заблуждение только механистические увеличительные стекла, искажающие реальность (Натанаэль «Песочный человек»). Дойль же изображает своего героя не только лишенным творческого видения, но и убежденным в том, что прагматический взгляд на мир – самый правильный, а мистика и фантастика – это признак безумия или игра воображения. Однако эмоциональное перенапряжение доводит бухгалтера до состояния, когда он становится не способен контролировать бессознательное и начинает видеть сцены из прошлого в зеркале. Именно это состояние на грани сознательного и бессознательного помогает ему разрушить рамки, в которые его поставило рациональное общество, и его прагматический ум не может объяснить эти видения. Врач называет происходящее с героем психическим отклонением: «Нервы напряжены, могут прийти в полное расстройство, существует опасность для здоровья» [Дойль] и пытается решить проблему рационально – советует протагонисту взять выходной. Главный герой, последовав совету, отдыхает, и видения в зеркале покидают его, несмотря на попытки бухгалтера инициировать их вновь. Этот момент становится переломным для протагониста.

Он осознает, что его жизнь лишена живых чувств, что причина его «безумия» не в зеркале, а в самой работе, которая забирает все его физические и психические силы: «Двадцать грессбухов – а не серебряное зеркало – вот что стоило бы унести отсюда подальше, если бы это было возможно» [Дойль].

Как только главный герой перестает контролировать свое сознание, видения возвращаются к нему: теперь он не только становится способен лицезреть призраков прошлого в зеркале, но и испытывает сострадание к участникам трагических событий прошлого: «Что за злодеяние оставило в зеркале отпечаток, который и сейчас, в иную эпоху волнует душу?» [Дойль]. Это состояние полубезумия, утрата контроля над разумом становится для героя единственным способом ощутить себя «живым». Теперь протагонист сосредоточен не на поиске ошибок в грессбухах и наказании преступника, а на судьбах героев из зеркала.

Осмысливая проблему безумия, Дойль вновь обращается к романтической традиции, и в частности к Гофману, у которого это психическое состояние в некоторых произведениях имеет положительную семантику. Так, в цикле «Серрапионовы братья» (*Die Serapiensbrüder*, 1819–1821) немецкий романтик описывает старца Серрапиона, который, по мнению окружающих, является безумным, так как называет себя отшельником Серрапионом, который жил при императоре Деции, а затем бежал в Фиванскую пустыню и принял в Александрии мученическую смерть. Серрапион утверждает, что его ежедневно посещают знаменитые личности из прошлого, среди которых Данте, Петрарка. Однако Киприан (один из Серрапионовых братьев) приходит к мысли, что старец рассуждает ясно и последовательно, и это дает основание говорить о его «разумном» сумасшествии. По мнению Гофмана, это состояние является не безумием, а избранничеством, даруя человеку свободу духа, что делает его независимым от времени и пространства. Сходное безумие описывает Дойль, так как его герой, оставаясь разумным, получает способность видеть то, что выходит за рамки сознательного: «Нет, передо мною отнюдь не картина. Это живая сцена... Женщина мертвеет и дрожит. Мужчина рядом с ней сжимается в комок. Мечутся тени, неясно обозначившиеся в темноте» [Дойль].

Таким образом, Дойль выстраивает художественное пространство своего рассказа на оппозиции двух миров: мира реального (прагматический) и мира ирреального (мира видений). Следует отметить, что размышления Дойля о связи этих миров занимали важную часть его творчества, так как он увлекался спиритуализмом, чему посвятил трактат «Новое откровение» (*The New Revelation*, 1918), роман «Страна туманов» (*The Land of Mist*, 1926) и «Историю спиритуализма» (*The History of Spiritualism*, 1926). Рассказ

«Серебряное зеркало» становится одним из первых в серии его размышлений об этом феномене.

В «Серебряном зеркале» связующим элементом мира реального и ирреального является образ зеркала, который также восходит к романтической традиции. Зеркало в рассказе играет роль портала в прошлое и показывает главному герою события, которые отразились в нем несколько столетий назад, а именно «убийство итальянского певца Риччо шотландской знатью на глазах у Марии Стюарт, имевшее место в марте 1566 года» [Дойль]. Это зеркало когда-то принадлежало Марии Стюарт и находилось в ее покоях, о чем свидетельствует следующая надпись на зеркале: «“Sanc.X.Pal.” можно расшифровать как Sanctae Crucis Palatium [Дворец Святого Креста (лат.)]» [Дойль].

Образ зеркала в романтической традиции имеет широкую семантику и образует целый комплекс, включающий такие элементы, как глаза, стекло, вода, огонь и др. Яркий пример зеркального комплекса можно найти в творчестве Гофмана [Королева 2016: 105]. В его ранних произведениях зеркало выступает как магический предмет, орудие ворожбы, гадания и одновременно защиты от злых сил. По словам О.Б. Вайнштейна, «в большинстве ранних произведений оптические образы служат Гофману “воротами” в иной мир» [Вайнштейн: 124]. Так, в сказке «Золотой горшок» (*Der goldne Topf*, 1813) зеркала – орудия волшебников. Архивариус Линдгорст показывает Ансельму его возлюбленную Серпентину при помощи магического перстня, которое блестело как хрустальное зеркало». Старуха-колдунья, в свою очередь, дает Веронике маленькое металлическое зеркальце – средство приворожить Ансельма. Таким образом, зеркала здесь выступают как способ контакта с миром духов.

Позднее образ зеркала получает негативный оттенок – способствует расщеплению личности, порождая двойников. Так, Крейслер видит своего двойника именно в отражении озера, и этот двойник настроен к нему враждебно. Зеркало, которое забирает душу человека, в разных вариантах имеет широкое распространение в романтической культуре и является одной из форм реализации проблемы двойничества. Например, в новелле Гофмана «Пустой дом» (*Das öde Haus*, 1817) главный герой зависим от зеркала, ирреальная жизнь, которую он видит в зеркале, захватывает его сознание. Он испытывает раздвоение личности и чувствует отвращение к своему двойнику – отражению в зеркале: «...возникло жуткое чувство, будто эта фигура – я сам и это меня окутывает и обволакивает туман, выступивший на стекле. Такое мучительное состояние обычно заканчивалось сильной болью в груди и глубокой апатией, после которой наступало полное изнеможение» [Гофман 3: 23]. Таким образом, целостность героя нарушается, что влечет за собой пограничное состояние души.

В произведениях Гофмана зеркало нередко имело положительную коннотацию, способствовало духовному перерождению героя. В повести «Принцесса Брамбилла» (*Prinzessin Brambilla*, 1820) король Офиох страдает от неизвестной ему печали, а его супруга, королева Лирис, смеется без причины, словно заколдованная. Маг Гермод исцеляет королевскую чету от злых чар с помощью волшебного Урдар-озера, которое выступает в роли зеркала: «Они первыми заглянули в воду. И когда увидели в его бездонной глубине опрокинутое отражение сияющего голубого неба, кустов, деревьев, всю природу и самих себя, им показалось, что с их глаз спала темная пелена и им открылся новый, дивный мир, полный жизни и радости» [Гофман 3: 317]. Таким образом, зеркальная гладь озера помогает избавиться от зла. У Дойля зеркало тоже имеет положительную семантику, оно помогает протагонисту увидеть мир другими глазами, уйти от разрушительного влияния действительности.

Важным элементом зеркального комплекса в «Серебряном зеркале», также восходящим к творчеству Гофмана, является образ глаз. В романтической традиции глаза – это зеркало души, они более полно раскрывают сущность человека, поэтому утрата глаз – знак духовной смерти человека. Так, новелла «Песочный человек» Гофмана строится на противопоставлении «светлых» и «живых» глаз Клары, подобных «озеру «Рейсдаля, в зеркальной глади которого отражается лазурь безоблачного неба, леса и цветущие пажити...» [Гофман 2: 303] и «неживых» глаз куклы Олимпии, которые казались Натанаэлю «странно неподвижными и мертвыми» [Гофман 2: 310–311]. Торговец Коппола искажает зрение Натанаэля оптическими инструментами – очками, подзорными трубами, создающими иллюзию жизни бездушного автомата-куклы Олимпии. Благодаря этому Натанаэль влюбляется в нее, поскольку стекла, преломляя действительность, создают иную реальность, в которой Олимпия кажется ему живой и красивой. Однако глаза – это то, что выдает кукольную природу девушки: «Одни глаза только казались ему странно неподвижными и мертвыми» [Гофман 2: 310–311]. При взгляде через стекло ее искусственные глаза также приобретают жизнь и силу, не только «зрительную», но магическую, подчиняя душу человека, превращая его в автомат: «Но чем пристальнее он всматривался в подзорную трубку, тем более казалось ему, что глаза Олимпии испускают влажное лунное сияние... Все живей и живей становились ее взоры» [Гофман 2: 310–311]. Образ глаз как средоточия духовной жизни личности разработана Гофманом и в романе «Эликсиры дьявола» (*Die Elixiere des Teufels*, 1815), где грех художника в первую очередь отражается в его глазах, которые были «неподвижными, как бы вживе умершими глазами» [Гофман 2: 68], а в сцене поединка со

своим двойником Медардус убивает призрака, запуская руку ему в глаза.

В рассказе Дойля «Серебряное зеркало» признаком сильного эмоционального потрясения у протагониста является неясность зрения, но именно это помогает ему увидеть сцену убийства Риччио шотландскими дворянами: «Я проработал несколько часов, превозмогая себя, время от времени цифры расчетов сливались, их словно застилало дымкой. Все чаще мне приходилось прерывать работу, протирать глаза» [Дойль]. Заглянув в глаза Марии Стюарт, в которых отразились боль и ужас пережитого, главный герой «прозревает» духовно, и бухгалтерские книги перестают его интересовать: «...какие страсти обуревали ее и отражались в ее прекрасных карих глазах? Они продолжали преследовать меня и тогда, когда я уже вернулся к работе» [Дойль]. Глаза передают эмоциональное состояние участников трагедии и отражают их переживания, они вызывают сострадание в душе бухгалтера.

Таким образом, Дойль разделяет романтическую идею о возможности предмета сохранять память о событиях прошлого, пример воплощения которой мы находим у Гофмана в новелле «Дождь и догаресса» (*Doge und Dogaresse*, 1817), где картина немецкого художника Карла Кольбе как в зеркале отражает прошлое героев, которые на ней изображены: дожа Марино Фальери и догарессы Аннунциаты, влюбленного в нее юноши Антонио и старухи-няньки Маргареты: «И неожиданно от этой картины протягивается невидимая нить к прошлому» [Гофман 4 (1): 323]. Гофмановская трактовка исторических событий в Венеции в 1355 году не имеет целью точное воспроизведение исторической ситуации того времени. Для Гофмана в новелле главное место занимает мысль о могучей силе искусства, которое способно сохранять память о людях и эмоциях, которые они пережили.

Дойль в «Серебряном зеркале» критикует современное общество, в котором нет места вере в чудесное, фантастическое. Однако английский писатель не дает в финале рассказа четкого понимания того, изменится ли протагонист в будущем. Дойль снимает романтический мотив о вечной силе искусства и перекладывает акцент на осмысление особого психологического состояния – «разумного безумия», под влиянием которого человек становится способен воспринимать другую реальность. Становится очевидно, что в неоромантическом тексте идея о способности предмета передавать информацию о прошлом связывается не с искусством, а с особым психическим состоянием, которое «пробуждает» душу человека. Герой Дойля лишен связи с искусством. Он способен видеть другую реальность только в болезненном состоянии. Однако протагонист начинает понимать свою избранность в возможности

увидеть данные события и ценит это: «Подумать только – я, едва живой от усталости бухгалтер, самое прозаическое на свете существо, сидящее над счетными книгами мошенника-банкрота, оказался тем избранником, которому, единственному из всех живущих, довелось созерцать подобное зрелище!» [Дойль]. Тем не менее, несмотря на то, что у протагониста появляется интерес к видениям в зеркале, и он сочувствует героям, нельзя сказать точно, что он изменил свое отношение к жизни. Дойль не дает четкого понимания трансформации сознания героя. Доктор же считает произошедшее лишь психическим расстройством: «Вам выпали на долю необыкновенные переживания. Однако искренне надеюсь, ничего подобного с вами больше не повторится» [Дойль].

Таким образом, в рассказе Артура Конана Дойля «Серебряное зеркало» гофмановская традиция отражается комплексно, однако значительно трансформируется. Проблема механизации человека и общества, которая становится особенно актуальной на рубеже XIX–XX вв., проявляется в оппозиции *неживое* (прагматическое мировосприятие) – *живое* (романтическое мировосприятие) и двоимирии (мир реальный – мир ирреальный), однако Дойль в центре рассказа ставит принципиально новый тип героя, который лишен творческого видения. Он – жертва общества, основанного на прагматическом мировосприятии, так как утратил возможность видеть мир «другими глазами» (романтическое мировосприятие) и способен разглядеть иной мир только в состоянии сильного эмоционального напряжения (полубезумия), проблема двойничества проявляется в зеркальном комплексе (зеркало, глаза) и раскрывается в попытке «освобождения» персонажа от прагматического мировосприятия. Исследование показывает, что комплексный подход к изучению творчества Дойля или других писателей-неоромантиков в контексте гофмановской традиции является актуальным, так как дает возможность проследить влияние гофмановской традиции на английскую литературу даже там, где она выражена неярко.

Список литературы

Аникин Г.В., Михальская Н.П. История английской литературы: учеб. пособие для студентов педагог. ин-тов и фак. иностр. яз. Москва: Высшая школа, 1975. 528 с.

Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2001. 512 с.

Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература (первая половина XIX века). К проблеме русско-немецких литературных связей (монография). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. 208 с.

Вайнштейн О.Б. Волшебные стекла Гофмана // Литературные произведения в XVIII–XX веке в исто-

рическом и культурном контексте. Москва, 1985. С. 124–130.

Ванслов В.В. Эстетика романтизма. Москва: Искусство, 1966. 397 с.

Гладилин Н.В. «Гофманиана» в немецком постмодернистском романе: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2001. 220 с. URL: http://samlib.ru/g/gladilin_n_w/gofmanianawneemckompostmodernistskomromane.shtml (дата обращения: 15.01.2023).

Гофман Э.Т.А. Полн. собр. соч.: в 6 т. Москва: Худож. литер., 1991–2000.

Дербенева Л. Неоромантизм как художественная система и научно-исследовательская проблема // Південний архів. Філологічні науки: Збірник наукових праць. Херсон: Видавництво ХДУ, 2009. Вип. XLVI. С. 21–26.

Дойль А.К. Серебряное зеркало. URL: https://royallib.com/book/konan_doyl_artur/serebryanoe_zerkalo.html (дата обращения: 20.01.2024).

Дьяконова Н.Я. Стивенсон и английская литература XIX века. Ленинград: Наука, 1984. 324 с.

Игнатов С.С. Погорельский и Гофман // Русский филологический вестник. Варшава, 1914. Т. 72, № 3–4.

История зарубежной литературы XX века. 1871–1917 / под ред. В.Н. Богословского, З.Т. Гражданской. Москва: Просвещение, 1989. 416 с.

Королева В.В. Стилизация «гофмановского комплекса» в повестях А.Н. Чаянова // Вестник Костромского государственного университета. 2020а. Т. 26, № 3. С. 159–164. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-159-164>.

Королева В.В., Притомская А.Р. «Гофмановский комплекс» в романе П. Зюскинда «Парфюмер» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 110–116.

Королева В.В. «Гофмановский комплекс» в русской литературе конца 19 – начала 20 веков: монография. Владимир: Шерлок-пресс, 2020б. 306 с.

Королева В.В. Гофмановские традиции в повести Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» // Новый филологический вестник. 2024. № (64).

Королева В.В. Гофмановские традиции в рассказе Э. По «Черт на колокольне» // Новый филологический вестник. 2022. № 2 (61). С. 252–264.

Королева В.В. Черты гофмановского стиля в романе Ф.К. Сологуба «Мелкий бес» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2016. Т. 22, № 5. С. 100–106.

Королева В.В., Киселева А.О. «Гофмановский комплекс» в повести Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» // Новый филологический вестник. 2023. № 4 (67). С. 256–267.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1995. № 1. С. 97–124.

Луков В.А. Неоромантизм // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 309–312.

Родзевич С.И. К истории русского романтизма (Э.Т.А. Гофман и 30–40-е годы в нашей литературе) // Русский филологический вестник. Варшава, 1917. Т. 77, № 1–2. Отд. 1. С. 194–237.

Чертанов М. Конан Дойл. Москва: Молодая гвардия, 2008. 594 с.

Cobb P. The Influence of E.T.A. Hoffmann on the Tales of Edgar Allan Poe. *Studies in Philology*, 1908, vol. 3, pp. 1-105.

Gruener G. Poe's Knowledge of German. *Modern Philology*, 1904, vol. 2, pp. 125-140.

Stedman E.C. Introduction to the Tales. The Works of E.A. Poe: in 10 vols., ed. by E.C. Stedman, G.E. Woodberry. Chicago, Stone & Kimball, 1894, vol. 1, pp. 91-121.

References

Anikin G.V., Mikhal'skaia N.P. *Istoriia angliiskoi literatury: ucheb. posobie dlia studentov ped. in-tov i fak. inostr. iaz.* [The history of English literature. Study guide for students of pedagogical institutes and faculties of foreign languages]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1975, 528 p. (In Russ.)

Berkovskii N.Ia. *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. Saint-Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2001, 512 p. (In Russ.)

Botnikova A.B. *E.T.A. Gofman i russkaja literatura (pervaja polovina XIX veka). K probleme russko-nemeckih literaturnykh svyazey (monografija)* [E.T.A. Hoffmann and Russian literature (the first half of the XIX century). On the problem of Russian-German literary relations (monograph)]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1977, 208 p. (In Russ.)

Chertanov M. *Konan Doil* [Conan Doyle]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2008, 594 p. (In Russ.)

Derbeneva L. *Neoromantizm kak khudozhestvennaia sistema i nauchnoissledovatel'skaia problema* [Neo-Romanticism as an artistic system and a scientific research problem]. *Pivdennii arkhiv. Filologichni nauki: zbirnik naukovikh prats'* [Southern archive. Philological Sciences: collection of scientific papers. Edition XLVI]. Kherson, Vidavnistvo KhDU Publ., 2009, pp. 21-26. (In Russ.)

Doil' A.K. *Serebrianoie zerkalo* [The Silver Mirror]. URL: https://royallib.com/book/konan_doyl_artur/serbrianoie_zerkalo.html (access date: 20.01.2024). (In Russ.)

D'iakonova N.Ia. *Stivensona i angliiskaia literatura XIX veka* [Stevenson and English literature of the XIX century]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, 324 p. (In Russ.)

Gladilin N.V. «Gofmaniana» v nemeckom postmodernistskom romane: dis. ... kand. filol. nauk [“Hoffma-

niana” in the German postmodern novel: PhD thesis]. Moscow, 2001, 220 p. URL: http://samlib.ru/g/gladilin_n_w/gofmanianawnemeckompostmodernistskomromane.shtml (access date: 15.01.2023)

Gofman E.T.A. *Poln. sobr. soch.: v 6 t.* [The complete works: in 6 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1991-2000. (In Russ.)

Ignatov S.S. *Pogorel'skiy i Gofman* [Pogorelsky and Hoffmann]. *Russkiy filologicheskii vestnik* [Russian Philological Bulletin]. Warsaw, 1914, vol. 72, No. 3-4. (In Russ.)

Istoriia zarubezhnoi literatury XX veka. 1871-1917 [The history of foreign literature of the XX century. 1871-1917], ed. by V.N. Bogoslovskiy, Z.T. Grazhdanskaia. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989, 416 p. (In Russ.)

Koroleva V.V. *Stilizacija «gofmanovskogo kompleksa» v povestjah A.N. Chajanova* [Stylisation of “Hoffmann's complex” in the stories by Aleksandr Chayanov]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2020a, vol. 26, No. 3, pp. 159-164. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-159-164>. (In Russ.)

Koroleva V.V., Pritomskaja A.R. «Gofmanovskij kompleks» v romane P. Zjuskinda «Parfjumer» [“E.T.A.Hoffmann complex” in the novel “Perfume” by Patrick Süskind]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2023, vol. 29, No. 1, pp. 110p-116. (In Russ.)

Koroleva V.V. «Gofmanovskii kompleks» v russkoi literature kontsa 19 – nachala 20 vekov: monografija [The Hoffmann Complex in Russian Literature of the late 19th and early 20th centuries: monograph]. Vladimir, Sherlok-press Publ., 2020b, 306 p. (In Russ.)

Koroleva V.V. *Gofmanovskie tradicii v povesti R.L. Stivensona «Strannaja istorija doktora Dzhekila i mistera Hajda»* [Hoffmann's traditions in R.L. Stevenson's Novel “The Strange Story of Dr. Jekyll and Mr. Hyde”]. *Novyi filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin], 2024, № (64) (In Russ.)

Koroleva V.V. *Gofmanovskie tradicii v rasskaze E. Po «Chert na kolokol'ne»* [Hoffmann's traditions in E. Poe's Story “The Devil in the Belfry”]. *Novyi filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin], 2022, No. 2 (61), pp. 252-264. (In Russ.)

Koroleva V.V. *Cherty gofmanovskogo stilia v romane F.K. Sologuba «Melkii bes»* [Features of the Hoffmann style in F.K. Sologub's novel “The Little Devil”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University]. Kostroma, 2016, vol. 22, No. 5, pp. 100-106. (In Russ.)

Koroleva V.V., Kiseleva A.O. «Gofmanovskii kompleks» v povesti R.L. Stivensona «Strannaia istoriia doktora Dzhekila i mistera Khaida» [“Hoffman Complex” in R.L. Stevenson's Novel “The Strange Story of Dr. Jekyll

and Mr. Hyde”]. *Novyi filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin], 2023, No. 4 (67), pp. 256-267. (In Russ.)

Kristeva Yu. *Bakhtin, slovo, dialog i roman* [Bakhtin, word, dialogue and novel]. *Vestnik MGU. Ser. 9: Filologiya* [Bulletin of the Moscow State University. Ser. 9: Philology], 1995, No. 1, pp. 97-124. (In Russ.)

Lukov V.I.A. *Neoromantizm* [Neo-Romanticism]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Perception. Art], 2012, No. 2, pp. 309-312. (In Russ.)

Rodzevich S.I. *K istorii russkogo romantizma (E.T.A. Gofman i 30–40-e gody v nashey literature)* [On the History of Russian Romanticism (E.T.A. Hoffman and the 30–40s in our literature)]. *Russkii filologicheskii vestnik* [Russian Philological Bulletin]. Varshava, 1917, vol. 77, No. 1-2, dep. 1, pp. 194-237. (In Russ.)

Vainshtein O.B. *Volshebnye stekla Gofmana* [Hoffmann’s magic glasses]. *Literaturnye proizvedeniia v XVI-II-XX veke v istoricheskom i kul’turnom kontekste* [Lite-

rary works in the XVIII-XX centuries in a historical and cultural context]. Moscow, 1985, pp. 124-130. (In Russ.)

Vanslov V.V. *Estetika romantizma* [The aesthetics of Romanticism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1966, 397 p. (In Russ.)

Cobb P. The Influence of E.T.A. Hoffmann on the Tales of Edgar Allan Poe. *Studies in Philology*, 1908, vol. 3, pp. 1-105.

Gruener G. Poe’s Knowledge of German. *Modern Philology*, 1904, vol. 2, pp. 125-140.

Stedman E.C. Introduction to the Tales. The Works of E.A. Poe: in 10 vols., ed. by E.C. Stedman, G.E. Woodberry. Chicago, Stone & Kimball Publ., 1894, vol. 1, pp. 91-121.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 08.04.2024; принята к публикации 12.04.2024.

The article was submitted 30.01.2024; approved after reviewing 08.04.2024; accepted for publication 12.04.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 122–128. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, № 2, pp. 122–128. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(436).09“20”

EDN LRNVXE

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-122-128>

ДРАМА АРТУРА ШНИЦЛЕРА «ЗЕЛЕНый ПОПУГАЙ»: ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА

Коршунова Людмила Юрьевна, кандидат филологических наук, Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина, Иваново, Россия, l_korshunova@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0002-1762-3573>

Аннотация. Статья посвящена одноактной пьесе Артура Шницлера «Зеленый попугай». Особенности жанра одноактной пьесы, пружиной драматического действия которой является диалог, и создание «театра в театре» позволило автору поставить множество вопросов в рамках небольшого по объему произведения. Структурным элементом драмы является параллелизм сюжетных линий, благодаря чему всесторонне освещаются магистральные для творчества писателя темы любви и смерти, реальности и иллюзии, правды и вымысла, игры и действительности. Доказывается, что смешение реальности и иллюзии способствует раскрытию образов персонажей, которые мыслятся как существа исключительно театрального дискурса, не могущие реализовать себя вне сцены. Эстетическое наслаждение от игры получает негативную коннотацию и приводит к самообману и неспособности определить свое место в реальной жизни. Смещение планов реального и театрального также сокращает дистанцию между сценой и зрительным залом, в результате чего на первый план выходит проблема рецепции пьесы реальным зрителем. Данный подход к созданию драматической формы становится все более актуальным в литературе XX века.

Ключевые слова: Артур Шницлер, игра, одноактная пьеса, действительность, иллюзия, гротеск, актер, зритель.

Для цитирования: Коршунова Л.Ю. Драма Артура Шницлера «Зеленый попугай»: проблематика и поэтика // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 122–128. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-122-128>

Research Article

ARTHUR SCHNITZLER'S DRAMA "DER GRÜNE KAKADU": PROBLEMATICS AND POETIC MANNER

Liudmila Y. Korshunova, Candidate of Philological Sciences, Ivanovo State Power University, Ivanovo, Russia, l_korshunova@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0002-1762-3573>

Abstract. The article deals with Arthur Schnitzler's one act drama "Der grüne Kakadu". Numerous questions were raised in this small in volume play thanks to the genre of one act play in which the dialogue is the leading ground of dramatic action as well as theatre within a theatre structure. The structural dramatic element is the story lines parallelism, the most important problems of Arthur Schnitzler's work such as love and death, reality and illusion, truth and lie, play and actuality are covered from various perspectives. It has been proved that the confusion of reality and illusion helps to bring the features of characters to light – they represent only the theatrical discourse and are not able to realise their potential in real life. The aesthetic enjoyment of playing gets the negative connotation and makes for self-delusion and inability to find the place in real life. Thanks to translocation of real and theatrical the distance between the stage and audience are also reduced resulting in the reception problem proceeded by the offstage spectator as the main subject. The following approach to the creation of a dramatic work has become more and more relevant in the literature of the 20th century.

Keywords: Arthur Schnitzler, play, one act drama, reality, illusion, grotesque, actor, spectator.

For citation: Korshunova L.Y. Arthur Schnitzler's drama "Der grüne Kakadu": problematics and poetic manner. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 122–128 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-122-128>

Австрийский прозаик и драматург Артур Шницлер (1862–1931) обращался к глобальным темам любви и смерти, реальности и иллюзии, игры и действительности. Последняя оппозиция представляется наиболее интересной с точки зрения понимания мировоззрения писателя и специфики его творчества. Центральная тема многих произведений Шницлера – проникновение фантазий в реальную жизнь, влияние фантазии, игры и иллюзии на действительность и судьбы персонажей. Наиболее емко эти вопросы освещаются, на наш взгляд, в драматических произведениях писателя. А.А. Стрельникова полагает, что в эстетике группы «Молодая Вена», к которой принадлежал Шницлер, театр становится «многогранным, смыслообразующим понятием» [Стрельникова: 84]. Исследователь венского модерна Ю.Л. Цветков отмечает чрезвычайно плодотворные эксперименты с формой и стилем в театре на рубеже XIX–XX вв., основополагающим принципом которых является игра: «Игра господствует в театре рубежа веков, проявляясь в переигрывании известных сюжетов и в игровом манипулировании словами и звуковыми эффектами, в нарушении сценической иллюзии, создании «театра в театре» и смешении стилей различных писателей и разных эпох, а также в повышенном интересе к жизни актера» [Цветков: 366]. Экспериментирование в театре проявляется и в обращении к таким жанрам, которые долгое время не получали развития и являлись скорее периферийными. Так, одноактная пьеса в порубежную эпоху переживает подлинный расцвет, а Шницлер по праву считается мастером этого жанра. Большая часть его драматического наследия представлена именно одноактными пьесами.

Пьеса «Зеленый попугай» (1898) является, на наш взгляд, программной в творчестве писателя. Неудивительно, что она продолжает привлекать внимание исследователей. В то время как западные литературоведы все чаще подчеркивают социальную доминанту произведения, где личность находится под давлением социума [Lindner; Rys; Le Rider], отечественные ученые обращаются к эстетике игры, видя в игровом начале сущностную основу пьесы [Горбатенко: 77–78]. Действительно, Шницлер создал особое игровое пространство, которое позволило раскрыть и творчески осмыслить множество тем в их взаимосвязи. Создание игрового поля и особая роль театрального дискурса лежат в русле тенденций развития драматургии XX века [Вислова: 62].

Первое упоминание о работе над пьесой «Зеленый попугай» встречается в дневниках писателя 23 февраля 1898 г. [Schnitzler]. В письме своему французскому переводчику С. Эпштейну от 1 октября 1902 г. Шницлер упоминает, что пришел к идее создания пьесы, натолкнувшись в одной из газет на заметку об особом типе ночного заведения, где для увесе-

ления публики разыгрывались интермедии из жизни преступников [Schnitzler 2020: 2]. Свою роль сыграло и шестинедельное пребывание писателя весной 1897 года в Париже с его никогда не затихающей ночной жизнью [Schnitzler 2020: 3]. Материалы по Французской революции, равно как и имена многих персонажей Шницлер взял преимущественно из труда историка И. Тэна «Происхождение современной Франции» [Schnitzler 2020: 2]. В октябре 1898 г. состоялось чтение пьесы в присутствии писателей кружка «Молодая Вена», которое Шницлер оценил как свой «самый большой успех» [Schnitzler A. Tagebuch: 26.10.1898]. Пьеса была опубликована в журнале «Нойе дойче рундшау», а премьера состоялась в венском Бургтеатре 1 марта 1899 г. [Schnitzler 2020: 651–652].

«Зеленый попугай» – одноактная пьеса с подзаголовком «Гротеск». Время и место действия четко обозначены и сведены к минимуму. В авторской ремарке после списка действующих лиц сообщается: «Spielt in Paris am Abend des 14. Juli 1789 in der Spelunke Prosperes» [Schnitzler 1912: 92] – «Действие происходит в Париже, вечером 14-го июля 1789 года, в притоне Проспера» [Шницлер]. Четкое указание времени и места действия является излюбленным приемом Шницлера и служит усилению весомости происходящего. День падения Бастилии как нельзя лучше подходит для иллюстрации стирания грани между фантазией и жизнью. Вся наша жизнь – игра – принцип, которого Шницлер придерживался на протяжении всего творческого пути, – в данной драме достигает своего апогея.

Кабачок «Зеленый попугай», по названию которого озаглавлена пьеса, представляет собой мини-театр. Часть посетителей – актеры из труппы хозяина кабачка Проспера. Собственно публику представляют аристократы, которые испытывают острое эстетическое наслаждение, слушая грубости и угрозы в свой адрес «понарошку». Пьеса, таким образом, организована по принципу «театр в театре», представляющем собой частный случай «текста в тексте». Согласно Ю.М. Лотману, такая архитектура характеризуется «двойной закодированностью» определенных участков текста, благодаря чему обостряется момент игры в тексте и противопоставление «реального/условного»; текст-вставка приобретает черты повышенной условности, в то время как основное пространство текста начинает восприниматься как реальное [Лотман: 155–156]. Благодаря такой структуре создается параллелизм, проявляющийся как на уровне системы персонажей, так и на сюжетном уровне. События революционного Парижа представлены в восприятии персонажей как спектакль, а заведение Проспера как бы в миниатюре отражает исторические события. Убийство герцога – кульминационный момент произ-

ведения – сначала представляет собой одну из сцен спектакля Проспера, мастерски разыгранную ведущим актером труппы.

Австрийский драматург постоянно играет в подмену реального иллюзорным и наоборот, показывая, как тесно может переплетаться мир фантазии и реальность. Этот момент обозначен в самом начале пьесы: «Es ist ein seltsamer Ort! Es Kommen Leute her, die Verbrecher spielen – und andere, die es sind, ohne es zu ahnen» [Schnitzler 1912: 86] – «Это – странное место. Сюда приходят люди, которые играют роль преступников, – и преступники на самом деле, хотя и не сознающие своей преступности» [Шницлер].

Кабачок «Зеленый попугай», действительно, странное и необычное место. Во-первых, как уже было сказано выше, это ночное заведение с увеселительным действием в виде импровизированного спектакля. И в этом плане оно предстает в глазах зрителей как место встречи представителей криминального мира. Однако в глазах революционеров и сочувствующих революции персонажей настоящими преступниками являются как раз аристократы – посетители кабачка. И наконец, в «Зеленом попугае» мы сталкиваемся с настоящим преступником – Грэнном, убившим свою тетку. Благодаря такой сложной организации создается ощущение зыбкости, «пограничности» данного места, где иллюзия и действительность множатся в восприятии актеров и зрителей.

У каждого из актеров есть свое амплуа, которое настолько ими овладевает, что они не в силах отграничить спектакль от реальности. Гастон, играющий вора-карманника, никогда прежде не воровавший, попадает на краже кошелька. Существует и обратная связь: к Просперу приходит Грэн и просит взять его в актеры. В отличие от Гастона, он от реальности хочет перейти к иллюзии: «Gaston... hat Verbrecher gespielt- und ist einer geworden – ich...» [Schnitzler 1912: 93] – «Гастон представлял преступников и стал преступником на самом деле, а я...» [Шницлер].

Однако фантазия и реальность в пьесе не равноправны. Авторские ремарки в массе своей направлены на то, чтобы зритель не был введен в заблуждение костюмами и поведением актеров. Конечно, пьесы создавались Шницлером преимущественно для театра, а не для чтения. На наш взгляд, однако, суть авторских ремарок не только в рекомендации постановщикам. Например: «Maurice und Etienne treten auf; sie sind wie junge Adelige gekleidet, doch merkt man, dass sie nur in verschlissenen Theaterkostümen stecken.» [Schnitzler 1912: 116] – «Входят Морис и Этьен. Они одеты молодыми аристократами, но нетрудно заметить, что на них потертые театральные костюмы» [Шницлер]. Кроме того, среди публики находится молодой аристократ Альбин, который недавно прибыл из провинции и не имеет представле-

ния о пресыщенных удовольствиях столичной жизни. Его реплики подчеркивают неоднозначное отношение автора к вторжению фантазий в реальную жизнь. Например, по поводу двух актрис: «Also bitte, erkläre mir, François, sind das anständige Frauen?» [Schnitzler 1912: 102] – «Пожалуйста, разьясни мне, Франсуа, – это порядочные женщины?» [Шницлер]

Несомненно, однако, и комический эффект реплик Альбина, который резко выделяется на фоне парижан, подобно «белой вороне». Таким образом, создается многоплановость восприятия событий драмы, построенной на непрерывной смене обыденного и театрального, трагического и комического.

Проводником Альбина в новый для него мир парижских удовольствий служит виконт Франсуа. Он дает Альбину различного рода пояснения, благодаря которым и реальный зритель может ориентироваться в причудливом переплетении иллюзорного и «реального» миров. Франсуа не только является зрителем, следуя правилам организации спектакля, но подчас и руководит актерами: «Ihr braucht noch nicht anzufangen, wartet, bis mehr Publikum da ist.» [Schnitzler 1912: 102] – «Можете не начинать пока, подождите, пусть соберется публика» [Шницлер]. Это восклицание относится не к персонажам импровизированного спектакля, а именно к актерам как субъектам профессиональной деятельности. В то же время в одной из сцен Франсуа своим вопросом помогает подзабывшему свою роль актеру и отвечает на его монолог, как равноправный партнер. Франсуа свободно переходит с одного уровня пьесы (основной текст) на другой (текст-вставка), а также является посредником между миром сцены (на обоих уровнях) и реальной публикой.

Метатекстовые элементы по отношению к тексту-вставке вводятся не только через образ Франсуа. Шницлер привносит элементы режиссуры спектакля в первую очередь через хозяина кабачка. Несмотря на то, что театр Проспера построен на импровизации, хозяин умело аранжирует действия актеров труппы. Актеры также комментируют и оценивают как собственную игру, так и игру своих коллег: «Ich bin noch nicht in Stimmung. Ich mach' es später noch einmal, wenn mehr Leute da sind; du sollst sehen, Prospere; ich brauche Publikum» [Schnitzler 1912: 103] – «Я еще не в настроении. Я потом представлю еще раз, когда будет больше народу. Ты сам увидишь, Проспер; мне нужна публика» [Шницлер]. Элементы уровня основного текста могут стихийно возникать внутри текста-вставки, что, с одной стороны, создает взаимопроницаемость двух уровней организации текста, а с другой – способствует большей достоверности основного текста.

Сложная архитектура произведения создает трудности в определении его жанровой принадлеж-

ности. Пьесу трактовали по-разному: как разговорную драму [Perlmann: 52], «драму настроения» [Кириллова: 10], историческую комедию [Архипов: 350]. Интересно, что во время революции 1905–1907 гг. в России пьеса имела огромный успех, будучи воспринята именно как революционное произведение. Однако Шницлер высказывал недовольство переводчиками и постановщиками, которые неправильно трактовали пьесу [Schnitzler A. Tagebuch: 13.01.1906].

Хотя Ю.И. Архипов отмечал, что шницлеровские пьесы на исторические сюжеты приобретают определенное социальное звучание [Архипов: 350], А.С. Кириллова полагает, что исторический колорит служит писателю лишь фоном для изображения мыслей и чувств его современников [Кириллова: 10]. В. Неринг характеризует писателя как автора, весьма далекого от политики, за исключением проблемы антисемитизма [Nehring: 75]. По мнению критика, в пьесе «Зеленый попугай» дискредитируются не только революционные события, но и сами революционные идеи, которые могут быть всерьез восприняты лишь адептами революционного движения [Nehring: 77].

Действительно, события революционного Парижа отражены лишь через призму восприятия их хозяином кабачка и его посетителями: «Wein? Woher soll ich Wein nehmen, Grasset? Heut nacht haben sie ja alle Weinläden von Paris ausgeplündert. Und ich möchte wetten, dass du mit dabei gewesen bist.» [Schnitzler 1912: 83] – «Вина? Откуда мне взять вина, Грассе? Ведь сегодня ночью разграбили все винные погреба Парижа. Готов биться об заклад, что и ты участвовал в этом» [Шницлер]. Этот прием комически снижает значимость исторических событий и нивелирует жанр исторической драмы. В кульминации пьесы ведущий актер труппы – Анри – из ревности убивает любовника своей жены – герцога. Собравшиеся к тому времени в кабачке простолюдины провозглашают актера «другом народа». Примечательно, что на роль орудия революции автор выбрал самого аполитичного персонажа. Анри мечтает уехать в деревню, вести тихую жизнь в кругу семьи.

Хозяин кабачка Проспер – также персонаж неоднозначный. Он ненавидит посетителей-аристократов и пришел к идее своего оригинального заведения, чтобы выказывать богачам презрение за их же деньги. Однако Проспер не собирается открыто симпатизировать революционному движению раньше, чем оно окончательно победит. Таким образом, события революционного Парижа комически обыгрываются, проходя сквозь призму восприятия актеров и посетителей кабачка. В этой связи особое значение приобретает авторский подзаголовок «гротеск». Гротеск в литературе является комическим приемом и проявляется в сочетании несочетаемо-

го – ужасного и смешного, реального и иллюзорного, безобразного и возвышенного [Шапошникова: 189]. Он может быть как юмористическим, так и трагическим. В данном случае исторические события представлены в восприятии персонажей как данность, которую они не в силах контролировать. У Шницлера, как и у других представителей «новой драмы», трагическое обнаруживает себя в повседневной ситуации; соединение бытового и курьезного с трагической стороной бытия рождает внутреннее напряжение пьесы, исходящее из специфики трагикомического конфликта.

Игровое начало пьесы находит отражение и в системе персонажей. По мнению А. Допплера, ключевым понятием в эстетике игры у Шницлера является самообман – плата актеров и зрителей за эстетизацию жизни и эстетическое наслаждение [Doppler: 13]. Настоящий преступник Грэн играет роль преступника из рук вон плохо, актер же при реальной попытке кражи сразу попадает. То же касается персонажей по ту сторону рамп. Аристократы, которых напрямую касаются события революционного Парижа, демонстрируют невозмутимость, воспринимая их как театр. Даже убийство герцога рассматривается ими как часть представления и несет определенную эстетическую нагрузку. Маркиза Северина заявляет: «Es trifft sich wunderbar. Man sieht nicht alle Tage einen wirklichen Herzog wirklich ermordet» [Schnitzler 1912: 126] – «Все удивительно сошлось одно к одному. Не каждый день можно видеть, как по-настоящему убивают настоящего герцога» [Шницлер]. Дважды повторенное в реплике слово «wirklich» (настоящий, действительно, в самом деле) служит здесь не столько попыткой выйти из мира иллюзий, сколько усиливает чувство эстетического наслаждения от представления. Северина, покидая кабачок, готовится к встрече с любовником, она сегодня «так приятно взволнована» («so angenehm erregt») [Schnitzler 1912: 127]. Смерть герцога становится «катализатором» любовных отношений, благодаря чему освещается еще одна магистральная тема творчества Шницлера – взаимоотношение любви и смерти.

Однако эстетическое наслаждение и иллюзия оборачиваются самообманом. Для актера всегда существует опасность слишком вжиться в образ, то есть идентифицировать себя полностью с персонажем. Это следствие формата театральных постановок. Так, Анри, привыкший быть на первых ролях, решает переделать под себя свою жену, хотя брак явно не ее стезя. В жизни вне театра он вряд ли найдет себе подходящее занятие, но рисует в мечтах идиллическую картину жизни на природе в окружении верной жены и детей. Для своего заключительного представления Анри выбирает роль обманутого мужа и играет то, что давно уже произошло в действительности.

Так актер становится жертвой своей профессии. Его задача ввести игрой в заблуждение оборачивается самообманом.

Метафора игры имеет место не только на уровне структуры драмы, но и на уровне языка, где на первый план выходит противопоставление правды и лжи. Данная тема также является ключевой в творчестве писателя и находит воплощение во многих драматических и прозаических его произведениях. Важно подчеркнуть, что для актеров, которые своими сценическими миниатюрами раскручивают пружину драматического действия, правда и ложь являются понятиями не столько обыденного, сколько театрального дискурса. Актеры, играя роли, пользуются словами для создания определенного впечатления; грани, отделяющие правду и ложь, стираются. Своими ролями актеры создают определенное отношение к историческим событиям, которые зрители-аристократы воспринимают как спектакль. Однако этот спектакль на протяжении пьесы все больше выходит из-под контроля. Аристократы оказываются вовлеченными в представление, которое занимает все игровое пространство пьесы. На первый план, таким образом, выходит проблема рецепции драмы, восприятия ее реальным зрителем. Х.П. Байерсдёрфер справедливо отмечает, что в «сбивающем с толку спектакле» Шницлер критикует готовность зрителя к заблуждению, иллюзии, самообману [Bayerdörfer: 555]. Е.В. Соколова считает, что драматург использовал прием восприятия спектакля зрителем путем актуализации его исторической памяти. Благодаря такой организации пьесы в зрителе пробуждалось творческое начало, превращая его в одного из создателей спектакля [Соколова: 11]. Действительно, игровой принцип построения драматической композиции и «двойная кодификация», присущая «тексту в тексте», позволяет зрителю самому «творить спектакль» в своем сознании. При этом драматург постоянно играет с восприятием реципиента, последовательно стремится, с одной стороны, исключить возможность двоякого «прочтения» того или иного эпизода, с тем чтобы сильнее в любой момент ввести в заблуждение. В финале пьесы даже Франсуа и Проспер, на которых реальный зритель/читатель может ориентироваться в стремлении отделить иллюзию от реальности, полностью теряют опору. Квинтэссенцию происходящего на сцене драматург вкладывает в уста поэта Роллена: «Wirklichkeit geht in Spiel über – Spiel in Wirklichkeit.» [Schnitzler 1912: 114] – «Действительность переходит в игру, игра в действительность» [Шницлер].

Рассмотрев одноактную пьесу Шницлера «Зеленый попугай», мы можем сделать вывод, что структурный игровой принцип позволил автору осветить с различных позиций множество тем в рамках одно-

го небольшого по объему произведения. При этом ключевая проблематика – взаимодействие игры и реальности – не только пронизывает структуру произведения, определяя архитектуру текста, проявляясь на уровне сюжета, системы персонажей и языка, но и непосредственно влияет на рецепцию драмы зрителем и читателем. Эстетическое удовольствие от спектакля получает негативную коннотацию и в действительности может привести к иллюзии и самообману. Благодаря умелому экспериментированию со средствами и приемами драматического изображения, созданию «театра в театре», гротеска, граничащего с буффонадой, писатель вовлекает в действие и зрителя. Подобная трактовка имеет выход в литературу XX века, оставляя за читателем право на сотворчество.

Список литературы

- Архипов Ю.И.* Венская школа «модерн»: Австрийская литература на рубеже XIX и XX веков // История всемирной литературы: в 8 т. Москва: Наука, 1994. Т. 8. С. 348–351.
- Вислова А.В.* «Серебряный век» как театр: феномен театральности в культуре рубежа XIX–XX вв. Москва: Рос. ин-т культурологии, 2002. 210 с.
- Горбатенко М.Б.* Одноактные пьесы Артура Шницлера: проблематика, поэтика, провокация // Новая драма рубежа XIX–XX веков: проблематика, поэтика, пути сценического воплощения: материалы науч. конф. 8–10 нояб. 2013 г. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургской академии театрального искусства, 2014. С. 72–81.
- Кириллова А.С.* Понятие «драма настроения» в отечественной критике конца XIX – начала XX веков на примере драматургии А. Шницлера // Русская филология и национальная культура. 2023. № 2 (7). С. 1–13. URL: <https://filolog-rgu.ru/wp-content/uploads/st07-2023.pdf> (дата обращения: 17.04.2024).
- Лотман Ю.М.* Текст в тексте // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 148–160.
- Соколова Е.В.* Игровые концепции в драматургии эпохи модернизма: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Санкт-Петербург, 2009. 23 с.
- Стрельникова А.А.* Театр в эстетике группы «Молодая Вена» // *Studia Litterarum*, 2017. Т. 2, № 2. С. 80–103.
- Цветков Ю.Л.* Литература венского модерна. Постмодернистский потенциал. Москва; Иваново: Изд-во МИК, 2003. 431 с.
- Шапошникова О.В.* Гротеск // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. Москва: НПК «Интелвак», 2001. С. 188–190.
- Шницлер А.* Зеленый попугай: пер. З. Венгеровой. URL: http://az.lib.ru/s/shnicler_a/text_1899_der_grune_kakadu.shtml (дата обращения: 17.04.2024).

Bayerdörfer H.P. Vom Konversationsstück zur Wurstelkomödie. Zu Arthur Schnitzlers Einaktern. Jahrbuch der deutschen Schillergesellschaft, 1972, No. 16, S. 516-575.

Doppler A. Die Form des Einakters und die Spielmetapher bei Arthur Schnitzler. Doppler A. Wirklichkeit im Spiegel der Sprache. Aufsätze zur Literatur des 20. Jahrhunderts in Österreich. Wien, Europaverlag, 1975, S. 7-30.

Le Rider J. La representation de la Revolution francaise dans le piece Au perroquet Vert d'Arthur Schnitzler. *Austriaca*, 1989, No. 29, pp. 99-108.

Lindner A. "...Die uns nehmen, was uns gehört": On Gender and Economics in Schnitzler's 'Der grüne Kakadu'. *Austrian Studies*, 2019, vol. 27, pp. 149-162.

Nehring W. Arthur Schnitzler and the French Revolution. *Modern Austrian Literature*, 1992, vol. 25, No. 3/4, Special Arthur Schnitzler Issue, pp. 75-94.

Perlmann M.L. Arthur Schnitzler. Stuttgart, Metzler, 1987, 195 S.

Rys M. Grotteske Vorführungen: die Darstellung von Masse und Individuum in der Revolutionsgrotesken von Arthur Schnitzler (Der grüne Kakadu) und Rudolf von Delius (Robespierre). *Neophilologus*, 2016, No. 100, S. 611-629.

Schnitzler A. Tagebuch. URL: <https://schnitzler-tagebuch.acdh.oeaw.ac.at/pmb30615.html/> (access date: 17.04.2024).

Schnitzler A. Der grüne Kakadu. Schnitzler A. Gesammelte Werke. Die Theater-Stücke. Berlin, Fischer, 1912, Bd. 1-4, Band. II, S. 81-127.

Schnitzler A. Der grüne Kakadu: historisch-kritische Ausgabe. Herausgegeben von Anna Lindner. Berlin, De Gruyter, 2020, 655 S.

References

Arkhipov Iu.I. *Venskaia shkola «modern»: Avstriiskaia literatura na rubezhe XIX i XX vekov* [The Vienna's school «modern»: Austrian literature at the turn of 19 and 20 centuries]. *Istoriia vsemirnoi literatury: v 8 t.* [The history of world literature: in 8 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1994, vol. 8, pp. 348-351. (In Russ.)

Gorbatenko M.B. *Oдноактные п'есы Артура Шницлера: проблематика, поэтика, провокация* [Arthur Schnitzler's one-acter: problematics, poetic manner, provocation]. *Novaia drama rubezha XIX–XX vekov: problematika, poetika, puti stsenicheskogo voploshcheniia: materialy nauchnoi konferentsii 8–10 noiabria 2013 goda* [The new drama on the cusp of the 19th and 20th centuries: problematics, poetic manner, ways of staging. Proceedings of the conference 8-10 of November 2013]. St. Petersburg, Saint-Petersburg Academy of Theatrics Publ., 2014, pp. 72-81. (In Russ.)

Kirilova A.S. *Poniatie «drama nastroeniia» v otechestvennoi kritike kontsa XIX – nachala XX vekov*

na primere dramaturgii A. Shnitslera [The concept of "mood drama" in native criticism at the turn of the 19-20 centuries by the example of Schnitzler's dramatic work]. *Russkaia filologiya i natsional'naiia kul'tura* [Russian philology and national culture], 2023, No. 2 (7), pp. 1-13. URL: <https://filolog-rgu.ru/wp-content/uploads/st07-2023.pdf> (access date: 17.04.2024). (In Russ.)

Lotman Iu.M. *Tekst v tekste* [Text within a text]. *Izbrannye statyi: v 3 t.* [Selected articles: in 3 vols.]. Tallin, Aleksandra Publ., 1992, vol. 1, pp. 148-160. (In Russ.)

Sokolova E.V. *Igrovyie kontseptsii v dramaturgii epokhi modernizma: avtoref. diss. ... kand. iskusstvovedeniia* [The concepts of play in the dramatic art of the Modernism period: PhD thesis, summary]. St. Petersburg, 2009, 23 p. (In Russ.)

Strel'nikova A.A. *Teatr v estetike gruppy «Molodaia Vena»* [Theater in the aesthetics of the "Young Vienna" group]. *Studia Litterarum*, 2017, vol. 2, No. 2, pp. 80-103. (In Russ.)

Shaposhnikova O.V. *Grotesk* [Grotesque]. *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii* [Literary encyclopedia of terms and concepts], ed. by A.N. Nikoliukina. Moscow, Intelvak Publ., 2001, pp. 188-190. (In Russ.)

Shnitsler A. *Zelenyi popugai* [The green kakadu], trans. by Z. Vengerovoi. URL: http://az.lib.ru/s/shnicler_a/text_1899_der_grune_kakadu.shtml (access date: 17.04.2024). (In Russ.)

Tsvetkov Iu.L. *Literatura venskogo moderna. Postmodernistskii potentsial* [The literature of the Wiener Moderne. The postmodernism potential]. Moscow, Ivanovo, MIK Publ., 2003, 431 p. (In Russ.)

Vislova A.V. *«Serebrianyi vek» kak teatr: fenomen teatral'nosti v kul'ture rubezha XIX–XX vv.* [Silver Age as a theater: the phenomenon of theatricalism in the culture on the cusp of the 19th and 20th centuries]. Moscow, Ros. in-t kulturologii Publ., 2002, 210 p. (In Russ.)

Bayerdörfer H.P. Vom Konversationsstück zur Wurstelkomödie. Zu Arthur Schnitzlers Einaktern. Jahrbuch der deutschen Schillergesellschaft, 1972, No. 16, S. 516-575.

Doppler A. Die Form des Einakters und die Spielmetapher bei Arthur Schnitzler. Doppler A. Wirklichkeit im Spiegel der Sprache. Aufsätze zur Literatur des 20. Jahrhunderts in Österreich. Wien, Europaverlag, 1975, S. 7-30.

Le Rider J. La representation de la Revolution francaise dans le piece Au perroquet Vert d'Arthur Schnitzler. *Austriaca*, 1989, No. 29, pp. 99-108.

Lindner A. "...Die uns nehmen, was uns gehört": On Gender and Economics in Schnitzler's 'Der grüne Kakadu'. *Austrian Studies*, 2019, vol. 27, pp. 149-162.

Nehring W. Arthur Schnitzler and the French Revolution. *Modern Austrian Literature*, 1992, vol. 25, No. 3/4, Special Arthur Schnitzler Issue, pp. 75-94.

Perlmann M.L. Arthur Schnitzler. Stuttgart, Metzler, 1987, 195 S.

Rys M. Grotteske Vorführungen: die Darstellung von Masse und Individuum in der Revolutionsgrotesken von Arthur Schnitzler (Der grüne Kakadu) und Rudolf von Delius (Robespierre). *Neophilologus*, 2016, No. 100, S. 611-629.

Schnitzler A. Tagebuch. URL: <https://schnitzler-tagebuch.acdh.oeaw.ac.at/pmb30615.html/> (access date: 17.04.2024).

Schnitzler A. Der grüne Kakadu. Schnitzler A. Gesammelte Werke. Die Theater-Stücke. Berlin, Fischer, 1912, Bd. 1-4, Band. II, S. 81-127.

Schnitzler A. Der grüne Kakadu: historisch-kritische Ausgabe. Herausgegeben von Anna Lindner. Berlin, De Gruyter, 2020, 655 S.

Статья поступила в редакцию 30.07.2023; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 30.07.2023; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 13.05.2024.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ КАК РЕЦЕПТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ: НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Т. РОШАКА «ВОСПОМИНАНИЯ ЭЛИЗАБЕТ ФРАНКЕНШТЕЙН»

Васильева Эльмира Викторовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, elmvasilyeva@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4195-5658>

Аннотация. В статье производится сравнительный анализ нарративной структуры романа М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» и романа Т. Рошака «Воспоминания Элизабет Франкенштейн». Выдвигается предположение о том, что в романе Шелли «концентрическая» композиция, при которой три главных нарратива – капитана Уолтона, Виктора Франкенштейна и Создания – помещались один внутри другого, была вариацией на тему популярного в готической литературе мотива «обретенной рукописи» и служила цели усилить эмоциональное воздействие на читателя, размывая границу между правдой и вымыслом. Рошак в целом воспроизводит эту структуру, однако наделяет первичного повествователя Уолтона аукториальной функцией, выводя его за пределы рамочной конструкции и значительно расширяя его «присутствие» в основной части текста, представленной дневником Элизабет Франкенштейн. Преследуя ту же художественную цель, что и его литературная предшественница, Рошак создает более сложную систему, при которой каждое из основных действующих лиц выступает в нескольких функциональных ролях, а также включает в текст многочисленные дополнительные вставные нарративы; такая организация повествования значительно труднее для восприятия, чем изящная композиция романа Шелли, однако с точки зрения эмоционального воздействия она оказывается более эффективной: переплетая вымысел и реальность, Рошак разрушает саму ткань художественного мира, вторгается в экстрадиетегетическую реальность читателя и таким образом многократно усиливает эмоциональное воздействие повествуемых событий.

Ключевые слова: Мэри Шелли, Теодор Рошак, «Франкенштейн», литературный ремейк, ретеллинг, нарратив, нарративная стратегия, нарратор, наррататор.

Благодарности: статья выполнена по гранту Правительства Российской Федерации (соглашение № 23-28-00989 от 14.06.2022, срок реализации 2023–2024 гг.) «Английская классическая литература в мировой культуре: рецепции, трансформации, интерпретации».

Для цитирования: Васильева Э.В. Организация повествования как рецептивная стратегия: на материале романа Т. Рошака «Воспоминания Элизабет Франкенштейн» // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 129–134. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-129-134>

Research Article

NARRATIVE ORGANISATION AS A RECEPTIVE STRATEGY: BASED ON THEODORE ROSZAK'S THE MEMOIRS OF ELIZABETH FRANKENSTEIN

Elmira V. Vasileva, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS), Moscow, Russia, elmvasilyeva@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4195-5658>

Abstract. The article provides a comparative analysis of the narrative structure of Mary Wollstonecraft Shelley's *Frankenstein; or, The Modern Prometheus* and its rewrite – Theodore Roszak's *The Memoirs of Elizabeth Frankenstein*. The “concentric” composition of Shelley's novel, in which the three main narratives – Captain Walton's, Victor Frankenstein's and the Creature's – were placed one inside the other, can be viewed as a variation on the popular gothic “found (discovered) manuscript” motif and were employed to enhance the emotional impact on the reader by blurring the line between fact and fiction. Roszak reproduces this structure in general, but bestows upon Walton (the primary narrator) an auctorial function, significantly expanding his “presence” in the main body of the text, represented by Elizabeth Frankenstein's diary. While

ultimately pursuing the same artistic objective as his literary predecessor, Roszak produces a more intricate system, in which each of the main characters plays several functional roles; he also includes numerous inserted narratives in the text, thus complicating the structure in comparison with the elegant composition of Shelley's novel, yet, however, meeting the same artistic goal more effectively: by intertwining fact and fiction, Roszak comes close to destroying the very fabric of the diegetic world and invading the extradiegetic reality of the reader and thus multiplies the emotional impact of the narrated events.

Keywords: Mary Shelley, Theodore Roszak, *Frankenstein*, literary remake, rewrite, narrative, narrative strategy, narrator, narratator.

Acknowledgements: the work was financially supported by the grant from the Government of the Russian Federation (agreement No. 23-28-00989, 14.06.2022, implementation period 2023-2024) "English Classical Literature in World Culture: Receptions, Transformations, Interpretations."

For citation: Vasileva E.V. Narrative organisation as a receptive strategy: based on Theodore Roszak's *The Memoirs of Elizabeth Frankenstein*. *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 129–134 (in Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-129-134>

Роман М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818) – одно из самых известных произведений английской литературы. С жанровой точки зрения этот текст занимает промежуточное положение между готическим романом и «постготикой», находясь у истоков сразу нескольких постготических субжанров, включая научно-фантастический роман и роман ужасов. Этот пограничный характер определяет и поэтологические свойства «Франкенштейна»:

– пришедшие из предромантической готики художественные эффекты «возвышенного» / *sublime*, «возвышающего душу страха» / *terror* и противопоставленного ему животного ужаса / *horror*¹ сосуществуют у Шелли с начатками *gore*-эстетики, характеризующейся обилием сцен кровавого насилия и популярной в современной культуре ужасов;

– инфернальная иррациональность классического готического романа уступает место новой предпосылке, в основе которой – мрачное восприятие рационального, научного знания как потенциального источника катастрофы;

– готический герой и готический злодей выведены в качестве готических двойников;

– хронотоп замка распадается на несколько схожих локаций, что разрушает традиционную для готики камерность и способствует распространению кошмара на всю художественную реальность романа;

– прогрессивна и избранная автором нарративная стратегия, в рамках которой значительным самосознанием наделены диегетические нарраторы, что можно рассматривать как предвестие нарративных экспериментов второй половины XIX – начала XX вв., затронувших, в частности, субжанры «сенсационного» романа и ранний роман ужасов.

Результатом этой художественной игры на стыке жанров и традиций стал текст, одновременно пугающий и притягательный, который уже при жизни автора обрел статус нового культурного мифа. И, как любой миф, «Франкенштейн» оказался благодатным материалом для различных толкований и художественных переосмыслений.

Одной из излюбленных стратегий авторов литературных «переделок» является смещение фокуса повествования с героя, бывшего главным в тексте-первоисточнике, на действующее лицо второго плана. Так, например, в романе С.Х. О'Киф «Чудовище Франкенштейна» (*Frankenstein's Monster*, 2010) фокальным героем и первичным повествователем является созданное Виктором Франкенштейном существо, выведенное на страницах романа-продолжения уже не в качестве антагониста, а в качестве мятежника героя, пытающегося понять себя и определить цель своего существования (подр. см.: [Васильева]).

Продуктивной оказалась избранная несколькими авторами стратегия рецепции «Франкенштейна», заключающаяся в смещении акцента на женские образы и, в частности, на образ Элизабет Лавенца. У Шелли Элизабет была прекрасной и добродетельной, но совершенно безликой героиней, чья роль в сюжете, казалось, сводилась лишь к тому, чтобы своевременно погибнуть от рук Создания и тем самым сподвигнуть Виктора Франкенштейна на месть сотворенному им чудовищу. Функционально ее образ во многом дублировал образы Каролины Франкенштейн, Жюстины Мориц, маленького Уильяма Франкенштейна и даже Анри Клерваля².

Американский автор Т. Рошак (*Roszak*, 1933–2011)³ в романе «Воспоминания Элизабет Франкенштейн» (*The Memoirs of Elizabeth Frankenstein*, 1995) взялся устранить эту творческую недоработку Шелли. Выведение Элизабет в качестве фокальной героини позволило автору значительно расширить проблематику романа, «подключив» близкие ему идеи феминизма и экофеминизма. Однако в настоящей статье основное внимание будет уделено не этому очевидному феминистскому аспекту романа Рошака, а избранным автором стратегиям рецепции текста-первоисточника и, в частности, тому, как он работает с концентрической нарративной структурой романа «Франкенштейн», отчасти воспроизводя, отчасти совершенствуя ее. Работая для читателя, уже знакомого с основной содержательной частью, Рошак объединяет роман «Франкенштейн» и собственный ретел-

линг в единый нарратив-палимпсест, в рамках которого происходит «взаимоосвещение» двух текстов.

Вспомним повествовательную структуру романа «Франкенштейн»: три основных нарратива – письма путешественника Роберта Уолтона, рассказ Виктора Франкенштейна и исповедь Создания – помещаются один внутри другого (прием *fabula in fabula*), таким образом условно отделяя читателя романа от повествуемых событий тремя рассказчиками и тремя же соответствующими им адресатами, или наррататорами (читатель писем Уолтона – его сестра миссис Маргарет Сэвилл, слушатель рассказа Франкенштейна – Уолтон, слушатель исповеди Создания – Виктор Франкенштейн). Изящество этой композиции проявляется в том, что все три истории созвучны друг другу, поскольку все они повествуют о страстных искателях, которые по той или иной причине заходят в личный и гносеологический тупик⁴.

Однако «концентрическая» композиция может толковаться не только как красивый прием, усиливающий пессимистическое звучание романа за счет трехкратного повторения тезиса об обреченности романтической мечты. С прагматической точки зрения усложненная система повествователей и соответствующих им адресатов не менее функциональна, так как служит той же цели, с которой на более ранних этапах эволюции поэтики готического романа справлялся прием «найденной (обретенной) рукописи». Хотя вставные нарративы используются не только в литературной готике, а главная цель обращения к ним, по И.С. Юхновой, заключается в «преодолении монологичности повествования», стремлении авторов «показать множественность точек зрения, дать другую интерпретацию событий» [Юхнова: 355], «найденная (обретенная) рукопись» (закрепившаяся в качестве особого мотива) стала восприниматься едва ли не как конститутивный признак именно готического нарратива (см., напр.: [Напцок: 35]), впоследствии проникнув и в постготические субжанры сенсационного романа, детектива, «имперской готики» конца XIX в. На причину привлекательности этого приема для авторов косвенно указывает М. Варгас Льоса: сравнивая нарративы *fabula in fabula* с китайской шкатулкой или русской матрешкой, он высказывает мнение о том, что основная цель этого приема состоит в придании большей убедительности повествованию [Vargas Llosa: 105].

Действительно, такая композиция может быть сложна для восприятия, но увеличение воображаемой дистанции между повествуемыми событиями и конечным адресатом – читателем романа – посредством включения вторичных, третичных и последующих порядков диегетических нарраторов и фиктивных читателей/слушателей способно создать иллюзию достоверности и одновременно освободить автора

от ответственности за вымысел, поскольку теперь автор словно уступает свои привилегии многочисленным фиктивным повествователям. Это, в свою очередь, многократно усиливает эмоциональный эффект, который повесть оказывает на читателя, ведь осознанно или нет публика, как правило, отдает предпочтение «правдивым историям»⁵. Таким образом, можно предположить, что конечной целью нарративной стратегии Шелли было как раз создание иллюзии достоверности с целью обострения воздействия истории на целевого адресата ее романа.

Воссоздавая диегетическую вселенную «Франкенштейна» в своем подражании, Рошак, проанализировав замысел предшественницы, был вынужден усложнить нарративную структуру, чтобы добиться схожей цели – стереть границу между вымыслом и документальным текстом, заставить читателя поверить в то, что хотя бы часть истории основана на реальных событиях.

Рамочная конструкция по-прежнему закреплена за капитаном Уолтоном, отрекомендованным в романе Рошака уже как «сэр Роберт Уолтон, член Королевского научного общества и кавалер ордена Британской империи» [Рошак: 9]. Такая характеристика позволяет читателю сразу же определить хронологическое соотношение романа Шелли и сиквела Рошака, однако этим функции данной фразы не исчерпываются. В романе «Франкенштейн» Уолтон был дерзновенным, но никому не известным исследователем, мечтавшим о славе, но вынужденным отказаться от романтической мечты. У Рошака он – уже состоявшийся ученый, получивший абсолютное признание в научном мире, что несомненно повышает и его статус основного рассказчика, располагая читателя к тому, чтобы довериться его суждениям по всем сложным вопросам, которые могут возникать по ходу повествования.

То, что эта история неоднозначна и трудна для оценки, становится очевидно уже из предисловия, в котором Уолтон сообщает абстрактному читателю – публике, знакомой с историей Франкенштейна, – о том, как к нему случайно попал дневник Элизабет Лавенца, долгое время хранившийся у Эрнеста Франкенштейна, младшего брата Виктора. Чтение дневника шокировало Уолтона, заставив пересмотреть свои взгляды на прежде изложенную им историю ученого и созданного им чудовища. Однако «приверженность идеалу научной объективности» [Рошак: 16] не позволила Уолтону просто скрыть вновь открывшиеся обстоятельства от публики и вынудила опубликовать дневник, вырезав из него лишь наиболее вопиющие страницы, а также снабдив комментариями те части, которые могут быть непонятны неподготовленному читателю. Тем самым Рошак создает интригу, а также устанавливает новые функции Уолтона – первичного нарратора.

В отличие от Уолтона – героя романа Шелли, «сфера влияния» которого не простиралась за пределы рамочной конструкции, у Рошака Уолтон фигурирует уже в качестве аукториального нарратора (по определению И.П. Ильина, «организатора описываемого мира художественного произведения» [Ильин: 17]), часто проникающего за пределы «рамки» в основную часть повествования, оформленную как собственно дневник Элизабет.

Нарратив Элизабет не совпадает событийно с нарративом Виктора Франкенштейна, за исключением отдельных эпизодов. У Шелли основу содержательного плана повествования Франкенштейна составляла история эксперимента – подготовки к нему, его проведения и его чудовищных последствий. Элизабет же может излагать лишь обстоятельства их с Виктором детства и юности, повлиявших и на его характер, и на его интерес к запретным исследованиям. Основное же ее внимание сфокусировано на ее собственной истории, разворачивающейся уже после отъезда названного брата в университет, ее приобщении к таинственному языческому культу, ее становлении как женщины, проходящей различные стадии женского экзистенциального опыта. Во многом это визионерский рассказ, в котором духовная и нравственная эволюция повествовательницы, как и эволюция техники ее письма, сплетаются воедино, позволяя читателю увидеть героиню в становлении.

Однако как составитель и редактор, то есть как aukтор, Уолтон вмешивается в нарратив Элизабет, предлагая свои пространственные комментарии к ее записям, оценивая моральный облик и психическое состояние действующих лиц и ее собственные⁶, тем самым направляя читательскую реакцию – задавая определенный вектор восприятия написанного, а также дополняя дневник по мере необходимости обширными историческими, культурными, библиографическими справками.

В дневнике Элизабет Лавенца реализуется мотив «обретенной рукописи», но Рошак не пренебрегает и традиционными вставными нарративами, в качестве которых выступают письма корреспондентов Уолтона (доктора медицинских наук, врача больницы Св. Эгидия в Лондоне, главного архивариуса Королевской геральдической палаты, парижского галериста-коллекционера произведений искусства и пр.), записи его бесед с очевидцами событий, включая воспоминания Виктора Франкенштейна, по тем или иным причинам опущенные Уолтоном в ходе составления первой книги, объемные цитаты из различных источников как научного, так и оккультного характера, детальные экфрастические описания изображений, имеющих значение для понимания описываемых событий (например, эротических полотен Каролины Франкенштейн, гравюр, приведен-

ных в редких алхимических трактатах и пр.). Такое обилие вставных нарративов, каждый из которых оформлен Уолтоном-нарратором с академической скрупулезностью, а также смешение правды и вымысла (например, весьма точное с исторической точки зрения описание сеансов Франца Месмера сопровождается ссылкой на фиктивные источники, в которых постулируется сексуальный подтекст практик гипнотизера) лишь усиливают иллюзию достоверности, заставляя читателя отринуть критическое мышление и довериться Уолтону и его суждению.

Наконец, повествователем третьего порядка (здесь Рошак вновь следует за Шелли) является Создание, в последней части романа появляющееся в окрестностях поместья Франкенштейнов и ищущее встречи с Элизабет. Несмотря на внешнее уродство загадочного гостя, молодая женщина охотно идет на контакт с ним, чувствуя, что незнакомец способен открыть ей всю правду о таинственных занятиях Виктора. В отличие от романа Шелли, где исповеди Создания было уделено несколько глав, у Рошака история Адама раскрывается не в монологическом повествовании, а в форме диалога – вопросов Элизабет и скупых ответов ее собеседника, – а также посредством телепатии: наделенный удивительной способностью Адам делится с героиней собственными воспоминаниями, заставляя ее видеть и чувствовать то, что видел и чувствовал он сам, что впоследствии отражается и в ее дневниковых записях. Фрагментарность, даже бессвязность этого вставного нарратива является не более чем игрой Рошака с читателем, знакомым с романом-первоисточником: намеки Создания отсылают к конкретным эпизодам «Франкенштейна», что позволяет читателю восстановить повествование в его полноте, построив его уже в собственном воображении.

Таким образом, Рошак воспроизводит нарративную структуру романа Шелли, но лишь в общих чертах. Основных нарраторов остается трое, при этом первичный и третичный нарраторы – Уолтон и Создание – находятся «на своих местах» по сравнению с прототекстом. Виктор Франкенштейн как вторичный нарратор в романе Шелли уступает свое место Элизабет Лавенца, однако Уолтон как нарратор аукториальный не позволяет ей самой представить свою историю, перемежая фрагменты дневника многочисленными вставными нарративами. Коренным образом различаются профили фиктивных адресатов: в то время как у Шелли каждый нарратив был адресован лишь одному целевому читателю/слушателю, у Рошака система нарраторов сложна и даже хаотична, а каждое из основных действующих лиц выступает одновременно в нескольких ролях. Так, целевой аудиторией Уолтона является просвещенная английская публика ранневикторианского периода, любознательная, но охочая и до сенсаций, хотя

мы понимаем, что дневник Элизабет писался ею для себя же самой, что делает ее единственным изначальным целевым читателем этой части нарратива. Элизабет выступает в качестве слушателя и как реципиент истории Создания, а Уолтон, будучи первичным повествователем, одновременно является первым читателем и редактором дневника, целевым читателем и писем привлеченных им специалистов, и отобранных им в качестве справочного материала источников, собеседником многочисленных прямых и косвенных очевидцев, цензором всей включенной в художественную реальность романа информации. При этом все вышеуказанные сюжетные линии входят в сам роман «Воспоминания Элизабет Франкенштейн», адресованный Рошаком-автором весьма конкретному читателю – человеку, хорошо знакомому с текстом-первоисточником и ищущему возможность вновь погрузиться в созданный воображением Шелли художественный мир.

При этом нельзя не отметить, что функционально сложная стратегия Рошака близка замыслу Шелли: размывая границу между документальным и фиктивным, включая многочисленные вставные нарративы, пересыпая текст именами и регалиями как реальных, так и полностью вымышленных экспертов, писатель придает своему повествованию псевдодокументальный характер, парадоксальным образом разрушая саму ткань художественного мира, вторгаясь в экстрадигетическую реальность читателя и таким образом многократно усиливая эмоциональное воздействие.

Примечания

¹ Уже в XVIII в. английские «готицисты» различали различные виды ужасного в искусстве. Здесь используется терминология Анны Радклиф (см.: [Radcliffe]).

² Изменчивость, флюидность дублирующих друг друга образов, очевидно, осознавалась и самой Шелли, о чем свидетельствует следующая цитата из романа: «...я увидел во сне кошмар: прекрасная и цветущая Элизабет шла по улице Ингольштадта. Я в восхищении обнял ее, но едва успел запечатлеть поцелуй на ее губах, как они помертвели, черты ее изменились, и вот уже я держу в объятиях труп моей матери; тело ее окутано саваном, и в его складках копошатся могильные черви» [Шелли: 76] (в ориг.: «...I was disturbed by the wildest dreams. I thought I saw Elizabeth, in the bloom of health, walking in the streets of Ingolstadt. Delighted and surprised, I embraced her; but as I imprinted the first kiss on her lips, they became livid with the hue of death; her features appeared to change, and I thought that I held the corpse of my dead mother in my arms; a shroud enveloped her form, and I saw the grave-worms crawling in the folds of the flannel» (курсив наш. – Э. В.) [Shelley: 34]. Использование конструкций с глаголами think и appear имитирует не-

ясное восприятие рассказчиком увиденного во сне, а также передает ощущение непостоянства наблюдаемых феноменов.

³ В первую очередь Рошак известен как ученый, историк и писатель, занимавшийся проблемами контркультуры, историей науки и экпсихологией (среди его работ – «Истоки контркультуры», «Там, где кончается пустыня», «Голос Земли» и др.). О жизни и академической деятельности Рошака см. подр.: [Султанова; Fountain: 12–13; Scribner Encyclopedia: 284–285; Environmental Encyclopedia: 901].

⁴ В романе «Франкенштейн» Шелли в нескольких аспектах разрабатывает тему познания, подвергая критике как просветительские концепции познания, так и современную ей романтическую гносеологию (см. подр.: [Павлова: 11–13; Васильева]).

⁵ Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить историю публикации первого готического романа «Замок Отранто» (The Castle of Otranto, a Gothic Story, 1764) Х. Уолпола, «замаскированного» автором под перевод аутентичной средневековой рукописи. В современном обществе аналогичную тенденцию можно наблюдать на сайтах-видеохостингах: пользователи живее всего реагируют на видеоролики, которые авторы позиционируют как документальные свидетельства паранормальной активности, явлений «настоящих монстров», реакции «обычных людей» на экстремальные ситуации; не меньшей популярностью пользуются и ролики, в которых предлагаются разного рода оптические иллюзии, позволяющие самому пользователю испытать безотчетный страх.

⁶ В более широком контексте романа можно предположить, что стремление Уолтона отредактировать, прокомментировать, истолковать для читателя, подвергнуть сомнению и даже отменить описанный Элизабет опыт – социальная критика Рошака, вскрывающего двойные стандарты в отношении мужчин и женщин, ведь воспоминания «ученого мужа» Виктора Франкенштейна были представлены его случайным душеприказчиком практически в их первоизданном виде.

Список литературы

Васильева Э.В. (Само)познание в романах М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» и С.Х. О'Киф «Чудовище Франкенштейна» // *Comparativistica Petropolitana*. Аналогии, связи, влияния. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2019. Вып. 2. С. 60–69.

Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. Москва: INTRADA, 2001. 384 с.

Напцок Б.Р. Традиция литературной «готики»: генезис, эстетика, жанровая типология и поэтика (на материале английской литературы): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2016. 51 с.

Павлова И.Н. Романы Мэри Шелли «Франкенштейн» и «Последний человек» как философско-эстетическая диалогия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2011. 32 с.

Рошак Т. Воспоминания Элизабет Франкенштейн / пер. с англ. В. Минушина. Москва: Эксмо, 2022. 512 с.

Султанова М.А. Философия контркультуры Теодора Роззак: очерк философской публицистики. Москва: ИФРАН, 2009. 175 с.

Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей / пер. с англ. З. Александровой. Москва: Художественная литература, 1965. 247 с.

Юхнова И.С. «Чужая» рукопись в структуре художественного произведения (А.С. Пушкин, А. Погорельский, А.Ф. Вельтман) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2. С. 352–356.

The Environmental Encyclopedia, ed. by Cunningham W.P., Cooper T.H. et al. Second Edition. Detroit, New York, Toronto, London, Gale Publ., 1998, 1196 p.

Fountain N. Underground: The London Alternative Press, 1966–74. London, New York, Routledge Publ., 1988, 231 p.

Radcliffe A. On the Supernatural in Poetry. New Monthly Magazine, 1826, No. 1, pp. 145–152.

The Scribner Encyclopedia of American Lives. The 1960s, ed. by O'Neill W.L.: in 2 vols. New York, Charles Scribner's Sons Publ., 2003, vol. 2, 650 p.

Shelley M. Frankenstein; or, The Modern Prometheus. New York, London, W.W. Norton & Company Publ., 1996, 336 p.

Vargas Llosa M. Cartas a un joven novelista. México, Alfaguara Publ., 2011, 138 p.

References

Il'in I.P. *Postmodernizm. Slovar' terminov* [Postmodernism. A Dictionary of Terms]. Moscow, INTRADA Publ., 2001, 384 p. (In Russ.)

Iukhnova I.S. «Chuzhaia» rukopis' v strukture khudozhestvennogo proizvedeniia (A.S. Pushkin, A. Pogorel'skii, A.F. Vel'tman) [“Unknown” manuscript in structure of artistic work (A.S. Pushkin, A. Pogorel'skiy, A.F. Veltman)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], 2014, No. 2, pp. 352–356. (In Russ.)

Naptsok B.R. *Traditsiia literaturnoi «gotiki»: genesis, estetika, zhanrovaia tipologiya i poetika (na materiale angliiskoi literatury)*: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [The tradition of literary “Gothic”: genesis, aes-

thetics, genre typology and poetics (based on the material of English literature): DSc thesis, summary]. Krasnodar, 2016, 51 p. (In Russ.)

Pavlova I.N. *Romany Meri Shelli «Frankenshtein» i «Poslednii chelovek» kak filosofsko-esteticheskaia dialogiya*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Mary Shelley's novels “Frankenstein” and “The Last Man” as a philosophical and aesthetic dilogy: CSc thesis, summary]. Saint Petersburg, 2011, 32 p. (In Russ.)

Roshak T. *Vospominaniia Elizabet Frankenshtein* [The Memoirs of Elizabeth Frankenstein]. Moscow, Eksmo Publ., 2022, 512 p. (In Russ.)

Shelli M. *Frankenshtein, ili Sovremennyi Prometei* [Frankenstein; or, The Modern Prometheus]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965, 247 p. (In Russ.)

Sultanova M.A. *Filosofia kontrkul'tury Teodora Rozzaka, ocherk filosofskoi publitsistiki* [The philosophy of counterculture by Theodore Roszak: an essay on philosophical journalism]. Moscow, IFRAN [RAS Institute of Philosophy] Publ., 2009, 175 p. (In Russ.)

Vasil'eva E.V. *(Samo)poznanie v romanakh M. Shelli «Frankenshtein, ili Sovremennyi Prometei» i S.Kh. O'Kif «Chudovishche Frannkenshteina»* [(Self-)Discovery in M. Shelley's “Frankenstein; or, the Modern Prometheus” and S.H. O'Keefe's “Frankenstein's Monster”]. *Comparativistica Petropolitana*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State Univerisity Publ., 2019, vol. 2, pp. 60–69. (In Russ.)

Fountain N. Underground: The London Alternative Press, 1966–74. London, New York, Routledge Publ., 1988, 231 p.

Radcliffe A. On the Supernatural in Poetry. New Monthly Magazine, 1826, No. 1, pp. 145–152.

The Environmental Encyclopedia, ed. by Cunningham W.P., Cooper T.H. et al., second ed. Detroit, New York, Toronto, London, Gale Publ., 1998, 1196 p.

The Scribner Encyclopedia of American Lives. The 1960s, ed. by O'Neill W.L.: in 2 vols. New York, Charles Scribner's Sons Publ., 2003, vol. 2, 650 p.

Shelley M. Frankenstein; or, The Modern Prometheus. New York, London, W.W. Norton & Company Publ., 1996, 336 p.

Vargas Llosa M. Cartas a un joven novelista. México, Alfaguara Publ., 2011, 138 p.

Статья поступила в редакцию 13.03.2024; одобрена после рецензирования 31.03.2024; принята к публикации 12.04.2024.

The article was submitted 13.03.2024; approved after reviewing 31.03.2024; accepted for publication 12.04.2024.

КОМИКС КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КРУГЕ ЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА (случай У. Шекспира)

Ненарокова Мария Равильевна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, maria.nenarokova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Аннотация. Статья посвящена комиксам-адаптациям трагедии «Гамлет» и комедии «Сон в летнюю ночь» У. Шекспира. Объектом изучения стали особенности комикса как текста, востребованного носителями клипового сознания, которое формируется под влиянием IT-технологий. Предметом изучения стали особенности трансформации текста-источника в комиксах-адаптациях XX–XXI вв. Исследование выполнено на материале двух адаптаций трагедии «Гамлет» и трех адаптаций комедии «Сон в летнюю ночь» У. Шекспира. В задачи исследователя входило: определить связь жанра комикса и клипового сознания; выделить характерные черты жанра комикса; проанализировать отражение черт жанра в конкретных произведениях; описать изменения исходного текста в зависимости от характера аудитории. Исследование показало, что популярность комикса как жанра неразрывно связана с возникновением клипового сознания. Отдельные признаки жанра комикса соотносятся с характерными чертами клипового сознания: фрагментарность соответствует усвоению информации небольшими порциями, акцент на визуальной подаче информации связан с восприятием мира посредством зрительных образов.

Ключевые слова: У. Шекспир, «Гамлет», «Сон в летнюю ночь», клиповое сознание, фрагментарность, зрительный образ, адаптация, комикс

Благодарности. Статья выполнена по гранту Правительства Российской Федерации (соглашение № 23-28-00989 от 14.06.2022, срок реализации 2023–2024 гг.) «Английская классическая литература в мировой культуре: рецепции, трансформации, интерпретации»

Для цитирования: Ненарокова М.Р. Комикс как средство сохранения классической литературы в кругу чтения современного человека (случай У. Шекспира) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 135–143. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-135-143>

Research Article

COMICS AS A MEANS OF PRESERVING CLASSICAL LITERATURE IN MODERN PEOPLE'S READING (The case of W. Shakespeare)

Maria R. Nenarokova, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, maria.nenarokova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Abstract. The article focuses on adaptations of the tragedy “Hamlet” and the comedy “A Midsummer Night’s Dream” by W. Shakespeare in the form of comic books. The object of study is the peculiarities of comics as a text in demand by the representatives of clip consciousness, which is formed under the influence of the IT. The subject of study is the peculiarities of the source text transformation in comic adaptations of the 20th–21st centuries. The study is based on two adaptations of “Hamlet” and three adaptations of “A Midsummer Night’s Dream” by W. Shakespeare. The tasks of the study were as follows: to determine the connection between the comic book genre and clip consciousness; to highlight the characteristic features of the comics genre; to analyse the reflection of genre features in concrete texts; to describe changes in the source text depending on the nature of the audience. The study showed that the popularity of comics as a genre is inextricably linked with the emergence of clip consciousness. Certain features of the comics genre correlate with those of clip consciousness: fragmentation corresponds to mastering information in small portions, the emphasis on the visual presentation of information is associated with the perception of the world through visual images.

Keywords: William Shakespeare, “Hamlet”, “Midsummer Night’s Dream”, clip consciousness, fragmentation, visual image, adaptation, comic book

Acknowledgments: The work was financially supported by the grant from the Government of the Russian Federation (agreement no. 23-28-00989, 14.06.2022, implementation period 2023–2024) “English Classical Literature in World Culture: Receptions, Transformations, Interpretations”.

For citation: Nenarokova M.R. Comics as a means of preserving classical literature in modern people’s reading (The case of W. Shakespeare). *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 135–143 (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-135-143>

Наше время характеризуется возникновением и распространением культуры, которая называется «клиповой» или «мозаичной». Особенность ее состоит в том, что она «ориентирована на восприятие зрительных и звуковых образов» [Вороненко, Терешкова: 291]. При этом человек живет в окружении «компьютерных гаджетов, где стираются границы между реальным и виртуальным миром», а экраны этих гаджетов физически подают информацию на экранах определенного, небольшого размера [Бухарбаева, Сергеева: 789], в виде «череды эмоционально насыщенных образов» [Бухарбаева, Сергеева: 789–790], умещающихся на маленьких экранах, которая «не дает возможности составить цельную картину мира» [Бухарбаева, Сергеева: 789–790]. По наблюдению исследователей, «видеоклипы, большое количество оффлайн- и онлайн-рекламы, массмедиа, социальные сети и мессенджеры как раз и формируют клиповое мышление» [Бухарбаева, Сергеева: 790].

В условиях, когда темп жизни постоянно ускоряется, объем, скорость и разнообразие информации, которую любой человек получает, все время возрастает, складывается особый вид сознания, который называется «клиповым» [Беляева, Мартыянова: 395]. Его характеристиками являются «фрагментарность», меньшая роль логики в осмыслении информации [Вороненко, Терешкова: 289], неумение складывать информацию в логическую цепочку, отсутствие единой картины мира [Минатуллаева, Кольцова: 61]. Поэтому в сознании обладателя клипового мышления запечатлевается не некое целостное представление о жизни и окружающем мире, а «череда практически не связанных между собой событий» [Минатуллаева, Кольцова: 63].

Интересно, что появление нового сознания и целого слоя людей, которых это сознание отличает, не осталось незамеченным. Существует несколько образных, афористичных высказываний, которые описывают эту разницу: «...на смену эпохи Гутенберга пришла эпоха Цукерберга» [Крайнов: 264], «“люди книги” и “люди экрана”» [Кожокар: 99]. Первые, «люди Гутенберга», «люди книги», привыкли работать с печатным текстом, они способны получать и осмыслять большие объемы информации, анализировать ее, сосредоточиться на выбранной теме, глубоко изучить ее, выделить главное и акцентировать внимание на нем. А вторые, «люди Цукерберга», «люди экрана», не могут сконцентрироваться на одной теме, быстро меня-

ют ее, способны получать информацию небольшими порциями и с трудом связывают разрозненные факты в единое целое: «Человек XXI века не может длительное время сосредоточиться на какой-либо информации и утрачивает способность к анализу» [Беляева, Мартыянова: 395], «“Человека читающего” все больше заменяет “Человек смотрящий и воспринимающий образы”» [Купчинская, Юдалевич: 67]. Этому новому человеку «присущ языковой минимализм и речевая бедность, рассеянность и гиперактивность, дефицит внимания», у него «конкретное мышление преобладает над абстрактным» [Купчинская, Юдалевич: 67]. «Человек экрана», настроенный на восприятие мира посредством зрения и слуха, «воспринимает мир не целостно, а как череду почти не связанных между собой частей, фактов, событий» [Семеновских: 2]. Как видим, ученые единогласны, отмечая особенности мышления современного человека, а символами культурного слома становятся имена, значимые для традиционной культуры (Иоганн Гутенберг, изобретатель книгопечатания) и для новой культуры, зарождающейся в ее недрах (Марк Цукерберг, один из создателей мира социальных сетей, в частности *Facebook*).

Особенности мышления современного человека определяют создаваемую им культуру, отражаются в текстах, которые он создает и которые легки для его восприятия. В эпоху клипового мышления большое распространение получил комикс, который называют и «рисованной сюжетной историей» [Антанасиевич: 4], «рисованным рассказом» [Антанасиевич: 5], рисованным романом [Антанасиевич: 6], то есть повествованием в картинках, в котором соединены последовательность картинок-кадров и текст – реплики героев, их внутренняя речь, авторские ремарки. Известен термин «графический роман», калька с английского *graphic novel*. Подобные тексты называют креолизованными, такими, которые состоят «из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/ речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам)» [Григорьева 2013: 109], причем эти два компонента «не являются суммой семиотических знаков, их значения интегрируются и образуют сложно организованный текст» [Григорьева 2013: 109]. Информация подается дозированно, поскольку текст комикса пишется изначально с учетом разбивки страницы на кадры. Особенность креолизованных текстов, в частности комиксов, со-

стоит в том, что они предназначены «исключительно для зрительного восприятия» [Максименко: 96], и визуальный ряд подчас определяет восприятие текста [Громова 2013: 138].

Комикс рассказывает нам историю не только при помощи словесных средств, но также и при помощи зрительных образов, причем в определенном смысле он напоминает обычную книгу: непрерывное действие разбивается на короткие, как бы застывшие, отрезки, и каждый отрезок занимает свое место в повествовании: «вербальные и непосредственно связанные с ними в семантическом отношении иконические элементы располагаются в одном визуальном поле, образуя горизонтальные видеоряды» [Григорьева 2013: 110]. Как отмечает известный советский и российский искусствовед, специалист по искусству книги, Ю.А. Герчук, «изображения в книге редко бывают единичными. Большею частью они образуют целую цепочку, имеющую определенную последовательность и, следовательно, внутреннюю связь не только с текстом, но и между собой. Такого рода «изобразительный ряд» книги и составляет в ней вторую, наряду с текстом, информационную систему, вторую форму воплощения и развертывания ее основного содержания» [Герчук: 132]. Иными словами, «цепочки» иллюстраций, которые мы видим в комиксе, укладываются «в четкую однолинейную последовательность – логический или временной ряд» [Герчук: 134]. Таким же образом организовано и пространство комикса с той разницей, что вербальная и невербальная информация активно взаимодействуют друг с другом и визуальный ряд часто выходит на первый план.

В основу комиксов обычно положены некие сюжетные истории – как созданные писателями в сотрудничестве с художниками, так и адаптации классических произведений. Драматургия Шекспира является неотъемлемой частью англоязычной культуры – британской и американской. Необходимость сохранения произведений Шекспира в круге чтения, особенно детского, понимали еще в начале XIX в. В 1807 г. вышел сборник Чарльза и Мэри Лэм «Шекспир, рассказанный детям», который включал в себя пересказы двадцати пьес Шекспира, адаптированных для детского чтения. С течением времени тексты Шекспира не становятся легче для восприятия, поэтому с появлением Интернета (который активно участвует в формировании клипового мышления) были созданы и сайты с шекспировскими текстами разной степени адаптации. Как кажется, для англоязычного мира потеря возможности читать драматургию Шекспира означает то же самое, что и потеря Пушкина для русского читателя, поэтому англоязычное общество ищет различные пути сохранения интереса к шекспировскому творчеству.

Одним из способов приблизить Шекспира к современному читателю является издание его пьес в виде комиксов. Комиксы на основе шекспировских пьес часто издаются в составе серий. Так, и в США, и в Великобритании знаменитая трагедия «Гамлет» вышла в одноименных сериях *Classics Illustrated* («Иллюстрированная классика»). Американская версия «Гамлета», изданная в 1990 г., была создана двумя очень известными авторами комиксов Стивеном Грантом и Томом Мандрейком. Грант создал серию комиксов о Человеке-Пауке [Steven Grant], а Мандрейк прославился историями Бэтмена [Tom Mandrake]. Над британской версией 2018 г. работала целая команда авторов, постоянно сотрудничающих с издательством *Classic Comic Books*. Адаптацию текста сделал Сэмьюэл Виллински. Не раз издавалась в виде комиксов комедия «Сон в летнюю ночь». Так, с разрывом в год был издан комикс Нела Йомтова [Nel Yomtov], американского детского писателя (2012 г.), и серия из трех комиксов, текст которой написал Джон Ф. Макдональд (2011 г.). Писательский путь Макдональда подготовил его к созданию произведений, которые ориентированы на «человека Цукерберга». Макдональд начинал как автор пьес, затем писал сценарии телевизионных постановок, романы, документальные произведения. Венцом его карьеры стали «адаптации пьес Уильяма Шекспира в формате графических романов, неоднократно завоевывавших литературные премии» [John F. McDonald]. Если Макдональд и не является представителем людей клипового мышления в чистом виде, то он понимает, как сделать текст классического произведения привлекательным для таких читателей и зрителей.

Комикс привлекает обладателей клипового мышления фрагментарностью подачи материала, которая является его отличительной чертой. Современный человек, как ребенок, так и взрослый, привык получать знания небольшими порциями. В исследованиях, посвященных клиповому сознанию, нередко упоминается сидение перед телевизором: человек переключает каналы и «создает новый образ <мира>, состоящий из клочков информации» [Купчинская Юдалевич: 68]. Причем «человек может «выйти» из потока информации без ощущения незаконченности, а затем снова «влиться» в поток и, по сути, ничего не потерять» [Кожокар: 98]. Информация поступает короткими отрезками, заключенная в рамки телевизионного экрана, экрана компьютера или смартфона. По наблюдениям исследователей, «клочок» информации может появляться в виде, например, «SMS-сообщения – 70 символов на кириллице, 160 на латинице; ...пост в Интернете – идеальная длина составляет 1600 слов или 7 мин. на чтение» [Крайнов: 263], «дети воспринимают всю информацию 10-секундными визуальными нарративами» [Черняк Цветкова: 81].

Если обратиться к комиксам (в нашем случае это графические романы, являющиеся адаптациями шекспировских пьес «Сон в летнюю ночь» (*Midsummer Night's Dream*) и «Гамлет» (*Hamlet*)), то окажется, что размер «клочков» информации в исследуемых нами изданиях примерно одинаков: самая большая порция информации занимает одну страницу – 17x24,5 см [Shakespeare-McDonald 1:32, Shakespeare-McDonald 2:32] или 16x24 см [Hamlet-Willinski: 8], что равно размеру экрана планшета или небольшого компьютера, а самая маленькая порция не превышает 6x7 см [Shakespeare-Yomtov: 16], то есть соответствует половине экрана смартфона.

Если мы посмотрим на страницу комикса, состоящую из нескольких кадров, то обнаружим, что каждый кадр «заклучает в себе все необходимое для полного восприятия произошедшего в данный момент» [Махашвили: 207]. Так, например, в комиксе Нела Йомтова, в кадре, изображающем расставание Гермии и Елены [Shakespeare-Yomtov: 17], после того как Гермия поделилась с подругой планом побега, на первом плане изображены Лисандр и Гермия. Они уходят, держась за руки, вперед, по направлению к зрителю, при этом они обернулись к Елене и машут ей на прощанье. Елена же стоит в отдалении, на дворцовой лестнице, также делает прощальный жест, но читатель видит ее мысли (они помещены в так называемые «филактеры», или «словесные пузыри» (*speech bubbles, speech balloons*): *I will tell Demetrius of Hermia's plan to leave* – «Я расскажу Деметрию о плане побега Гермии» и *That will earn me his love!* – «Этим я заслужу его любовь!» [Shakespeare-Yomtov: 17]. Разглядывая этот фрагмент комикса, отделенный от других фрагментов отчетливо видной рамкой, читатель/зритель получает информацию в виде невербальных средств (дворцовая лестница и сад сообщают о месте действия, расположение персонажей в кадре и их жесты открывают их намерения) и вербальных средств, внутренней речи Елены, которая не только дополняет информацию, обеспеченную визуальным рядом, но и позволяет предположить, как будет развиваться действие.

Интересно сравнить единственный кадр, сообщающий о расставании героев, из комикса Нела Йомтова с тем, как эта сцена изображена в комиксе Джона Макдональда, использовавшего неадаптированный шекспировский текст. Вместо одного кадра Макдональд последовательно разложил описываемую ситуацию на пять кадров, причем первый кадр по содержанию и даже композиции напоминает уже проанализированный кадр из комикса Йомтова: Лисандр и Гермия уходят вперед, по направлению к читателю/зрителю, оборачиваясь и к Елене и прощаясь с ней [Shakespeare-McDonald 1:19]. Следующая страница состоит из четырех кадров [Shakespeare-

McDonald 1:20], даже по размеру соответствующих экрану смартфона (16x7 см), размещенному горизонтально. В таком положении на смартфоне удобно играть в компьютерные игры или смотреть фильмы. Развитие действия, последовательно запечатленное на кадрах, и вправду напоминает фильм, при этом взгляд читателя/зрителя движется по странице сверху вниз, как если бы он читал книгу, сверху вниз расположена и цепочка «словесных пузырей», содержащая монолог Елены, который начинается словами: *How happy some o'er other some can be!* – «Несколько одни могут быть более счастливы, чем другие» [Shakespeare-McDonald 1:20]. На первом, самом верхнем, кадре перед нами зал дворца, куда Елена возвратилась, попрощавшись с подругой. Мы видим маленькую фигурку девушки, одиноко идущей через огромный пустой зал. Второй кадр, напротив, показывает лицо Елены крупным планом, и мы замечаем, что она огорчена и задумчива. Третий кадр делится цепочкой «словесных пузырей» на две части: слева мы видим Елену, вспоминающую встречу Деметрия и Гермии, читаем ее воспоминания в «словесных пузырях» и одновременно в правой части кадра видим саму эту встречу. Наконец, на четвертом, последнем, кадре мы видим Елену, уходящую на поиски Деметрия. Каждый кадр предоставляет читателю/зрителю свой «клочок», освоив который, зритель может двигаться дальше. Четыре кадра объединяются одной темой с точки зрения содержания и одной страницей с точки зрения объема информации.

Если обратиться к шекспировскому «Гамлету», мы обнаружим, что перед авторами обоих исследуемых комиксов стояла сложная задача создания визуального ряда, должного сопровождать монологи героев, которыми так известна эта трагедия. В британской версии комикса авторы пошли по тому же пути, что и Макдональд: рассказ королевы Гертруды о гибели Офелии [Hamlet-Willinski: 35] превратился в серию из шести кадров, причем каждый имеет свой размер и форму, сообщающие добавочные смыслы как к шекспировскому тексту, так и к изображениям. Так, самое начало монолога Гертруды помещено в белый прямоугольник, не вызывающий никаких дополнительных эмоций: *There is a willow grows aslant a brook, / That shows his hoar leaves in the glassy stream...* – «Склоняясь над ручьем, растет ива, / Которая свои седые листья отражает в воде...» [Hamlet-Willinski: 35]. Этот прямоугольник соответствует кадру, заключенному в круг – символ совершенства, покоя, равновесия. Читатель/зритель видит мирный пейзаж, дышащий покоем: медленно текущая река, над ней склонилась старая ива, на заднем плане замок. Напротив, кадры, в которых описывается, как Офелия упала в воду, соединяет изогнутая линия, напоминающая то ли о ненадежности

ветви, на которую встала девушка, то ли о траектории ее падения в воду. Изогнутость линии усиливает чувство беспокойства, опасения, даже тревоги [Hamlet-Willinski: 35]. Шесть отдельных кадров, которые, как и текст в книге, нужно читать слева направо и сверху вниз, обращены к интеллектуальному восприятию информации, они заставляют читателя/зрителя сосредоточиться на каждом фрагменте текста, составляющего монолог, тем самым задействуя скорее ум, чем чувство.

Этот же монолог в комиксе Гранта и Мандрейка [Shakespeare-Grant-Mandrake: 35] визуальнo решен в другом ключе. Кадр, содержащий монолог Гертруды, занимает центральную часть страницы, изображение в этом кадре гораздо крупнее, чем в кадрах сверху и снизу, оно сразу обращает на себя внимание читателя/зрителя. В верхней части кадра мы видим лицо королевы и, рассматривая образ, постоянно встречаемся взглядом с ее печальными глазами. Изображение тонущей девушки, отсылающее нас к знаменитой картине английского художника-прерафаэлиты Джона Эверетта Милле «Смерть Офелии», окружено «словесными пузырями», в которых помещается текст монолога, но здесь визуальный ряд, несущий добавочную эмоциональную нагрузку, явно выходит на первый план.

Информация, получаемая «человеком экрана», состоит из «клочков», эти блоки на определенную тему, по наблюдению исследователей, соединены по принципу монтажа «из фрагментов, кусочков или краткой информации (вербальной или визуальной)» [Шеметова: 255]. Что касается комикса, то довольно часто подчеркивается его близость кинематографу, а монтаж является одним из способов соединить фрагменты отснятого материала так, чтобы передать мысль автора. Для этого используется «смена ракурса, масштаба или типа пространства», приемы «часто играют роль мощного смыслового акцента» [Махашвили: 206]. «Иногда художник дает крупный план, “выхватывая” ... <какую-то деталь>, когда хочет сделать на сказанном им особенный акцент, как это происходит» [Цветкова, Кризская: 226]. Переключение внимания с одной детали на другую, с одного ракурса на другой подобно быстрой смене тем, характерной для клипового мышления. Примером такой подачи информации может послужить страница из «Гамлета», адаптированного Грантом и Мандрейком [Shakespeare-Grant-Mandrake: 30]. Пять кадров этой страницы последовательно передают разговор Гамлета и Гертруды, когда принц приходит к матери, стараясь выведать, насколько она причастна к гибели отца, и попытаться воззвать к ее совести. Кадр в левом верхнем углу изображает Гамлета, склонившегося над трупом Полония, но читатель/зритель находится не рядом с героем или Полонием, а наблюдает эту картину сверху. Круп-

ным планом показано лицо мертвого Полония и рука Гамлета, отодвигающая занавес, фигура Гамлета находится в удалении, на расстоянии вытянутой руки. А самый верхний кадр справа, граничащий с верхней частью только что описанной левой картинки, включает в себя два изображения, разделенных окровавленной шпагой: художник нарисовал руку Гамлета с указательным пальцем, направленным в сторону матери, и саму Гертруду с потрясенным выражением лица. Когда же Гамлет говорит об убийстве отца, мы видим крупным планом его глаз, в зрачке которого отражается череп, символ смерти, и рядом часть лица королевы с прикрытым глазом, из которого кажутся слезы. По всей странице располагаются «словесные пузыри», содержащие цитаты из неадаптированного текста шекспировской трагедии, но и на этой странице текст становится вспомогательным.

Столь же яркой чертой клипового сознания является «зрительно-слуховое <восприятие информации>, оперирующее прежде всего образами. Причем оценка этих образов происходит ... с помощью эмоционально-чувственного восприятия» [Симакова: 112], на первый план выходит эмоциональное восприятие, а не осмысление информации. И здесь комикс оказывается весьма привлекательным текстом для носителей клипового сознания, поскольку он является гармоничным соединением образа, слова и даже звуков, причем «текст и изображение находятся в постоянном взаимодействии и бессмысленны друг без друга» [Черняк, Цветкова: 81]. В комиксах 1990 г. и 2018 г., адаптирующих трагедию «Гамлет», нет графического изображения звуковых эффектов. Единственным намеком на то, что в трагедии текст может восприниматься в сочетании со звуком, является оформление песни Офелии [Hamlet-Willinski: 28], текст которой обрамлен нотными знаками. «Гамлет», имеющий заслуженную репутацию философского произведения, не может сопровождаться звукоподражаниями, которые способны вызвать неуместный для жанра трагедии смех. Комиксы по «Сну в летнюю ночь», напротив, полны звуков. Средствами, помогающими читателю/зрителю не только прочесть и рассмотреть, но и услышать, что делают герои, становятся «графические изображения звуковых эффектов» [Цветкова, Кризская: 221], «шрифт, размер, цвет текста» [Черняк, Цветкова: 82]. Так, мы слышим, как Пак выдавливает сок волшебного цветка в глаза спящему афинянину: *Drip! Drip! Drip!* [Shakespeare-Yomtov: 43] – «Кап! Кап! Кап!», *Squee* [Shakespeare-McDonald 1: 44] – «звук, соответствующий тонкому пisku»; как засыпают различные персонажи – и люди, и феи, поскольку символом отхода ко сну, сонного дыхания становится звук *zzzzzz* [Shakespeare-Yomtov: 41; Shakespeare-McDonald 1: 69]. Особенно богата звуками адаптация

Макдональда, причем он использует и форму букв, и их различный размер, и цвет, чтобы передать крик испуганной Елены, упавшей в темноте [Shakespeare-McDonald 1: 49], и шипение змеи, приснившейся Гермии [Shakespeare-McDonald 1: 52], и радостный вопль Пака [Shakespeare-McDonald 1: 70].

Создавая комикс, художник имеет возможность додумать содержание, дополнить его зрительно. При этом читателю/зрителю «нужно «прочитать» не только текст, но и относящийся к нему визуальный образ» [Черняк Цветкова: 81–82]. По сюжету «Сна в летнюю ночь» к Тезею приходит гражданин Афин Эгей с жалобой на непослушную дочь [Shakespeare-McDonald 2: 9]. На картинке отец не просто приходит к герцогу с дочерью и ее женихами, он тащит непокорную дочь за руку. Эмоциональный накал увеличивается. Из текста шекспировской комедии мы знаем, что Эгей недоволен поведением дочери, но его жесты, движения, выражение лица на картинке показывают, что он разгневан.

Нельзя не упомянуть о собственно языковой стороне комикса: «текст как таковой, проявляющийся в диалогах, авторских ремарках, внутренних монологах персонажей» [Осьмухина, Куряев: 50]. Как правило, авторы комиксов используют разговорные слова и выражения. В случае адаптации Макдональда отношение автора к языку оригинала довольно любопытно. Графический роман издан в трех вариантах с одинаковым визуальным оформлением – *Original text*, *Plain text*, *Quick text*, которые различаются степенью близости к оригиналу. *Original text* воспроизводит текст Шекспира:

Thou rememb'rst
Since once I sat upon a promontory,
And heard a mermaid on a dolphin's back
Uttering such dulcet and harmonious breath....
That the rude sea grew civil at her song,
And certain stars shot madly from their spheres
To hear the sea-maid's music.
[Shakespeare-McDonald 1: 139]

Ты помнишь,
Как я однажды, сидя на мысу,
Внимал сирене, плившей на дельфине
И певшей так пленительно и стройно,
Что яростное море присмирело
И кое-где с орбит сорвались звезды,
Чтоб музыку ее послушать?

пер. М. Лозинского [Шекспир-Лозинский]

Вариант *Plain text* представляет собой прозаический пересказ шекспировского текста, в котором сохранены художественные средства оригинала, просто переложенные прозой;

Do you remember the time I sat on a cliff and listened to a mermaid singing as she rose on a dolphin's back. It was

such a beautiful song that it calmed the roaring sea. And some stars fell crazily from their orbits to hear the sea-maid's music. [Shakespeare-McDonald-1:139]

«Ты помнишь время, когда я сидел на скале и слушал, как поет русалка, когда она поднималась [из воды] на спине дельфина. Это была такая красивая песня, что она успокоила ревущее море. И некоторые звезды, как безумные, упали со своих орбит звезд, чтобы услышать песню морской девы» [пер. МН].

Последний вариант, *Quick text*, наиболее далек от оригинала. Это не просто прозаический пересказ, но упрощенный текст, приближающийся по языку к обычным комиксам.

Do you remember the time I sat on a cliff and listened to a mermaid singing? [Shakespeare-McDonald 1: 39].

«Ты помнишь время, когда я сидел на скале и слушал, как поет русалка» [пер. МН].

В варианте *Original text* есть специальный комментарий о произношении слов и грамматических форм во времена Шекспира [Shakespeare-McDonald 1: 6]. В других вариантах такой комментарий отсутствует.

Можно было бы считать, что подобные комиксы становятся уступкой современности, свидетельством понижения уровня общей культуры, поскольку шедевр мировой литературы превращается в собрание «клочков», однако стоит помнить, что в отличие от новостей, которые можно услышать по телевидению или прочитать в Интернете, у любого литературного произведения, особенно классического, наличествует сюжет и в соответствии с ним присутствует логика изложения событий, то есть противодействие клиповому мышлению заложено уже в самой природе графического романа. Существует также и возможность того, что комикс пробудит у читателя/зрителя интерес к исходному тексту так же, как когда-то пересказы Чарльза и Мэри Лэм подготавливали маленьких англичан к чтению Шекспира в неадаптированном виде. Как кажется, надежда на комикс как средство сохранения классической литературы в круге чтения современного человека и привлечения к ней внимания, возможно, окажется реальностью.

Библиографический список

Антанасиевич И. Адаптации русской классики в комиксах королевской Югославии // Научный результат. Серия «Социальные и гуманитарные исследования». 2016. Т. 2, № 1(7). URL: <http://rrhumanities.ru/journal/article/202/> (дата обращения: 14.03.2023)

Беляева Е.В., Мартынова Н.А. Использование принципов клипового мышления в конструировании процесса обучения русскому языку как иностранному на занятиях по лингвокраеведению // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10(88), Ч. 2. С. 394–398.

Бухарбаева А.Р., Сергеева Л.В. Клиповое мышление поколения Z: методы развития творческого потенциала студентов // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25, № 4. С. 787–796.

Вороненко А.И., Терешкова А.Н. Адаптация системы образования к «клиповому мышлению» // Эпоха науки. 2020. № 24. С. 288–292.

Герчук Ю.Я. Художественные миры книги. М.: Книга, 1989. 328 с.

Григорьева Н.Ю. Комикс как креолизованный текст // Вестник Южно-Уральского Государственного Университета. Серия «Лингвистика». 2013. Т. 10, № 1. С. 109–111.

Громова Н.С. Лингвокультурологический аспект анализа креолизованных текстов // Язык и культура. 2013. № 4. С. 137–141.

Кожокаръ Д.А. Клиповое мышление как феномен современности и его влияние на восприятие радионовостей // Наука и образование сегодня. 2016. № 6(7). С. 98–101.

Крайнов А.Л. Клиповое мышление в контексте образовательных практик: социально-философский анализ // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, № 3. С. 662–266.

Купчинская М.А., Юдалевич Н.В. Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний. 2019. №3(14). С. 66–70.

Максименко О.И. Поликодовый vs креолизованный текст: проблема терминологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 93–102.

Махашвили Г.Д. Иллюстрированная книга и комикс // Вестник Московского государственного университета печати. 2012. № 6. С. 205–210.

Минатуллаева Н.М., Кольцова И.В. Диагностика проявлений клипового мышления у детей старшего дошкольного возраста: теоретическое обоснование // ИНСАЙТ. 2020. № 2 (2). С. 59–70.

Осьмухина О.Ю., Куряев И.Р. Синтез комикса и нуар-стилистики в серии «графических романов» Ф. Миллера “Sin City” («Город грехов»): к проблеме реинтерпретации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3(81), Ч. 1. С. 49–52.

Семеновских Т.В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2014. № 5. С. 1–10. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf> (Дата обращения: 26.05.2024)

Симакова С.И. Клиповизация мышления у молодежи как следствие развития визуальных коммуникаций в СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 2 (24). С.107–118.

Цветкова М.В., Кризская Е.В. Комикс Н. Батлер *Гордость и предубеждение* как вариант прочтения одноименного романа Дж. Остин // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2020. Т. 17, № 2. С. 217–231.

Черняк М.А., Цветкова Е.Г. Графический путеводитель как новый способ диалога с классическим текстом // Ученые Записки Петрозаводского Государственного Университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 78–84.

Шекспир-Лозинский. Шекспир У. Сон в летнюю ночь / пер. М. Лозинского. URL: <http://lib.ru/SHAKESPEARE/midsummer.txt> (Дата обращения: 27.05.2024)

Шеметова Т.Н. Клиповое интернет-сознание как тип пралогического мышления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4 (2). С. 254–259.

Юдин Л.А. Драматургический потенциал графического романа: поэтика синкретизма // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 1. С. 186–190.

John F. McDonald. URL:<https://johnfmcDonald.co.uk/> (The Date of Access: 27.05.2024).

Nel Yomtov. URL: <https://bookroo.com/creatives/nel-yomtov> (The Date of Access: 27.05.2024).

Steven Grant. URL: <https://www.imdb.com/name/nm1556427/> (The Date of Access: 27.05.2024).

Tom Mandrake. URL: <https://www.imdb.com/name/nm2180319/> (The Date of Access: 27.05.2024).

Shakespeare W. Hamlet. Adapted by Stephen Grant & Tom Mandrake. New York: The Berkley Publishing Group and First Publishing, 1990. 46 p.

Shakespeare W. Hamlet. Adaptation: Samuel Willinski. Newbury, Berc.: Classic Comic Books, 2018. 49 p.

Shakespeare W. A Midsummer Night’s Dream. A Graphic Novel by Nel Yomtov. NorthMancato, Minnesota: Stone Arch Books, 2012. 88 p.

Shakespeare W. A Midsummer Night’s Dream. A Graphic Novel by John McDonald. Original text Version. Litchborough (UK): Classical Comics Ltd, 2011. 144 p.

Shakespeare W. A Midsummer Night’s Dream. A Graphic Novel by John McDonald. Plain Text Version. Litchborough (UK): Classical Comics Ltd, 2011. 144 p.

References

Antanasevich I. *Adaptations of Russian classics in comics of royal Yugoslavia*. [Adaptatsii russkoy klassiki v komiksakh korolevskoy Yugoslavii]. *Nauchnyy rezul'tat. Seriya “Sotsial’nyye i gumanitarnyye issledovaniya”* [Scientific result. Series “Social and Humanitarian Research”], 2016, vol. 2, no. 1(7). URL: <http://trhumanities.ru/journal/article/202/> (access date: 03.14.2023). (In Russ.).

Belyaeva E.V., Martyanova N.A. *Using the principles of clip thinking in designing the process of teaching Russian as a foreign language in classes in regional linguis-*

tics [Ispol'zovaniye printsipov klipovogo myshleniya v konstruirovani protsessa obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu na zanyatiyakh po lingvokrayevedeniyu]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2018, no. 10(88), part 2, pp. 394–398. (In Russ.)

Bukharbaeva A.R., Sergeeva L.V. *Clip thinking of generation Z: methods for developing the creative potential of students* [Klipovoye myshleniye pokoleniya Z: metody razvitiya tvorcheskogo potentsiala studentov]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedeniye. Zhurnalistska* [Bulletin of RUDN University. Series: Literary Studies. Journalism], 2020, vol. 25, no. 4, pp. 787–796. (In Russ.)

Voronenko A. I., Tereshkova A. N. *Adaptation of the education system to “clip thinking”* [Adaptatsiya sistemy obrazovaniya k “klipovomu myshleniyu”]. *Epokha nauki* [Age of Science], 2020, no. 24, pp. 288–292. (In Russ.)

Gerchuk Yu.Ya. *Artistic worlds of the book* [Khudozhestvennyye miry knigi]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 328 p. (In Russ.)

Grigorieva N.Yu. *Comics as a creolized text* [Komiks kak kreolizovanny tekst]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya “Lingvistika”* [Bulletin of South Ural State University. Series “Linguistics”], 2013, vol. 10, no. 1, pp. 109–111 (In Russ.)

Gromova N.S. *Linguocultural aspect of the analysis of creolized texts* [Lingvokulturologicheskiy aspekt analiza kreolizovannykh tekstov]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture], 2013, no. 4, pp. 137–141 (In Russ.).

Kozhokar D. A. *Clip thinking as a phenomenon of our time and its influence on the perception of radio news* [Klipovoye myshleniye kak fenomen sovremennosti i yego vliyaniye na vospriyatiye radionovostey]. *Nauka i obrazovaniye segodnya* [Science and education today], 2016, no. 6(7), pp. 98–101. (In Russ.)

Krainov A.L. *Clip thinking in the context of educational practices: socio-philosophical analysis* [Klipovoye myshleniye v kontekste obrazovatel'nykh praktik: sotsial'no-filosofskiy analiz]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [News of Saratov University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2019, vol. 19, no. 3, pp. 262–266. (In Russ.)

Kupchinskaya M.A., Yudalevich N.V. *Clip thinking as a phenomenon of modern society* [Klipovoye myshleniye kak fenomen sovremennogo obshchestva]. *Biznes-obrazovaniye v ekonomike znaniy* [Business education in the knowledge economy], 2019, no. 3(14), pp. 66–70. (In Russ.).

Makhashvili G.D. *Illustrated book and comics* [Illyustrirovannaya kniga i komiks]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta pechati* [Bulletin of Moscow State University of Printing], 2012, no. 6, pp. 205–210. (In Russ.)

Maksimenco O.I. *Polycode vs creolized text: the problem of terminology* [Polikodovyy vs kreolizovanny tekst: problema terminologii]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics], 2012, no. 2, pp. 93–102. (In Russ.)

Minatullaeva N. M., Koltsova I. V. *Diagnosis of manifestations of clip thinking in children of senior preschool age: theoretical justification* [Diagnostika proyavleniy klipovogo myshleniya u detey starshego doshkol'nogo vozrasta: teoreticheskoye obosnovaniye]. *INSAYT* [INSAYT], 2020, no. № 2 (2), pp. 59–70. (In Russ.)

Osmukhina O.Yu., Kuryaev I.R. *Synthesis of comics and noir stylistics in the series of “graphic novels” by F. Miller “Sin City”: on the problem of reinterpretation* [Sintez komiksa i nuar-stilistiki v serii “graficheskikh Romanov” F. Millera “Sin City” (“Gorod grekhov”): k probleme reinterpretatsii]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2018, no. 3(81), Part 1, pp. 49–52. (In Russ.)

Semenovskikh T.V. *The phenomenon of “clip thinking” in the educational environment of universities* [Fenomen «klipovogo myshleniya» v obrazovatel'noy vuzovskoy srede]. *Internet-zhurnal “NAUKOVEDENIYE”*, 2020, no. 5, pp. 1–10. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf> (access date: 05/26/2024) (In Russ.)

Shakespeare W. *Son v letnyuyu noch', perevod M. Lozinskogo* [A Midsummer Night's Dream, translated by M. Lozinsky]. URL: <http://lib.ru/SHAKESPEARE/midsummer.txt> (access date: 27.05.2024)

Simakova S.I. *Clipization of thinking among young people as a consequence of the development of visual communications in the media* [Klipovizatsiya myshleniya u molodezhi kak sledstviye razvitiya vizual'nykh kommunikatsiy v SMI]. *Znak: problemnoye pole media-obrazovaniya* [Sign: problem field of media education], 2017, no. 2 (24), pp. 107–118. (In Russ.)

Tsvetkova M.V., Krizskaya E.V. *Comics N. Butler Pride and Prejudice as an option for reading the novel of the same name by J. Austin* [Komiks N. Batler Gordost' i predubezhdeniye kak variant prochteniya odnimenennogo romana Dzh. Ostin]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literature* [Bulletin of St. Petersburg State University. Language and literature], 2020, vol. 17, no. 2, pp. 217–231. (In Russ.)

Chernyak M.A., Tsvetkova E.G. *Graphic guide as a new way of dialogue with a classical text* [Graficheskii putevoditel' kak novyy sposob dialoga s klassicheskim tekstom]. *Uchenyye Zapiski Petrozavodskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of St. Petersburg State University. Language and literature], 2021, vol. 43, no. 7, pp. 78–84. (In Russ.)

Shemetova T.N. *Clip Internet consciousness as a type of prelogical thinking* [Клипovoye internet-soznaniye kak tip pralogicheskogo myshleniya]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after. N.I. Lobachevsky], 2013, no. 4 (2), pp. 254–259 (In Russ.)

Yudin L.A. *The dramatic potential of the graphic novel: the poetics of syncretism* [Dramaturgicheskiy potencial graficheskogo romana: poetika sinkretizma]. *Vestnik*

Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2016, no. 1, pp. 186–190. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.04.2024; одобрена после рецензирования 30.05.2024; принята к публикации 31.05.2024.

The article was submitted 30.04.2024; approved after reviewing 30.05.2024; accepted for publication 31.05.2024.

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(430).09"20"

EDN WJMZFI

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-144-150>

ФЕНОМЕНЫ «ПАМЯТИ» И «ПОТЕРЯННОГО ПОКОЛЕНИЯ» В РОМАНЕ Б. ШЛИНКА «ВНУЧКА»

Гущина Анна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, Одинцово, Московская область, Россия, anna-guschina@mail.ru

Аннотация. Цель данной статьи состоит в рассмотрении феноменов «памяти», «потерянного поколения», а также «национальной идентичности» в творчестве современного немецкого писателя Бернхарда Шлинка на примере романа «Внучка». Роман «Внучка», как и большинство произведений Шлинка, (трилогия про детектива Зельба, «Чтец», «Возвращение», «Ольга» и др.) посвящен отношению немцев к непростому прошлому своей страны. В статье раскрывается череда глубоких психологических, общественных, политических проблем, затрагиваемых автором, в числе которых особое внимание уделяется проблеме возникновения нового «потерянного поколения», а также коллективной памяти об исторических событиях прошлого и националистических взглядах настоящего времени. Особое внимание в исследовании уделено существованию на территории ГДР исправительных колоний для несовершеннолетних, что впервые упоминается Шлинком в рамках его творчества. В статье показана особая художественная и историческая ценность романа для литературы Германии.

Ключевые слова: немецкое прошлое, коллективная память, идентичность, объединение Германии, потерянное поколение, неонацизм, немецкая литература.

Для цитирования: Гущина А.И. Феномены «памяти» и «потерянного поколения» в романе Б. Шлинка «Внучка» // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 144–150. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-144-150>

Research Article

PHENOMENA OF “MEMORY” AND “LOST GENERATION” IN BERNHARD SCHLINK’S NOVEL “THE GRANDDAUGHTER”

Anna I. Gushchina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo, Moscow region, Russia, anna-guschina@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to consider the phenomena of “memory”, “lost generation”, as well as “national identity” in the work of the modern German writer Bernhard Schlink using the example of the novel “The Granddaughter”. His novel “The Granddaughter”, like most of Schlink’s works (a trilogy about Detective Selb, “Reader”, “Return”, “Olga”, etc.) is devoted to the attitude of Germans to the hard past of their country. The article reveals a whole series of deep psychological, social, political problems touched upon by the author in the work, including special attention to the problem of the emergence of a new “lost generation”, as well as collective memory about historical events of the past and nationalist views of the present time. Particular attention in the study is paid to the existence of penal colonies for minors on the GDR’s territory, which had first been mentioned by Schlink as part of his work. The article gives an understanding of the special figurative and historical value of the novel for German literature.

Keywords: German past, collective memory, identity, German unification, lost generation, neo-Nazism, German literature.

For citation: Gushchina A.I. Phenomena of “memory” and “lost generation” in Bernhard Schlink’s novel “The Granddaughter”. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 144–150. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-144-150>

Бернхард Шлинка (род. 1944 г.) широко известен не только в Германии, но по всему миру. Его романы «Чтец» (1995), «Возвращение» (2006), «Три дня» (2010), «Ольга» (2018) и другие произведения были переведены на многие языки. Важной темой в его творчестве является прошлое. Именно эту тему сам писатель выделяет как ключевую в книге «Размышления о писательстве. Гейдельбергские лекции» (*“Gedanken über das Schreiben. Heidelberger Poetikvorlesungen”*, 2011) [Schlink: 7]. Б. Шлинка имеет особое отношение к теме прошлого: «Я могу писать только о том, что я знаю, что уже произошло и, следовательно, прошло» (*«Ich kann nur über das Schreiben, was ich kenne, und ich kenne nur, was schon geschehen und also vergangen ist»*) [Ein anregender Spaziergang]. Примечательно, что темы прошлого, истории и исторической памяти настолько разнообразны в его интерпретации, что сложно однозначно назвать период истории, который наиболее интересен Шлинку. Писатель стремится в своих романах раскрыть тему прошлого с разных сторон. Это отмечают и литературоведы. Так, литературный критик Б. Хайдеманн отметила в газете «Винер Альгемайне Цайтунг», что роман «Ольга» следует воспринимать скорее как коллективную драму всего столетия, нежели как реальную судьбу одного человека [Heidemann]. Именно на страницах «Ольги» происходит мифологизация исторической фигуры Бисмарка, а героиня предпринимает попытку восстановить историческую справедливость, взрывая памятник канцлеру. В романе «Возвращение» Шлинку удается раскрыть и подробно описать фигуру Гитлера, а также продемонстрировать восприятие социализма западными немцами [Шлинка 2013; Шлинка 2018]. Поэтому можно констатировать, что в романе «Внучка» Шлинка также продолжает обращаться к важным периодам истории страны, к социальным и политическим вехам.

В данной статье мы рассматриваем понятия «коллективная память», «национальная идентичность», обращаемся к феномену «потерянного поколения» в творчестве Б. Шлинка и сравниваем его с аналогичным понятием у Э.М. Ремарка. В работе используются аналитический, культурно-исторический, сравнительно-исторический и описательный методы исследования. Автором предпринят анализ общественной жизни в Германии после объединения ФРГ и ГДР, отмечается, что темы прошлого, памяти и феномен «потерянного поколения» отразились как в общественной и политической жизни, так и в литературе.

Герои разных романов Шлинка (Каспар, Ольга, Петер Дебауер, Зельб и др.) в большей или меньшей степени обращаются к теме памяти об исторических событиях: коллективной или индивидуальной. В рамках данного исследования автор опирается на идею коллективной памяти Я. Ассмана и А. Асс-

ман. Под «коллективной памятью» понимается обращение к ментальным, материальным и медиальным образам и коллективной символической, что позволяет сформировать представление о самом себе, кроме того, коллективная память охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым общества, отразившимся в сознании большинства индивидов [Ассман 2014: 21].

Новый роман Шлинка «Внучка» (2021), на первый взгляд, ничем не отличается от предыдущих его работ. Литературные критики практически в каждом произведении отмечают особую манеру повествования писателя – ясную, точную, местами едва ли не прохладно-отстраненную. Шлинку удается линейно изложить жизненный путь главных героев, выделить доминирующие темы: любовь между мужчиной и женщиной, любовь к родине, отношение к непростому прошлому.

Отличие нового романа от предыдущих заключается в его хронологической глубине: Шлинка впервые показывает, как «поколение детей» само превратилось в родителей. Теперь представители этого поколения спорят уже не с родителями, допустившими в стране разгул нацизма, а со своими детьми и внуками, живущими в современном XXI в. Тема нацизма, а вместе с тем и коллективной памяти о нацистском прошлом Германии, вновь актуализируется в творчестве писателя.

В контексте социальной памяти большое значение в романе «Внучка» придается смене поколений, коллективному опыту, основанному на трагических исторических «переломных» событиях (например, мировые войны, смена политических идеологий, социальные изменения и др.). Произведение написано в традициях обновленного социально-психологического романа. Шлинка «вскрывает» многие социальные проблемы, уходящие корнями глубоко в историю Германии. На первый план в романе Шлинка снова выходят темы вины, непростого немецкого прошлого, разделения Германии, актуализируются и наделяются новым смыслом преступления нацистов, а нацистские преступники-фанатики идеализируются молодым поколением.

Главным героем романа является пожилой мужчина по имени Каспар, выходец из ФРГ, а роман условно разделен на три части, каждая из которых связана с судьбами трех женщин, отражающими отдельный исторический период. Шлинка использует художественный прием «роман в романе». Начало повествования похоже на детектив, полный загадок, далее роман сменяется сентиментальной драмой, красной нитью сквозь произведение проходит тема «отцов и детей», наделенная типично немецкими реалиями [Женин; König]: леворадикальное движение, скинхеды и неонацистские поселения. В одном романе автор умело совместил несколько важных обществен-

ных тем, уже типичным для него стало повествование о судьбах сразу нескольких поколений немцев.

Таким образом, выделение германского художественно-эстетического пространства позволяет осознать специфику формирования германской ментальности и национальной идентичности. Главный герой Каспар относится к первому послевоенному поколению «детей», переживших разделение Германии на два самостоятельных государства. В связи с тем, что сюжет развивается на территории ГДР и позже на постгдэрровском пространстве, роман охватывает сразу три исторических периода (1960-е гг. и существование двух немецких государств, 1990-е гг. и распад ГДР, современная реальность XXI в.). В рамках данного исследования мы рассмотрим период объединения ГДР и ФРГ, влияние данного политического события на немецкое общество и сделаем вывод о том, как отразились обозначенные явления на литературе современной Германии.

В начале романа главному герою предстоит выяснить причины самоубийства его жены Биргит. Долгие поиски истинных мотивов самоубийства приводят Каспара к рукописям, которые жена планировала опубликовать. Из множества черновиков мужчина узнает о непростой судьбе Биргит до того, как они познакомились. Биргит, родившись в ГДР, училась в Университете имени Гумбольдта, а Каспар был студентом Свободного университета и жил в ФРГ. Их знакомство произошло в одну из поездок Каспара в Восточный Берлин, когда он однажды «поменял западногерманские марки на восточногерманские и ступил на чужую землю с твердым намерением сделать *своей родиной весь Берлин, всю Германию*» (курсив наш. – А.Г.) [Шлинк 2023: 31]. Данный пример ярко демонстрирует актуализацию Шлинком темы геополитического разделения Германии, но не людей. Это свидетельствует о том, что невозможно разделить единый народ на западный и восточный: Каспар «приехал не для того, чтобы выискивать различия, а для того, чтобы находить *общее*» (курсив наш. – А.Г.) [Шлинк 2023: 32].

Итак, Каспар, узнав из дневников Биргит о существовании ее незаконнорожденной дочери, оставленной ею в ГДР при побеге из страны, решает отправиться на поиски девушки. Они приводят Каспара в одно из *неонацистских поселений* на территории бывшей ГДР, где он знакомится с дочерью своей умершей жены, Свены – женщиной лет сорока, – а также с ее семьей. Чем больше Каспар общается со Свеной, тем глубже погружается в те проблемы, с которыми она и ее товарищи столкнулись в юности. В то время Свения «принимала наркотики, терроризировала иностранцев, развлекалась зацеперством» [Шлинк 2023: 175]. Многие молодые люди, которые были вынуждены наблюдать развал их привычного «мира», не имея

никаких рычагов власти, чувствовали себя потерянными, никому не нужными: «Свения примкнула к правым. Не ради политики, а ради насилия. Ей хотелось *разрушить* все, что *разрушило* ее» (курсив наш. – А.Г.) [Шлинк 2023: 178]. Шлинк стремится доказать, что молодежь ГДР совершала погромы, нападения лишь для того, чтобы быть услышанными родителями и властями. Объединение Германии стало для многих немцев, особенно для молодежи, травматичным событием [Потёмнина: 147–148], что повлекло за собой формирование новой идентичности у молодого поколения. Как упоминалось выше, Свения с мужем Бьёрном и дочерью Зигрун проживают в неонацистском поселении, где вместе с остальными поселенцами они возрождают и культивируют нацистские идеи, выбирая своими «любимыми героями» нацистских преступников: Рудольфа Гессе, Ирму Грезе. Важно подчеркнуть, что в этом поселении воспитывается много детей, которые проникаются нацистским наследием, например, в праздник урожая поют песни «Встает молодой народ», «Песнь немцев» и др.

Как отмечает Я. Ассман в книге «Культурная память», значимым условием для обращения к прошлому служат ряд факторов: «1) нельзя, чтобы прошлое исчезло полностью, должны иметься свидетельства; 2) эти свидетельства должны обладать характерным отличием от “сегодня”». При этом необходимо подчеркнуть, что оно должно осознаваться как прошлое» [Ассман 2004: 30–32]. При детальном изучении романа «Внучка» и конкретных ситуаций, например, возрождения нацистских идей, обращения к историческому этапу существования Третьего рейха, можно отметить, что прошлое «живет» в сознании немцев. Однако не следует отрицать и формирования новой идентичности, при которой историческая память принимает иные очертания. Так, согласно М. Хальбваксу, первым шагом к формированию новой идентичности становится переработка прошлого [Хальбвакс: 16–50]. Во время объединения стран ФРГ и ГДР, население последней находилось в состоянии социокультурной, психологической, политической неопределенности, что послужило причиной возвращения националистических идей. В Германии, преимущественно на территории бывшей ГДР, возникли националистические поселения, основной идеей которых была борьба за немецкое единство. Так, один из героев во время праздника урожая говорит: «Мы выросли на немецкой земле, и мы черпаем силы из этой земли. Будущее Германии – в нашем национальном единстве» [Шлинк 2023: 210]. Герой развивает мысль далее и сообщает о том, что мусульмане хотят захватить Германию: «Они хотят отнять у нас Германию, они хотят сделать из нашей страны свою страну. Но мы им этого не позволим. Мы готовы к борьбе» [Шлинк 2023: 210]. Данный фрагмент до-

казывает возрождение националистических взглядов и готовность к борьбе. В связи с этим необходимо обратиться в произведении к детальному рассмотрению периода 1990-х гг. и проанализировать то, как этот период отразился на мировоззрении молодежи.

Шлинка подробно описывает жизнь восточных немцев, которым на момент объединения Германии было по двадцать – двадцать пять лет. Автор в ярких красках изображает изнаночную сторону «поглощения» социалистической ГДР, растерянность молодых людей, которые «оставшись без работы, предавались пьянству, безделью и бесчинствам, избивали панков или иностранцев» [Шлинка 2023: 109]. Например, литературовед М. Кардах отмечает, что молодое поколение немцев психологически резко повзрослело в период объединения Германии, т. н. политического «поворота», молодые восточные немцы были вынуждены выстраивать свою взрослую жизнь в объединенной Германии» [Kardach: 256; Glocke]. Стоит отметить, что, к сожалению, далеко не все молодые люди смогли найти свое место в новом государственном устройстве, поэтому значительная часть молодых немцев оказалась «потерянной». В этом отношении писатель, несомненно, выступает продолжателем традиций классической немецкой литературы XX в. и обращается к теме «потерянного поколения» вслед за Э.М. Ремарком, который во многих своих произведениях раскрыл данный феномен (романы «На западном фронте без перемен», «Три товарища», «Черный обелиск» и др.). Так, в романе «Три товарища» Ремарк описывает послевоенное время, для которого была характерна разруха, нестабильность, безработица [Поршнева: 98–106]. Главные герои стремятся скорее покончить со своим прошлым, отягощающим их сознание, и найти свое место в жизни. В романе Шлинка герои также оказываются на «обочине», но они выбирают иные инструменты самоидентификации: разрушения, нападения, погромы, наркотики и пр. Они не стремятся преодолеть ужасы насилия и смерти, они целенаправленно идут к ним: Молодые люди из восточной части «терроризировали подростков с выбритыми и крашенными волосами и вьетнамцев. Били тараканов, как они выражались» [Шлинка 2023: 168]; для молодых немцев стал привычным образ жизни: «пьяный дебош, драка, разбитые бутылки на дороге, приставание к клиентам на заправке» [Шлинка 2023: 183]. Можно констатировать, что обращение к националистическим идеям в немецком обществе было связано с политическими и социальными переломными моментами.

Следующей значимой темой, раскрытой писателем впервые именно в романе «Внучка», является тема исправительных колоний для несовершеннолетних. Так, в городе Торгау на территории ГДР в период с 1964 по 1989 гг. находилась закрытая ис-

правительно-трудовая колония для несовершеннолетних (“Geschlossene Jugendwerkhof”). Именно в нее попадает Свеня будучи еще подростком.

По словам бывшего директора колонии Хорста Кречмара, задача исправительной колонии заключалась в том, чтобы вызвать у несовершеннолетних заключенных готовность *безоговорочно* подчиняться назначенным им мерам перевоспитания в будущем. Основными методами в Торгау были военные учения, жесткая система наказаний, монотонный физический труд и идеологическая подготовка – все, что должно было лишить молодых людей *воли к любому сопротивлению* [Durch Zwang]. Словами одного из персонажей Шлинка подробно описывает шокирующую процедуру приема подростков в исправительное учреждение: «раздеваешься догола, все сдаешь, стоишь по стойке смирно, тебя осматривают со всех сторон, как рабочий скот, потом получаешь робу – и в одиночную камеру с нарами и ведром» [Шлинка 2023: 176].

Именно через психологический слом добивались в колонии от подростков послушания. Покорности хотели и родители от Свени, а она протестовала против всего: сначала против жизненного уклада в ГДР, затем против объединения, против новых правил, по которым она должна была жить в объединенной Германии и т.д. Ее родители полагали, что пребывание в Торгау положительно скажется на поведении Свени и отношениях с ними, поскольку «исправительная колония – это единственное», что он мог «еще для нее сделать, и что она это поймет не сразу, а лишь потом, позже» [Шлинка 2023: 167]. Однако уже через несколько месяцев после освобождения Свеня опять сближается с прежней компанией, и отец отправляет ее снова в колонию. По словам приемной матери и молодого человека Рауля, с которым она сдружилась в исправительной колонии, «... она старалась и выдержала это испытание, потому что думала, что через шесть месяцев выйдет на свободу», но отец посчитал, что на нее «положительно» повлияет пролонгация срока. Осуждая действия Лео Вайзе, отца девочки, его жена в сердцах сказала: «<...> ты засадил ее еще на три месяца, и эти три месяца ее *сломали*» (курсив наш. – А.Г.) [Шлинка 2023: 167]. О душевном сломе говорит и друг Рауль, которого Каспар находит, чтобы подробнее узнать о судьбе девушки. Молодой человек рассказывает о поведении Свени до второго попадания в Торгау: «Ей оставалось сидеть всего две недели, и она боялась себе навредить. Потом, когда она вернулась, ей уже было наплевать, как начальство оценивает ее поведение» [Шлинка 2023: 177]. Данное замечание напрямую свидетельствует о психологическом сломе молодой девушки. Также Рауль повествует о строгом режиме в колонии: «В полшестого подъем... утренний зарядка... заправка кровати... новости по радио...

завтрак... Потом перекличка... Звучит по-армейски. <...> Нас приучали к *послушанию*. Дисциплина, работа, беспрекословное подчинение воспитателям, коллективизм. Нарушителей наказывали» [Шлинк 2023: 176]. Далее Рауль перечисляет способы наказания, применяемые к непослушным подросткам, раскрывая истинные способы воспитания в детских учреждениях, подчинявшихся Министерству народного просвещения в ГДР: «...ходьба на корточках по кругу, отжимание от пола, приседания. <...> Или карцер до двух недель. А если тебя невзлюбил воспитатель, ты можешь простоять на месте с утра до вечера <...> А лупили! Боже, как меня лупили! А еще лисья нора... Клетка...» [Шлинк 2023: 176–177]. О рассказанных Раулем ужасах свидетельствуют и документы, рассекреченные уже после объединения Германии, и разоблачающие статьи, написанные значительно позже [Rosenfelder]. Шлинк обращается к читателю с риторическими вопросами: Не являются ли исправительные колонии неким продолжением лагерей во времена нацизма? Какие качества действительно воспитываются у молодежи в колонии через принуждение и унижение? Шлинк выступает не только в роли внимательного наблюдателя, но и вдумчивого мыслителя, постоянно задающего вопросы своему читателю. Таким образом, Шлинк наглядно изображает быт немецкого подростка, оказавшегося в колонии, описывает душевные потрясения, повлекшие за собой разрушения в эмоциональной и психологической сферах. Писатель отсылает читателя к тем политическим событиям, свидетелем которых стало поколение с еще не сформированными ценностями и мировоззрением. Именно на фоне политических и социальных трансформаций формируется новая национальная идентичность, в основе которой лежит осознанное забвение отдельных исторических событий: молодое поколение в связи с растерянностью готово взять за основу бытия националистические идеи.

Примечательно, что Шлинк не изменяет своим писательским традициям: роман «Внучка», как и большинство его произведений, написан в жанре «интеллектуального романа» [Чугунов, Гущина]. Главному герою Каспару свойственно аналитически подходить к восприятию важных исторических, политических и социальных проблем, с которыми сталкивалось немецкое общество на протяжении XX столетия.

Шлинк вслед за Ремарком обращается к историческим событиям (например, иллюстрирует отношение молодых немцев ко Второй мировой войне на примере неонацистского поселения на территории бывшей ГДР), демонстрирует влияние политических событий на поколение молодых немцев (показывает, как объединение ФРГ и ГДР негативно повлияло на молодежь), в связи с этим, типичным для обоих писателей служит жизнеописание конкретного поколения.

Важно отметить, что Шлинк освещает трагедии личного характера в контексте политических действий целого государства. Уже типичным для Шлинки стало обращение к историческим фактам, о которых многие не знали или просто безмолвствовали, например, существование детских исправительных колоний, в которых подростков психологически ломали, добиваясь послушания и покорности.

В целом, на протяжении всего романа писатель опирается на понятия памяти и национальной идентичности. Это явно демонстрируют многие примеры: «Мы выросли на *немецкой* земле. <...> Будущее Германии – в нашем *национальном единстве*» и др. [Шлинк 2023: 210]. Герои опираются на немецкое прошлое, выстраивая будущее Германии. Писатель словами протагониста говорит о том, что прошлое не подлежит исчезновению, главное – из него нужно делать правильные выводы.

Таким образом, Бернхард Шлинк стремится подтолкнуть читателя к мысли, что если немцы примут и осознают непростое прошлое своей страны, смогут освободиться от стереотипов и убеждений, существующих в их сознании, преодолеют стремления к забвению истории, то им удастся избежать повторения трагических событий XX в.

Список литературы

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Женин И. Левый терроризм в Германии // Постнаука. 2015. 11 марта. URL: <https://postnauka.ru/video/42423> (Дата обращения: 14.05.2024)

Поршнева А.С. Опыт Первой мировой войны и мироощущение «потерянного поколения» в раннем и зрелом творчестве Э.М. Ремарка // Альманах европейских исследований 2009. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2009. С. 98–106.

Потёмкина М.С. Объединение Германии как опыт «социокультурной травмы» // Русская германистика: Ежегодник российского союза германистов Т. 16: Активные процессы в языке и литературе: социокультурные основания. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2019. С. 146–157.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 16–50.

Чугунов Д.А., Гущина А.И. Мифология XX века в романе Бернхарда Шлинки «Ольга» // Мир науки, культуры, образования. 2019. №4 (77). С. 295–297.

Шлинк Б. Внучка. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. 416 с.

Шлинк Б. Возвращение: роман / пер. с нем. А. Белобратова. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. 320 с.

Шлинк Б. Ольга: роман / пер. с нем. Г. Снежинской. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. 304 с.

Durch Zwang zur Einsicht. URL: https://www.jugendwerkhof-torgau.de/geschichte_post/durch-zwang-zur-einsicht (The Date of Access: 16.05.2024).

Glocke N., Stiller N. Verratene Kinder: Zwei Lebensgeschichten aus dem geteilten Deutschland. Ch. Links Verlag. Berlin, 2003, 180 s.

Heidemann B. Bernhard Schlink erzählt vom Drama eines Jahrhunderts. Wiener Allgemeine Zeitung, 2018, 10 January. URL: <https://www.waz.de/kultur/bernhard-schlink-erzaehlt-vom-drama-eines-jahrhunderts-id213072235.html> (The Date of Access: 16.05.2024).

Kardach M. Drei Generationen und eine Geschichte – Erinnerungsstrategien und Autobiographisches in Texten von Chr. Hain, Schulze und J. Hain // Zwischen Erinnerung und Fremdheit. Entwicklungen in der deutschen und polnischen Literatur nach 1989. Hg. von Gansel C., Markus J., Wolting M. Göttingen, V&R unipress, 2015. S. 253–267.

König M. Poetik des Terrors. Politisch motivierte Gewalt in der deutschen Gegenwartsliteratur. Bielefeld, Transcript, 2015, 508 p.

Rosenfelder L. Jugendwerkhof Torgau: Stalins Vermächtnis im Herzen. Frankfurter Allgemeine, 2012, 21 April. URL: https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/jugendwerkhof-torgau-stalins-vermaechtnis-im-herzen-11726015.html?printPagedArticle=true#pageIndex_0 (The Date of Access: 16.05.2024).

Schlink B. Gedanken über das Schreiben. Heidelberger Poetikvorlesungen. Zürich, Diogenes, 2011, 85 s.

References

Assman A. *Dlinnaya ten`proshlogo: Memorial`naya kul`tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, 328 p. (In Russ.)

Assman Ya. *Kul`turnaya pamyat`: Pis`mo, pamyat`o proshlom i politicheskaya identichnost`v vy`sokix kul`turax drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity], trans. by M.M. Sokol'skaia. Moscow, Yazy'ki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004, 368 p. (In Russ.)

Zhenin I. *Levy`i terrorizm v Germanii* [Left-wing terrorism in Germany]. Postnauka [Post-Science], 2015, 11 March. URL: <https://postnauka.ru/video/42423> (The Date of Access: 14.05.2024) (In Russ.)

Porshneva A.S. *Opy`t Pervoi mirovoi voiny`i miroshhushhenie`poteryannogo pokoleniya`v rannem i zrelom tvorchestve E.M. Remarka* [The experience

of the First World War and the attitude of the lost “generation” in the early and mature work of E.M. Remarque]. *Al`manax evropeiskix issledovaniy* [Collection of European studies]. 2009. Ekaterinburg, Ural university Publ, 2009, pp. 98–106 (In Russ.)

Potyomina M.S. *Ob`edinenie Germanii kak opy`t`sociokul`turnoj travmy* [German unification as experience of “sociocultural trauma”]. *Russkaya germanistika: Ezhegodnik rossijskogo soyuza germanistov Aktivny`e processy`v yazy`ke i literature: sociokul`turny`e osnovaniya* [Russian German Studies: Yearbook of the Russian Union of Germanists 16 vols: Active processes in language and literature: sociocultural foundations]. N. Novgorod, DEKOM Publ., 2019, pp. 146–157. (In Russ.)

Xal`bvaks M. *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat`* [Collective and historical memory]. *Pamyat`o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [The memory of the war 60 years later: Russia, Germany, Europe]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005, pp. 16–50. (In Russ.)

Chugunov D.A., Gushshina A.I. *Mifologiya XX veka v romane Bernxarda Shlinka`Ol`ga* [The mythology of the XX century in the novel by Bernhard Schlink “Olga”]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2019, no. 4 (77), pp. 295–297. (In Russ.)

Shlink B. *Vnuchka* [Granddaughter]. Moscow, Iностранка, Azbuka-Attikus Publ., 2023, 416 p. (In Russ.)

Shlink, B. *Vozvrashhenie: roman* [Return: novel], trans. by A. Belobratov. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ, 2013, 320 p. (In Russ.)

Shlink, B. *Ol`ga: roman*. [Olga: novel], trans. by G. Snezhinskaja. Moscow, Inostranka, Azbuka-Attikus Publ, 2018, 304 p. (In Russ.)

Durch Zwang zur Einsicht. URL: https://www.jugendwerkhof-torgau.de/geschichte_post/durch-zwang-zur-einsicht (The Date of Access: 16.05.2024). (In German)

Glocke N., Stiller N. Verratene Kinder: Zwei Lebensgeschichten aus dem geteilten Deutschland. Ch. Links Verlag. Berlin, 2003, 180 s. (In German)

Heidemann B. Bernhard Schlink erzählt vom Drama eines Jahrhunderts. Wiener Allgemeine Zeitung, 2018, 10 January. URL: <https://www.waz.de/kultur/bernhard-schlink-erzaehlt-vom-drama-eines-jahrhunderts-id213072235.html> (The Date of Access: 16.05.2024). (In German)

Kardach M. Drei Generationen und eine Geschichte – Erinnerungsstrategien und Autobiographisches in Texten von Chr. Hain, Schulze und J. Hain. Zwischen Erinnerung und Fremdheit. Entwicklungen in der deutschen und polnischen Literatur nach 1989. Hg. von Gansel C., Markus J., Wolting M. Göttingen, V&R unipress, 2015, pp. 253–267. (In German)

König M. Poetik des Terrors. Politisch motivierte Gewalt in der deutschen Gegenwartsliteratur. Bielefeld, Transcript, 2015, 508 p. (In German)

Rosenfelder L. Jugendwerkhof Torgau: Stalins Vermächtnis im Herzen. Frankfurter Allgemeine, 2012, 21 April. URL: https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/jugendwerkhof-torgau-stalins-vermaechtnis-im-herzen-11726015.html?printPagedArticle=true#pageIndex_0 (The Date of Access: 16.05.2024). (In German)

Schlink B. Gedanken über das Schreiben. Heidelberger Poetikvorlesungen. Zürich, Diogenes, 2011, 85 s. (In German)

Статья поступила в редакцию 11.05.2024; одобрена после рецензирования 26.05.2024; принята к публикации 31.05.2024.

The article was submitted 11.05.2024; approved after reviewing 26.05.2024; accepted for publication 31.05.2024.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 151–156. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 151–156. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 81'42

EDN XSWBRF

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-151-156>

НАРРАТИВНЫЙ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ ТЕКСТ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ТЕКСТА

Тапилин Татьяна Владимировна, преподаватель кафедры РКИ РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия, ttapilin895@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-4955-6934>

Аннотация. Современная коммуникационная среда насыщена мультимодальной информацией, с которой человек активно взаимодействует в повседневной жизни. Исследователями мультимодальных текстов было доказано, что восприятие данных текстов отличается от восприятия линейных мономодальных текстов, так как семантическая нагрузка в мультимодальном тексте распределена между вербальным и невербальным модусами. Однако помимо собственно свойства мультимодальности такие тексты могут обладать другими свойствами, например нарративностью. В настоящее время довольно мало работ посвящено изучению нарративных мультимодальных текстов в целом как вида мультимодальных текстов. В нашей работе мы обратим внимание на тексты, являющиеся не только мультимодальными, но и нарративными. В статье анализируется понятие нарративного мультимодального текста, приводится классификация данных текстов. Рассматриваются особенности взаимодействия нарративности и мультимодальности в рамках одного текста, выявляется влияние нарративности на корреляцию модусов текста, а также влияние двух данных свойств на восприятие таких текстов. Актуализируется вопрос дальнейшего исследования способов взаимодействия нарративности и мультимодальности в рамках одного текста.

Ключевые слова: мультимодальный текст, нарратив, нарративный мультимодальный текст, корреляция модусов мультимодального текста, взаимодействие нарративности и мультимодальности, классификация нарративных мультимодальных текстов.

Для цитирования: Тапилин Т. Нарративный мультимодальный текст как один из видов мультимодального текста // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 151–156. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-151-156>

Research Article

NARRATIVE MULTIMODAL TEXT AS A TYPE OF MULTIMODAL TEXT

Tatiana V. Tapilin, RFL teacher at Kosygin State University of Russia (Technologies. Design. Art), Moscow, Russia, ttapilin895@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-4955-6934>

Abstract. The modern communication environment is saturated with multimodal information with which a person actively interacts in everyday life. Researchers of multimodal texts have proven that the perception of these texts differs from the perception of linear monomodal texts, since the semantic load in the multimodal text is distributed between verbal and non-verbal modes. However, in addition to the multimodality itself, such texts may have other features, for example, narrative. Currently, quite a few works are devoted to the study of narrative multimodal texts in general, as a type of multimodal texts. In our work, we pay attention to narrative multimodal texts. The article analyses the concept of narrative multimodal text, provides a classification of these texts. Features of interaction of narrative and multimodality within one text are considered, influence of narrative on correlation of modes in the text is revealed, as well as influence of two given features on perception of such texts. The issue of further study of narrative and multimodality interaction within one text is actualised.

Keywords: multimodal text, narrative, narrative multimodal text, modes' correlation in multimodal text, interaction of narrative and multimodality, classification of narrative multimodal texts.

For citation: Tapilin T. Narrative multimodal text as a type of multimodal text. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 151–156 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-151-156>

Значительная часть современной коммуникации протекает в цифровом пространстве, для которого характерно представление информации в мультимодальной форме. Как следствие, человек все чаще взаимодействует с различными мультимодальными текстами в повседневной жизни.

Мультимодальность представляет собой форму организации информации, характерную для цифрового пространства, и, как отмечает А.А. Кибрик, «опирается на понимание модальности, принятое в психологии, нейрофизиологии и информатике: модальность – это тип внешнего стимула, воспринимаемого одним из чувств человека, в первую очередь зрением и слухом» [Кибрик: 135]. Под мультимодальностью понимается использование более чем одной семиотической системы в создании смысла, коммуникации и представлении сообщения в целом или в конкретной ситуации¹. Передача информации в мультимодальном тексте осуществляется за счет взаимодействия элементов различных семиотических систем – модусов, между которыми распределяется смысл данного текста, – и образования ими единого целого [Kress 2011: 39]. Вербальные и невербальные модусы мультимодального текста образуют смысловое единство и не могут полноценно передавать сообщение текста независимо друг от друга: «...изучение текста, включающего изображения и звуки, бросает вызов обычному дискурсивному анализу... Несмотря на трудности, возникающие при попытке отразить такую мультимодальность, сосредотачиваться лишь на языке и игнорировать остальные модусы означает упускать многое из потенциальных смыслов современных медийных текстов» [McKay: 599].

Несмотря на то, что модусы мультимодального текста образуют единство при образовании и передаче смысла, распределение смысловой нагрузки между ними может быть неравномерным. Взаимодействие модусов при передаче информации также может проявляться по-разному. Данные критерии – распределение смысла текста между модусами и особенности взаимодействия модусов внутри текста – легли в основу множества классификаций мультимодальных текстов. Приведем наиболее полную, на наш взгляд, классификацию М.Б. Ворошиловой. Исследователь выделяет следующие способы взаимодействия вербального и невербального компонентов в мультимодальном (в терминологии автора – креолизованном) тексте:

1. Параллельная корреляция: семантика, прагматический потенциал вербального и невербального компонентов совпадают практически полностью.

2. Перекрестная корреляция: семантический, прагматический потенциал вербального и невербального компонентов частично перекрывают друг друга.

Рис. 1. Мем «Груша»

3. Оппозитивная корреляция: содержание, переданное невербальными средствами, вступает в противоречие с вербальной информацией, вследствие чего возникает комический эффект;

4. Интерпретативная корреляция: между содержанием вербального и невербального компонентов связь устанавливается не прямо, а на ассоциативной основе.

5. Поддерживающая корреляция: один компонент дополняет, поддерживает семантику второго в интересах совместной передачи информации, ставя некий важный акцент [Ворошилова: 35–37].

Нельзя не отметить, что понятие «мультимодальный текст» включает в себя множество разновидностей текстов, отличающихся не только по способу взаимодействия модусов, но и по другим признакам. Одним из таких признаков может выступать нарративность. Сравним, например, мем «Груша» (рис. 1) и первую серию мультфильма «Поросенок»². В обоих МТ наблюдается оппозитивная корреляция. Однако мультфильм является не только мультимодальным, но и нарративным текстом, в то время как мем не представляет собой нарратив.

Цель нашего исследования состоит в анализе мультимодальных текстов, являющихся также нарративными. С помощью данного исследования станет возможным дать ответы на следующие вопросы:

– что представляют собой нарративные мультимодальные тексты и какие МТ включает данное понятие?

– каким образом свойства нарративности и мультимодальности текста влияют на его восприятие?

– влияет ли нарративность на корреляцию модусов текста и распределение смысловой нагрузки между ними? Если влияет, то каким образом?

В нашей работе мы будем рассматривать нарративность и мультимодальность как свойства текста. Проанализируем подробнее свойство нарративности и определим, что представляет собой нарративный текст (нарратив).

Термин «нарратив» происходит от латинского *narrare* – «рассказывать» и *gnarus* – «знать». Таким образом, как отмечает В.П. Федорова, «уже в самой этимологии этого понятия зафиксирована идея пере-

вода имеющегося “знания” в “рассказывание”. Рассказывая, человек не только прослеживает последовательность событий, но и интерпретирует, познает окружающую действительность и самого себя” [Федорова: 5–6]. В. Шмид вывел два основных понимания нарративности: классическое и структуралистское. Классическое определение ограничивает понятие “нарратив” словесным творчеством. Согласно структуралистскому определению, нарративом могут являться не только словесные, но любые произведения, тем или иным образом излагающие историю: с этой точки зрения нарративными являются не только роман, повесть и рассказ, но также и пьеса, кинофильм, балет, пантомима, картина, скульптура и т. д., поскольку изображаемое в них обладает временной структурой и содержит некое изменение ситуации [Шмид: 13–14].

В нашем исследовании мы будем придерживаться структуралистского определения нарратива, рассматривая нарратив как текст, обладающий определенными структурными элементами. Согласно У. Лаббову, основные элементы структуры нарратива – это его начало (резюме, отправная точка истории); ориентация (на время, место, форму и ситуацию); развитие действия (последовательность событий или сюжет, переломные моменты); оценка (передача эмоций); развязка (результат сюжета); и кода (концовка рассказа и перенос действия в настоящее время) (цит. по: [Bryda: 123]). Не каждый нарратив содержит все вышеперечисленные элементы. В нашей работе мы будем считать нарративным текст, структура которого представляет собой единый сюжет, а именно: изложение в определенной логической последовательности событий, связанных общим источником (автором), хронотопом и персонажами. Придерживаясь точки зрения структуралистов, мы будем считать нарративным текст, обладающий данными структурными характеристиками, вне зависимости от способа передачи (вербального или невербального) заключенной в нем информации.

Так как наше исследование посвящено текстам, которые являются нарративными и мультимодальными одновременно, мы предлагаем использовать термин «нарративный мультимодальный текст» для их обозначения. К нарративным мультимодальным текстам могут быть отнесены фильмы, мультфильмы, а также различные видео и анимация, в основе которых лежит нарратив, мюзиклы и спектакли, комиксы, чаты и другие тексты, нарратив которых передается при помощи вербальной и невербальной составляющих. Отметим, что, обозначая термином «текст» такие разнородные по структуре явления, мы опираемся на определение текста в широком смысле и рассматриваем текст как «когнитивно, грамматически, иллюкативно и при необходимости просодически

структурированный результат какого-либо (устного или письменного) действия продуцента, в котором представлена контекстная и адресатная соотношенность и который представляет собой основу для когнитивно и интенционально структурированных действий реципиента» [Филиппов: 65].

В исследовании, посвященном чтению мультимодальных текстов через призму нарратологии, К. Чан и А. Чиа отмечают, что основа развития новой грамотности заключается в «бинарном процессе чтения» [Chia: 107-114] мультимодальных текстов. Процесс чтения мультимодального текста отличается от чтения традиционного “бумажного” текста, состоящего чаще всего из одного модуса – вербального: во время чтения мультимодального текста внимание реципиента распределяется между модусами, чтобы не «упускать многое из потенциальных смыслов» [McKay: 599]. Таким же образом происходит чтение НМТ, при этом основные составляющие нарратива – рассказчик, персонажи, действие, хронотоп и сюжет – отображаются как вербальным, так и невербальным модусами. НМТ воспринимаются как единое целое, однако во время восприятия интерпретация «движется» из одного модуса к другому, что делает чтение НМТ более глубоким, динамичным и бинарным по своей природе (цит. по: [Chia: 107-108]). В этом заключается влияние свойства мультимодальности на восприятие таких текстов. Рассмотрим влияние нарративности.

При взаимодействии с НМТ и любым нарративом читателю необходимо ориентироваться в его контексте. Однако если нарратив обладает мультимодальной формой, для понимания контекста читателю необходимо анализировать информацию, заключенную в модусах данного текста, и соответствующе ее интерпретировать. Согласно П. Стейн, взаимодействие между НМТ и читателями происходит в нескольких контекстах одновременно (цит. по: [Chia: 108]), а именно в социокультурном контексте читателей и контекстах самого НМТ. Как отмечают исследователи, это способствует рефлексии при чтении таких текстов, так как от читателя требуется не только исследование взаимосвязи визуальной и словесной частей в качестве самостоятельных компонентов и неразделимых дуальностей, но и их «прочтение» в изменяющихся контекстах, ситуациях, культурах и системах убеждений [Chia: 108]. Исходя из данного утверждения, можно заключить, что при чтении НМТ реализуются стратегии чтения мультимодального текста, которые находятся под влиянием нарративности данного текста. Так как нарратив предполагает развитие сюжета во времени в определенном автором данного нарратива порядке, читателю необходимо воспринимать информацию модусов на протяжении времени развертывания нарратива. Это сближает процесс

восприятия НМТ с процессом чтения традиционно-го линейного текста. Как отмечает Г. Кресс, «читая традиционную страницу (текста), читатель должен следовать строгому порядку, установленному писателем, и при этом ему необходимо интерпретировать слова-обозначения, превращая их в собственные знаки (единицы, которые наполнил значением сам читатель)» [Kress 2005: 9]. Упорядоченность, присущая повествованию, проявляется и в НМТ, требуя от читателей определенных действий для интерпретации смысла, заложенного в текст: соотнесения новой информации НМТ с уже полученной и с собственными пресуппозициями, оценки данной информации, прогнозирования и т. д. Однако влияние нарративности и мультимодальности на восприятие текста проявляется не только в этом.

В данном исследовании мы исходим из идеи о том, что мультимодальность и нарративность представляют собой формы организации информации, которые могут по-разному взаимодействовать в рамках одного текста. В исследовании Р.Г. Лашераса «Мультимодальность в современном испанском нарративе: три способа интегрирования невербального дискурса» [Lasheras: 747-780] было доказано, что нарративность может быть присуща как вербальным, так и невербальным модусам, что обуславливает различные способы взаимодействия мультимодальности и нарративности в рамках одного текста и, как следствие, различные типы НМТ.

Р.Г. Лашерас обозначил три способа взаимодействия нарративности и мультимодальности в тексте:

1. Формирование мультимодального нарратива как неразделимого целого: модусы развиваются в направлении одного общего нарратива, распределяя его содержание между собой. При таком взаимодействии свойств, в зависимости от специфики НМТ, проявляется параллельная, перекрестная и поддерживающая корреляция модусов (по Ворошиловой). Целью корреляции модусов при этом является отображение общего нарратива. Однако в зависимости от особенностей нарратива (целей и стиля автора, формата, продолжительности и т. д.) семантическая нагрузка вербального и невербального модусов может как распределяться равномерно, так и проявляться избыточно обоими модусами или колебаться в пользу того или другого модуса.

2. Параллелизм модусов: каждый из модусов текста развивает собственный нарратив, сохраняя при этом единство текста за счет общей направленности нарративов и объединяющей композиции. При таком взаимодействии мультимодальности и нарративности проявляется интерпретативная корреляция модусов (по Ворошиловой).

3. «Абразия» модусов. Модусы развивают противоположные друг другу нарративы, в результате чего

у тех, кто воспринимает такой текст, возникает шок. Противопоставление нарративов модусов при этом не уничтожает, а, наоборот, раскрывает содержательное и композиционное единство текста. Такое взаимодействие соответствует оппозитивной корреляции модусов (по Ворошиловой).

Отметим, что под влиянием нарративности абразивность в НМТ может проявляться по-разному. На наш взгляд, можно выделить два основных типа абразивных НМТ:

1. НМТ, в которых абразивность проявляется на протяжении определенного времени развития сюжета. В таком тексте противоречие вербального и невербального модусов может проявляться на протяжении всего сюжета или отрезка, охватывающего несколько сюжетных событий или моментов сюжетного времени (см., например, мультфильм «Поросёнок», 1-я серия²).

2. НМТ, в которых абразивность проявляется в определенный момент сюжета и охватывает одно сюжетное событие или короткий промежуток сюжетного времени. Часто такая абразивность проявляется в финале сюжета и придает тексту комический эффект и эффект неожиданности (см., например, комикс «Умиление» художницы Fishball³).

Однако существуют НМТ, в которых способ взаимодействия нарративности и мультимодальности сложно отнести к какой-либо определенной категории классификации, предложенной Р.Г. Лашерасом. Это НМТ с неожиданными сюжетными поворотами, обманывающие ожидания человека, который воспринимает данные тексты. В таких НМТ абразивность во взаимодействии модусов не проявляется открыто. Однако в определенный момент появляется противоречие между предположениями человека, воспринимающего текст, и действительным развитием сюжета.

Как отмечалось выше, во время восприятия НМТ и любого нарратива человеку нужно ориентироваться в его контексте – поэтому, воспринимая нарративный текст, человек применяет стратегии прогнозирования дальнейшего содержания с опорой на полученную ранее информацию из текста или на собственный опыт. Однако обозначенные выше НМТ построены таким образом, чтобы в определенный момент результаты прогнозирования оказались ложными, что часто придает тексту эффект неожиданности. Например, в комиксе «Дракон и Принцесса» художницы KoDa⁴] ситуация похищения принцессы драконом переосознается читателем после того, как он узнает мотив дракона: ему и его друзьям не хватает игрока для настольной игры.

Таким образом, если рассматривать проявление взаимодействия нарративности и мультимодальности в структуре данных НМТ, можно заключить, что они принадлежат к первому виду, выделенному

Р.Г. Лашерасом, так как модусы развивают общий нарратив и функционируют как единое целое. Однако с точки зрения семантики данные тексты близки к абразивным.

Приведенные выше примеры доказывают, что свойство нарративности оказывает влияние как на восприятие, так и на корреляцию модусов нарративного мультимодального текста. Исходя из этого, НМТ могут быть рассмотрены как один из видов мультимодальных текстов, отличительной чертой которого является нарративность.

НМТ представляют интерес для исследований как с формальной, так и с содержательной стороны. Как было отмечено выше, нарративность и мультимодальность являются свойствами текста и формами организации информации, заложенной в нем. Данные свойства могут по-разному взаимодействовать в тексте, влияя на его внутреннюю структуру, на способы представления и передачи заключенного в нем смысла и, соответственно, на восприятие такого текста. Это актуализирует вопрос дальнейшего исследования способов взаимодействия нарративности и мультимодальности в рамках одного текста.

Примечания

¹ *Oxford Reference*. URL: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/oi/authority.20110810105437336> (дата обращения: 20.03.2024).

² Поросёнок. Фильм 1-й: Няня = Piglet. Part 1: Babysitter). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9h0Y5jCNrzc&t> (дата обращения: 26.03.2024).

³ Fishball. Умиление (№ 789) / Мой Огромный Парень Нёрд = My Giant Nerd Boyfriend). URL: https://vk.com/wall-165984388_38567 (дата обращения: 26.03.2024).

⁴ К о Д а. Дракон и принцесса (№ 58) // Драконы тоже люди. URL: https://vk.com/album-36189533_246355475 (дата обращения: 26.03.2024).

Список литературы

Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 194 с.

Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования: сб. науч. трудов. Москва: Институт психологии РАН, 2010. Вып. 4. С. 134–152.

Федорова В.П. Формирование нарративной компетенции как способа моделирования вторичного языкового сознания (английский язык, языковой вуз): дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2004. 194 с.

Филлипов К.А. Лингвистика текста: курс лекций. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 336 с.

Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Bryda G. Whats and Hows? The Practice-Based Typology of Narrative Analyses. *Qualitative Sociology Review*, 2020, No. XVI, pp. 120-142. <https://doi.org/10.18778/1733-8069.16.3.08>.

Chia C. Reading Multimodal Texts Through A Narrative Theory Framework. *International Journal of Bilingual & Multilingual Teachers of English*, 2014, No. 2, pp. 107-114. <https://doi.org/10.12785/ijbmt/020204>.

Kress G. Multimodal discourse analysis from: *The Routledge Handbook of Discourse Analysis* Routledge, 2011, pp. 35-50. URL: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9780203809068.ch3> (дата обращения: 20.03.2024).

Kress G. Gains and losses: New forms of texts, knowledge, and learning. *Computers and Composition*, 2005, vol. 22, No. 1, pp. 5-22.

Lasheras R.G. La multimodalidad en la narrativa Española contemporánea: tres vías de integración del discurso no verbal, UNED, 2019, vol. 28, pp. 747-780.

McKay S. Media and language: Overview. *Encyclopedia of language and linguistics*, ed. by Yu.I. Alexandrov et al., 2nd ed. Oxford, Elsevier, 2006, vol. 8, pp. 597-602.

References

Kibrik A.A. *Mul'timodal'naiia lingvistika* [Multimodal linguistics]. *Kognitivnye issledovaniia: sbornik nauchnykh trudov* [Cognitive research: a collection of scientific papers]. Moscow, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ., 2010, vol. 4, pp. 135-152. (In Russ.)

Fedorova V.P. *Formirovanie narrativnoi kompetentsii kak sposoba modelirovaniia vtorichnogo iazykovogo soznaniia (Angliiskii iazyk, iazykovoii vuz)* [Formation of narrative competence as a way to model secondary language consciousness (English language, language university)]: dissertation of the candidate of pedagogical sciences. Moscow, 2004, 194 p. (In Russ.)

Filippov K.A. *Lingvistika teksta: kurs lektsii* [Linguistics of text: Course of lectures]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2003, 336 p. (In Russ.)

Shmid V. *Narratologiia* [Narratology]. Moscow, Language of Slavic Culture Publ., 2003, 312 p. (In Russ.)

Voroshilova M.B. *Politicheskii kreolizovannyi tekst: kliuchi k prochteniiu* [Political Kreolized text: keys to read]: monography. Ekaterinburg, Ural. State Pedagogical University Publ., 2013, 194 p. (In Russ.)

Bryda G. Whats and Hows? The Practice-Based Typology of Narrative Analyses. *Qualitative Sociology Review*, 2020, No. XVI, pp. 120-142. <https://doi.org/10.18778/1733-8069.16.3.08>.

Chia C. Reading Multimodal Texts Through A Narrative Theory Framework. *International Journal of Bilingual & Multilingual Teachers of English*, 2014, No. 2, pp. 107-114. <https://doi.org/10.12785/ijbmt/020204>.

Kress G. Multimodal discourse analysis from: The Routledge Handbook of Discourse Analysis Routledge, 2011, pp. 35-50. URL: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9780203809068.ch3> (дата обращения: 20.03.2024).

Kress G. Gains and losses: New forms of texts, knowledge, and learning. *Computers and Composition*, 2005, vol. 22, No. 1, pp. 5-22.

Lasheras R.G. La multimodalidad en la narrativa Española contemporánea: tres vías de integración del discurso no verbal, UNED, 2019, vol. 28, pp. 747-780.

McKay S. Media and language: Overview. *Encyclopedia of language and linguistics*, ed. by Yu.I. Alexandrov et al., 2nd ed. Oxford, Elsevier Publ., 2006, vol. 8, pp. 597-602.

Статья поступила в редакцию 04.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 04.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 16.05.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 157–162. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 157–162. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 81'371

EDN YBAONS

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-157-162>

ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ С ВЕРШИНОЙ *СОЛЬ* В НАЦИОНАЛЬНОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Алешина Анна Андреевна, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Орел, Россия, batie08@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0000-1961-4254>

Аннотация. Настоящая работа посвящена исследованию семантики глагольных единиц, входящих в словообразовательное гнездо – структурную составляющую лексико-фразеологического комплекса с вершиной *соль*. В статье анализируется роль вершинного слова при формировании комплекса, выявляются причины различий объема и семантического наполнения частных словообразовательных гнезд, мотивированных разными лексико-семантическими вариантами полисеманта *соль*. Исследованы факторы, оказывающие значительное влияние на развитие комплекса: экстралингвистические, системно-языковые и внутрисловные. Изучены причины диспропорции рассматриваемых частных словообразовательных гнезд: факторы, оказывающие положительное и отрицательное влияние на словообразовательную активность лексико-семантических вариантов полисеманта. В статье систематизированы лексические единицы разной ступени деривации, восходящие к двум лексико-семантическим вариантам полисеманта *соль*, а также единицы с затемненной внутренней формой, находящиеся на периферии общего словообразовательного гнезда. Выдвинуты предположения о семантической связи данных единиц с лексико-семантическими вариантами полисеманта *соль*. Указаны вероятные причины возникновения переносных значений. Рассмотрены семантические сдвиги, выявленные в значениях некоторых дериватов. Сделан вывод об актуальности обозначаемой реалии для носителей языка и особенностях развития и продолжения значений слова *соль* в соответствующей глагольной лексике.

Ключевые слова: существительное *соль*, лексико-семантический вариант, лексическая единица, полисемант, дериват, мотивационный признак, лексико-фразеологический комплекс.

Для цитирования: Алешина А.А. Глагольная лексика в словообразовательном гнезде с вершиной *соль* в национальном русском языке // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 157–162. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-157-162>

Research Article

VERBAL LEXEMES IN THE DERIVATIONAL CLUSTER WITH THE INITIAL WORD *SALT* IN THE NATIONAL RUSSIAN LANGUAGE

Anna A. Aleshina, Turgenev Oryol State University, Oryol, Russia, batie08@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1961-4254>

Abstract. The article deals with semantic characteristics of verbal lexemes that are a part of the derivational cluster – a structural component of lexical and phraseological complex with the initial word *salt*. The paper analyses the role of the initial word in forming the complex, reveals the causes of semantic and amount differences of particular word clusters that are formed by different lexical and semantic variants of the polysemantic word *salt*. The article reveals the factors that influence the development of lexical item creative potential: extra linguistic, language system and intra-word ones. The article demonstrates the causes of the disproportion of analysed particular word clusters – factors that have positive and negative impact on word-formation activity of lexical and semantic variants of the word *salt*. Lexical items of different derivational stages ascending to two lexical and semantic variants of the initial word and items with erased inner form, that are on the periphery of the general word cluster, are analysed. The author develops a hypothesis about semantic connection of these items and lexical and semantic variants of the word *salt*. The possible reasons of metaphoric meanings appearing are shown. The article gives analysis of semantic shifts revealed in some derived words. The author comes to the conclusion about topicality of the denoted object for the native speakers and peculiarities of development and meaning extension of the word *salt* in verbal lexemes.

Keywords: noun *salt*, lexical-semantic variant, lexical item, polysemantic word, derived word, motivational feature, lexical and phraseological complex.

For citation: Aleshina A.A. Verbal lexemes in the derivational cluster with the initial word *salt* in the national Russian language. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 157–162. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-157-162>

Язык представляет собой непрерывно изменяющуюся и развивающуюся систему, в которой самым динамичным является лексический уровень: любые социальные, политические, экономические перемены в мире оперативно находят в нем непосредственное отражение. При этом обогащение языка новыми единицами не является хаотичным, бессистемным процессом. Важную роль в нем играют не случайные лексемы, но определенные ключевые слова, номинирующие реалии, которые характеризуются прагматической значимостью.

Такие лексические единицы обладают высоким креативным потенциалом, то есть являются базой для создания вторичных номинантов: лексико-семантических вариантов, лексических и фразеологических единиц. Итогом такого развития лексемы становится лексико-фразеологический комплекс, который представляет собой упорядоченную систему лексико-семантических вариантов, дериватов разных ступеней и фразеологических единиц, формирующих словообразовательное и фразеобразовательное гнезда и восходящих в вершинному моносеманту или лексико-семантическому варианту полисеманта [Попова 2008: 5].

Если базой лексико-фразеологического комплекса является полисемант, общее словообразовательное и фразеобразовательное гнезда подразделяются на разные по объему и семантическому наполнению частные гнезда, вершинами которых становятся лексико-семантические варианты данного полисеманта, отличающиеся друг от друга по словообразовательной и фразеобразовательной активности. Причинами такой неравномерности являются индивидуальные особенности конкретного лексико-семантического варианта: актуальность для носителей языка обозначаемой реалии [Попова 2013: 65]; частотность, употребительность, широта сочетаемости [Земская: 286–442]; частеречная принадлежность, стилистическая окраска [Хемсакун Чанунпорн: 150], удаленность от первичного лексико-семантического варианта [Самохина: 42] и т.д.

Следовательно, своеобразие слова-вершины обуславливает объем, состав, структуру лексико-фразеологического комплекса, а также многообразие и семантические отношения принадлежащих ему единиц. Главным образом, креативный потенциал этого слова определяет наличие полисемии, количество лексико-семантических вариантов и их индивидуальные особенности.

Одной из лексем, имеющих объемный и развернутый лексико-фразеологический комплекс и, сле-

довательно, обладающих высоким креативным потенциалом, является существительное *соль*. Данное существительное в своем первичном значении «белое кристаллическое вещество с острым характерным вкусом, употребляемое как приправа к пище» [Ожегов: 648] обладает полным набором факторов (экстралингвистических, системно-языковых и внутрисловных), оказывающих влияние на развитие креативного потенциала.

Прежде всего, совершенно очевидна практическая значимость соли в жизни любого человека. Еще с древних времен ее использовали и как пищевой продукт, который улучшал вкусовые качества приготовленного блюда, так и в качестве консерванта, способного длительное время предотвращать порчу продуктов. За право обладать землями, на которых находились залежи соли, велись войны, ее недостаток приводил к народным восстаниям. Долгое время иметь эту приправу на столе могли позволить себе только очень состоятельные семьи, простым же людям она была недоступна. Соль использовалась в магических ритуалах, различных обрядах (в том числе свадебных и похоронных), как оберег, для порчи и сглаза, во время гаданий и даже жертвоприношений.

Немаловажную роль в развитии креативного потенциала слова *соль* сыграли системно-языковые и внутрисловные факторы. Так, принадлежность к основному словарному фонду, общепотребительность первичного лексико-семантического варианта, отсутствие в языке других лексем со сходной семантикой являются катализатором возникновения новых лексико-семантических вариантов, дериватов и фразеологизмов. Первичное значение не обладает коннотацией и стилистической маркированностью. Само слово *соль* является непроемным, односложным, имеет простую морфемную структуру. Кроме того, оно является полисемантом и по данным различных лексикографических источников имеет как минимум 12 значений. На его базе формируются обширное словообразовательное (более 500 единиц) и фразеобразовательное (более 200 единиц) гнезда, которые подразделяются на несколько неравномерных частных гнезд. Диспропорция в количественном составе гнезд связана с особенностями их вершин. Однако наиболее важным, решающим фактором становится прагматическая значимость обозначаемой реалии для носителей языка. Действительно, ее актуальность в ряде случаев имеет первостепенное значение и способна ослабить влияние других факторов.

Материалом исследования послужила лексика разных ступеней деривации, обозначающая процес-

суальный признак [Русская грамматика 1: 581], так или иначе связанный с солью, и восходящая к тем или иным лексико-семантическим вариантам вершинного слова. Методом сплошной выборки было выявлено 108 наименований, что составляет 19,4 % от общего количества единиц словообразовательного гнезда с вершиной *соль* в национальном русском языке.

Мотивационной базой для глагольной лексики существительное *соль* становится в двух значениях: в основном и самом известном значении «белое кристаллическое вещество с острым характерным вкусом, употребляемое как приправа к пище» [Ожегов: 648], в более узком, терминологическом – «химическое соединение, вещество, представляющее собой продукт полного или частичного замещения водорода кислоты металлом» [БТС].

Самую объемную группу составляют лексические единицы с наиболее широким значением: наименования действия по признаку «класть соль, приправлять солью для вкуса». Данная группа представлена разнообразными по семантике общеупотребительными и диалектными названиями действий, связанных с солью, наиболее общее из которых имеет значение «солить, делать что-то соленым»: *солить* «сыпать, класть соль, приправлять солью для вкуса» [БТС], *посоливать* «посолить» Р. Урал [СРНГ 30: 195], *насалить* разг. перех. «класть во что-л. (съестное) какое-л. количество соли» [НСРЯ], *насыпать* «посыпать солью, посолить что-либо» Оренб. [СРНГ 20: 150], *рассаливать*, перех. «солить, делать что-л. соленым» [СРНГ 34: 201–202] и др.

Поскольку соль является приправой, избыток которой может испортить пищу, количественный критерий становится важным для носителей языка. Среди исследуемых глаголов можно выделить наименования действий по признакам «класть слишком большое количество соли». Ср. целый ряд одноструктурных глаголов второй ступени деривации: *пересолить* «положить слишком много соли во что-л., больше, чем нужно» [БТС], *осолить* «пересолить» [СРНГ 24: 43] *обсолить* «пересолить» Арх. [СРНГ 22: 236] и др.; «класть небольшое или недостаточное количество соли»: *недосолить* «посолить недостаточно, меньше, чем нужно» [БТС], *подсолить* «сделать слегка соленым или более соленым» [БТС], *присолить* – разг. «немного посолить» [БТС] и др.; «класть соль до определенного предела, необходимое количество»: *досолить* «солить до определенного предела» [НСРЯ], *усолить* – разг. «в меру, достаточно просолить» [БТС].

Интересно отметить, что в некоторых случаях объектом действия выступают не кушанья или блюда: глаголы обозначают действия, прямо или косвенно направленные на животных: *засаливать* «по-

сыпать землю солью для приманки оленей и коз» Иркут. [СРНГ 11: 13], *посоливать* «посолить козленка. Слегка обсыпать солью новорожденного козленка, чтобы коза его облизала» Р. Урал [СРНГ 30: 194].

Приправой для пищи может служить не только соль, но и другие продукты: специи, сахар и даже молоко, однако же эти действия также обозначены в народных говорах глаголами с корнем *сол-*: *подсолить* «прибавить для вкуса, сдобрить». Арх., [СРНГ 28: 188–189], *посоливать* «обсыпать (сахаром, перцем и т. п.) какое-л. кушанье» Влад. [СРНГ 30: 194]. Таким образом, происходит семантический сдвиг, а именно расширение значения: «приправлять солью для вкуса» → «приправлять чем-либо для вкуса».

Использование соли не только в качестве приправы, усиливающей и улучшающей вкусовые качества продукта, но и в качестве консерванта находит отражение в значительной по объему группе лексических единиц, имеющих значение «заготавливать впрок, пропитывать в соленом растворе, в соли».

Данная группа представлена в основном литературными единицами с обобщенным значением: *солить* «заготавливать впрок с солью, в соленом растворе» [БТС], *засолить* «заготовить впрок, положив в соленый раствор, пропитав солью» [БТС], *посоливать* «приготовить впрок, законсервировать способом соления, засолить» [БТС] и др.

Также были выявлены единицы, лексическое значение которых отражает конкретные действия, указывающие на: 1) определенный способ консервации: *просолить* «пропитать солью» [БТС], *просаливать* «пропитать солью» [БТС]; 2) некоторое/определенное количество продукта: *посоливать* «засолить немного или какое-л. количество чего-л.» [БТС], *подсалить* разг. «засолить дополнительно, еще некоторое количество» [БТС], *высолить* разг. «пропитать солью целиком (какое-н. количество)» [НСРЯ] и др.; 3) временной интервал: *просолить* «провести какое-л. время, занимаясь засолкой» [БТС].

В качестве консерванта может быть использована не только соль, но и смесь уксуса с медом: *солить* «заготавливать впрок (вишню) с использованием уксуса и меда» Влад. [СРНГ 39: 264–265], то есть происходит семантический сдвиг, как и в описываемых выше примерах.

Небольшую группу образуют лексические единицы со значением наименования действия по активному признаку «становиться соленым, пропитываться солью». Глаголы данной группы характеризуют состояние продукта, приправленного солью для вкуса, в процессе консервирования или положенного в солевой раствор: *засолиться* «стать соленым, пролежав определенное время в соленом растворе» [БТС], *осолеть* «просолиться» [СРНГ 24: 43], *засолеть* «просолиться» Свердл. [СРНГ 11: 48], *посоветь* «стать соле-

ным, просолиться» Амур. [СРНГ 30: 134], *подсолеть* «просолиться» Свердл. [СРНГ 28: 188], *просолеть* «хорошо просолиться» [СРНГ 32: 237].

Группа наименований действия по активному признаку «съесть что-либо соленое» представлена только диалектными единицами: с обобщенным значением «есть что-л. соленое»: *обсолиться* «поесть чего-либо соленого» Арх. [СРНГ 22: 236], *посолниться* «поесть чего-л. соленого» Тул. [СРНГ 30: 194], *посолоноваться* «поесть соленого» Ворон., Курск. [СРНГ 30: 195]; с конкретным значением «есть определенный соленый продукт»: *солонувать* «есть соленую рыбу» Камч. [СРНГ 39: 301]; с конкретным значением «есть приманку (о животных)»: *солонцевать* «лизать приманку – землю, посыпанную солью (о животных)». Амур. [СРНГ 39: 302].

Глагольная группа, включающая лексемы, объединенные по признаку «иметь соленый вкус», представлена только тремя диалектными единицами: *посаливать* «иметь солонуватый вкус» Арх., [СРНГ 30: 137], *солонить* «иметь соленый привкус (о воде, пище)» [СРНГ 39: 300], *солуцивать* «иметь соленый привкус» Казаки-некрасовцы [СРНГ 39: 308].

Особый интерес представляет группа наименований действий по признаку «делать неприятности, вредить»: *солить* – разг. «делать неприятности, вредить» [БТС], *насолить* – перен., разг. «делать неприятности, вредить кому-л.» [НСРЯ], *засолить* «сделать неприятность кому-либо» [СРНГ 11: 48].

Вероятно, возникновение подобного переосмысленного значения связано с ритуальным использованием соли в дохристианской культуре для «причинения вреда недругу» [Зубкова: 173]. С другой стороны, оно могло возникнуть под влиянием житейского опыта: избыток соли портит вкус продуктов. Это влияние находит отражение в лексических единицах, именуемых действия по признаку «перейти границу, меру в чем-либо», негативная коннотация в которых также сохраняется: *пересолить* разг. «перейти границу, меру в чем-л.; переборщить» [НСРЯ], а также по признаку «надоедать»: *насолеть* «надоесть». Нижегород., Костром. [СРНГ 20: 181].

Кроме того, была выявлена группа лексических единиц, имеющих значение «изменить содержание солей в чем-либо». Все единицы данной группы являются терминами широкой сферы употребления, на что указывает функциональная помета *специальное*, и образованы от лексико-семантического варианта полисеманта *соль*: *хим.* «химическое соединение, вещество, представляющее собой продукт полного или частичного замещения водорода кислоты металлом» [БТС].

Лексемы этой группы указывают на увеличение или уменьшение количества солей в чем-либо: *засолить* спец. «пропитать, насытить минеральными со-

лями» [БТС] или *обессоливать* «уменьшить содержание солей в чем-л.» [БТС].

Отдельно следует рассматривать глагольную лексику с затемненной внутренней формой, поскольку она находится на периферии словообразовательного гнезда и не всегда представляется возможным возвести дериват к определенному лексико-семантическому варианту.

Например, глагол *солить* в значении «удобрять землю» [СРНГ 39: 264-265] соотносится со значением *солить* «сыпать, класть соль, приправлять солью для вкуса» [БТС] по признаку 'выполнение действия: сыпать, класть что-либо куда-либо', однако полностью теряет семантическую связь с первичным лексико-семантическим вариантом полисеманта *соль*.

В настоящее время носителями языка практически не ощущается мотивация и таких лексических единиц, как *прасолить* «заниматься продажей мелкой рыбы» Твер. [СРНГ 31: 94] или *прасолыничать* «заниматься скупкой крупной рыбы» Волхов и Ильмень, Шамахов [СРНГ 32: 237]. Связь с полисемантом *соль* устанавливается только благодаря этимологическим словарям. Так, *прасолом* изначально называли торговца, который заготавливал, засаливал мясо или рыбу (см., например: [Фасмер]).

Опосредованная связь с пищей, следовательно, и с солью обнаруживается у лексических единиц *посолоноваться* «поживиться, покормиться на чужой счет» Ворон. [СРНГ 30: 195], *посолонцеваться* «поживиться, покормиться на чужой счет» Ворон. [СРНГ 30: 195]. С другой стороны, семантическое развитие данных дериватов могло произойти в связи с ценностью и высокой стоимостью самой приправы: в древние времена соль была дорогим продуктом, и только обеспеченные люди могли ее себе позволить.

Возникновение значения глагола *обсолиться* «обжечься горячей пищей» Ряз. [СРНГ 22: 236], вероятно, связано со схожестью ощущений при поглощении горячей пищи и острой приправы.

Таким образом, анализируемый материал демонстрирует, что глагольная лексика в словообразовательном гнезде с вершиной *соль* в национальном русском языке многочисленна и разнообразна по семантике.

Наибольшей словообразовательной активностью обладает первичный лексико-семантический вариант полисеманта *соль*, на базе которого образуется значительное количество разнообразных по семантике дериватов – в основном первой и второй ступеней деривации. Это обусловлено, прежде всего, экстралингвистическими факторами, поскольку ценность соли как приправы не подлежит сомнению.

Ингибитором словообразовательной активности лексико-семантического варианта, обозначающего

химическое вещество, является ограниченность сферы его употребления, то есть принадлежность к области терминологии, а также узость самого значения.

В качестве мотивационного признака наиболее активно выступает действие 'класть соль, приправлять солью для вкуса' (37 лексических единиц). При наименовании действий, связанных с солью, наблюдается тщательная детализация: указание на необходимое / недостаточное избыточное количество данной приправы; определенный способ консервации; количество продукта, который подвергается консервации; временной интервал; употребление в пищу соленых продуктов / конкретного продукта / приманки (о животных). Важно отметить, что диалектные лексемы значительно расширяют диапазон номинаций действий, так или иначе связанных с солью.

Кроме того, происходит расширение семантического значения у глагольных единиц с корнем *сол-* // *сал-*, в которых объектом становится не только сама соль, но и другие продукты: сахар, перец, уксус, мед и т. д. В словообразовательном гнезде у некоторых дериватов возникают и переносные значения, связанные с осознанием негативного влияния соли на человека: «делать неприятности, вредить». Сказанное свидетельствует об актуальности данной реалии, о ее осмыслении носителями языка, в том числе образном и даже парадоксальном.

Список литературы

Большой толковый словарь русского языка (БТС). URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovary/bolshoj-tolkovyj-slovar?ysclid=lty9a8z4yq494504661> (дата обращения: 19.03.2024).

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка (НСРЯ). URL: <http://xn----8sbauh0beb7ai9bh.xn--p1ai/> (дата обращения: 19.03.2024).

Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская [и др.] / под ред. В.А. Белошапковой. Москва: Азбуковник, 1999. С. 286–442.

Зубкова О.В. «Ложные друзья» среди фразеологизмов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. № 20 (706). С. 168–178.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. 17-е изд., стереотип. Москва: Русский язык, 1985. 797 с.

Попова А.Р. Лексико-фразеологический комплекс как результат развития лексической единицы // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 7 (63). С. 59–66.

Попова А.Р. Лексико-фразеологический комплекс как результат реализации креативного потенциала лексической единицы: дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2013. 537 с.

Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфо-

логия / под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва: Институт языкознания, 1980. 789 с.

Самохина Е.В. Частотность и многозначность производящего слова как факторы появления лексико-деривационных лакун // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 4 (11). С. 39–43.

Словарь русских народных говоров. Вып. 1–44. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2011. (СРНГ)

Фасмер М. Этимологический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer?ysclid=ltt09qb0s7617115273> (дата обращения: 19.03.2024).

Хемсакун ЧанунпORN, Плотникова Т.П. Проблема определения сло-вообразовательного потенциала глагола // Актуальные проблемы германистики, романистики, русистики. 2013. № 1. С. 144–151.

References

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Big defining dictionary of the Russian language]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovary/bolshoj-tolkovyj-slovar?ysclid=lty9a8z4yq494504661> (access date: 19.03.2024). (In Russ.)

Efremova T.F. *Novyj slovar' russkogo jazyka* [New dictionary of the Russian language]. URL: <http://xn----8sbauh0beb7ai9bh.xn--p1ai/> (access date: 19.03.2024). (In Russ.)

Fasmer M. *Jetimologicheskij slovar'* [Etymological dictionary]. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer?ysclid=ltt09qb0s7617115273> (access date: 19.03.2024). (In Russ.)

Fonetika. Fonologija. Udarenie. Intonacija. Slovoobrazovanie. Morfologija [Phonetics, Phonology, stress, intonation, word formation, Morphology], 789 p. (In Russ.)

Khemsakun Chanunporn, Plotnikova T.P. *Problema opredeleniia slovoobrazovatel'nogo potentsiala glagola* [The problem of defining the word formation potential of a verb]. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki, rusistiki* [Current problems of German, Romance, Russian philology], 2013, No. 1, pp. 144-151. (In Russ.)

Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian language]: 17-th stereotype ed. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1985, 797 p. (In Russ.)

Popova A.R. *Leksiko-frazeologicheskij kompleks kak rezul'tat razvitija leksicheskoj edinicy* [Lexical and phraseological complex as a result of evolution of a lexical item]. *Vestnik TGU* [Vestnik of Tombov state university], 2008, vol. 7 (63), pp. 59-66. (In Russ.)

Popova A.R. *Leksiko-frazeologicheskij kompleks kak rezul'tat realizacii kreativnogo potentsiala leksicheskoj edinicy*: dis. ... d-ra filol. nauk [Lexical and phraseological complex as the result of realization of creative potential of the lexical item: DSc thesis]. Orel, 2013, 537 p. (In Russ.)

Russkaja grammatika [Russian grammar]. T. 1. *Fonetika. Fonologija. Udarenie. Intonacija. Slovoobrazovanie.*

Morfologija. [Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology], ed. by N.Ju. Shvedova. Moscow, Institut jazykoznanija Publ., 1980, 789 p. (In Russ.)

Samohina E.V. *Chastotnost' i mnogoznachnost' proizvodjashhego slova kak faktory pojavlenija leksiko-derivacionnyh lakun* [Frequency and polysemy of a derived word as factors of appearing lexical and derivational gaps]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [The world of science, culture and education], 2008, No. 4 (11), pp. 39-43. (In Russ.)

Slovar' russkih narodnyh govorov. T. 1-44 [The dictionary of Russian dialects. Vol. 1-44]. Moscow, Leningrad, Saint Petersburg, Nauka Publ., 1965-2011. (In Russ.)

Zemskaja E.A. *Slovoobrazovanie* [Word formation]. *Sovremennyi russkii iazyk* [Modern Russian language],

V.A. Beloshapkova, E.A. Bryzgunova, E.A. Zemskaja etc., ed. by V.A. Beloshapkova. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999, pp. 286-442. (In Russ.)

Zubkova O.V. «*Lozhnye druž'ja*» *sredi frazeologizmov* [False friends of an interpreter among idioms]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2014, No. 20 (706), pp. 168-178. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.03.2024; одобрена после рецензирования 08.04.2024; принята к публикации 11.04.2024.

The article was submitted 28.03.2024; approved after reviewing 08.04.2024; accepted for publication 11.04.2024.

СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ВЛАСТЬ» В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА МАКСИМОВА «ЗАГЛЯНУТЬ В БЕЗДНУ»

Фокина Мадина Александровна, доктор филологических наук, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, madi.fokina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5914-2589>

Шохра Мохаммед, аспирант, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, med.chohra02@gmail.com

Аннотация. В статье характеризуется семантическое поле «Власть» в романе известного русского прозаика второй половины XX века Владимира Максимова (1930–1995). Целью исследования является комплексный анализ структурно-семантических особенностей поля, определение своеобразия текстового функционирования его ядерных компонентов, которые выступают смысловыми доминантами произведения и активно участвуют в организации повествования, в художественном изображении исторических событий и создании образов литературных персонажей. Определяются теоретические понятия семантического поля и семантического пространства текста, которые объединяют его концептуальные, денотативные и эмотивные смыслы. Лингвистическое моделирование полевой структуры основывается на принципах дискурсивного анализа текста и обусловлено спецификой языковой личности писателя, жанрово-стилистическими и сюжетно-композиционными особенностями произведения. Характеризуются компонентный состав поля, его ядро, центр и периферия, микрополя. Определяются семантические связи и пересечения компонентов поля, раскрываются контекстуальная синонимия и антонимия. К ядру поля относятся ключевые лексемы *власть, сила, вождь, воля*. Семантическое поле объединяет пять микрополей: в центральную часть полевой структуры входят микрополя «Белогвардейская власть Колчака» и «Советская власть Ленина», к периферийной зоне относятся микрополя «Власть социальной стихии», «Военная сила иностранной интервенции» и «Сила самоотверженной и бескорыстной любви». Смысловые доминанты текста, являясь ключевыми компонентами поля, способствуют динамике повествования, создают художественный хронотоп, отражают авторскую позицию, транслируют яркие черты языковой личности писателя.

Ключевые слова: повествовательный дискурс, Владимир Максимов, семантическое поле, ядро, центр, периферия, микрополе, смысловая оппозиция, энантиосемия.

Для цитирования: Фокина М.А., Шохра М. Структурно-смысловое своеобразие семантического поля «Власть» в романе Владимира Максимова «Заглянуть в бездну» // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 163–170. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-163-170>

Research Article

STRUCTURAL AND SEMANTIC ORIGINALITY OF THE SEMANTIC FIELD “POWER” IN VLADIMIR MAKSIMOV’S NOVEL “TO LOOK INTO THE ABYSS”

Madina A. Fokina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-5914-2589>, madi.fokina@mail.ru

Mohammed Shohra, graduate student, Kostroma State University, University, Kostroma, Russia, med.chohra02@gmail.com

Annotation. The article characterises the semantic field “Power” in the novel by the famous Russian prose writer of the 2nd half of the 20th century, Vladimir Maksimov (1930–1995). The purpose of the study is a comprehensive analysis of the structural and semantic features of the field, determination of the originality of the textual functioning of its core components, which are the semantic dominants of the work, actively involved in the organisation of the narrative, in the artistic depiction of historical events and the creation of images of literary characters. The theoretical concepts of the semantic field and semantic space of the text, which unites its conceptual, denotative and emotive meanings, are defined. Linguistic modelling of the field structure is based on the principles of discourse analysis of the text and is determined by the specific linguistic personality of the writer, genre-stylistic and plot-compositional features of the work. Characteristic of component composition of the field, its core, centre and periphery, microfields is given. Semantic connections and intersections of field components are determined with contextual synonymy and antonymy revealed. The core of the field includes the key lexemes “power”, “strength”, “leader”,

“will”. The semantic field unites five microfields: the central part of the field structure includes the microfields “White-Guard Power of Alexander Kolchak” and “Soviet Power of Vladimir Lenin”; the peripheral zone includes the microfields “Power of Social Elements”, “Military Force of Foreign Intervention” and “Power of Selfless and unselfish Love”. The semantic dominants of the text, being the key components of the field, contribute to the dynamics of the narrative, create an artistic chronotope, reflect the author’s position, and convey the bright features of the writer’s linguistic personality.

Keywords: narrative discourse, Vladimir Maksimov, semantic field, core, centre, periphery, microfield, semantic opposition, enantiosemey.

For citation: Fokina M.A., Shohra M. Structural and semantic originality of the semantic field “Power” in Vladimir Maksimov’s novel “To Look into the Abyss”. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 163–170. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-163-170>

Семантическое поле как лингвистическое понятие получило значительное теоретическое обоснование в исследованиях отечественных и зарубежных ученых: В.П. Абрамова [2019], Ю.Д. Апресяна [1974], Л.М. Васильева [1971]; Ю.Н. Караулова [1976]; М.А. Кронгауза [2005], Л.А. Новикова [1997], Г.Н. Скляревской [1993], Й. Трира [Trier 1973]; С.Г. Шафикова [2017]; Г.С. Щура [1974] и др. Научное определение семантического поля находим в современной учебной и научной литературе, в лингвистических словарях и энциклопедиях: «совокупность языковых... единиц, объединенных общностью содержания... и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кузнецов: 380]; «иерархическая организация слов, объединенных одним родовым значением» [Новиков: 458]. Конституирующий смысл, объединяющий все компоненты поля, выражается интегральным семантическим признаком [Кронгауз: 130].

Многие исследователи, моделирующие семантические поля в художественном дискурсе, отмечают своеобразие структуры и семантики анализируемых полей, обусловленное спецификой авторского отражения окружающего мира, его индивидуальными представлениями о жизни и людях, речевыми особенностями творческой манеры писателя, использованием оригинальных образных средств и приемов, свойственных его идиостилю. В связи с этим Н.А. Николина, З.В. Петрова характеризуют ключевые образные поля в текстах современной русской прозы. Они определяют образное поле как «объединение лексических единиц одного семантического поля, выступающих в качестве образов сравнения компаративных конструкций – метафор и сравнений» [Николина, Петрова: 94]. Понятие образного поля широко используется в современных лингво-поэтических исследованиях. Разновидностью образного поля является метафорическое поле – «структурированное множество метафорических элементов, совокупность словесных ассоциаций, группируемых вокруг образного стержня, ядерного тропа художественного текста» [Абрамов: 288].

К.А. Соловьев описывает семантическое поле власти в торжественных одах М.В. Ломоносова [2017]. Исследователь прослеживает языковую эволюцию представлений поэта о характере власти в России: автор од переходит от восхвалений к наставлению монарших особ. Ученый выявляет двойственность семантики политического слова в торжественных одах XVIII века: с одной стороны, власть должна быть легитимной, то есть совершать поступки, востребованные народом; с другой стороны, народу необходимо понимать власть и служить ей. В более ранних одах Ломоносова лексема *власть* является синонимом лексемам *держава*, *страна*. Позднее в творчестве поэта складывается концепция власти, состоящая из трёх ключевых элементов: 1) верность образу Петра-преобразователя; 2) понимание блага России как её силы, которую дают военные победы и развитие наук; 3) героическое поведение монарха, его личные подвиги, преобразующие Россию, и поддержка тех, кто готов такие подвиги совершать. Эту конструкцию венчает божественное благословение, посылаемое достойному правителю. Семантическое поле власти в одах Ломоносова динамически изменчиво в результате влияния нескольких факторов: особенностей личности каждого нового монарха, кому посвящены стихи; богатого жизненного опыта самого поэта, который профессионально занимался изучением древней российской истории [Соловьев: 159].

Семантическое поле в системе художественной речи является частью общего семантического пространства целого текста. Под семантическим пространством понимается «ментальное образование, в формировании которого участвует, во-первых, само словесное литературное произведение, содержащее обусловленный интенцией автора набор языковых знаков – слов, предложений, сложных синтаксических целых (виртуальное пространство); во-вторых, интерпретация текста читателем в процессе его восприятия (актуальное семантическое пространство)» [Бабенко, Казарин: 51–52]. Основными сферами семантического пространства являются концептуальное, денотативное и эмотивное про-

странства [Бабенко, Казарин: 55]. Концептуальная информация «семантически выводится из всего текста как структурно-смыслового и коммуникативного целого» [Бабенко, Казарин: 56]. Целью концептуального анализа является определение культурно значимых концептов и описание таких компонентов, которые составляют ментальное поле концепта. Поэтому концептуальный анализ художественного текста предполагает вычленение ключевых слов текста, определение базового концепта и описание обозначаемого ими концептуального пространства. Изучение денотативного пространства ориентировано на выявление отображенного в художественном тексте объективного мира. С этой точки зрения значимыми являются текстовые категории пространства и времени, создающие хронотоп произведения, который «играет важную роль в организации его содержания и в отображении знаний автора об устройстве мира» [Бабенко, Казарин: 94]. Ядром эмотивного содержания текста является совокупность эмотивных смыслов на уровне персонажей и автора, являющихся основными носителями различных чувств. Эмотивные смыслы подразделяются на персональные, ситуативные, частно-событийные и глобально-событийные [Бабенко, Казарин: 158]. Исследование семантического поля в дискурсивном аспекте способствует выявлению объемного текстового содержания, связанного со всеми сферами общего семантического пространства: концептуальными, денотативными и эмотивными смыслами.

Цель нашего исследования заключается в комплексном описании семантического поля «Власть» в романе Владимира Максимова «Заглянуть в бездну» (1986). Для этого необходимо охарактеризовать основной компонентный состав, структуру и содержание ядра, центральной и периферийной частей поля, особенности смыслового взаимодействия микрополей, функционирования ключевых компонентов поля в повествовательном дискурсе.

В романе ярко изображены политическая и военная власть, что обусловлено содержанием произведения. Писатель рассказывает о трагических событиях Гражданской войны и иностранной интервенции. Главный герой романа – лидер белогвардейцев, адмирал Колчак, провозгласивший себя Верховным правителем России. Ему противостоят красноармейские войска, которые защищают правительство пришедших к власти большевиков во главе с Лениным.

Семантическое поле «Власть» состоит из ядра, центра и периферии, подразделяется на пять взаимосвязанных по смыслу микрополей, включает в свой состав лексические, фразеологические и синтаксические единицы.

Ядро поля образуют ключевые лексемы *власть*, *сила*, *вождь*, а также лексема *воля*, которая упоми-

нается в эпиграфе к роману, представляющем собой цитату из произведения Льва Толстого: «Всё свершилось не по *воле* Наполеона, не Александра первого, не Кутузова, а по *воле* Божьей» [Максимов: 193]. Писатель развивает мысль о том, что могущество великих личностей бессильно перед Божеским промыслом.

Ядерная лексема *воля* является многозначной в современном русском языке: ‘способность добиваться осуществления поставленных целей, стремлений’; ‘упорство, настойчивость’; ‘желание, хотение, требование’; ‘*власть*, право распоряжаться по своему усмотрению’; ‘состояние, характеризующееся отсутствием стеснений, ограничений; *свобода*’ [СРЯ 1: 209].

В одном из значений ядерные лексемы *власть* – *воля* являются синонимами, а в другом значении – антонимами, так формируется энантиосемия, которая реализуется в романе в процессе развития художественного повествования:

«С рельсов народ сошёл... Зачем ему порядок, когда он впервые своей *волей* пожить может. Хоть один день, да мой, вот и вся философия»; «человеческая душа страшилась упустить выпавший ей случай пожить по своей *воле* и собственному разумению»;

«Корабельная армада жила сама по себе, как предельно отлаженный механизм, в котором *воля* командующего играла не направляющую, а скорее регулируемую роль» [Максимов: 214, 292, 293].

Стихийное стремление к свободе противопоставляется четкому порядку и власти руководителя: *с рельсов народ сошел; своей волей пожить; хоть один день, да мой; случай пожить по своей воле – порядок; четко отлаженный механизм; воля командующего*.

Наряду с лексемой *воля* в романе используется однокоренное слово *вольница*, с помощью которого характеризуются группы людей, не желающих подчиняться какой-либо власти:

«Всё здесь носило следы разнузданной *вольницы*: замызганные полы, испещренные ругательствами стены, перекореженная, в беспорядке мебель»;

«Честно говоря, я и сам не знаю, что мне нужно, собрал вот с бору по сосенке разный сброд и кружу с ним по здешним лесам без всякого толку, одним словом, *вольница*»;

«Все это, вместе взятое, исключало для него возможность одним авторитетом сплавить воедино и повести за собой разномастную *вольницу*, признававшую над собой лишь одну *власть* – собственную» [Максимов: 215; 285, 360].

В контексте раскрывается отсутствие социального порядка и авторитета власти: *разнузданная вольница; в беспорядке; разный сброд; без всякого толку; разномастная вольница*. Эти стихийные явления проти-

вопоставлены строгим правилам общественной жизни, регулируемым официальной властью.

С помощью лексического повтора ядерного компонента *власть* образуются семантические пересечения парадигматических и синтагматических связей, в результате чего осуществляется динамическое развертывание текстовых смыслов:

«Он был рожден для любви и науки, но судьба взвалила ему на плечи тяжесть диктаторской *власти* и ответственность за будущее опустошенной родины»; «необходим авторитет, облеченный ничем не ограниченной *властью*»; «За месяцы Верховной *власти* он так и не смог избавиться от некоторого ученического почтения к армейскому генералитету» (характеристики Колчака);

«новоиспеченная *власть*, не успев еще опереться, сразу же вошла во вкус бюрократического церемониала» (Директория Учредительного собрания в Омске);

«Он всегда был послушен *власти*, никогда не проявлял атаманской склонности ни захватывать *власть*, ни наживаться» (один из сторонников Колчака);

«положение Политического центра в Иркутске практически безнадежное, *власть* их – дело считанных дней, в следственной комиссии над Верховным большевиками теперь играют первую скрипку...» (Белогвардейский генерал Войцеховский о политическом противостоянии);

«сейчас в России существуют две *власти* – ваша и большевиков...» (союзники о политической ситуации в России);

«отказывать ему, быть может, и не доставляло радости, но *властью* своей он упивался»; «сквозила уверенная повадка человека, облеченного настоящей, а не одной лишь видимой *властью*»; «Мелок ты брат, мелок, а в большую *власть* войдешь, еще мельче станешь!» (характеристики большевистского руководителя Чудновского, председателя Иркутской ЧК);

«ликующее упоение *властью* над тем, что ещё вчера оставалось им неподвластно» (эмоциональное состояние восставших матросов); «в Иркутске *власть* безболезненно перешла к Комитету коммунистов; неустойчивое положение *Советской власти*»; «разъяснялись задачи *советской власти*, приводились биографии выдающихся советских вождей»; «говорили об отношениях *советской власти* к церкви и об его впечатлениях о большевиках»; «другое дело большевики: они достаточно сильны и амбициозны, чтобы удержать *власть*, и недостаточно профессиональны, чтобы сделать её сильной...» (характеристики советской власти большевиков) [Максимов: 194, 199, 202, 211, 215, 220, 258, 261, 262, 272, 282, 291, 293, 305, 306, 328, 346].

Лексема *власть* употребляется в романе в нескольких значениях: ‘право управления государ-

ством, политическое господство’; ‘органы государственного управления, правительство’; ‘право и возможность распоряжаться, повелевать, управлять кем-либо, чем-либо’; ‘могущество, господство, сила’ [СРЯ 1: 184]. Писатель характеризует особенности власти каждой из противоборствующих сторон. Власть Колчака представлена авторитарной, преимущественно военной и иерархически чётко выстроенной в дореволюционных монархических традициях: *диктаторская власть и ответственность; авторитет, облеченный ничем не ограниченной властью; армейский генералитет; бюрократический церемониал*. Власть большевиков является в большей степени политической, поэтому в её описании часто употребляется составной советизм *советская власть* ‘форма управления социалистическим государством, базирующаяся на системе Советов народных депутатов’ (синоним: *власть Советов*) [Мокиенко: 83]. В контекстном окружении используются языковые единицы, которые отражают новые реалии послереволюционного государственного устройства, советскую идеологию: *комитет коммунистов, советские вожди, большевики*. Писатель обращает внимание на властные амбиции отдельных героев, приверженцев большевизма: *упивался властью, упоение властью*. Это негативные характеристики нравственных качеств людей, которые до революции имели низкий социальный статус. Новая власть их возвысила, дала право проявлять силу, подчинять себе прежних представителей высших слоев общества. В тексте романа выявляются слабые стороны советской власти и некоторых руководителей разного уровня: *мелок – мельче; недостаточно профессиональны*.

К центру семантического поля относятся два противопоставленных по смыслу микрополя: микрополе 1 «Белогвардейская власть Колчака» и микрополе 2 «Советская власть Ленина». Более обширным по компонентному составу является микрополе 1, так как оно эксплицирует основную сюжетную линию романа, связанную с главным героем художественного повествования. К ключевым компонентам микрополя относятся лексика и фразеология, характеризующие дореволюционное государственное устройство Российской империи: *монархия, династия, самодержец, император, государь; табель о рангах; присутственное место; департаментские столоначальники*. Активнее представлена книжная лексика и фразеология: *сильные мира сего, отцы города, властитель дум; помпадур; благодетель отечества* и др. Метафорическим символом власти является образный оборот *маршальский жезл*, олицетворяющий военную власть (*жезл* перен. ‘палка или посох особой формы, служащие символом какого-либо звания, положения, чина и т. п.’) [СРЯ 1: 475].

Компонентный состав микрополя 1 «Белогвардейская власть Колчака»

Апеллятивная лексика	<i>Монархия, самодержец, династия; авторитет; порядок; законность; диктатура; диктатор; руководитель</i>
Прецедентные имена	<i>Колчак, Наполеон</i>
Топонимы – символы власти	<i>Петербург; Омск, Вавилон</i>
Названия органов власти, государственных учреждений, властных структур, социальных объединений	<i>Верховное Правительство; Морской штаб; Сибирская Белая борьба; правительственный отдел печати; Британская Империя</i>
Именования должностей разного уровня и воинских званий, представителей политических партий и общественных группировок	<i>Император, государь; Верховный Правитель России; председатель совета министров; премьер-министр; управляющий Восточно-китайской железной дороги; член правления дороги; главнокомандующий войсками; начальник конвоя; флотоводец; военачальник; корнет; лейтенант; ротмистр; полковник; генерал; боцман; адмирал; кадеты, меньшевики, эсеры, анархисты, монархисты, республиканцы</i>
Собирательные именования и групповые характеристики представителей власти	<i>Отцы города; чиновничество; новоиспеченные полководцы; офицерство; станционное начальство; колчаковцы; корабельные заводилы; вчерашние подчиненные; помпадур; наполеончики; департаментские столоничальники</i>
Лексика и фразеология с процессуальной семантикой: административная деятельность руководителей	<i>Водить армии, возглавлять министерства, подписывать директивы, издавать приказы, учить, направлять, воспитывать; найти свое место; играть в политические бирюльки; взять на себя ношу; подчиниться; взвалить на плечи; собрать в единый кулак; расстреливать, лить кровь.</i>
Субстантивные фразеологические единицы и метафорические обороты (символы власти; социальное положение)	<i>Сильные мира сего; табель о рангах; присутственное место; нынче князь – завтра в грязь; маршальский жезл; сильная рука; властитель дум; пешики в чужой игре; слепые пешики в чьих-то искусных и неумолимых руках; мужичья кровь; кость черная, земляная</i>
Свободные словосочетания – характеристики административной жизни	<i>Соблюдение субординации; чиновная гордость; бюрократический церемониал; уставные формулировки; система управления; военное положение; стабильная государственная структура; почтение к армейскому генералитету; искусство распоряжаться целыми массами людей; карательные задания</i>
Оценочные характеристики взаимоотношений начальства и подчиненных, власти и народа	<i>Исполнитель до подобострастия; ультиматум вчерашних подчиненных; без чинов; бестолковые дураломы в генеральских погонах, но с мозгами интендантов; набранный с бору по сосенке сброд; не люди – шлак, пыль паровозная; с рельсов народ сошел; толпа должна перебеситься; наше дело маленькое</i>
Символические метафоры – характеристики сильных и слабых людей	<i>Не орёл, звёзд с неба не хватает; орёл; политиканствующие хулиганы и хулиганствующие политики; титулованные кретины с замашками провинциальных кабатчиков и кабатчики с душой прирожденных грандов; отсиживался удельным князьком; тихопомещанный ханжа, возмнивший себя перстом Божьим; благодетель отечества; буржуа в генеральском мундире; торжествующий плебей</i>
Фразы волюнтивного регистра речи (команды, распоряжения, поручения начальства)	<i>Слушай меня и на ус наматывай; Собирай молодцов, выступаем; Приказываю начальникам частей расстреливать всех пленных коммунистов.</i>

В компонентный состав микрополя 2 «Советская власть Ленина» входят советизмы, в том числе сложносокращенные слова: *совдеп, ревком, Реввоенсовет, РВС, чекист, Красная армия, товарищ* и др. Шире представлены языковые единицы, отражающие сущность красного террора: *тюремная контора, тюрьма, следственная комиссия, машина допроса; поставить к стенке; расстрелять, забить насмерть; пролить невинную кровь* и др.

Основная семантическая оппозиция романа создается противопоставлением прецедентных имен *Колчак – Ленин*, а также контекстуальных антонимов *белые – красные*, которые служат именованьем разных политических сил и являются субстантивированными прилагательными. В романе присутствуют синонимические варианты именованьем героев: *Колчак – Александр Васильевич – Верховный Правитель России – Адмирал; Ленин – Ульянов – Ильич*.

Периферия семантического поля «Власть» включает микрополе 3 «Власть социальной стихии», микрополе 4 «Военная сила иностранной интервенции» и микрополе 5 «Сила самоотверженной и бескорыстной любви».

В компонентный состав микрополя 3 «Власть социальной стихии» входят лексико-фразеологические единицы, в том числе символические метафоры: *среди огня и крови великого потопа; в содоме всеобщего помешательства; лавина; обвал; сползание в общую пропасть; роковая катастрофа; Великая Смута; Время Смуты Смут; никем не управляемое столпотворение; замкнутое кольцо безысходности; засасывающий омут; водоворот; бездна; пороховая бочка; паутина общего тлена; среди раскаленного злобой и кровью потопа матерой российской смуты; кошмарный бедлам; неуправляемая стихия; спонтанная людская стихия; смена цивилизаций; в эпицентре*

Компонентный состав микрополя 2 «Советская власть Ленина»

Апеллятивная лексика	<i>Террор; авторитет; узурпатор; лидер; товарищ; свобода</i>
Прецедентные имена	<i>Ленин, Ульянов; Троцкий; Сталин</i>
Топонимы – символы власти	<i>Москва, Петроград; Иркутск</i>
Названия органов власти, государственных учреждений, властных структур, социальных объединений	<i>Советская Россия; советская власть, совдеп, Иркутский ревком; РВС, комитет коммунистов; Красная армия; тюремная контора; тюрьма; Чрезвычайно-Следственная Комиссия</i>
Именования должностей разного уровня и воинских званий, представителей политических партий и общественных группировок	<i>Заместитель председателя Реввоенсовета Республики; командующий красной дивизией; чекист; молотобойцы ('палачи' – из чекистского жаргона); начальник контрразведки; кадровый подпольщик; председатель следственной комиссии</i>
Собирательные именования и групповые характеристики представителей власти	<i>Большевики, красные; герои революции и Красной армии; новые хозяева; комиссары</i>
Лексика и фразеология с процессуальной семантикой: административная деятельность руководителей	<i>Поддерживать порядок; давать указания; землю сулить; играть первую скрипку; упиваться властью; поставить к стенке; расстрелять, забить насмерть; пролить невинную кровь</i>
Субстантивные фразеологические единицы (символы власти; социальное положение)	<i>Хозяин положения; полный хозяин положения; право сильного</i>
Свободные словосочетания – характеристики административной жизни, политических принципов	<i>Строгая дисциплина; железная воля; упоение властью; разнузданная вольница; машина допроса</i>
Оценочные характеристики взаимоотношений начальства и подчинённых, власти и народа	<i>Ползать в ногах, слезно вымаливая пощады; ограбленный до нитки; бросить на съедение; протачить через все девять кругов пыточного ада; вопить благим матом</i>
Символические метафоры – характеристики сильных и слабых людей	<i>Непоседливый грач; без пяти минут присяжный поверенный; заштатный социалист</i>
Фразы волонтивного регистра речи (команды, распоряжения руководителей, идеологические лозунги, воззвания)	<i>Пусть будет хуже, зато поровну; Конвою развернуться в каре!; На изготовку! Пли!; Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте равно ничего... пришлите строго официальную телеграмму с разъяснениями...; Приказываю... немедленно расстрелять. Об исполнении доложить.</i>

кровавого вихря русской смуты; в самой стремнине сокрушительного потока; всемирный потоп; замкнутый лабиринт. Компоненты микрополя приобретают в романе пространственные и темпоральные смыслы, формируют хронотоп художественного повествования: *среди огня и крови великого потопа; в содоме всеобщего помешательства; среди раскаленного злостью и кровью потопа матерой российской смуты; в эпицентре кровавого вихря русской смуты; в самой стремнине сокрушительного потока* (семантика пространства); *Великая Смута; Время Смуты Смут; смена цивилизаций* (семантика времени, динамика событий). Метафорические образы восходят к библейским мотивам и сюжетам (*потоп, содом, столпотворение, бездна*), к реальным событиям российской истории (*смута*), семантически связаны с природными катаклизмами (*лавина, обвал, пропасть, омут, водоворот, вихрь*), с военными действиями (*огонь и кровь, пороховая бочка*). Большинство компонентов микрополя являются контекстуальными синонимами: *содом – бедлам; омут – водоворот; пропасть – бездна; замкнутый лабиринт – кольцо безысходности.* Мощный социальный переворот не подчиняется никаким усилиям представителей государственной, политической и военной власти, их настойчивым стремлениям навести порядок и урегулировать общественную ситуацию в стране: *никем не управля-*

емое столпотворение; неуправляемая стихия. Лексемы *власть – стихия* образуют контекстуальную антонимию и семантически связывают периферийное микрополе 3 с центральными микрополями 1 и 2. Их смысловое пересечение углубляет концептуальное, денотативное и эмотивное содержание текста в структуре общего семантического пространства романа.

Компонентный состав микрополя 4 «Военная сила иностранной интервенции» в основном отражает тему вероломного предательства, связанную с авантюрными действиями чешского корпуса под командованием генерала Гайды. С помощью языковых единиц, входящих в компонентный состав микрополя, изображается третья сила в конфликте противоборствующих сторон: сначала иностранцы помогают Колчаку, а затем, понимая неизбежность его поражения, входят в сговор с большевиками и сдают Колчака советской власти. Компонентами микрополя являются негативные оценочные описания беспринципных чешских воинов и их тщеславного командира: *толпа чешских легионеров; шайка обезумевших мародеров; разнузданная орда; Иуды славянства; каины славянства; мерзавцы, дьяволом меченные; предадут и продадут с потрохами; легкомысленный флирт с дьяволом; сам черт не брат и море по колено* (групповые характеристики все-

го войска); *чешский авантюрист, метит во всеславянские Наполеоны; падок на чины, знаки отличия, мундиры; искатель счастья и чинов с претензиями на всероссийскую власть; забубенная голова; наглый, невоспитанный фанфарон* (индивидуальные характеристики генерала).

Компонентный состав микрополя 5 «Сила самоотверженной и бескорыстной любви» эксплицирует сюжетную линию романа, связанную с историей любви адмирала Колчака и Анны Васильевны Тимирёвой: *нет и не будет на свете силы, которая могла бы заставить её отказаться от него; сила любви и духа перед лицом циничного предательства; оберегая что-то такое, только для них двоих важное и дорогое, к чему не должно пристать ни одного, даже самого малого пятнышка; отдельно они просто невымыслимы; почувствовать себя молодой, так безоглядно любимой и любящей; сострадал ей в её непрерывных волнениях за него*. В повествовании о взаимоотношениях героев используется развернутая метафора, восходящая к библейскому сюжету: Максимов употребляет именование *Адам и Ева*. Семантическое взаимодействие центрального микрополя 1 «Белогвардейская власть Колчака» и периферийного микрополя 5 «Сила самоотверженной и бескорыстной любви» соединяет глобально-событийные и частно-событийные эмотивные смыслы.

Семантическое поле «Власть» в романе Владимира Максимова «Заглянуть в бездну» активно участвует в формировании общего семантического пространства текста, интегрирует его концептуальные, денотативные и эмотивные смыслы. Лингвистическое моделирование поля способствует более точному пониманию художественного замысла произведения, созданию адекватной читательской интерпретации. Ключевые компоненты поля, являясь смысловыми доминантами текста, занимают центральное место в повествовательной структуре и образной системе романа, воссоздают культурно-языковые особенности изображаемой эпохи.

Список литературы

- Абрамов В.П. Семантические поля русского языка. Москва: Флинта; Наука, 2019. 333 с.
- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва: Наука, 1974. 367 с.
- Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Москва: Флинта: Наука, 2004. 496 с.
- Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 105–113.
- Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. Москва: Наука, 1976. 354 с.
- Кронгауз М.А. Семантика. Москва: Академия, 2005. 352 с.

Кузнецов А.М. Поле // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Сов. энциклопедия, 1990. С. 380–381.

Максимов В.Е. Ковчег для незваных: романы. Москва: Воскресенье, 1994. 368 с.

Мокиенко В.М. Толковый словарь языка Совдепии / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Санкт-Петербург: Фолио-пресс, 1998. 704 с.

Николина Н.А., Петрова З.Ю. Ключевые образные поля в текстах современной русской прозы // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4. С. 93–101.

Новиков Л.А. Семантическое поле // Русский язык: энциклопедия. Москва: Наука, 1997. С. 458–459.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка: науч. монография. Санкт-Петербург: Наука, 1993. 152 с.

Соловьев К.А. «Господствуй и имей над щастьем полну власть...»: семантика власти в торжественных одах М.В. Ломоносова // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 151–168.

СРЯ: Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. Москва: Русский язык, 1985–1988.

Шафиков С.Г. Изучение языковых универсалий с помощью метода семантического поля // Педагогический журнал Башкортостана. 2017. № 5 (72). С. 148–153.

Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. Москва: Наука, 1974. 255 с.

Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts. Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag, 1973.

References

- Abramov V.P. *Semanticheskiye polya russkogo yazyka* [Semantic fields of the Russian language]. Moscow, Flint Publ., Science Publ., 2019, 333 p. (In Russ.)
- Apresyanyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskiye sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymous means of language]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 367 p. (In Russ.)
- Babenko L.G., Kazarin Yu.V. *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta* [Linguistic analysis artistic text]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2004, 496 p. (In Russ.)
- Karaulov Yu.N. *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideography]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 354 p. (In Russ.)
- Krongauz M.A. *Semantika* [Semantics]. Moscow, Akademiya Publ., 2005, 352 p. (In Russ.)
- Kuznetsov A.M. *Pole* [Field]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary], ed. by V.N. Yartseva. Moscow, Sov. Entsiklopediya Publ., 1990, pp. 380–381. (In Russ.)

Maksimov V.E. *Kovcheg dlya nezvanykh: roman* [Ark for the Uninvited: Novel]. Moscow, Voskresenye Publ., 1994, 368 p. (In Russ.)

Mokiyenko V.M., Nikitina T.G. *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdepii* [Explanatory dictionary of the language of the Council of Deputies]. St. Petersburg, Folio-press Publ., 1998, 704 p. (In Russ.)

Nikolina N.A., Petrova Z.Yu. *Klyuchevyye obraznyye polya v tekstakh sovremennoy russkoy prozy* [Key figurative fields in the texts of modern Russian prose]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin], 2021, No. 4, pp. 93-101. (In Russ.)

Novikov L.A. *Semanticheskoye pole* [Semantic field]. *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [Russian language: encyclopedia]. Moscow, Nauka Publ., 1997, pp. 458-459. (In Russ.)

Sklyarevskaya G.N. *Metafora v sisteme yazyka: nauchnaya monografiya* [Metaphor in the language system: scientific monograph]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993, 152 p. (In Russ.)

Solov'yev K.A. «*Gospodstvuy i imey nad shchast'yem polnu vlast'...*»: *semantika vlasti v torzhestvennykh odakh M.V. Lomonosova* [“Dominate and have complete power over happiness...”: the semantics of power in the solemn odes of M.V. Lomonosov]. *Dialog so vreme-*

nem [Dialogue with time], 2017, iss. 59, pp. 151-168. (In Russ.)

Shafikov S.G. *Izucheniye yazykovykh universalii s pomoshch'yu metoda semanticheskogo polya* [Studying linguistic universals using the semantic field method]. *Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana* [Pedagogical Journal of Bashkortostan], 2017, No. 5 (72), pp. 148-153. (In Russ.)

Shchur G.S. *Teoriya polya v lingvistike* [Field theory in linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 255 p. (In Russ.)

Vasil'yev L.M. *Teoriya semanticheskikh poley* [Theory of semantic fields]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues of linguistics], 1971, No. 5, pp. 105-113. (In Russ.)

Trier J. *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts*. Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag, 1973.

Статья поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 08.04.2024; принята к публикации 11.04.2024.

The article was submitted 04.03.2024; approved after reviewing 08.04.2024; accepted for publication 11.04.2024.

РИТОРИЧЕСКИЕ КОДЫ ПЕРИФРАЗЫ В ПОЭЗИИ И.А. БРОДСКОГО

Ступина Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, stupina.ek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9978-9686>

Аннотация. В работе рассматриваются риторические коды, которые реализует перифраза в лирике И.А. Бродского. Понимание риторического кода связано с символическим восприятием художественных образов, создаваемых в поэтическом тексте. Исследование риторического кода предполагает анализ воздействующего потенциала стилистических средств с учетом жанровых особенностей текстового материала. Выразительно-изобразительные возможности, которыми обладают риторические приемы, обусловлены также тематическим фактором, коммуникативной ситуацией: политическое событие, любовная перипетия, историческое действие. Интерпретация кода способствует установлению опосредованной связи автора и читателя, благодаря чему постигается прагматический смысл произведения речи. В лирике И.А. Бродского, насыщенной аллюзиями и реминисценциями, перифраза становится смысловым, трансмиссионным и преобразующим буфером, расширяющим культурологическое пространство произведения. Риторические коды усиления, замещения и обособления помогают понять эмоциональное состояние лирического героя. Дешифровка этих кодов объясняет причины фрустрации, потерянности и чувства сиротства. В статье подчеркивается, что основу риторического кода составляют национальная ментальность и языковая личность автора произведения, поэтому при считывании кода учитывается контекст истории, когда создавались стихи. Риторический код является частью культурного кода. Свободные перифразы, которые часто используются в стихах И.А. Бродского, позволяют читателю увидеть уникальную, особую картину мира поэта.

Ключевые слова: риторический код, культурный код, риторический прием, перифраза, лирика, замещение, усиление, обособление.

Для цитирования: Ступина Екатерина Сергеевна Риторические коды перифразы в поэзии И.А. Бродского // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 171–175. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-171-175>

Research Article

RHETORICAL CODES OF PERIPHRAISIS IN THE POETRY OF JOSEPH BRODSKY

Ekaterina S. Stupina, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, stupina.ek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9978-9686>

Abstract. The paper examines which rhetorical codes are implemented by periphrases in the poetry of Joseph Brodsky. The understanding of the rhetorical code is connected with the symbolic perception of artistic images created in a poetic text. The study of the rhetorical code involves the analysis of the influencing potential of stylistic means, taking into account the genre features of the text material. The expressive and pictorial possibilities that rhetorical techniques possess are also due to a thematic factor, a communicative situation – a political event, a love twist, a historical action. The interpretation of the code contributes to the establishment of communicative relations between the addressee and the addressee, the author and the reader, thereby comprehending the pragmatic meaning of the work of speech. In the lyrics of Joseph Brodsky, saturated with allusions and reminiscences, the periphrasis becomes a semantic, transmission and transformative buffer that expands the cultural space of the work. The rhetorical codes of reinforcement, substitution and isolation help to understand the emotional state of the lyrical hero, the decryption of these codes explains the causes of frustration, loss and feelings of orphanhood. The article emphasises that the basis of the rhetorical code is the national mentality and linguistic personality of the author of the work; therefore, when interpreting the code, the context of history was taken into account when the poems were created. The rhetorical code is part of the cultural code. Free periphrases, which are often used in the poems of Joseph Brodsky, allow the reader to see a unique, special picture of the poet's world.

Keywords: rhetorical code, cultural code, rhetorical device, periphrasis, lyrics, substitution, reinforcement, isolation.

For citation: Stupina E.S. Rhetorical codes of periphrasis in the poetry of Joseph Brodsky. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 171–175 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-171-175>

Выразительно-изобразительный потенциал риторических приемов является предметом изучения с древнейших времен. Фигуры и тропы, выступая элокутивным средством, рассматриваются современными исследователями в качестве основного фактора эффективного речевого воздействия. Риторические приемы представляются частью кодовой организации речи. Метафоры, сравнения, эпитеты и другие средства в текстах, относящихся к разным жанрам, являются знаками, организующимися в гармоничные незамкнутые системы, которые дешифруются коммуникантами в соответствии с ожидаемыми устойчивыми представлениями. Эти системы формируют риторические коды. Например, амплификация, имеющая смыслорасширительные свойства, в жанре публицистического очерка может быть оценена как знак повышенного внимания к определенному предмету речи – создается риторический код акцентуации.

По мнению У. Эко, коммуникация реализуется благодаря тому, что «код представляет собой систему вероятностей, которая накладывается на равновероятность исходной системы», поскольку система вероятностей сказанного представляет собой сущность информации [Эко: 56]. Система дает возможность выбрать необходимый для коммуникантов сегмент знания. Это значит, что с помощью кода устанавливается перспектива налаживания коммуникативных связей, ориентированных не только на высказанное, но и на предполагаемое – на внутренний смысл фразы.

Чувственное восприятие речи, понимание прагматического замысла, заложенного адресантом речи, представляет процесс дешифровки кода.

Цель настоящего исследования – анализ специфики риторических кодов, реализованных перифразой в произведениях И.А. Бродского. Поставленная цель предполагает решение задач как теоретического, так и практического характера. Во-первых, необходимо определить объемы понятий *перифраза* и *риторический код*; во-вторых, установить соответствующие текстовые иллюстрации из произведений поэта, включающие перифразы; в-третьих, объяснить выразительный потенциал приема, определяющего кодовые элементы, необходимые для восприятия и дешифровки риторического кода.

Контекстный анализ, методика наблюдения, интерпретации и обобщения позволили выдвинуть гипотезу о том, что риторические коды перифраз в поэтическом мире И.А. Бродского отражают мировоззренческие установки лирического героя произведения и позволяют точнее постичь авторский замысел. В этом заключается теоретическая значимость исследования – в понимании технологии организации риторического кода в текстах.

Разные риторические приемы могут организовывать риторические коды, считывание которых пред-

полагает освоенное знание всей языковой системы и умение верно интерпретировать тексты разных жанров. Например, понимание риторических кодов, заложенных в лирические стихотворения с помощью перифразы, опирается на общесмысловой фон стихотворения, на совокупность семантики языковых единиц, составляющих произведение, на особенности организации риторического приема. Традиционно перифраза определяется как «троп, заключающийся в замене какого-либо слова или выражения описательным оборотом», *Санкт-Петербург – северная Венеция* [КР]. Исследователи уточняют, что перифраза выступает в качестве «неоднословной вторичной номинации описательного, преимущественно эмоционально экспрессивного, оценочного характера, представляющей собой семантически неделимое выражение, косвенно указывающее на существенные, отличительные либо субъективно выделенные носителям языка признаки (признак) обозначаемого объекта или явления действительности» [Рапаева: 90]. Перифраза обладает широкими риторическими возможностями: она «актуализирует привычные ассоциативные связи» при восприятии текста, «позволяет посмотреть на образ с разных сторон», является частью семантического контекста, определяющего содержание всего произведения [Маслова: 85]. Перифраза позволяет выделить существенные признаки объекта, продемонстрировать маркированные автором детали образа. Эти детали становятся знаками риторического кода, дешифрация которого определена комбинациями возникающих значений.

Таким образом, риторический код становится связующим мостиком между текстом и новым образом действительности [Ступина: 104]. Опыт в последующем может быть применен в качестве реакции на аналогичные высказывания, содержащие риторические приемы.

Образные возможности перифразы позволяют обнаружить «источник творческого импульса для любого носителя языка» при считывании риторического кода, поскольку «эксплицируют образно-ассоциативную семантику номината», «демонстрируют принципиальную нелимитируемость лексического значения слова», определяющего этот риторический прием [Бытева: 80].

Рассматривая реализацию риторических кодов перифразы в творчестве И.А. Бродского, учтем, что в стихотворениях значимая роль принадлежит культурологическому контексту, основу которого составляют национальная ментальность и языковая личность, поэтому при интерпретации кода оказывается значимым исторический контекст. Подчеркнем, что, по мнению Р. Барта, риторический код является субкодом общего культурного кода, то есть риторический код отражают базовые установки куль-

турного кода [Барт]. Перифраза позволяет увидеть глубокий подтекстовый смысл, если она является элементом прецедентного текста. Например:

Я Вас любил так сильно, безнадежно,
как дай Вам бог другими, но не даст!
Он, будучи на многое горазд,
не сотворит – по Пармениду – дважды
сей жар в груди, ширококостный хруст,
чтоб пломбы в пасти плавильсь от жажды
коснуться – «бюст» зачеркиваю – уст!

Узнаваемое пушкинское лирическое произведение подвергается намеренному огрублению для обозначения переживаний из-за несчастной любви. Перифраза *сей жар в груди*, обращающая читателя к детальному осмыслению эмоций лирического героя, включена в пастишированный контекст, то есть контекст, который представляет собой «комбинирование элементов, взятых из предшествующих произведений» и оказывается частью многослойного смыслового образа [Дайер: 22]. Риторический код усиления, реализованный данной перифразой, акцентирует внимание на экстремуме чувств – происходит переосмысление любовной страсти, которая единожды могла быть дана свыше.

В лирических произведениях перифраза способна выступать эквивалентом образа, чувства, в некоторых случаях наблюдается детализация, поскольку «перифраза является прагматическим средством замены исходного наименования предмета или явления на основе его дифференциального признака» [Воробьев: 81]. Подчеркнем, что рассматриваемый прием, в отличие от метафоры, не создает новых ассоциативных связей, не развивает его, а маркирует определенную значимую черту, которая позволяет обозначить индивидуальность лирического пространства, рассказать о мыслях героя:

Я входил вместо дикого зверя в клетку,
выжигал свой срок и кликуху гвоздём в бараке,
жил у моря, играл в рулетку,
обедал чёрт знает с кем во фраке.

В данном стихотворении очевидна отсылка к биографии И.А. Бродского: аресты, скитания, неприкаянность. Завуалированная мысль о неестественности, а соответственно, несправедливости заточения, реализованная в перифразе «входить в клетку», выражает также идею одиночества, обреченности. При этом форма глагола в прошедшем времени (*входил*) показывает, что лирический герой находится на этапе переосмысления случившегося, «он совершает тот акт принятия жизни и мира» [Иванов: 243]. Герой преодолевает все испытания с достоинством трагедийного образа. Все последующие приключения словно становятся следствием замещения «дикого зверя в клетке»: получение тюремного срока, пребывание в заключении, игра в рулетку рядом с морем, существование в безразличии. Сочетание *ди-*

кий зверь имеет также обобщенно-перифрастический характер, подразумевает стихийный, но ограниченный внешними силами тип. Риторический код замещения актуализирует внутреннюю трансформацию, происходящую с личностью, которая стала участником сложных социальных процессов.

Перифраза позволяет сместить акценты, повысить количество позиций, с которых объект может быть рассмотрен, актуализирует скрытые структурные связи объекта:

Вот я вновь посетил
эту местность любви, полуостров заводов,
парадиз мастерских и аркадию фабрик,
рай речных пароходов,
я опять прошептал:
вот я снова в младенческих ларах.

Данное стихотворение вновь нас обращает к пушкинскому творчеству. Вернувшись спустя много лет, лирический герой Пушкина с ностальгией описывает знакомые места. Произведение И.А. Бродского создает аналогичную проекцию, связанную с посещением тех ленинградских кварталов, где прошли детство и юность, – к общежитию на Малой Охте. Пафос, заявленный в стихотворении Пушкина, заимствован, но производимый эффект актуализации высокого чувства, связанного с осознанием естественной смены поколений, меняется на обыденное описание частного воспоминания. В последующих строках звучит ирония, создаваемая перифразами. Перифразы «местность любви», «полуостров заводов», «парадиз мастерских», «аркадия фабрик», данные в структуре асидентона, открывают этот город в ином свете. Ленинград представляется не с точки зрения туристов-искусствоведов, изучающих дворцовые ансамбли и архитектурные монументы, а с позиции простого жителя, для которого родные улицы города – это заводы, мастерские, фабрики, это территория первой влюбленности. Видимое пространство – «ни природа, ни городской пейзаж не имеют места сами по себе: они через вещи обрастают чертами лица, хранящими человеческую эмоцию» [Кирсанова: 47]. В представлении лирического героя – это изолированная территория, открытая только для тех, кто способен преодолеть время и вернуться в прошлое, что подчеркивается такими лексемами, как **полуостров**, **местность**. Слова **парадиз** и **аркадия**, трактуемые как символические обозначения прекрасных, райских топосов, обращают, с одной стороны, к принятой стилиевой эклектичности Ленинграда, с другой стороны, намекают на идею строительства всеобщего коммунизма, фактически равного райской идеологии.

В стихах И.А. Бродского обнаруживаются свободные перифразы, отличающиеся тем, что они не называют в тексте определяемое имя. Подобный прием помогает обозначить авторскую идею, перифраза

становится «одним из маркеров... выбора своего собственного пути» [Князькова: 214]. Например, в стихотворении «Меньше любви» из цикла «Римские элегии»:

Пленное красное дерево частной квартиры в Риме.

Под потолком – пыльный хрустальный остров.

Перифраза *пыльный хрустальный остров* заменяет слово **люстра**. В данном произведении этот прием включен в описание художественного пространства, в котором пребывает лирический герой. Нужно отметить, что в это время И.А. Бродский как раз жил в Риме в качестве стипендиата Американской академии. Рим традиционно трактуется как оплот античной цивилизации. Античное влияние чувствуется при интерпретации риторического кода. Так, лирический герой, погружаясь в воображаемый мир, представляет образ частной квартиры как модель всего мироздания. Рим как колыбель европейской культуры вводит мотив вечности и неизменной классики. Хрустальный остров на потолке-море кажется условным центром не только квартиры, но и мира-Рима в целом. Отмечается, что «на образный ряд потолок-море, люстра-остров нанизывается определение “пыльный”, непосредственно вводится мотив статичности. Образ пыли на люстре – знак отсутствия человека, жизни, и образ пыли на острове – знак его необитаемости» [Гаспищева]. Так вводится мотив длительного одиночества. Риторический код обособления, создаваемый перифразой люстры, трансформирует идею вечного скитальчества, неприкаянности и отдаленности от всех. Лирический герой, с тоской взирая на пыльный остров, ощущает сиротство в этом большом мире.

Подводя итог нашим размышлениям, отметим, что произведения имеют тесную связь с историческими процессами, общественной жизнью, духовными исканиями мастеров слова. Лирическое произведение обладает особой репрезентативностью, которая может обнаруживаться в разных риторических приемах, в том числе в перифразе. Перифраза открывает в обыденном нечто особенное, вселенское. В поэтическом пространстве через мир вещей обнаруживается вечность с ее универсумами, которые постижимы только при верном считывании комбинации знаков – это риторические приемы, жанровые особенности, эстетические установки автора. На первый взгляд, эти знаки стихийно разбросаны в пространстве текста, но в единстве они образуют особый код. Эти знаки составляют риторические коды замещения, усиления, обособления. В этом заключается теоретическая значимость понимания технологии организации риторического кода в текстах иной направленности.

Список литературы

- Барт П. S/Z*. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
- Бытева Т.И.* Образность как особенность семантики перифразы // Вестник Красноярского государственного университета: Гуманитарные науки. 1999б. Вып. 1. С. 77–80.
- Воробьев А.Е., Муллинова О.А., Муллинова Т.А.* Перифраза в современном газетном заголовке // Известия ВГПУ. 2022. № 6 (169). С. 81–87.
- Гаспищева Ю.А.* «Римские элегии» И. Бродского как художественное целое. Пристальное прочтение Бродского: сб. ст. / под ред. В.И. Козлова. URL: <http://www.telenir.net/> (дата обращения: 06.02.2024).
- Дайер Р.* Пастиш / пер. с англ. И. Кушнарева; под науч. ред. Е. Бондал; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 344 с.
- Иванов Н.Б., Михайлова М.В.* Человек, мир, благодарение. О стихотворении И.А. Бродского «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» // Вестник РХГА. 2017. № 2. С. 241–248.
- Курсанова Л.И.* Странничество в вещном мире (особенности поэтики И. Бродского) // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2012. № 4. С. 40–47.
- Князькова В.С.* Прием перифразы как маркер поиска идентичности в современных словацких художественных произведениях // Вестник славянских культур. 2022. № 64. С. 208–216.
- Маслова Ж.Н.* Перифраза в поэтике Иосифа Бродского (опыт исследования в контексте лингвофилософии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 85–91.
- Ранаева Ю.В.* Структура перифразы и ее типы // Современная филология: материалы II Междунар. науч. конф. Уфа, 2013. С. 90–91.
- [КР]: Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Флинта: Наука, 2006. 696 с.
- Ступина Е.С.* Риторические коды антонимов в политическом тексте: биография эпохи (на основе работ В.И. Ленина «С чего начать?», «Что делать?») // Политическая лингвистика. 2023. № 4. С. 103–108.
- Эко У.* Отсутствующая структура. Санкт-Петербург: Петрополис, 1998. 432 с.

References

- Bart R. *S/R*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001, 232 p. (In Russ.)
- By`teva T.I. *Obraznost` kak osobennost` semantiki perifrasy`* [Imagery as a feature of semantics of periphrasis]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta: Gumanitarny`e nauki* [Bulletin of the Krasnoyarsk State University: Humanities], 1999b, No. 1, pp. 77-80. (In Russ.)
- Dajer R. *Pastish*, transl. from Eng. by I. Kushnareva; scien. ed. by E. Bondal; Nacz. issled. un-t "Vy`sshaya shkola e`konomiki". Moscow, Izd. dom "National Re-

search University Higher School of Economics” Publ., 2021, 344 p. (In Russ.)

Eco U. *Otsutstvuyushhaya struktura* [Missing structure]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1998, 432 p. (In Russ.)

Gastishcheva Yu.A. «*Rimskie e`legii*» I. Brodskogo *kak xudozhestvennoe celoe* [“Roman Elegies” by I. Brodsky as an artistic whole]. *Pristal`noe prochtenie Brodskogo* [A closer reading of Brodsky: collection of articles], ed. by V.I. Kozlov. URL: <http://www.telenir.net/> (access date: 02.06.2024). (In Russ.)

Ivanov N.B., Mikhailova M.V. *Chelovek, mir, blagodarenie. O stixotvorenii I.A. Brodskogo «Ya vxodil vmesto dikogo zverya v kletku...»* [Man, peace, thanksgiving. About the poem by I.A. Brodsky “I entered a cage instead of a wild beast...”]. *Vestnik RXGA* [Bulletin of the Russian Chemical Academy], 2017, No. 2, pp. 241-248. (In Russ.)

Kirsanova L.I. *Strannichestvo v veshhnom mire (osobennosti poe`tiki I. Brodskogo)* [Wandering in the Material World (features of I. Brodsky's poetics)]. *Uchyonye zapiski ZabGU. Seriya: Filosofiya, sociologiya, kul`turologiya, social`naya rabota* [Scientific notes of the Trans-Baikal State University], 2012, No. 4, pp. 40-47. (In Russ.)

Knyazkova V.S. *Priem perifraza kak marker poiska identichnosti v sovremenny`x slovaczkix xudozhestvenny`x proizvedeniyax* [The device of periphrasis as a marker of the search for identity in modern Slovak works of art]. *Vestnik slavyanskix kul`tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2022, No. 64, pp. 208-216. (In Russ.)

Maslova Zh.N. *Perifraza v poe`tike Iosifa Brodskogo (opy`t issledovaniya v kontekste lingvofilosofii)* [Periphrasis in the poetics of Joseph Brodsky (research experience in the context of linguophilosophy)]. *Izvestiya VUZov. Povolzhskij region. Gumanitarny`e nauki* [News of Higher Educational Institutions. Volga region. Humanities sciences], 2008, No. 1, pp. 85-91. (In Russ.)

Rapaeva Yr.V. *Struktura perifrazy i ee tipy* [Periphrase structure and its types]. *Sovremennaya filologiya: materialy II Mezhdunar. nauch. konf.* [Modern philology: materials of the II International Scientific Conference]. Ufa, 2013, pp. 90-91. (In Russ.)

Stupina E.S. *Ritoricheskie kody` antonimov v politicheskom tekste: biografiya e`poxi (na osnove rabot V.I. Lenina «S chego nachat`?», «Chto delat`?») [Rhetorical codes of antonyms in a political text: a biography of the era (based on the works of V.I. Lenin “Where to start?”, “What to do?”)]. *Political linguistics* [Political linguistics], 2023, No. 4, pp. 103-108. (In Russ.)*

Vorobyov A.E., Mullinova O.A., Mullinova T.A. *Perifraza v sovremenном gazetnom zagolovke* [Periphrasis in a modern newspaper headline]. *Izvestiya VGPU* [Bulletin of the VSPU], 2022, No. 6 (169), pp. 81-87. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.03.2024; одобрена после рецензирования 08.04.2024; принята к публикации 11.04.2024.

The article was submitted 28.03.2024; approved after reviewing 08.04.2024; accepted for publication 11.04.2024.

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 81'42

EDN JNVZFA

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-176-182>

КОГНИТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА: МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ФРЕЙМИНГ

Дзюбенко Анна Игоревна, кандидат филологических наук, доцент Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия, aidzyubenko@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3228-4277>

Аннотация. Актуальность изучения художественного образа, его онтологического статуса и комплекса функций в парадигме современной лингвистики обуславливается необходимостью понимания специфики художественного текста как результата речемыслительной деятельности автора и рецептивно-интерпретативной деятельности читателя в процессе эстетической коммуникации. Художественный образ воплощает основные качества художественного текста – его концептуальную неспособность к отражению объективной действительности в рамках стратегий условности или жизнеподобия. Художественный текст апеллирует к сети ассоциативных связей, которые возникают у адресата эстетического высказывания в процессе восприятия такого текста на основе обыденного и духовного опыта, фоновых знаний, в том числе и тех, которые обуславливаются общекультурным кругозором личности. В процессе исследования доказано, что художественный образ возникает в процессе абстрагирования и в художественном тексте может быть реализован посредством метафор, в результате чего читатель получает возможность декодировать имплицитные смыслы с помощью наглядных представлений и вербализовать их. На материале текстов романов В.В. Орлова «Альгист Данилов», «Аптекарь» и «Шеврикука, или Любовь к привидению» установлено, что когнитивная организация художественного образа определяется метафорическим фреймингом, который составляет фундамент художественного вымысла: происходит перенос по сходству в отношении ситуаций, событий, характеристик персонажей, репрезентированных в художественном тексте, и знаний, ценностей и смыслов, которые составляют фундамент картины мира адресата.

Ключевые слова: художественный образ, фрейм, художественный текст, концептуальная метафора, метафоризация, когнитивная структура, языковой знак, фикциональность.

Для цитирования: Дзюбенко А.И. Когнитивная организация художественного образа: метафорический фрейминг // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 176–182. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-176-182>

Research Article

COGNITIVE ORGANISATION OF LITERARY IMAGE: METAPHORICAL FRAMING

Anna I. Dzyubenko, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, aidzyubenko@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3228-4277>

Abstract. Topicality of studying the artistic image, its ontological status and complex of functions in the paradigm of modern linguistics is determined by the need to understand the specifics of an artistic text as a result of the verbal and mental activity of the author and the receptive-interpretative activity of the reader in the process of aesthetic communication. An artistic image embodies the main qualities of an artistic text – its conceptual inability to reflect objective reality within the framework of conventionality or life-like strategies. A literary text appeals to the network of associative connections that arise for the addressee of an aesthetic statement in the process of perceiving such a text on the basis of everyday and spiritual experience, background knowledge, including those determined by the general cultural outlook of the individual. In the process of research, it was proven that an artistic image arises in the process of abstraction and in an artistic text can be realised through metaphors, as a result of which the reader gets the opportunity to decode implicit meanings with the help of visual representations and verbalise them. Based on the texts of novels by Vladimir Orlov “Danilov, the Violist”, “Pharmacist” and “Shevrikuka” it is established that the cognitive organisation of an artistic image is determined by metaphorical framing,

which forms the foundation of artistic fiction: there is a transfer by similarity in relation to situations, events, characteristics of characters represented in artistic text, and knowledge, values and meanings that form the foundation of the addressee's worldview.

Keywords: literary image, frame, literary text, conceptual metaphor, metaphorisation, cognitive structure, linguistic sign, fictionality.

For citation: Dzyubenko A.I. Cognitive organisation of literary image: metaphorical framing. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 176–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-176-182>

Активизация разноаспектных исследований текста обусловлена усиливающимся интересом современной лингвистики не только к структурно-семантическим и функциональным особенностям этого сложного многоуровневого феномена как результата речемыслительной деятельности языковой личности, но и все большей ориентацией на выявление и описание процессов восприятия, осмысления и переосмысления, смыслообразования, которые с наибольшей репрезентативной силой могут быть представлены именно в текстовом пространстве. В этой связи изучение художественного текста не только как некоего образования, возникшего, существующего и развивающегося в письменном варианте литературного языка [Гальперин: 15], но и как произведения искусства представляет, на наш взгляд, один из объектов исследования, обладающих обширным эвристическим потенциалом. Очевидно, что доказательное и всестороннее изучение художественного текста невозможно вне понимания онтологического статуса и комплекса функций художественного образа – структурообразующего компонента, фундаментально значимого в семантическом пространстве художественного текста [Бабенко].

В.А. Пищальникова трактует художественный текст как «коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявленной в процессе его восприятия» [Пищальникова: 6], что определяет его характеристики как коммуникативного феномена, реализующего эстетическую функцию. Автор в таком тексте воплощает собственную концепцию мира, свое понимание прекрасного и безобразного, добра и зла, а также других онтологических категорий, которые выражены посредством художественных образов. Очевидно, что авторский замысел и эстетические механизмы его воплощения обнаруживают сложные взаимосвязи с художественным вымыслом как способом «осмысления и воссоздания действительности на основе воображения» [Клейменова: 95], результатом «сложной мыслительной деятельности, в которой творческое сознание порождает новое знание на основе операций селекции, комбинации и синтеза уже известного» [Клейменова: 95]. Художественный вымысел не манипулятивен по своей природе и не воспринимается адресатом текста как обман, так как воспроизведение действительности в художественном тексте происходит с известной долей условности.

Оставляя в стороне проблему тотального искажения объективной действительности в координатах вербальной коммуникации ввиду конвенциональной природы языковых знаков (см.: [Витгенштейн]), укажем лишь, что художественный текст принципиально не способен отражать реальность: он транслирует представления автора о действительности сквозь призму национальной языковой и индивидуально-авторской картин мира. Поэтому аксиоматичен тезис о фикциональности художественного текста, а «изображаемый в тексте мир является *фиктивным*, вымышленным», вымысел же, понимаемый в аристотелевском смысле как мимесис, предстает, по правомерному утверждению В. Шмида, как «художественная конструкция возможной действительности» [Шмид: 22].

Вымысел в художественном тексте демонстрирует развитие в рамках двух основных стратегий – условности и жизнеподобия [Хализев], однако в обеих стратегиях организующим центром остается именно фикциональность. Условность в разной степени отдаляет художественный мир от реальности, тогда как жизнеподобие, напротив, приближено к ней точностью описаний событий и/или исторического фона в его общих чертах и приметах, достоверностью воссоздания портретов реальных исторических деятелей или вымышленных персонажей, помещенных в координаты реальной исторической эпохи. В любом случае, что бы ни было показано в художественном тексте, семантическое пространство которого обладает различной степенью сложности, всегда это взгляд на мир сквозь призму авторской субъективности. Художественный мир с вполне реалистичными или невероятными событиями и персонажами позволяет выявить закономерности, свойственные действительности, и проецировать их не только на прошлое и настоящее, но также и на будущее, что сообщает художественному тексту прогностический потенциал.

Общеизвестно, что единицей художественного мира является художественный образ – феномен, характеристики которого остаются дискуссионными, актуальность их выяснения в последние десятилетия акцентирована в связи с развитием когнитивной лингвистики. Сам процесс продуцирования художественного образа обуславливается способностью сознания адресанта и адресата художественного текста как эстетического высказывания к отражению полу-

ченной информации об окружающем мире в виде «картинок», которые передают свойства окружающей действительности в искаженном виде, сохраняя при этом возможность интерпретации, адекватной авторскому замыслу. Еще И. Кант указывал на особую роль воображения в создании образа: воображение рождает представления, которые «стремятся к чему-то за пределами опыта и таким образом пытаются приблизиться к изображению понятий разума (интуитивных идей), что придает им видимость объективной реальности; с другой стороны, и при этом, главным образом, потому, что им как внутренним созерцаниям не может быть полностью адекватным никакое понятие» [Кант: 330–331].

Сознание правомерно рассматривается современной наукой как субъективное переживание объективной действительности, явленное в специфической форме ментальной жизни личности, а само образное отражение действительности выделяют как особый вид мышления: «чувственное восприятие и представление, на которых базируется образ, включает момент логического абстрагирования и обобщения... в тех видах искусства, где используется слово, используется тем самым и понятие, но оно включается в образ не по законам мышления, а подчиняясь особой, конкретно-оценочной форме отражения, в которой познавательные моменты слиты с эмоционально-оценочными» [Волкова: 21]. Когнитивная организация художественного образа с необходимостью опирается на такие ментальные механизмы, которые оказываются задействованы не только в процессе создания образа, но и в ходе его восприятия и интерпретации. Когнитивная организация художественного образа закономерно подразумевает амбивалентные друг другу процессы абстрагирования и конкретизации, метафоризации и декодирования переносных смыслов и пр.

Теория концептуальной метафоры позволяет рассматривать познание, мышление и практическую деятельность человека в метафорических терминах, выраженных образным языком [Лакофф: 90]. Метафоризация основана на взаимодействии когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели»: так возникает «метафорическая проекция», осуществляющая перенос каких-то свойств и характеристик исходной области на целевую. Концептуальные метафоры обуславливают «строение обыденной концептуальной системы нашего общества, которая отражается в повседневном употреблении языка» [Лакофф: 169], что, разумеется, отражено и в эстетической коммуникации: метафоры определяют тропеические структуры, составляя фундамент не только собственно метафоры, но и оксюморона, метонимии, иронии и пр. – словом, всех тропов, которые структурированы в части метафорического концепта, лежащего за пределами обыденной систе-

мы понятий. Такая специфика концептуальной метафоры позволяет ей участвовать в продуцировании отдельных художественных образов, образной структуры художественных текстов и, что вполне логично, художественного вымысла, составляя основу фикциональности как литературы, так и других видов искусства. М. Тернер в рамках концепции когнитивной риторики анализирует инвенцию (*invention*) как основополагающую категорию классической риторики, под которой традиционно понимают вымысел, творчество, поэтическую фантазию. Результатом такого анализа становится вывод о концептуальных структурах, зачастую клишированных, неоригинальных, которые свойственны обыденному мышлению, не выводимых на поверхность сознания, но составляющих основу художественного вымысла [Turner]. Фундамент художественного образа вполне может составлять конвенциональная метафора, а сам художественный вымысел является следствием нарушения концептуальных ограничений, которые определяются структурно-семантической организацией концептуальной метафоры. Теория концептуальных интегратов (*conceptual blends*), которая явилась результатом совместной работы М. Тернера и Ж. Фоконье, ориентирует, в частности, и на процесс семиозиса в художественном тексте в широком смысле; исследователи предлагают схемы интеграции ментальных пространств, объясняющие ряд механизмов формирования образности [Fauconnier].

Когнитивная лингвистика выделяет основные структуры познавательной деятельности: таковы фреймы, сценарии и концепты. Фреймы выступают в качестве схем типичных ситуаций, при этом, разумеется, в конкретной ситуации могут быть представлены вариативные компоненты таких схем – таковы слоты, входящие в состав фреймов [Ван]. Сценарии являются, в сущности, вариантами решения проблемных ситуаций и в этой связи различным образом репрезентируют знания, служащие для адекватной обработки информации о стандартных ситуациях. Концепт является в этой связи особой когнитивной единицей – это поле традиционного знания, инвариантного образовательной ценности [Карасик; Шестак].

В качестве материала исследования выступает трилогия В.В. Орлова «Останкинские истории» [Орлов]: тексты романов «Альтист Данилов» (1980), «Аптекарь» (1988), «Шеврикука, или Любовь к привидению» (1993), входящих в ее состав, содержат репрезентативные контексты, позволяющие разноаспектно описывать структуру художественных образов с позиций когнитивной лингвистики, в частности их фреймовую организацию. Представляется, что изучение когнитивной организации художественного образа обретает необходимую научную доказательность при условии обращения к фреймовому анали-

зу художественного текста. Так, именно как фрейм выглядят в такой исследовательской практике динамические (события) и статические (пейзаж, портрет) категории художественного мира, поэтому фрейм истолковывается как своего рода «кадр фильма» [Солсо: 338–339], в котором его составляющие как бы организуют «рамки» конкретного компонента сюжета.

В ходе исследования нами было установлено, что фрейм, который определяет когнитивную структуру художественных образов романов, имеет оппозитивную организацию, фиксируемую номинациями «“реальность” – фантастика», закономерно обладающими признаками концептуальных метафор. Так, в романе «Альтист Данилов» представлен следующий контекст: «Новая его квартира в Останкине походила на шкатулку, но в ней вполне было место, где Данилов мог держать свой инструмент. <...> Звук у альтя Альбани был волшебный. Полный, мягкий, грустный, добрый, как голос близкого Данилову человека. <...> Как он любил его заранее! Как нес он его домой! Будто грудное дитя, появление которого ни один доктор, ни одна ворожея уже и не обещали» [Орлов: 35]. Сравнение *квартира – шкатулка* отсылает читателя к объективной действительности 1960–70-х годов, когда в Советском Союзе был сделан значительный шаг к тому, чтобы каждая семья имела отдельную изолированную квартиру, однако проектирование типовых жилых домов предполагало очень маленькую площадь. Тем не менее и в этой «шкатулке» есть место чуду: Данилов много лет стремится к тому, чтобы приобрести альт, созданный знаменитым итальянским мастером Альбани (1621–1673), и это чудо в координатах фрейма фиксируется метафорой, которой описан звук музыкального инструмента – *полный, мягкий, грустный, добрый*. Когнитивная организация художественного образа музыки, творчества музыканта предполагает включение в состав фрейма ряда сравнений (*как голос близкого Данилову человека; будто грудное дитя, появление которого ни один доктор, ни одна ворожея уже и не обещали*), которые, с одной стороны, «доставляют» реальность художественного мира, с другой – фокусируют внимание читателя на фантастическом, созданном вдохновением творческой личности – и мастера скрипичных дел, и музыканта.

В базовом определении фрейма центральным является его трактовка как структуры данных для представления визуальной стереотипной ситуации, особенно при организации больших объемов памяти [Минский; Демьянков]: посредством фреймов структурируются представления, хранящиеся в памяти, как информация об определенном фрагменте человеческого опыта [Карасик: 152]. Знания, получающие возможность организации через фреймы, представлены тремя «слоями»: а) лексическое значе-

ние; б) энциклопедическое знание предмета; в) экстралингвистическое знание. На наш взгляд, художественный образ проходит посредством фреймов те же стадии в своем структурировании, при этом художественный вымысел возникает на «стыке» репрезентированного в художественном тексте и собственно экстралингвистических знаний адресата. Так, например, в тексте романа «Альтист Данилов» представлен следующий контекст: «Без промедления маршрутом Чкалова Данилов вылетел в Канаду, имея при себе лом и шанцевый инструмент. На месте цветения он понял, что ломом ему не обойтись. Лом заменил отбойным молотком. Подо льдом земля была схвачена черной мерзлотой, раз на Кармадоне появились волопасные растения, значит, Кармадон отключился, себе не хозяин – и как бы он не замерз на вечные времена. Долго Данилов бился с канадской мерзлотой, пот с лица стирал, наконец, откопал Кармадона» [Орлов: 117]. Очевидно, что художественные образы опираются в своем функционировании на фреймы, в которых фоновые знания читателя играют первостепенную роль: такова прецедентная ситуация, маркированная лексическим сочетанием *маршрутом Чкалова*, отсылающая к событиям июня 1937 года, когда летчики В.П. Чкалов, Г.Ф. Байдуков и А.Ф. Беляков совершили беспосадочный перелет на самолете АНТ-25 по маршруту Москва – Северный полюс – Ванкувер. При этом читателю ясно, что Данилов – герой полудемонического происхождения, и при перелете в Канаду этот персонаж никаким самолетом не пользовался: так происходит столкновение и взаимодействие характеристик «реальных» и фантастических образов. Детализация, необходимая для реализации фрейма (*лом, шанцевый инструмент, отбойный молоток, мерзлота – место цветения, волопасные растения*), также фиксирована в данном контексте в оппозитивных отношениях. Безусловно здесь и противопоставление персонажей – Данилова, демона только наполовину, и Кармадона, демона в полном смысле, прибывшего из созвездия Волопаса.

В романе «Аптекарь» автор вновь организует художественную образность на основании взаимодействия примет реальности, известных читателю, и чудесного, волшебного, нереального, например: «когда Михаил Никифорович открыл бутылку (а дядя Валя держал стакан рядом), из нее вышла женщина. А может, девушка. Женщина-то хрен с ней, но бутылка-то оказалась пустой. Никакой жидкости в ней уже не было. Игорь Борисович вздрогнул. А тут женщина, которая не просто стояла как человек, а плавала над детской площадкой, заговорила» [Орлов: 364]. Фрейм «“реальность” – фантастика» реализован в данном контексте посредством модели известной по фольклорным восточным сказкам сюжетной ситуации «освобождение джинна из лампы», толь-

ко «берегиня» появляется перед героями из бутылки водки Кашинского завода. При этом столкновение реальности и фантастики приобретает парадоксальный характер в высказывании «Женщина-то хрен с ней, но бутылка-то оказалась пустой». Отметим в этой связи, что слоты, составляющие фрейм, постоянно дополняются новыми признаками, что достраивает художественные образы романа.

Интерпретация художественного текста проводится адресатом с помощью активизации определенной контурной схемы – фрейма, в котором многие слоты не имеют четкой квалификации и могут не иметь номинаций. По мере восприятия и понимания текста такие слоты постепенно заполняются, так как читатель восстанавливает или выстраивает вновь исторические и логические связи между эпизодами. Восприятие художественного текста характеризуется целостностью: когнитивная деятельность читателя ориентирована на заполнение слотов целых сцен, а затем – их компонентов [Кубрякова: 90]. И на каждом этапе эстетической когниции в трактовке художественных образов возникает возможность реализации художественного вымысла как результата метафоризации описанных в тексте событий или характеров и опыта освоения объективной действительности адресатом и адресатом.

В романе «Шеврикука, или Любовь к привидению» представлен следующий контекст: «...жизнь-то человека катилась, кувыркалась, неслась, отправляя высокомерием заблуждений домовых вместе со всякими костяными ногами, мальчиками-с-пальчик, обижающими людоедов, в фольклорные издания, в сноски к заключениям ученых умов, в мельтешение цветных картинок на экранах ради потехи детишек, и Шеврикука все чаще и чаще позволял себе, глаз кося на крутые предписания, гулять по Москве в человеческом подобии» [Орлов: 768]. В приведенном контексте фрейм «"реальность" – фантастика» характеризует сюжетное действие с точки зрения включенности домового Шеврикуки в городскую жизнь с позиции его превращения в обычного москвича, при этом роль границы между художественной реальностью и фантастическим миром возложена на некие исторически сложившиеся «крутые предписания», которые организуют существование мифологических существ. На наш взгляд, именно концептуальная метафора, которой открывается данный контекст (*жизнь-то человека катилась, кувыркалась, неслась*), задает необходимые семантические координаты для функционирования фрейма, организующего художественные образы.

Читатель постоянно сопоставляет то, что есть в его базе знаний, с тем, что представлено в художественном тексте, и делает вывод о постоянном функционировании художественного вымысла в таком тексте

вне его жанровой принадлежности или следования стратегиям условности или жизнеподобия. Так происходит потому, что индивидуально-авторская картина мира может совпадать с картиной мира адресата лишь в общих чертах, в своих «контурах», духовный, обыденный и общекультурный опыт адресанта эстетической коммуникации абсолютно индивидуален, так же как и опыт адресата в освоении мира. Кроме того, язык сам по себе потенциально «искажает» или трансформирует окружающую действительность, так как слова являются символическими знаками (см.: [Пирс]), а концептуализация и категоризация знаний происходит на основании процесса метафоризации (см.: [Молчанова]).

Художественный образ предстает в художественном тексте единицей взаимодействия авторского сознания и того предмета, на котором сфокусировано авторское внимание, при этом образ сохраняет в себе совокупность всех своих инвариантов, однако одновременно является и фактом единичного воспроизведения предмета, так как отражает неповторимый компонент индивидуально-авторской картины мира. Поэтому с уверенностью можно говорить о синтезе в когнитивной структуре художественного образа категоризации знаний и концептуализации действительности.

Список литературы

- Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для студентов филологических специальностей вузов. Москва: Академ-Проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2004. 462 с.
- Ван Чж., Дашининаева П.П. Фрейм, гештальт и образ: равнозначность или смежность категоризации? // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2 (20). С. 29–40.
- Витгенштейн Л. Философские исследования. Москва: АСТ, 2019. 384 с.
- Волкова Е.В. Произведение искусства – предмет эстетического анализа. Москва: Изд-во Минского университета, 1976. 286 с.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд., стер. Москва: КомКнига, 2007. 144 с. (Лингвистическое наследие XX века).
- Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 5. Москва: Мысль, 1966. 564 с.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004. 389 с.
- Клейменова В.Ю. Фикциональность и вымысел в тексте // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2011. № 143. С. 94–102.
- Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьян-

ков, Ю.Г. Панкрац [и др.]. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 90–93.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва: УРСС, 2004. 252 с.

Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О.Н. Гринбаума; под ред. Ф.М. Кулакова. Москва: Энергия, 1979. 151 с.

Молчанова Г.Г. Смыслопреобразующая роль метафоры в контексте радиального расширения концепта // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 9–23.

Орлов В.В. Останкинские истории: Полное издание в одном томе. Москва: Альфа-книга, 2018. 1278 с.

Пирс Ч.С. Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович и др. Москва: Логос, 2000. 411 с.

Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психоэстетику. Барнаул: Алтайск. гос. ун-т, 1993. 209 с.

Солсо Р.Л. Когнитивная психология: пер. с англ. Москва: Тривола, 1996. 598 с.

Хализев В.Е. Теория литературы: учеб. для студентов вузов. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Высш. шк., 2004. 404 с.

Шестак Л.А. Когнитивная теория текста // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. тр. / сост. И.Г. Паршина, Е.Г. Озерова. Москва: Флинта: Наука, 2011. С. 328–334.

Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 312 с. (Studia philologica).

Fauconnier G., Turner M. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York, Basic Books, 2002, 440 p.

Turner M. Reading minds: The study of English in the age of cognitive science. Princeton, New York, Princeton University Press, 1991, 298 p.

References

Babenko L.G. *Filologicheskii analiz teksta. Osnovy teorii, printsipy i aspekty analiza: uchebnykh dlia studentov filologicheskikh spetsial'nostei vuzov* [Philological analysis of the text. Fundamentals of theory, principles and aspects of analysis: a textbook for students of philological specialties of universities]. Moscow, Akadem. Proekt; Ekaterinburg: Delovaia kniga Publ., 2004, 462 p. (In Russ.).

Gal'perin I.R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniia* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, KomKniga Publ., 2007, 144 p. (Lingvisticheskoe nasledie XX veka). (In Russ.)

Kant I. *Sochineniia: v 6 t. T. 5* [Essays: in 6 vols. Vol. 5]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, 564 p. (In Russ.)

Karasik V.I. *Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskursy* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004, 389 p. (In Russ.)

Khalizev V.E. *Teoriia literatury* [Theory of literature]: *uchebnik dlia studentov vuzov*, 4-e izd., ispr. i dop. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004, 404 p. (In Russ.)

Kleimenova V.Iu. *Fiktional'nost' i vymysel v tekste* [Fictionality and fiction in the text]. *Izvestiia RGPU im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2011, vol. 143, pp. 94–102. (In Russ.)

Kubriakova E.S. *Kontsept* [Concept]. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [Brief dictionary of cognitive terms], E.S. Kubriakova, V.Z. Dem'iankov, Iu.G. Pankrats et al. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1996, pp. 90–93. (In Russ.)

Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow, URSS Publ., 2004, 252 p. (In Russ.)

Minskii M. *Freimy dlia predstavleniia znaniia* [Frames for knowledge representation], transl. from English by O.N. Grinbauma; ed. by F.M. Kulakova. Moscow, Energiia Publ., 1979, 151 p. (In Russ.)

Molchanova G.G. *Smyslopreobrazuiushchaia rol' metafor v kontekste radial'nogo rasshireniia kontsepta* [The meaning-transforming role of metaphor in the context of the radial expansion of the concept]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Moscow University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication], 2023, vol. 2, pp. 9–23. (In Russ.)

Orlov V.V. *Ostankinskie istorii: Polnoe izdanie v odnom tome* [Ostankino's stories: Complete edition in one volume]. Moscow, ALFA-KNIGA Publ., 2018, 1278 p. (In Russ.)

Pirs Ch.S. *Izbrannye filosofskie proizvedeniia* [Selected philosophical works], trans. from English K. Golubovich et al. Moscow, Logos Publ., 2000, 411 p. (In Russ.)

Pishchal'nikova V.A., Sorokin Iu.A. *Vvedenie v psikhopoetiku* [Introduction to Psychopoetics]. Barnaul, Altaisk. gos. un-t Publ., 1993, 209 p. (In Russ.)

Solso R.L. *Kognitivnaia psikhologiya* [Cognitive psychology], transl. from English. Moscow, Trivola Publ., 1996, 598 p. (In Russ.)

Shestak L.A. *Kognitivnaia teoriia teksta* [Cognitive theory of text]. *Kognitivno-pragmaticheskie vektory sovremennogo iazykoznaniiia* [Cognitive and pragmatic vectors of modern linguistics], comp. by I.G. Parshina, E.G. Ozerova. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2011, pp. 328–334. (In Russ.)

Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003, 312 p. (Studia philologica). (In Russ.)

Van Chzh., Dashinimaeva P.P. *Freim, geshtal't i obraz: ravnoznachnost' ili smezhnost' kategorizatsii?* [Frame, gestalt and image: equivalence or contiguity of categorization?]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommuni-*

katsiia [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2022, vol. 2 (20), pp. 29-40. (In Russ.)

Vitgenshtein L. *Filosofskie issledovaniia* [Philosophical studies]. Moscow, AST Publ., 2019, 384 p. (In Russ.)

Volkova E.V. *Proizvedenie iskusstva predmet esteticheskogo analiza* [A work of art is the subject of aesthetic analysis]. Moscow, Izd-vo Minskogo un-ta Publ., 1976, 286 p. (In Russ.)

Fauconnier G., Turner M. *The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York, Basic Books Publ., 2002, 440 p.

Turner M. *Reading minds: The study of English in the age of cognitive science*. Princeton, N. J., Princeton University Press Publ., 1991, 298 p.

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 24.03.2024; принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 24.03.2024; accepted for publication 25.03.2024.

ПИДЖИНИЗАЦИЯ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН (на примере африканской лингвокультуры)

Волошина Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», Белгород, Россия, tatianavoloshina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8023-3677>

Глебова Яна Андреевна, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», Белгород, Россия, Glebova@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0907-0035>

Аннотация. В данной статье выявляются особенности таких лингвокультурологических явлений, как пиджинизация и креолизация, на примере африканской лингвокультуры. Научная проблема обусловлена влиянием глобализации на состояние языков и культур в рамках межкультурного и межязыкового взаимодействия, с одной стороны, и потребностью сохранения родных языков и культур, с другой стороны. Целью статьи является определение ключевых свойств такого гибридного образования, как пиджин английского языка, функционирующего в самой крупной стране Западной Африки – Нигерии. Исследование базируется на сочетании методов лингвокультурологического анализа, с помощью которого были выявлены особенности языка и культуры в процессе исторического развития, и сравнительно-сопоставительного анализа, на основе которого были установлены ключевые сходные и различительные свойства пиджина английского языка в преломлении к британскому английскому языку. В исследовании были систематизированы ключевые исторические и лингвокультурные факторы, повлиявшие на становление и развитие пиджина английского языка Нигерии, а в дальнейшем и креолизованного английского языка, выявлены их ключевые характеристики. Было установлено, что английский язык представляет собой универсальное средство межэтнической коммуникации в Нигерии для всех социальных групп, но именно пиджин обладает простой структурой на всех языковых уровнях: фонетическом, грамматическом, лексическом. Адаптируясь к местным реалиям, пиджин английского языка Нигерии на фонетическом уровне подвержен ассимиляции и диссимиляции согласных звуков, количественной и качественной редукции гласных. Грамматический строй отличается максимальной симплификацией, для этого уровня характерно: опущение артиклей, употребление абстрактных существительных в форме множественного числа, формирование степеней сравнения прилагательных и наречий по принципу односложного прилагательного, употребление простых временных форм глагола. Для лексического строя свойственно функционирование высокочастотных лексем автохтонных языков, что обусловлено желанием следовать нормам родной культуры. Все отклонения от британского английского языка объясняются необходимостью минимальными языковыми средствами создать доступный вид коммуникации для всех социальных групп.

Ключевые слова: пиджин английского языка, креолизованный английский язык, британский английский язык, лингвокультурологическая адаптация, фонетические изменения, грамматические изменения, лексические изменения.

Для цитирования: Волошина Т.Г., Глебова Я.А. Пиджинизация как лингвокультурный феномен (на примере африканской лингвокультуры) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 183–189. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-183-189>

Research Article

PIDGINISATION AS LINGUOCULTURAL PHENOMENON (on the example of African linguoculture)

Tatiana G. Voloshina, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, National Research University "Belgorod State University", Belgorod, Russia, tatianavoloshina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8023-3677>

Yana A. Glebova, Candidate of Philological Sciences, National Research University "Belgorod State University", Belgorod, Russia, Glebova@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0907-0035>

Abstract. This article identifies the features of such a linguocultural phenomenon as pidginisation and creolisation on the example of African linguoculture. The scientific problem is caused by the influence of globalisation on the state of languages and cultures within the framework of intercultural and interlanguage interaction, on the one hand, and the need to preserve

native languages and cultures, on the other hand. The purpose of the article is to identify the key properties of such hybrid languages as Pidgin English and Creole English which operate in the largest country in West Africa – Nigeria. The research work is based on a combination of linguistic and cultural analysis method, which revealed the peculiarities of language and culture in the process of historical development, and comparative analysis method, which is the key to distinguish similar and distinctive features of Nigerian Pidgin English in relation to British English. The research work systematised the key historical, linguistic and cultural factors that influenced the formation and Pidgin English and Creole English development in Africa, and identified its key characteristics. It was proved that English is a universal means of interethnic communication for all social groups, but Pidgin English has simple structure at all language levels – phonetic, grammatical, lexical ones – and suits for everyday communication perfectly. Adapting to local realities, Nigerian Pidgin English at the phonetic level is the subject to assimilation and dissimilation of consonants, quantitative and qualitative reduction of vowels. The grammatical structure of Nigerian Pidgin English is the subject to maximum simplification, this level is characterised by the omission of articles; the use of abstract nouns in the plural form; the formation of adjectives' comparison degrees and adverbs on the principle of a monosyllabic adjective; the use of simple tense forms of verb. The lexical structure of Nigerian Pidgin English is characterised by the functioning of high-frequency lexemes of autochthonous languages, which is due to the desire to follow the norms of native culture. All deviations from British English are explained by the need to create an accessible form of communication for all social groups using minimal linguistic means.

Keywords: Pidgin English, Creole English, British English, linguistic and cultural adaptation, phonetic changes, grammatical changes, lexical changes.

For citation: Voloshina T.G., Glebova Ya.A. Pidginisation as linguocultural phenomenon (on the example of African linguoculture). Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 183–189. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-183-189>

В исследовании рассматривается специфика такого явления, как пиджинизация языка в условиях межконтактного взаимодействия. Целью исследования является выявление свойств пиджина английского языка, функционирующего на территории Нигерии, являющейся одной из самых крупных стран Западной Африки.

Вопросы контактной лингвистики не теряют своей актуальности в настоящее время. В отечественной лингвистике вопросы распространения и развития языковых контактов и межкультурного взаимодействия были изучены в трудах Ж. Багана и его последователей [Baghana et al. 2018a: 2]. Влияние английского языка как средства глобальной коммуникации на состояние африканских языков и культур исследуется в трудах Т.Г. Волошиной и Я.А. Глебовой [Baghana et al. 2023: 202]. Зарубежные и отечественные исследователи определяют особое место пиджинов в жизни африканцев как средства межэтнической коммуникации [Adebaayo: 69], а также полагают, что этот язык способен объединить все слои местного населения [Волошина 2024: 17].

Европейские языки, адаптируясь к местному мультилингвизму, приобретают новые свойства, часто язык такого рода рассматривается как образование гибридного типа, для которого характерны многочисленные изменения на всех языковых уровнях [Глебова: 22]. Пиджины европейских языков, функционирующие в странах Африки, остаются предметом анализа в трудах многих исследователей, так как в настоящее время наблюдается тенденция сохранения родных языков и культур, что также отражается на состоянии языка в целом [Nash: 427].

Специфика пиджина английского языка на территории Западной Африки была исследована в трудах зарубежных [Time, Prys: 2; Yakpo: 183; Abube: 22] и отечественных исследователей [Волошина 2024: 15], при этом особенного внимания заслуживают вопросы тесного взаимодействия языковых и культурных аспектов в процессе формирования и развития исследуемого варианта.

История создания пиджина английского языка Западной Африки начинается на территории современной Нигерии. Хотя португальцы рано начали торговлю рабами в этом районе, большая часть побережья от Нигерии до Камеруна оставалась практически без внимания европейцев, отчасти из-за сложных условий в этой местности. Однако растущий спрос на рабов в XVIII веке заставил работоторговцев продвигаться все дальше на восток, к территориям современного Лагоса и притоков устьев рек Нигера. Здесь европейцы сходили на берег для погрузки рабов. К концу XVIII века Бонни и Калабар на побережье Биафры стали двумя наиболее важными торговыми портами [Agbo, Plag: 352].

В 1807 году британцы объявили работоторговлю незаконной и контролировали исполнение этого закона, однако торговля пальмовым маслом и другими товарами оставалась весьма значимой. Протестантские миссионеры из Англии и Сьерра-Леоне приезжали в этот район в 1840-х годах, в новой местности их принимали в качестве учителей арифметики и английского языка. Британия аннексировала Лагос в 1861 году, Риверс в 1885 году, а затем и всю Нигерию в 1900 году. Хотя Нигерия сохранила английский язык в качестве официального после обретения неза-

висимости в 1960 году, уровень владения английским языком на всей территории государства оставался низким. Соответственно, знание английского языка стало приоритетным направлением в языковой политике государства. Ракурс на необходимость владеть английским языком на высоком уровне определил дальнейшее развитие страны во всех сферах: экономике, политике, образовании, СМИ, юриспруденции.

По сравнению с английским языком нигерийский пиджин английского языка является доступным средством для подавляющей части населения. В нашем исследовании мы определяем пиджин как упрощенную форму языка, используемую в качестве средства универсальной коммуникации среди носителей, имеющих различные родные языки. Пиджин обладает упрощенной системой на всех уровнях: фонетическом, грамматическом и лексическом. Пиджин способен существовать и активно развиваться в течение многих лет и даже веков, для него характерно высокопродуктивные лексические заимствования из других языков и простая грамматика, ключевой функцией пиджина является доступность коммуникации. В отличие от пиджина, креолизованный язык (или креольский язык) был создан на его основе и стал родным для серии поколений носителей, он максимально ориентирован на норму (в данном случае на британский английский язык).

Являясь средством универсальной коммуникации для представителей многочисленных языков и культур в Нигерии, пиджин английского языка играл и продолжает играть важную роль для всех слоев общества. Следует отметить, что именно пиджин английского языка является доступным средством коммуникации между вариантами «акролект», «мезолект» и «базилект», определяющими специфику нигерийского общества.

В современной Нигерии в ежедневной коммуникации используют в речи разновидности пиджина английского языка, например, один вариант – для общения с работодателями, другой вариант – для ежедневного общения с родными и близкими. Необходимо отметить, что многие нигерийцы, хотя и используют пиджин английского языка в качестве языка общения в определенных сферах, стыдятся того, что их лично ассоциируют с этим языком, который считают искаженной формой английского языка, а не языком как таковым [Baghana et al. 2018b: 1585].

Нигерийцы используют пиджин английского языка по-разному, несмотря на традиционное неодобрительное отношение к этому языку. Многие нигерийские романисты, драматурги, рекламные агенты, профсоюзные деятели и даже политики осознанно используют огромные возможности этого варианта как средства массовой коммуникации. Различные корпорации Нигерии многое сделали для популяр-

зации английского языка, разрешив использование как пиджина, так и креолизованного английского языка в рекламе, на радио и телевидении.

На территории Сьерра-Леоне в окрестностях Фритауна изначально использовался пиджин английского языка в качестве средства общения. Британцы основали форт на острове недалеко от полуострова Сьерра-Леоне в 1663 году. С этого периода на прибрежных островах обосновалось несколько английских каперов, которые вместе со своими афро-европейскими потомками помогли создать различные формы адаптированного варианта английского языка. Потомки мулаты буквально слились с афро-португальцами, образовав группу из 12 000 человек к концу XVII века, именно они сформировали коренное ядро общества, говорящего на многочисленных языках.

Рабство было отменено Великобританией в 1772 году, а американская революция началась в 1776 году. В то время британцы предлагали свободу любому африканскому рабу, который готов был сбежать и сражаться за интересы Великобритании. Некоторые из этих солдат оказались в Англии, где их стали называть чернокожими бедняками («Black Poor») и они представляли собой социальную проблему для общества. Некоторые из этих солдат обосновались в Африке. В 1787 году около четырехсот человек прибыли в Сьерра-Леоне и основали структуру, которая впоследствии стала именоваться Фритауном. Однако многие из этих беглецов умерли от болезней, далее поселение было восстановлено компанией Сьерра-Леоне, спонсором которой были британские противники работорговли. В 1792 году около 1 100 бывших работорговцев были освобождены. Американские рабы, завоевавшие свою свободу, сражаясь на стороне британцев, были привезены из Новой Шотландии, куда они были временно переселены после того, как британцы потеряли свои южноамериканские колонии в 1783 году [Beryl: 71].

В 1807 году работорговля была запрещена, а в 1808 году Фритаун стал военно-морской базой для патрулирования по борьбе с рабством и перехвата небританских невольничьих судов. Между 1808 и 1864 годами во Фритауне были поселены десятки тысяч пленных на перехваченных кораблях, с собой они привезли множество языков из Западной Африки и Конго-Ангольского региона. Специфика пиджинизации английского языка в этой местности была обусловлена сложным историческим развитием. Поселение в Сьерра-Леоне состояло из следующих групп населения: чернокожие малообеспеченные граждане, мароны и выходцы из Новой Шотландии, а также жители, которые вернулись из Западной Африки. Все эти группы использовали для общения пиджин английского языка. В настоящее время в Сьерра-Леоне функционирует как пиджин, так и креолизован-

ный английский язык, так как страна является многоязычной и многокультурной. Пиджин английского языка признан средством универсальной коммуникации, он используется для межплеменного общения и является средством СМИ. Креолизованный английский язык используется правительством, его активно применяют в публичных выступлениях по всей стране, на межплеменных религиозных службах.

Некоторые разновидности пиджина английского языка функционируют в Гане, Гвинее и Сенегале, Камеруне. Пиджин английского языка функционирует на территории современной Либерии. Носители местных языков вступали в контакт с носителями английского языка. Португальцы достигли территории нынешней Либерии в 1416 году. В XVIII веке, когда британцы занимались работорговлей, их корабли останавливались вдоль побережья Грейна, чтобы пополнить команду. На обратном пути их корабли останавливались и высаживали моряков, называемых *Krumen* (ранее *Krooboyes*) – название происходит от этнического названия *Kru*. Моряки пользовались привилегированным положением среди белых торговцев и не участвовали в работорговле. Есть все основания полагать, что именно эти «крумены» (*Krumen*) использовали в речи пиджин английского языка и способствовали его распространению в Западной Африке. К концу XIX века крумены распространили пиджин английского языка вплоть до реки Конго. В то время самая многочисленная группа круменов работала в Нигерии, но к концу Первой мировой войны Голд-Кост (современная Гана) стал их основным местом пребывания.

История развития камерунского пиджина английского языка датируется XVIII веком, когда это средство общения использовалось в окрестностях Калабара в Биафрском заливе. После британской оккупации Фернандо-По купцы и миссионеры из Британии и Сьерры Леоне прибыли на территорию нынешнего прибрежного Камеруна, чтобы остановить торговлю рабами в этом районе. Британцы основали торговые посты недалеко от прибрежного города Дуалы. Когда немцы присоединились к британцам в 1860-х и в 1884-х годах, Камерун был официально аннексирован Германией в качестве колонии. Пиджин английского языка уже настолько хорошо прижился, что немцам пришлось использовать его вместо своего родного языка в общении с местным населением [Abube: 24].

Немецкая колонизация Камеруна привела к активному распространению пиджина английского языка во внутренних районах страны, потому что немцы основали плантации, на которые приезжали рабочие с отдаленных территорий. По приезду домой они уже владели пиджином английского языка. Множество рабочих были привезены из Либерии, Того, Даго-

меи (современный Бенин) и Нигерии на эту территорию. Пиджин английского языка был основным языком общения на плантациях, а также в колониальной немецкой армии. Немцы были изгнаны из Камеруна союзниками, и страна была разделена на мандаты под властью британцев (западная часть рядом с Нигерией) и французов (восточная часть). Английский (западная часть) и французский (восточная часть) языки стали основными официальными языками Камеруна. Это привело к усилению влияния английского языка и нигерийского пиджина английского языка на западе и дальнейшей изоляции пиджина английского языка на востоке, где он уступал место французскому языку.

В настоящее время пиджин английского языка широко используется на восточном побережье Камеруна, особенно в районе Дуалы. Этот язык по-прежнему является важным средством коммуникации в социальной, религиозной и экономической жизни Камеруна. Важно отметить, что пиджин английского языка служит важным средством коммуникации на территории Западной Африки в целом. Это язык доступной коммуникации в учебных заведениях, на рабочих местах, в аэропортах, морских портах, на рынках, радио, телевидении. Самое главное, что пиджин английского языка становится основным языком общения в англоговорящих странах Западной Африки.

В нашем исследовании пиджин английского языка анализируется на примере одной из стран Западной Африки – Нигерии. Следует отметить, что креолизованный английский язык используется в речи нигерийцев в виде вариантов – «акролект» и реже «мезолект», в то время как пиджин английского языка является универсальным средством общения для всех языковых вариантов: «акролекта», «мезолекта» и «базилекта», поэтому в практической части нашего исследования анализу подлежит именно специфика пиджина английского языка Нигерии.

Пиджин английского языка, функционирующий в Нигерии, обладает облегченной структурой на всех уровнях: фонетическом, грамматическом и лексическом [Волошина, Глебова: 708].

Для фонетического строя пиджина английского языка Нигерии характерны следующие особенности.

Для системы консонантизма характерна диссимилиация:

– дистантная диссимилиация [Волошина, Глебова: 708]: *melody* /*melədi*/ (мелодия) – в британском английском языке (далее БАЯ), *melody* /*mledi*/ (мелодия) – в пиджине английского языка Нигерии (далее ПАЯН);

– контактная диссимилиация [Волошина, Глебова: 710]: *doctor* /*ˈdnktə*/ (врач) – в БАЯ, *doctor* /*dohkto*/ (врач) – в ПАЯН;

– прогрессивная диссимилиация: *wonderful* / 'wʌndəf(ə)l/ (прекрасный) – в БАЯ, *wonderful* / wantefl/ (прекрасный) – в ПАЯН;

– регрессивная диссимилиация: *possible* / 'pɒsəbl/ (возможный) – в БАЯ, *possible* / 'posipl/ (возможный) – в ПАЯН.

Для системы вокализма характерна редукция гласных:

– количественная редукция:

forsee /fɔ:si:/ (предугадать) – в БАЯ, *forsee* / forsi/ (предугадать) – в ПАЯН;

– качественная редукция: *marvellous* /'mɑ:vələs/ (чудесный) – в БАЯ, *marvellous* /meveles/ (чудесный) – в ПАЯН.

Для грамматического строя ПАЯН свойственны следующие особенности:

– опущение артиклей перед существительным:

Give me apple, please (Пожалуйста, дай мне яблоко) – отсутствие артикля как определенного, так и неопределенного перед существительным объясняется влиянием автохтонных языков Нигерии, в которых не существует такой служебной части речи, как артикль;

– употребление абстрактных существительных в форме множественного числа:

I have no moneys for chop (У меня нет денег даже на еду). В приведенном примере лексема *moneys* (деньги) употребляется в форме множественного числа, что противоречит норме – британскому английскому языку, согласно грамматическим правилам которого абстрактные существительные имеют форму только единственного числа – *money*. Несоответствие норме продиктовано интерференцией со стороны автохтонных языков;

– формирование степеней сравнения прилагательных (как односложных, так и многосложных) и наречий по принципу односложного прилагательного:

She's beautifullest I ever saw (Она – самая красивая девушка, которую я когда-либо видел). В этом предложении превосходная степень сравнения прилагательного имеет форму *beautifullest* (самый красивый), что противоречит норме – британскому английскому языку, в котором многосложные прилагательные в превосходной степени образуются при помощи добавления перед прилагательным вспомогательного слова *the most* (самый): *the most beautiful* (самый красивый);

– симплификация временных форм глагола:

He see you yesterday. You go Uni with friend [Hymes: 101] (Он видел тебя вчера. Ты шел со своим другом в университет). В приведенном примере «первое предложение содержит в своем составе глагол *see* – видеть, встречаться, который употребляется в форме простого настоящего времени (Present Simple), хотя действие произошло в прошлом, о чем свидетельствует грамматический маркер *yesterday* – вче-

ра» [Волошина 2022: 47]. Во втором предложении речь идет о том, что героя видели, когда он шел в университет, при этом глагол имеет форму *go* (идти). В двух предложениях мы видим употребление глаголов в форме настоящего времени, хотя речь идет о действиях, совершаемых в прошлом, и, принимая во внимания грамматические правила британского английского языка, необходимо употребить глаголы в прошедшем времени: *saw* (видел) в первом предложении и *were going* (шел) во втором предложении;

– свободный порядок слов в предложении:

Me go to school Michelle [Abube: 24] (Я и Мишель вместе ходим в школу). Приведенный пример демонстрирует свободный порядок слов в предложении, что противоречит порядку слов в британском английском языке, который является строго фиксированным (*Michelle and I go to school together* – корректный порядок слов). Автохтонные языки Нигерии относятся к группе синтетических языков, поэтому для них типичен свободный порядок слов.

Для лексического строя ПАЯН характерно высокочастотное функционирование лексем автохтонных языков, например:

How you dey? [Adebayo: 77] *How do you do?* (Здравствуйте! или Как у Вас дела?). Это приветствие часто используется в разговорной речи нигерийцев, иногда также встречаются аналоги данного выражения, такие как: *How na?* или *How far?*

Ответной репликой на приветствие подобного типа выступают выражения: *I dey – I am fine* [Agbo, Plag: 374] (У меня все отлично) или *I dey Kampe – I am doing well* (У меня все хорошо).

Важно отметить, что значение лексических единиц британского английского языка, адаптируясь к местным условиям, подвержено изменению. Наиболее частотным типом изменения значения является его расширение, например:

I wan Chop или *I dey H* [Beryl: 72] – *I want to eat* (Я голоден / я хочу есть).

В британском английском языке глагол *to chop* имеет значение *резать на кусочки, крошить*. В ПАЯН значение этого глагола расширяется и он трактуется как «испытывать голод». Если нигериец испытывает очень сильный голод, то он скажет следующим образом: *Hunger dey tear my belle* [Time, Prys: 23] – *Hunger wan kill me* (Голод меня убьет). В случае, когда человек сильно поправился, в Нигерии принято говорить *You don chop up? – You have put on some weight* (Ты очень сильно набрал вес).

Вкусная еда занимает важное положение в жизни нигерийцев, как женщины, так и мужчины любят готовить блюда родной кухни. О вкусном блюде принято говорить так: *Dis food sweet well, well* или *Dis food sweet no be small* [Nash: 427] – *This meal is delicious* (Эта еда – очень вкусная).

Для ПАЯН характерно функционирование в речи разговорных маркеров, подтверждающих или опровергающих информацию, например, маркер *Abi?* – *Right?* (*Это так?*):

Dis bag na lemon green e be, abi? – This lemon isn't green, is it? (*Эти лимоны – спелые, не так ли?*)

Na so! – Is that so! [Hymes: 101] (*Это действительно так!*).

Данный диалог репрезентирует разговор на местном рынке: покупатель выбирает лимоны и задает вопрос продавцу о свежести фруктов, в данном случае используется вопросительный маркер *Abi?* (*Это так?*). Продавец заверяет покупателя в том, что его лимоны – самые свежие и сочные, используя маркер согласия *Na so!* (*Конечно!*).

Если коммуникант выражает свое несогласие, то он использует в речи маркер *No be so – It is not so* (*Это не так*) или *I no gree – I disagree* (*Я не согласен*).

Таким образом, в условиях межкультурного взаимодействия контактирующие языки проходят процесс адаптации в условиях мультилингвизма и мультикультурализма. Процесс длительного исторического взаимодействия британского английского языка и многочисленных африканских языков и культур способствовал укреплению его официального статуса на территории множества стран Южной, Восточной, Центральной и Западной Африки. Британский английский язык на территории всех стран Африки, в которых он обладает официальным статусом, является иностранным, для ежедневной коммуникации африканцы используют упрощенный язык – пиджин английского языка, который отличается облегченной структурой и содержит в своем составе лексемы из многочисленных автохтонных языков. Пиджин английского языка на территории Африки получил активное развитие в таких странах, как Сьерра-Леоне, Гана, Нигерия, Камерун (англоязычная часть).

Для Нигерии пиджин английского языка является важным средством коммуникации среди всех слоев населения, в отличие от британского варианта английского языка, которым владеет на достаточно высоком уровне только элитная часть нигерийцев («акролектный» вариант). Для ПАЯН характерны специфические особенности: для фонетического строя ПАЯН свойственны ассимиляция и диссимиляция согласных звуков, количественная и качественная редукция гласных звуков. Грамматический строй ПАЯН тяготеет к значительному упрощению по сравнению с нормой – британским английским языком. К продуктивным грамматическим особенностям принадлежат: опущение определенного и неопределенного артиклей; употребление абстрактных существительных в форме множественного числа; формирование степеней сравнения прилагательных и наречий по прин-

ципу односложного прилагательного; симплификация временных форм глагола. Для лексического строя ПАЯН свойственно высокочастотное функционирование лексем автохтонных языков. Все отклонения от нормы на уровне фонетики, грамматики и лексики продиктованы влиянием местных языков и нацелены создать максимально простой язык, подходящий для общения между представителями различных социальных групп нигерийского общества.

Список литературы

Волошина Т.Г., Глебова Я.А. Гастрономический код как отражение лингвокультурной картины мира (на примере африканской лингвокультуры) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41, № 4. С. 707–715.

Волошина Т.Г. Переключение языкового кода как лингвокультурный феномен (на примере территориального варианта английского языка Индии) // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2022. Т. 459, № 1. С. 45–153.

Волошина Т. Г. Нигерийский вариант английского языка: лингвокультурологическая адаптация // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 15–24.

Глебова Я.А. Основные характеристики языкового кода нуши // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7, № 2. С. 21–30.

Abube L.N. A Contrastive Analysis of Cameroonian Pidgin English and Standard British English. AIDE Interdisciplinary Research Journal, 2022, No. 3, pp. 20-26.

Adebayo M.O. Exploring the Meaning of Pidgin English on Social Media: A Sociolinguistic Analysis of Nigerian Pidgin Hashtags as Adapted Speech. ATRAS, 2023, No. 1, pp. 68-87.

Agbo O.F., Plag I. The Relationship of Nigerian English and Nigerian Pidgin in Nigeria: Evidence from Copula Constructions in Ice-Nigeria. Journal of language contact, 2020, No. 13, pp. 351-388.

Baghana J., Prokhorova O.N., Voloshina T.G., Raiushkina M.Y., Glebova Y.A. Some Aspects of African Study in the Era of Globalization. Espacios, 2018a, vol. 38, No. 39, pp. 1-7.

Baghana J., Prokhorova O.N., Voloshina T.G., Taranova E.N., Glebova Y.A. Some lexical features of territorial English version of Nigeria. International Journal of Engineering & Technology, 2018b, vol. 4, No. 7, pp. 1584-1586.

Baghana J., Voloshina T.G., Glebova Y.A., Chernova O.O., Karpenko V.N. Language and cultural code peculiarities within the framework of cross-cultural communication. XLinguae, 2023, vol. 16, No. 1, pp. 201-215.

Beryl E. Nigerian Pidgin English: A Cultural Universal for National Communication and Policy Enactment. *Journal of Philosophy, Culture and Religion*, 2020, No. 5, pp. 69-74.

Hymes D. Pidginization and Creolization of Languages: Their Social Contexts. *International Journal of the Sociology of Language*, 2020, vol. 4, No. 2, pp. 99-109.

Nash J. The Atlas of Pidgin and Creole Language Structures. *The Survey of Pidgin and Creole Languages*. *Australian Journal of Linguistics*, 2014, vol. 34, No. 3, pp. 426-429.

Time V.M., Pryc D.K. A Sociological Perspective on Pidgin's Viability and Usefulness for Development in West Africa. *Revista Virtual de Estudos da Linguagem*, 2007, vol. 9, No. 5, pp. 1-30.

Yakpo K. Theindigenization of Ghanaian Pidgin English. *World Englishes*, 2024, No. 4, pp. 182-202.

References

Glebova Ya.A. *Osnovnye harakteristiki yazykovogo koda nushi* [The main characteristics of the Nyusha language code]. *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki* [The scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics], 2021, vol. 7, No. 2, pp. 21-30. (In Russ.)

Voloshina T.G., Glebova Ya.A. *Gastronomicheskij kod kak otrazhenie lingvokul'turnoj kartiny mira (na primere afrikanskoj lingvokul'tury)* [The gastronomic code as a reflection of the linguistic and cultural picture of the world (using the example of African linguistic culture)]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznanija* [Issues of journalism, pedagogy, linguistics], 2022, vol. 41, No. 4, pp. 707-715. (In Russ.)

Voloshina T. G. *Pereklyuchenie yazykovogo koda kak lingvokul'turnyj fenomen (na primere territorial'nogo varianta anglijskogo yazyka Indii)* [Switching the language code as a linguistic and cultural phenomenon (using the example of the territorial version of the English language of India)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philological sciences], 2022, vol. 459, No. 1, pp. 45-153. (In Russ.)

Voloshina T. G. *Nigerijskij variant anglijskogo yazyka: lingvokul'turologicheskaya adaptaciya* [The Nigerian version of the English language: linguistic and cultural adaptation]. *Voprosy sovremennoj lingvistiki* [Questions of modern linguistics], 2024, No. 1, pp. 15-24. (In Russ.)

Abube L.N. A Contrastive Analysis of Cameroonian Pidgin English and Standard British English. *AIDE Interdisciplinary Research Journal*, 2022, No. 3, pp. 20-26.

Adebayo M.O. Exploring the Meaning of Pidgin English on Social Media: A Sociolinguistic Analysis of Nigerian Pidgin Hashtags as Adapted Speech. *ATRAS*, 2023, No. 1, pp. 68-87.

Agbo O.F., Plag I. The Relationship of Nigerian English and Nigerian Pidgin in Nigeria: Evidence from Copula Constructions in Ige-Nigeria. *Journal of language contact*, 2020, No. 13, pp. 351-388.

Baghana J., Prokhorova O.N., Voloshina T.G., Raiushkina M.Y., Glebova Y.A. Some Aspects of African Study in the Era of Globalization. *Espacios*, 2018, vol. 38, No. 39, pp. 1-7.

Baghana J., Prokhorova O.N., Voloshina T.G., Taranova E.N., Glebova Y.A. Some lexical features of territorial English version of Nigeria. *International Journal of Engineering & Technology*, 2018, vol. 4, No. 7, pp. 1584-1586.

Baghana J., Voloshina T. G., Glebova Y. A., Chernova O. O., Karpenko V. N. Language and cultural code peculiarities within the framework of cross-cultural communication. *XLinguae*, 2023, vol. 16, No. 1, pp. 201-215.

Beryl E. Nigerian Pidgin English: A Cultural Universal for National Communication and Policy Enactment. *Journal of Philosophy, Culture and Religion*, 2020, No. 5, pp. 69-74.

Hymes D. Pidginization and Creolization of Languages: Their Social Contexts. *International Journal of the Sociology of Language*, 2020, vol. 4, No. 2, pp. 99-109.

Nash J. The Atlas of Pidgin and Creole Language Structures. *The Survey of Pidgin and Creole Languages*. *Australian Journal of Linguistics*, 2014, vol. 34, No. 3, pp. 426-429.

Time V.M., Pryc D.K. A Sociological Perspective on Pidgin's Viability and Usefulness for Development in West Africa. *Revista Virtual de Estudos da Linguagem*, 2007, vol. 9, No. 5, pp. 1-30.

Yakpo K. Theindigenization of Ghanaian Pidgin English. *World Englishes*, 2024, No. 4, pp. 182-202.

Статья поступила в редакцию 24.02.2024; одобрена после рецензирования 12.05.2024; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 24.02.2024; approved after reviewing 12.05.2024; accepted for publication 27.05.2024.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 190–194. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, № 2, pp. 190–194. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 34

EDN WKORVA

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-190-194>

НOMINA ЗАМУЖНИХ ЖЕНЩИН В БРАКЕ CUM MANU В ЭПОХУ РЕСПУБЛИКИ И ПРИНЦИПАТА

Кофанов Леонид Львович, доктор юридических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, leokofanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0692-0188>

Аннотация. Подвластная дочь в римской семье эпохи Республики и Принципата, как правило, не имела личного имени, но носила родовое имя отца, стоящее в женском роде. В замужестве женщина сохраняла за собой отцовское родовое имя, но если в результате брака переходила под власть мужа и становилась членом его рода, то прежнее отцовское родовое имя становилось ее личным именем, к которому добавлялось родовое имя мужа, стоящее в именительном или родительном падеже. В современной историко-правовой науке традиционно принято считать, что данный обычай строго соблюдался в республиканском Риме. Однако с постепенным отмиранием браков *cum manu* (*confarreatio*, *coemptio*, *usus*) во II–I вв. до н. э. данный обычай исчез. Автор статьи, опираясь на тезис Теодора Моммзена о родовом имени замужних женщин, анализирует данные источников классического римского права I–III вв. н. э. и приходит к выводу о продолжении существования браков *confarreatio* и *coemptio* и власти мужа над женой в течение всего Принципата. Кроме того, автором выдвинута гипотеза о том, что традиция присоединять имя мужа к родовому имени отца замужней женщины также продолжала существовать в классический период римского права.

Ключевые слова: брак *cum manu*, *confarreatio*, *coemptio*, *manus*, статус замужней женщины в римском праве.

Для цитирования: Кофанов Л.Л. *Nomina* замужних женщин в браке *cum manu* в эпоху Республики и Принципата // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 190–194. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-190-194>

Research Article

NOMINA OF MARRIED WOMEN IN CUM MANU MARRIAGES IN THE ROMAN REPUBLIC AND PRINCIPATE ERAS

Leonid L. Kofanov, Doctor of Jural Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice, Moscow, Russia, leokofanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0692-0188>

Abstract. Generally, a daughter in parental power in Roman family in the Republic and the Principate did not have personal name, but bore her father's name in the feminine. A woman kept her father's family name in marriage, but if she came under her husband's lawful authority and became a member of his clan, her father's family name became her personal name and her husband's family name was added in the nominative or genitive case. In modern historical and legal science is traditionally considered that this custom was strictly observed in Republican Rome. But in the 2nd – 1st centuries BC this custom disappeared with the gradual withering away of *cum manu* marriage (*confarreatio*, *coemptio*, *usus*). The author, basing on the position of Theodor Mommsen about the family name of married women, analyses the sources of classical Roman law of the 1st – 3rd centuries AD and concludes that the marriages *confarreatio* and *coemptio* and the husband's power over the wife continued throughout the Principate. In addition, the author hypothesises that the tradition of attaching the husband's name to the father's family name of the married woman also continued throughout the classical period of Roman law.

Keywords: *cum manu* marriage, *confarreatio*, *coemptio*, *manus*, status of married women in Roman law

For citation: Kofanov L.L. *Nomina* of married women in *cum manu* marriages in the Roman Republic and Principate eras. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 190–194 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-190-194>

При обсуждении доклада автора на научной конференции «XXII Сергеевские чтения» была затронута тема женских имен в Римской республике. Автор полагал общеизвестным тот факт, что дочери, находящиеся под властью своего отца, не имели личных имен, а именовались родовым *nomen* отца (например, дочь Аппия Клавдия звалась Клавдией, а дочь Гая Юлия Цезаря – Юлией), а в случае, если дочерей было несколько, то их называли еще Старшей (*Maior*) и Младшей (*Minor*) либо Первой, Второй, Третьей, Четвертой (*Prima, Secunda, Tertia, Quarta*) и т. д. Когда же подвластная дочь выходила замуж и, соответственно, поступала под власть своего мужа, то она сохраняла ее родовый *nomen*, например Юлия, но к нему добавлялся еще и родовый *nomen* мужа².

Заявление автора вызвало бурную дискуссию и некоторые возражения со стороны коллег, в связи с чем представляется важным более подробно обсудить данный вопрос. Тема женских имен в древнем Риме тесно связана с историей развития системы римского семейного и брачного права. Еще в 1864 г. Теодор Моммзен в работе «Римские собственные имена...» писал: «Помимо всех членов рода мужского пола, исключая, конечно, рабов, но включая лиц, принятых родом и находящихся под его покровительством, родовое имя распространяется также на женщин... Затруднение представляет только определение родового имени замужних женщин... Нет никакого сомнения в том, что женщина, по древнему религиозному браку, полностью вступает в правовую и сакральную общину мужа и выходит из своей. Кто не знает, что замужняя женщина утрачивает право на наследование и на передачу своего наследства членам своего рода, зато входит в имеющий общие права наследования союз, к которому принадлежат её муж, дети и вообще члены их рода» [Mommsen: 8].

Этот общеизвестный тезис Т. Моммзена о переходе подвластной жены из отцовского рода в род или *familia* своего мужа [Corbino: 155–164] прямо подтверждается многочисленными источниками. Так, римский юрист Гай в своих «Институциях» пишет, что, попав под власть мужа, жена «переходила в его семью и занимала место дочери»³. Также Авл Геллий отмечает, что «матерью же семейства называют только ту, что находится под властью и в собственности мужа, или [под властью того, в чьей] власти и собственности находится муж, так как она не только вступила в брак, но и **вошла в семью мужа** и в положение своего наследника»⁴. Таким образом, согласно Гаю, подвластная жена имеет в семье и роду мужа все «права дочери»⁵. Занимая место дочери в семье (*familia*) мужа, подвластная жена становилась по отношению к мужу «своей наследницей»⁶, то есть входила в число ближайших агнатов своего мужа. Как известно, ближайшими агнатами и своими

наследниками в Риме считались те члены отцовского рода, которые находились под непосредственной властью *pater familias*, а после его смерти получали каждый свою равную долю наследства. Ульпиан, описывая понятие *familia*, отмечает, что «Фамилией общего права мы называем всех агнатов, поскольку хотя после смерти отца семейства отдельные лица имеют свои индивидуальные семьи, однако все те, кто прежде находился под властью одного, правильно будут называться его же фамилией, так как они произошли от одного и того же дома и рода»⁷. Среди членов *familia* Ульпиан упоминает и подвластную мать семейства⁸. Таким образом, Ульпиан прямо указывает, что подвластная жена вступала в род своего мужа. В этой связи очень важно упомянуть определение понятия *gens*, то есть «род», в древнеримских источниках. Так, Цицерон называет сородичами тех, кто пользуется одним и тем же родовым именем⁹. Такое же определение дает Цинций в изложении Феста, утверждая, что «моими сородичами являются те, кто называется моим родовым именем»¹⁰.

Т. Моммзен находит в источниках прямое подтверждение того, что жена, вступавшая в брак с властью мужа и входя в род своего мужа, обретала и его родовое *nomen*. Речь идет об известном отрывке из «Римских вопросов» Плутарха, где он, описывая ритуал введения молодой жены в дом мужа, упоминает об обычае последнего спрашивать ее на пороге своего дома, кто она такая есть. На этот вопрос невеста отвечала «Поскольку ты Гай, то я Гайя»¹¹, то есть молодая жена называла себя именем своего мужа. Комментируя этот фрагмент, Т. Моммзен справедливо полагает, что едва ли имела смысл передача жене личного имени мужа, скорее всего, в древней формуле имелся в виду родовый *nomen* *Gavius*, вполне известный в архаической Италии [Mommsen: 9–12].

Любопытно, что ритуал обозначения себя женой именем мужа при первом вхождении в его дом был свойственен не всякому браку, а только *matrimonium cum manu mariti*, а еще точнее, браку в форме коэмпции, то есть покупки жены. На это прямо указывает Цицерон, сообщая, что римские юристы «всех женщин, вступающих в брак путем коэмпции, зовут Гаями»¹².

Однако это прямое указание источников на обретение замужней женщиной родового имени мужа не является достаточным для широких обобщений. В этом смысле гораздо более важными являются данные латинской эпиграфики, в частности данные из некрополя IV – начала II вв. до н. э. латинского г. Пренесте, расположенного в 37 км к востоку от Рима. Замечательный итальянский историк Эмилио Перуцци исследовал 337 надгробных надписей из этого некрополя, 125 из которых принадлежали женщинам [Peruzzi: 57]. Согласно анализу ученого,

первый тип надписей содержал только одно женское имя, представляющее собой отцовское родовое имя, стоящее в именительном падеже женского рода (например, Anicia, Apronia, Aulia, Caedicia, Camelia и т. д.). Ко второму типу Перуцци относит те же женские nomina с добавлением «дочь такого» (например, Anicia m. f., то есть Аниция, дочь Марка). К третьему и четвертому типу относятся женские родовые имена с добавлением «Старшая» или «Младшая» (например, Maio(r) Fabricia, Mino(r) Meclonia).

Наибольший интерес представляют пятый и шестой тип надписей, состоящие из двух женских родовых имен, первое из которых является именем отцовского рода женщины, а второе – родовым nomen ее мужа, стоящим в именительном падеже женского рода (например, Pacia Claudia, Maria Fabricia, Maria Selicia). К шестому типу относятся надписи, содержащие те же два родовых имени замужней женщины, только родовое имя мужа стоит не в именительном, а в родительном падеже (например, Curtia Rosci, Orscia Neroni, Petroni Iunia). Таким образом, наиболее распространенным для женщин, состоявших в браке с властью мужа, было наличие в их имени двух родовых nomina – имени отцовского рода и имени рода мужа. К такому выводу на основе анализа надписей Пренестинского некрополя приходит в своей недавней работе и испанская исследовательница Габриелла Ло Брутто [Lo Brutto: 719-780].

Еще один весьма известный итальянский ученый, ведущий специалист по истории римского рода проф. Дженнаро Франчози, опираясь на те же и другие данные (в частности, знаменитую надпись на бронзовом сосуде из Пренесте, упоминающую некую Dindia Masolnia), подчеркивает, что «в системе родовой экзогамии nomen имеет огромную важность: запрет для женщины выходить замуж внутри собственного gens облегчался запретом жениться на женщине, которая носит то же самое nomen. Экзогамия собственно и означает, что двое супругов всегда имеют разные родовые имена... С вступлением же в брак римская женщина к собственному родовому имени добавляла родовое имя мужа...» [Franciosi 1999: 95; см. также Franciosi 1984: 3]. Действительно, нарушение принципа экзогамии брака с древнейших времен преследовалось в Риме как уголовно наказуемое преступление и каралось сакральным правом как incest, то есть кровосмесительная связь. В республиканское время incestом считалась внутривидовая связь родственников вплоть до шестого колена включительно [Bettini: 27-52]. В эпоху Империи этот запрет снизился до четвертого колена.

Говоря о римском браке с властью мужа, требующего вхождения жены в familia мужа, необходимо учитывать, что в научной литературе доволь-

но распространенным является мнение, что уже в конце Республики – начале Империи браки cum manu mariti выходят из употребления и им на смену приходит брак sine manu, а, например, Л. Фраззони вообще считает, что эта смена произошла уже во II в. до н. э.: «Со II в. до н. э. брак cum manu (такой как confarreatio и coemptio) выходит из употребления и заменяется так называемым консенсуальным браком (sine manu)» [Frazzoni: 79]. Здесь обычно ссылаются на известный фрагмент из «Анналов» Тацита, где он пишет о выходе из употребления религиозного брака конфарреации¹³. Однако тот же Тацит говорит и о мерах, принятых сенатом для сохранения этого древнего института¹⁴. Более того, если мы обратимся к автору уже II в. н. э., римскому юристу Гаю, то обнаружим, что он пишет о конфарреации и коэмпции как о действующих в его время институтах брака, употребляя глаголы настоящего времени¹⁵. Точно так же, как о действующем институте, Гай пишет о власти мужа над женой¹⁶. Наконец, Ульпиан, юрист начала III в. н. э., говорит о том, что наряду с подвластными детьми мать семейства как лицо чужого права находилась под властью своего мужа¹⁷, являлась членом его семьи и рода¹⁸.

Таким образом, если верить римским юристам II–III вв. н. э., брак с властью мужа в форме коэмпции и вхождение жены в род мужа с соответствующей традицией присоединять родовое имя мужа к родовому имени своего отца продолжали существовать и в эпоху Принципата. Однако эта последняя гипотеза требует дополнительной аргументации из эпиграфических данных, что, надеюсь, станет предметом будущих исследований.

Примечания

¹ Всероссийская научная конференция «XXII Сергеевские чтения», 1–3 февраля 2023 г., исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва), кафедра истории древнего мира.

² См. об этом подробнее в следующих изданиях: Pulgram E. The Origin of the Latin Nomen Gentilicium. Harvard Studies in Classical Philology, vol. 58/59, 1948, pp. 163-187; Bonfante G. Il nome delle donne nella Roma arcaica. Rendiconti dell'Accademia Nazionale dei Lincei (Classe di Scienze morali, storiche e filologiche), vol. 35, 1980, pp. 3-10; Salway B. What's in a Name? A Survey of Roman Onomastic Practice from c. 700 B. C. to A. D. 700. The Journal of Roman Studies, vol. 84, 1994, pp. 124-145; Rix H. Römische Personennamen. Namenforschung. Ein internationales Handbuch zur Onomastik, 1, Berlino-New York, 1995, pp. 724-732; Marpicati P. Note sull'onomastica femminile nella letteratura latina. Quaderni Italiani di RION (Rivista Italiana di Onomastica), vol. 2, 2009, pp. 245-260; Augenti D. I nomi dei Romani. La formazione dei nomi

e il sistema dei tria nomina in epoca romana. Roma: Arbor Sapientiae Editore, 2020, 128 p.

³ Gai. I. 111: Usu in manum conueniebat quae anno continuo nupta perseuerabat; quia enim ueluti annua possessione usucapiebatur, **in familiam uiri transibat filiaeque locum optinebat**. Посредством давностного сожительства вступала in manum (мужа) та женщина, которая в продолжение целого года оставалась непрерывно супругою; сделавшись вследствие как бы годовалого владения собственностью мужа, **она вступала в его семью и занимала место дочери**.

⁴ Gell. 18, 6. 9: unde ipsum quoque 'matrimonium' dicitur, matrem autem familias appellatam esse eam solam, quae in mariti manu mancipioque aut in eius, in cuius maritus, manu mancipioque esset, quoniam non in matrimonium tantum, sed in familiam quoque mariti et in sui heredis locum uenisset.

⁵ Gai. Inst. I. 115b: nam si omnino qualibet ex causa uxor in manu uiri sit, placuit eam filiae iura nancisci. Ибо, если вообще по какой либо причине жена будет in manu, то принято, что она приобретает права дочери. III. 14: mater aut nouerca quae per in manum conuentionem apud patrem nostrum iura filiae consecuta est. ...**мать** или мачеха, ...вступлением под власть мужа приобрела у нашего отца **права дочери**.

⁶ Collat. 16. 2. 3: Vxor quoque, quae in manu eius, (*qui moritur*) est, ei sua heres est, quia filiae loco est: item nurus quae in filii manu est, nam et haec neptis loco est; sed ita demum erit sua heres, (*si*) filius, cuius in manu est, cum pater moritur, in potestate eius non sit. Idemque dicimus et de ea, quae in nepotis manu matrimonii causa sit, quia proneptis loco est. Также и жена, находящаяся под властью того, (*кто умирает*), является для него своей наследницей, так как занимает место дочери, а равно и невестка, находящаяся под властью сына, поскольку и она занимает место внучки, но будет своей наследницей лишь в том случае, (*если*) сын, под чьей властью она находится, не находится под властью отца, когда тот умирает. То же самое мы говорим и о находящейся по причине брака во власти внука, поскольку она занимает место правнучки.

⁷ D.50.16.195.2 (Ulp. l. 46 ad ed.): communi iure familiam dicimus omnium adgnatorum: nam etsi patre familias mortuo singuli singulas familias habent, tamen omnes, qui sub unius potestate fuerunt, recte **eiusdem familiae** appellabuntur, qui **ex eadem domo et gente** proditi sunt.

⁸ D.50.16.195.2 (Ulp. l. 46 ad ed.): Familiae appellatio refertur et ad corporis cuiusdam significationem, quod aut iure proprio ipsorum aut communi uniuersae cognationis continetur. iure proprio familiam dicimus plures personas, quae sunt sub unius potestate aut natura aut iure subiectae, ut puta patrem familias, matrem familias, filium familias, filiam familias quique deinceps

uicem eorum sequuntur, ut puta nepotes et neptes et deinceps. В узком юридическом значении фамилией мы называем несколько лиц, которые находятся под властью одного, подчиненные ему по природе или в соответствии с правом, как, например, отец семейства, мать семейства, подвластный сын, подвластная дочь, а также те, кто следуют за ними, как, например, внуки и внучки и последующие.

⁹ Cic. Top. 29: Gentiles sunt inter se qui eodem nomine sunt. Non est satis. Qui ab ingenuis oriundi sunt. Ne id quidem satis est. Quorum maiorum nemo seruitutem seruit. Abest etiam nunc. Qui capite non sunt deminuti.

¹⁰ Paul. ex Fest. p. 83 L: Gentilis dicitur et ex eodem genere ortus, et is, qui simili nomine appellatur, ut ait Cincius: «Gentiles mihi sunt, qui meo nomine appellantur.»

¹¹ Plut. Q.R. 30: 'διὰ τί τὴν νύμφην εἰσάγοντες λέγειν κελεύουσιν, «ὄπου σὺ Γάιος, ἐγὼ Γαῖα»;' πότερον ὡσπερ ἐπὶ ῥήτοϊς εὐθὺς εἴσεισι τῷ κοινωνεῖν πάντων καὶ συνάρχειν, καὶ τὸ μὲν δηλούμενόν ἐστιν 'ὄπου σὺ κύριος καὶ οἰκοδεσπότης, καὶ ἐγὼ κυρία καὶ οἰκοδέσποινα. Почему, провожая невесту, ей велят говорить при входе в дом: «Поскольку ты Гай, то я Гайя»? Не потому ли, что после этих слов супруги владеют и распоряжаются всем сообща, и смысл этих слов такой: «Где ты – господин и хозяин, там я – госпожа и хозяйка?»

¹² Cic. Pro Mur. 27: ut, quia in alicuius libris exempli causa id nomen invenerant, putarunt omnis mulieres quae coemptionem facerent 'Gaias' vocari. (Юрисконсулты) ... нашли имя Гай в каких-то книгах, они сочли, что всех женщин, вступающих в брак путем коемпции, зовут Гаями.

¹³ Tac. Ann. IV.16. 2-3: nam patricios confarreatis parentibus genitos tres simul nominari, ex quis unus legeretur, vetusto more; neque adesse, ut olim, eam copiam, omissa confarreati aduetudine 3. ...exiret e iure patrio qui id flamonium apisceretur quaeque in manum flaminis conveniret. 4. (2) Ведь древний обычай предписывает выдвинуть кандидатами трех патрициев, чьи родители сочетались браком по обряду конфарреации, и на одном из них остановить выбор; теперь, однако, в отличие от старины нет прежнего обилия соискателей, потому что обряд конфарреации вышел из обихода или удержался среди очень немногих. (3) ...принявший на себя сан фламينا Юпитера, равно, как и та, кто, выйдя за него замуж, подчинена его власти, выходят из-под власти отца.

¹⁴ Tac. Ann. IV.16. 4-5: ita medendum senatus decreto aut lege, sicut Augustus quaedam ex horrida illa antiquitate ad praesentem usum flexisset. 5. igitur tractatis religionibus placitum instituto flaminum nihil demutari: sed lata lex qua flaminica Dialis sacrorum causa in potestate viri, cetera promisco feminarum iure ageret. Здесь нужно внести послабления, подобно

тому как некогда Август приспособил к нуждам своего времени кое-что из завещанного суровой древностью. (5) По рассмотрении сакральных установлений сенат определил не менять порядка назначения на должность фламина, но издал закон, согласно которому супруга фламина подвластна мужу лишь в том, что имеет касательство к священнодействиям, а в остальном пользуется одинаковыми с прочими женщинами правами.

¹⁵ Gai. Inst. I. 112: *Farreo in manum conueniunt per quoddam genus sacrificii, quod a nupta farreo fit... quod ius etiam nostris temporibus in usu est.* «Конфарреационным образом женщины вступают in manum через некоторого рода священнодействие, которое совершается невестой... Это право даже в наше время еще применяется». О конфарреации см. также в изданиях: Piro I. *Tra le pieghe dell'arcaica confarreatio. Il rituale del farro e la sua simbologia.* Studi urbinati, A., vol. 71, No. 1-2, 2021, pp. 119-156; Serafin M.E. *Ubi tu Gaius, ego Gaia. Un'analisi storico-religiosa del matrimonio per confarreatio.* Università degli Studi di Padova, 2022, 101 s.

¹⁶ Gai. Inst. I. 115b.

¹⁷ D.1.6.4: *simili modo matres familiarum, filii familiarum et filiae, quae sunt in aliena potestate ... матери семейства, сыновья семейства и дочери семейства находятся в чужой власти.*

¹⁸ D.50.16.195.2 Ulp. l. 46 ad ed.

References

- Augenti D. *I nomi dei Romani. La formazione dei nomi e il sistema dei tria nomina in epoca romana.* Roma, Arbor Sapientiae Editore, 2020, 128 p.
- Bettini M. *Il divieto fino al «sesto grado» incluso nel matrimonio romano. Parenté et stratégies familiales dans l'Antiquité romaine. Actes de la table ronde des 2-4 octobre 1986 (Paris, Maison des sciences de l'homme).* Rome, École Française de Rome, 1990, pp. 27-52.
- Bonfante G. *Il nome delle donne nella Roma arcaica.* Rendiconti dell'Accademia Nazionale dei Lincei (Classe di Scienze morali, storiche e filologiche), 1980, vol. 35, pp. 3-10.
- Corbino A. *Il matrimonio romano in età arcaica e repubblicana.* Index [Studi Cantarella], 2012, vol. 40, pp. 155-164.
- Franciosi G. *Clan gentilizio e strutture monogamiche. Contributo alla storia della famiglia romana,* 6 ed., Napoli, Jovene, 1999, 360 p.
- Franciosi G. *Preesistenza della 'gens' e 'nomen gentilicium',* in: *Ricerche sull'organizzazione gentilizia romana,* a cura di G. Franciosi, 1, Napoli, Jovene, 1984, pp. 3-33.
- Frazzoni L. *La donna nel mondo romano. La donna nell'antichità. Archeologia e storia della condizione femminile dalla Preistoria al Medioevo.* Red. C. Casi. Pitigliano, Editrice LAURUM, 2016, pp. 69-102.
- Lo Brutto R. *Mulier sine nomine. Mujeres de letras: pioneras en el arte, el ensayismo y la educación.* Madrid, UNED, 2016, pp. 719-780.
- Marpicati P. *Note sull'onomastica femminile nella letteratura latina. Quaderni Italiani di RION (Rivista Italiana di Onomastica),* 2009, vol. 2, pp. 245-260.
- Mommsen Th. *Die römischen Eigennamen der republikanischen und augusteischen Zeit. Römische Forschungen.* Bd. I. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1864, pp. 1-68.
- Peruzzi E. *Origini di Roma. Vol. 1. La famiglia.* Firenze, Valmartina Editore, 1970, 170 p.
- Piro I. *Tra le pieghe dell'arcaica confarreatio. Il rituale del farro e la sua simbologia.* Studi urbinati, A. Sceinze giuridice, politiche et economiche, 2021, vol. 71, No. 1-2, pp. 119-156. <https://doi.org/10.14276/1825-1676.2426>
- Pulgram E. *The Origin of the Latin Nomen Gentilicium.* Harvard Studies in Classical Philology, 1948, vol. 58/59, pp. 163-187.
- Rix H. *Römische Personennamen. Namenforschung. Ein internationales Handbuch zur Onomastik,* 1, Berlin, New York, De Gruyter Mouton, 1995, pp. 724-732.
- Salway B. *What's in a Name? A Survey of Roman Onomastic Practice from c. 700 B. C. to A. D. 700.* The Journal of Roman Studies, 1994, vol. 84, pp. 124-145.
- Serafin M.E. *Ubi tu Gaius, ego Gaia. Un'analisi storico-religiosa del matrimonio per confarreatio.* Padova, Università degli Studi di Padova, 2021/2022, 163 p.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 24.05.2024.

The article was submitted 02.05.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 24.05.2024.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ КАК ЯЗЫКОВЫХ ОБЩНОСТЕЙ (часть вторая)

Вольфсон Владимир Леонович, кандидат юридических наук, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия, vwolfson@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9169-3161>.

Аннотация. Право как языковой феномен редко становится предметом исследования в российской цивилистике, да и в юриспруденции в целом, а попытки системного описания свойств и видов семантического взаимодействия правовых систем почти не предпринимаются. При этом сами по себе случаи такого взаимодействия, казалось бы, лежат на поверхности. В статье исследуются общие свойства такого взаимодействия, выделяются существенные признаки его основных видов, предлагаются описания и решения наиболее интересных проблем в рамках каждого из этих видов, причём с использованием модельных ситуаций. Наряду с известными случаями семантического взаимодействия, такими как проблема квалификации понятий и применение иностранного права в международном частном праве, компаративистика и инкорпорация, обсуждается взаимопроникновение различных схем означивания в пределах одной юрисдикции. Все явления рассматриваются в контексте языковой проблемы и в свете теоретических представлений автора о сущности частного права. Научным итогом работы можно было бы считать попытку создания общей теории семантического взаимодействия правовых систем, основанную на его общих свойствах и на раскрытии содержания отдельных его видов.

Ключевые слова: субъективный интерес, язык права, квалификация понятий, применение иностранного права, правовопонимание, компаративистика.

Для цитирования: Вольфсон В.Л. Взаимодействие правовых систем как языковых общностей (часть вторая) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 195–204. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-195-204>

Research Article

THE INTERACTION OF LEGAL SYSTEMS AS LINGUISTIC COMMUNITIES. Part 2

Vladimir L. Volfson, Cand. Sci. (Jur.), North-West Institute of Management, Branch of RANEPa, St. Petersburg, Russia, vwolfson@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9169-3161>.

Abstract. Law as a linguistic phenomenon has seldom been a subject of research in the Russian civil law studies, as well in national jurisprudence at large. As for attempts at systemizing descriptions of the semantic interaction of legal systems, its properties and types, they are barely existent. At the same time, the cases of such interaction *per se* seem to lie on the surface. The article examines the general properties of such interaction, identifies the essential features of its main varieties and offers descriptions and solutions to the most interesting issues within each one. Doing so, the author makes use of some case modelling. Along with well-known kinds of semantic interaction, such as the characterization problem and the application of foreign law (in conflict law), comparative studies and incorporation, the article also refers to interpenetration of various schemes of meaning within same jurisdiction. The author puts all the matters in the context of linguistic problem and approaches them from the standpoint of his understanding of private law. The scientific outcome can be seen in the attempt to create a general theory of semantic interaction of legal systems based on general properties of such interaction and on the disclosure of its individual types.

Keywords: interests of parties to civil legal relation, language of law, characterisation, application of foreign law, legal understanding, comparative studies.

For citation: Volfson V.L. The interaction of legal systems as linguistic communities. Part 2. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 195–204 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-195-204>

1. Предисловие ко второй части исследования и его задачам. Вторую часть статьи хотелось начать с краткого изложения содержания первой части [Вольфсон 2024] – это обеспечит контекст дальнейшего исследования и его последовательность, а также, возможно, побудит читателя ознакомиться с первой частью работы.

Прежде всего, мы постарались назвать отличительные свойства правовых систем как языковых общностей. Хотя автор оговорился, что не ставит цель указать на необходимый признак всех таких общностей, он выделил те их качества, которые, по его мнению, отсутствуют либо не столь явно выражены у других семантических систем. Таковы нормативность, конвенциональность, универсальность и универсализм лингвоконвенции, практичность абстракций.

Первым свойством этих систем является, по нашему мнению, их нормативность, – происходящее от того, что любое высказывание в правовом тексте является правилом. Взаимодействие между этими системами также подчиняется правилам, что делает его нормативным как в материальном, так и в процедурном смысле и сообщает ему не только уникальность, но и, благодаря столь развитой системной организованности, богатый потенциал для научного освоения. Второе свойство, конвенциональность, указывает на то, что значения правовых категорий в рамках одной системы устанавливаются неартикулируемой согласительной процедурой, которая окружает их двумя рядами имплицитных кавычек, в первую очередь в виде признака условности любого профессионального языка, во вторую – как выражение того, что верификация значения такого термина осуществима средствами легального текста этой системы [Вольфсон 2012: 10]. Третье свойство объединяет, в нашем изложении, два близких качества – универсальности и универсализма. Первое качество подразумевает единообразие прочтения права: при допустимости разных толкований истинным является лишь одно из них. Универсализм же – качество, указывающее на отрицание внешней конкуренции (семиозис других правовых систем лишается онтологической модальности – термины своего права употребляются так, как будто иного права не существует). Четвёртое свойство исследуемых систем мы назвали практичностью абстракций: конвертация носителей значений, несмотря на свойственную праву в целом высокую степень категориальной абстрактности, осуществляется в целях использования обыденных и потому схожих в своём назначении благ, служащих коррелятами этих абстрактных понятий, – сочетание, которое редко встречается в других случаях взаимодействия семиотических систем.

Среди видов семантического взаимодействия правовых систем в первую очередь была дана оценка международного частного права (далее – МЧП) в це-

лом. По мнению автора, как коллизионная гармонизация МЧП является учением о предпочтительном прочтении правоотношения в условиях конкуренции разных схем его означивания, то есть конфликтующих право порядков. При этом, исходя из понимания автором любого субъективного права как юридического выражения интереса, критерием такого предпочтения должна стать близость правоотношения и право порядка, что выражается в принципе *proper law*, применяемого в российском МЧП субсидиарно, то есть как его наиболее общая доктрина. В общем случае субъекты частного права заинтересованы в прочтении своего правоотношения на языке право порядка, с которым они теснее всего связаны.

Подход к одной из самых сложных проблем взаимодействия правовых систем – квалификации понятий в МЧП – определялся следующими соображениями. Во-первых, о чём только что было сказано, МЧП должно стремиться к подчинению правоотношения тому право порядку, с которым оно теснее всего связано. Во-вторых, существенна связь между первичным смыслоделением и содержанием коллизионных норм, которые всегда понимаются судом на языке своего права (*lex fori*). В-третьих, даже в тех случаях, когда правоотношение предположительно связано с иностранным право порядком, квалификация по *lex fori* будет в общем случае не столь вредоносна по отношению к возможности признания его компетентным, нежели была бы квалификация по чужому праву по отношению к применению российских коллизионных формул: причина в том, что из-за объёмности последних редукция неизвестного российскому праву явления при его прочтении средствами российского права более вероятна, чем успешность их расширительного толкования, неизбежного при индукции – когда придётся решать, «на что похоже», то есть признакам каких статутов МЧП соответствует это явление¹. Кроме того, объёмность коллизионных формул снижает и вероятность расхождений в выборе статута между квалификацией по закону суда и по наиболее близкому право порядку.

Последним рассмотренным в первой части работы семантическим взаимодействием правовых систем стала процедура, известная в МЧП как установление содержания иностранного права. В том случае, когда в силу коллизионного правила разрешать спор суду приходится на основании положений иностранного права, возникает ещё одна вечная проблема МЧП: принимает ли суд это право *как право* или же как фактическое обстоятельство? Раздел между вопросами права и факта, вероятно, самый фундаментальный в процессуальном законодательстве, и решение этой проблемы имеет крайне серьёзные последствия. Отечественное право, солидаризируясь с преобладающей в континентальной семье традицией, склон-

но усматривать здесь вопрос права, хотя колебания в последнее время заметны и в доктрине, и в *lex lata*. По мнению же автора, устанавливать содержание иностранного права суд может только как фактическое обстоятельство. Довод *de lege ferenda* состоит в том, что суд выступает конечным гарантом всевластия своего правового порядка; довод *de lege lata* – в том, что положения ст. 1191 ГК, допускающие «содействие» сторон в установлении содержания зарубежного права и даже возложение судом обязанности по представлению соответствующих сведений на стороны в спорах с участием предпринимателей, не совместимы с принципом *iura novit curia*.

Теперь мы перейдём к рассмотрению других, не менее интересных видов семантического взаимодействия. Во второй части статьи предметом нашего изучения станут те из них, которые относятся к взаимодействию систем *внутри* одной из них. И это может иметь место необязательно тогда, когда одна является частью другой (будучи по отношению к ней подсистемой), но и в отношениях заимствования противоположений. Этот эффект можно было бы назвать импортом права. Именно его мы наблюдаем при инкорпорации положений международного и чужого национального права в заимствующую систему.

2. Инкорпорация (импорт) права. Инкорпорация первого вида предусмотрена ч. 4 ст. 15 Конституции. Ключевым в этом правовом режиме является указание на то, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются частью её правовой системы»². В этой работе речь, естественно, пойдёт не о соотношении юридической силы источников международного и национального права (в частности, Конституции), тем более что этот вопрос давно разрешён, но, как это и предполагается предметом исследования, о семантическом взаимодействии при инкорпорации, а лучше бы сказать – при импорте положений иной юрисдикции. Данный вид взаимодействия раскрывался автором в одной из более ранних работ [Вольфсон 2014: 20]. С тех пор наше видение этого явления не поменялось, но в этой статье оно будет изложено ещё раз – в духе и лексике нынешнего умозрения автора.

Принципиально важно, что при импорте заимствуется не язык чужого права, а его нормы – правила как особый вид высказывания. Данный принцип подразумевает, что заимствующая юрисдикция принимает импортируемое правовоположение в том его значении, которым оно наделено в момент заимствования юрисдикцией-экспортёром средствами её языка в соответствии с принятыми в ней правилами отбора и последовательностью применения схем означивания. Этим означиванием в идеале полностью исчерпывается смыслонаделение заимствуемой нор-

мы: в импортированном состоянии они не означиваются ни средствами своего, ни средствами чужого права. Между идеалом и действительностью всегда есть фильтр предпонимания (*Vorverständnis*), то есть эффект когнитивной аберрации, производный от национальных установок правоприменителя, о котором будет сказано отдельно, но в этой части изложения мы пренебрежём этой оговоркой, дабы не затемнить смысл системно верного изложения принципа импорта. Состоит же он именно в том, что всё смыслонаделение – по существу, производство заимствуемой нормы – осуществляется экспортирующей юрисдикцией. В этом контексте можно говорить, что применение таких положений происходит в режиме *ad hoc* – вся система чужого права никогда не вводится в действие судами импортирующей системы, те лишь в каждом отдельном случае применяют произведённые первой системой правила. Поэтому конституционное понимание источников международного, как и любого чужого права, частью инкорпорированной правовой системы может указывать только на сами правовоположения, уже означенные языком системы происхождения, но не на признание самой системы частью своего права.

Принцип импорта, как он был раскрыт выше, подразумевает следующее. Поскольку схемы означивания чужого права (его язык) не пропускаются через «таможенные пункты пропуска», то и не происходит перенастройки схем означивания этого правовопорядка. Снова подчеркнём, что импортируемые правовоположения входят в него «как они есть»; вся работа по производству значений проведена средствами юрисдикции-экспортёра до пересечения «таможенной границы». Если бы эта работа продолжилась в импортирующей юрисдикции, то есть если бы в неё вошли также и схемы означивания юрисдикции-экспортёра, то происходило бы смешение разных языков, а поскольку, как было показано в первой части статьи и в предисловии ко второй части, в силу свойства универсальности своей лингвоконвенции право как языковая общность не терпит конкуренции (вообще всякой множественности) схем означивания, то появился бы новый язык, который был бы следствием неизбежной переработки языка заимствующей юрисдикции. Однако по указанным причинам этого не происходит. Именно поэтому, в частности, признание правовых позиций ЕСПЧ в качестве источника российского права³ в период, когда Россия входила в Совет Европы и находилась под действием соответствующей юриспруденции, не могло рассматриваться как даже косвенное признание прецедента в качестве источника права [Вольфсон 2014: 20], хотя такие мнения высказывались [Лаптев].

Важно также отметить, что применение импортированных норм не предполагает процедуры установ-

ления их содержания так, как это происходит при разрешении спора на основании норм иностранного правопорядка, признанного компетентным в силу коллизионного регулирования (см. первую часть работы и предисловие). В разбираемом случае нормы чужого (по отношению к юрисдикции суда) правопорядка являются его составной частью, в случае же «применения иностранного права» (а на самом деле, по мнению автора, раскрытому в первой части работы, фактических обстоятельств в виде этого права) это последнее всегда остаётся посторонней юрисдикции суда. Наделение значениями заимствуемых норм средствами языка юрисдикции-экспортёра, о котором здесь говорится, осуществляется применяющим эти нормы судом, и это в полном смысле применение права, а не факта – оно подчиняется принципу исключительной компетентности суда в содержании применяемого права (*iura novit curia*); о содействии сторон или же о возложении на них обязанности по представлению сведений о содержании экспортимруемой нормы не может быть и речи.

Наконец, стоит подчеркнуть, что, не вмешиваясь в смыслонаделение импортируемых норм, юрисдикция-импортёр не освобождает от воздействия своего языка уже заимствованные правоположения по той очевидной причине, что те являются составной частью этой языковой общности. Эти нормы не только должны будут пройти конституционно-правовые фильтры ввиду верховенства юридической силы последних, но испытают на себе и все те схемы означивания, прежде всего системные принципы импортирующей юрисдикции, которые могут быть к ним применены, что в случае положений международного права предполагает понятную редукцию этих принципов с учётом высокого, сразу вслед за Конституцией, уровня юридической силы этих источников. Однако контекстуальную коррекцию, по существу семантическую фильтрацию, обеспечивающую адаптивность заимствованных правоположений в национальной системе, нужно отличать от того смыслонаделения, которое предшествует их экспорту и осуществляется средствами юрисдикции происхождения.

Как уже отмечалось, в действительности вольно или невольно судами импортирующей юрисдикции всё же осуществляется означивание заимствованных правоположений языком своего права. Ведь хотя ресурсы означивания должны в идеале исчерпываться средствами юрисдикции-экспортёра, фактически эту работу выполняют люди – судьи, а человеческое понимание никогда не свободно от так называемого предпонимания.

2. Предпонимание. Эту категорию, в оригинале *Vorverständnis*, связывают с трудами Х.-Г. Гадамера и М. Хайдеггера, а те видели в нём не столько ментальное, сколько онтологическое явление. Речь о том,

что предпонимание как установка сознания⁴ возникает из бытия, является продуктом экзистирования. Заранее готовые представления, через сито которых процеживается воспринимающим субъектом объект познания, коренятся в онтологической почве. Даже тогда, когда, как в нашу эпоху медиакратии, некоторые из этих представлений возникают от внешнего когнитивного воздействия, их конечная сущность многим обязана экзистенциальному опыту заимствующего субъекта.

Предпонимание, вероятно, определяется положением человека как бытийствующего субъекта. Он никогда не может открыть для себя смысл бытия, но всегда имеет о нём смутную догадку. В каждый наличный момент времени бытие словно даёт ему намёк на своё устройство. Его сущность, согласно известному принципу экзистенциалистской философии, откроется человеку только на смертном одре. И в этом смысле человек всегда является человеком догадывающимся. Так и возникает, впитывая в себя новые значения, предпонимание.

Как представляется, предпонимание свойственно не только бытию индивида, но и бытию отдельной культуры, а значит, и правосознания. Нельзя отрицать, что в развитии культуры можно увидеть автаркию, самовозобновляемость существования, то есть развития, определяемого её собственными, недетерминированными внешними воздействиями свойствами. Здесь и возникает правомочность уподобления бытия культуры бытию человека, по крайней мере в экзистенциалистском смысле.

То и другое предпонимание создаёт вовлечённость человека в пространство, в котором разворачивается истолкование.

Для того чтобы оценить роль предпонимания при взаимодействии правовых систем, нет лучшего пути, чем осознать, в какой мере национальные правовые институты зависимы от национальных свойств народа, который их устанавливает. Отсутствие в римском праве конструкции юридического лица произошло не от того, что оборот крупного капитала не играл значимой роли, а из-за неготовности римского духа смириться с размытостью волеобразования, присущей этой конструкции: волей может обладать человек, противостоящий свободой *res vocalis* – рабу; личная свобода как существенный признак воли делает неуместными любые спекуляции об искусственной правосубъектности. Римляне не создали систему реестровых записей не потому, что не видели необходимость раскрытия сведений о правах и притязаниях на особо ценное имущество (например, манципируемое), но потому, что не допускали вмешательства в частные отношения публичной власти с неизбежной формализацией оснований возникновения прав. В свою очередь, деление на движимости и недви-

жимости теряло смысл в условиях, когда реестры не ведутся.

Пандектная система, разработанная немецкими цивилистами, несёт в себе узнаваемые признаки германского духа. Конечно, задача систематизации лежит в природе юридического знания, так как оно всегда предполагает дедукцию – силлогизм, где эксплицитно, как в позитивном праве, а где имплицитно, как в прецедентном или в обычном, присутствует большая посылка, или абстрактная модель; отсюда и юстиниановские дигесты, избранные речения по всему корпусу права, иначе называемые пандектами, то есть всеохватными. Но только германская мысль сумела построить такую систему правопонимания, которая последовательно исходила из того, что в основе всей таксономии частного права должны лежать отвлечённые, насколько это возможно, категории, а затем терпеливо построила на этом фундаменте остальные, различные по степени громоздкости, конструкции, причём в ГГУ высочайший уровень абстракции сохраняется и у специальных норм. Проводя эту работу, «сумрачный немецкий гений» безотчётно продолжал верить в то, что более объёмные понятия сами порождают менее объёмные; когнитивно, да и через личности её разработчиков пандектная система прямо связана с «юриспруденцией понятий». Важно понимать, что это та абстрактность догмы, которая не предполагает заполнение объёма нормы судебным усмотрением; напротив, задача состояла в том, чтобы создать идеальный по точности понятийный иерархический ряд, из которого натренированному правоприменителю лишь останется извлечь дедуктивный вывод. Красноречиво признание, которому предшествует критика ГГУ за недоступность пониманию непрофессионала: «Но у опытного эксперта, постоянно работающего с ГГУ, в конце концов появляется чувство восхищения этим кодексом, поскольку ему открывается скрытая красота точности и строгости мысли» [Цвайгерт, Кётц: 222].

Для описания различий между германской и французской кодификациями, пожалуй, лучше заново обратиться к блоковскому противопоставлению, использованному в предыдущем абзаце. Мы видим здесь «острый галльский смысл» во всём его блеске – до такой степени, что, по одному из свидетельств, Стендаль ежедневно читал некоторые тексты ГК для обострения «своего чувства языка», а Поль Валери считал ГК величайшей книгой французской литературы⁵. Похоже, французов мало заботило всё то, что обладало первостепенным значением для германского законодателя. Но было бы заблуждением увидеть здесь низкий уровень техники, а не принципиально другое понимание задач закона, в свою очередь определённого той внешне когнитивной, а на самом деле экзистенциальной причиной, которую мы исследуем – пред-

пониманием. Французское влечение к совершенству во всём, соединённое с логоцентризмом (Деррида) и верностью интеллектуальной жизни [Япп, Сиретт], в правоведении получило выражение в афористичности – многозначительной, но, в отличие от языка германского права, предметной точности любого высказывания. Нормы ФГК отнюдь не казуистичны, как это может показаться, – напротив, французы осознанно оставляли простор для судебного усмотрения. Применяя архитектурную метафору, если немцы возводили сложнейшую многоуровневую конструкцию, заключавшую в себе множество модулей различного объёма, и поэтому тщательно просчитывали все показатели устойчивости, то французы лишь заложили фундамент, построили первый этаж, кое-где второй, не закончили третий – и передали право дальнейшей застройки своим судам. Последние отталкивались от оставленных ФГК контуров, а иногда и заполняли ничем не занятые лакуны.

Российское же предпонимание, или, точнее, правопредпонимание, произрастает из указанной ещё Ф.М. Достоевским *всеотзывчивости* русского народа. Снова возвращаясь к А.А. Блоку, нам внятны и сумрачный германский гений, и галльский острый смысл, и многое другое – слишком многое, например некоторые истинно английские чудачества, неуместные в системе позитивного права, особенно построенной (здесь сказался «сумрачный гений») на пандектном учении. В этом наша огромная сила, но в этом и наша слабость, и её не избежало российское гражданское право, да и интеллектуально его окормлявшая цивилистика. Мы словно бы всё время влюбляемся в другие народы, причём это высокое чувство; мы любим в них лучшее, что в них есть, и готовы с наслаждением это лучшее брать. Но любовь, как известно, всегда слепа – её суть в самозабвении, она требует принадлежать и не задавать, так сказать, лишних вопросов. Объект желания становится абсолютным авторитетом. Между тем первое правило заимствования чужого права состоит в том, что оно должно убеждать не авторитетом, но своей ценностью – причём ценностью сравнительной, то есть при взвешивании преимуществ своего и чужого права последнее должно выглядеть предпочтительнее. При этом его, естественно, ещё важно прочитать – помним о необходимости это делать только в контексте принятой в его языке универсальной конвенции, что российским юристам удаётся тоже не всегда. Слепыми заимствованиями отмечен текст многих положений российского гражданского права. Так, ст. 406.1 является репликой английского института indemnity, и по причине, ясной только из раскрытого вида предпонимания, помещена нашим законодателем в гл. 25 («Ответственность за нарушение обязательств»), не имея ни малейшего отношения к ответственности в том

смысле, в котором эта категория имеет в отечественной цивилистике [Кузнецова: 284]. Другой известный пример – ст. 431.2. (заверения об обстоятельствах). Рассуждения о том, какой именно институт общего права (*representations* или *warranties*) избрал здесь образец для подражания законодатель, стало самостоятельным направлением в нашей науке [Емельянова], но можно утверждать, что в российском праве не найти ответа на вопрос о том, какого рода обязательство возникает в силу недостоверного заверения [Вольфсон 2019: 59]. Заимствованный из ст. § 504(c) Закона об авторском праве США 1976 г. институт *statutory damages*, предусматривающий, наряду с восстановительной, несвойственную российскому частному праву штрафную функцию ответственности [Старженецкий], превратился у нас в компенсации за нарушение исключительного права, в течение более трёх десятков лет устойчиво интригующий практику и доктрину, а также регулярно вызывающий внимание Конституционного суда.

Предпонимание, встречающее воспринимаемое право, неспособно, как ни странно, лишить его двух обязательных свойств его лингвоконвенции – универсальности и универсализма [Вольфсон 2024: 215]. Напомню, согласно этому принципу, у своего права есть только одно правильное прочтение, и никаких прочтений вне своего вовсе не существует. В компаративистике вообще, но особенно в компаративистике русской, это правило при прочтении чужого права создаёт совершенно особый эффект – оно словно бы помещает его в «скафандр»: исследователь смотрит на чужое право так, как если бы то было вещью в себе, реальностью, исключаяющей в своей среде онтологическую и семантическую модальность внешнего мира. Но всеотзывчивость русского духа добавляет к этому восприятию неизбывную готовность влюбиться в эту трансцендентальную реальность. Так появляется ярославская школа частного права.

Предпонимание хорошо знакомо в тех правовых системах, которые становятся или могут стать частью другой системы. Сохраняя родовые свойства универсальности и универсализма своей лингвоконвенции, эти системы чаще других сталкиваются как с попытками включения их в языковую общность верхнего уровня через единый общесистемный закон, так и с эффектом импорта права (поскольку признают над собой юрисдикцию общего правоприменительного органа системы верхнего уровня, благодаря постановлениям которого происходит проникновение в них инкорпорируемых норм). Наиболее простым примером того и другого является Европейский союз. На протяжении долгого времени предпринимаются попытки разработки кодифицирующего акта ЕС – подчеркнём, не источника «мягкого права», а постановления обязательной юридической силы. Такие

попытки ещё в конце 90-х сталкивались с решительным сопротивлением, отсылающим к национальному правопредпониманию [Legrand]. Показательный эффект предпонимания при импорте права, который, повторимся, в теории не должен сопровождаться перенастройкой языковой конвенции заимствующей юрисдикции, имел место при восприятии национальными юрисдикциями общеевропейской версии доктрины оригинальности объектов авторского права. Начиная с первой Директивы ЕС о компьютерных программах 91/250⁶, охрана предоставляется произведениям, признаваемым *the author's own intellectual creation*, что можно перевести как результат умственного труда автора. Получив развитие в правовых позициях Европейского суда справедливости, эта доктрина приобрела содержание, не соответствующее тестам на оригинальность, принятым как в общем праве, так и в странах континентальной семьи. Инкорпорация её всякий раз осуществлялась национальными правопорядками только через фильтры предпонимания, но перенастройка своей системы отрицалась – пожалуй, не вполне чистосердечно. Так, во Франции в деле *Rachot*⁷ из галльской традиции видеть в произведении *l'empreinte de la personnalité de l'auteur*, отпечаток личности автора, суд извлёк вполне объективистский критерий *la marque d'un apport intellectuel de l'auteur* – знак интеллектуального вклада автора. Безоговорочно субъективистская формула *persönliche geistige Schöpfungen* вернулась в германское право бумерангом – уже в объективированном облике *own intellectual creation*, что привело и к внесению в ст. 69 (а) (3) Закона «Об авторском праве» ФРГ запрета применять эстетический критерий, но, по свидетельству А. Рахматияна [Rahmatian: 25], немецким комментаторам это не мешает настаивать на том, что охраноспособной считается только та компьютерная программа, которая создана личным духовным усилием автора. Наконец, в Великобритании в деле *Meltwater*⁸ суд и вовсе пришёл к выводу о полной совместимости критериев оригинальности английского права с теми, чтобы выработаны ЕСС.

3. Взаимопроникновение различных схем означивания в пределах одной юрисдикции. В эволюции правовой реальности всегда наступает этап, когда используемые схемы означивания действующих легальных текстов начинают уступать место новым схемам, то есть новому прочтению. Происходит это потому, что право вообще, но особенно частное право, есть выражение реальных, а не умозрительных интересов, а таковые не остаются неизменными, как не остаётся неизменным порождающее их время. Если законодатель не реагирует на эти перемены, то субъективные права превращаются в средство осуществления интересов, уже не направленных на те блага, что представляют ценность переживае-

мого этапа истории, что, вкуче с отсутствием охраны реальных интересов, неизбежно превращает эти права в способ злоупотребления правом. Так и возникает новое прочтение текста. И мы сейчас говорим не о практической нужде в таком прочтении, то есть не о том, что в условиях инерции законодательства преодолеть этот эффект может только альтернативная семантика, а о том, что это смыслонаделение является неизбежным следствием изменившейся реальности, которая служит единственным коррелятом этой семантики и единственным оправданием её носителя, легального языка. Придерживаясь той же онтологической линии, которая привела нас к использованию и раскрытию категории «предпонимание», явление, о котором мы говорим, можно было бы условно назвать «постпониманием».

Один из самых наглядных примеров описываемого явления в истории права даёт нам знаменитое английское дело *Garner v. Burr*⁹: фермер Бэрт выехал на шоссе на своём тракторе, к которому был прицеплен курятник, поставленный им на колёса без пневматического покрытия. Его остановила полиция и потребовала уплатить штраф за нарушение закона «О дорожном движении», который запрещал использование *транспортного средства* (vehicle) с колёсами без шин на асфальтированных дорогах. Фермер считал эту меру ответственности неприменимой к его действиям, поскольку курятник транспортным средством не является. Магистратский суд согласился с ответчиком. Однако апелляционный суд указал, что слово vehicle в данном случае должно пониматься как «любое средство передвижения, поставленное на колёса, в том числе и то, что приводится в движение сторонней тягой». Апелляционный судья, поясняя ratio decidendi своего решения, указал не на то, что следует, отказавшись от прочтения языка закона, применять последний исходя из его «цели», то есть телеологически, но на то, что язык этого закона, а точнее само слово vehicle, должно быть понято не в словарном, а в ином значении, причём парадоксальным образом это новое значение задавалось осознанием цели закона. Иначе говоря, схема означивания текстуальной реальности теперь включает цель как один из способов конструирования Означающего. Постпонимание выразилось в том, что интересы, выраженные в законе, стали осознаваться шире, чем некогда могло показаться самому законодателю, и это привело, через иное означивание текста, к наделению слова vehicle значением, указанным апелляционным судом.

Как мы уже дали понять, подобное неизбежно произойдёт со всеми семантическими единицами легального текста, чьё означивание искусственно обездвиживается гипсом косности. В римском частном праве неизменность квинитских норм привела к уни-

кальному явлению, которое можно было бы назвать *прорастанием* нового права через слой возникшего ранее и местами уже омертвевшего. Интересы менялись или переосмысливались, и частное право, в своём неизбежном преодолении доктринальной и политической предубеждённости, порождало необходимые способы их защиты, тем самым также предупреждая акты злоупотребления. По мнению автора [Вольфсон 2023: 86–102]¹⁰, в римском праве можно указать на четыре таких юридических древа, проросших сквозь реликтовую почву. Во-первых, это включение в преторские формулы притязаний, хотя и не предусмотренных законом, но порождённых обстоятельствами, признаваемыми основаниями иска (intentiones in factum concepto), или же, напротив, отказ в формулировании притязаний, которые опирались не на отношения сторон, а лишь на букву квинитского права (intentiones in jus conceptae). Во-вторых, это преторские эдикты, где определялись группы исков (по существу, норм права), которым претор намерен был давать признание в период своего правления; постепенно складывалась традиция издавать свои эдикты каждым вступающим в должность претором (edictum perpetuum), а затем некоторые эдикты превращались в переходящие (edictum tralaticium); в 125 г. н. э. количественное накопление закономерно завершилось статификацией эдиктного права. В-третьих, это иски bonae fidei, требования из «добрых нравов», которые жили самостоятельной жизнью бок о бок с квинитским правом. В-четвёртых, это exceptiones, оговорки с отрицательным условием, которые включались претором в формулы исков в качестве самостоятельного структурного элемента, с тем чтобы парализовать действие злоупотребительных интенций [Муромцев: 166].

В современном российском праве примером такого прорастания может выступить постепенная утрата судами доверия к старинной, но, по убеждению автора статьи, бесплодной доктрине, согласно которой произведение считается охраноспособным, только если оно создано «творческим трудом автора» (ст. 1228, 1257 ГК РФ). Этот критерий является дважды метафизическим: во-первых, ввиду того, что не верифицируется подлинными интересами участников авторских правоотношений, поскольку спрос на произведения литературы, науки и искусства возникает не в связи с их принадлежностью к результатам творчества, что бы под этим ни понималось, а во-вторых, ввиду того, что попытка положительно установить в произведении признаки творчества заведомо ненаучна. По убеждению автора статьи, которое он воплотил в теории, уже в течение более двух десятков представленной в его трудах¹¹, в авторско-правовой охране нуждаются только художественные (языковые) решения, воспринимае-

мые как уникальные их аудиторией. Неудовлетворённость судов исчерпавшей теоретическую и практическую ценность доктриной «результата творческого труда» приводит к переозначиванию легальной формулы: суды в действительности всё чаще считают достойными охраны только те произведения, которые обладают качеством воспринимаемой уникальности. Подтверждением этого является применение судами презумпции создания произведения творческим трудом¹². Это не только признание неразрешимости задачи установить признаки творчества, но и смирение перед неработоспособностью критерия в целом: любая презумпция фиксирует наиболее вероятное положение, но последовательное применение презумпции творчества привело к признанию охраноспособными произведений, которые ни один разумный человек не согласился бы признать отмеченными тем, что, при всех амплитудах смысла, принято называть творчеством.

Заключение. Во второй части статьи были исследованы несколько видов взаимодействия правовых систем как языковых общностей. При инкорпорации (импорте) права вся необходимая работа по означиванию заимствуемого правового положения осуществляется «юрисдикцией-экспортёром», вследствие чего схемы означивания импортирующего правового порядка не подвергаются перенастройке. Далее было раскрыто явление предпонимания, онтологические корни которой определяют зависимость свойств национальных правовых порядков от склонностей народов, которые их устанавливают, и к осмыслению любой сторонней реальности через предустановленные когнитивные фильтры. Наконец, мы обсудили на некоторых показательных примерах взаимопроникновение различных схем означивания в пределах одной юрисдикции. Завершая же в целом эту состоящую из двух частей статью, автор хотел бы напомнить читателю о том, что воспринимает её наброском дальнейших исследований. Менее всего мне хотелось бы, чтобы предложенные идеи воспринимались догматически. Ни перечисленные свойства правовых систем как языковых общностей, ни затронутые виды взаимодействия отнюдь не исчерпывают предмет для научного интереса. Напротив, автор хотел бы надеяться, что его работа привлечёт внимание правоведов, особенно цивилистов, к семантическому и лингвистическому обсуждению правовой реальности.

Примечания

¹ Думается, данный подход не колеблет и вероятность того, что квалификация по *lex fori* способна привести к выбору правового порядка, квалификация по которому исключала бы такой выбор. Может показаться, что иностранному правовому порядку здесь навязывается компетентность и тем самым не выпол-

няется предназначение коллизионного права в целом. Однако квалификация правоотношения по такому правовому порядку только для того, чтобы в итоге исключить этот эффект, представляется нам обходом национального коллизионного регулирования.

² Инкорпорация здесь противостоит тому, что в теории обычно именуют трансформацией, при которой «осуществляется адаптационное изменение содержания международно-правовой нормы в целях обеспечения возможности применения такой нормы во внутрисударственном праве» [Латышев: 124].

³ См. абз. 7 ст. 1 Федерального закона от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней».

⁴ Хайдеггер различал категории «предвзятие», «предусмотрение» и «предсуждение».

⁵ Thieme Hans, *Das Naturrecht und die europäische Privatrechtsgeschichte*, 1947 [Цвайгерт, Кётц: 133]. Писателей можно понять: трудно не прийти в восторг от такого, например, изложения правила иммобилизации вещей, какое даётся в ст. 525 ФГК: «Зеркала, находящиеся в помещениях, признаются установленными навсегда, если пол, к которому они прикреплены, составляет целое с деревянной рамой. Такое же правило действует в отношении картин и других украшений. Что касается статуй, то они признаются недвижимостями, когда они помещены в нише, сделанной нарочно для их постановки, хотя бы они могли быть сняты без их повреждения или ухудшения».

⁶ Council Directive 91/250/EEC of 14 May 1991 on the legal protection of computer programs. URL: <https://clck.ru/392WbT> (дата обращения: 24 апреля 2024 г.).

⁷ Строго говоря, суд в этом деле рассматривал не инкорпорацию критерия *the author's own intellectual creation*, а близкую по смыслу формулу, незадолго до решения появившуюся во французском праве.

⁸ *Newspaper Licensing Agency Ltd. and others v. Meltwater Holding BV and others* [2010].

⁹ *Garner v Burr* [1951] 1 KB 31.

¹⁰ Более подробно воззрения автора на «прорастание» нового права через реликты квинтского права описаны автором работы в монографии «Право и злоупотребление правом: противостояние».

¹¹ Развёрнутое исследование этой проблемы, в частности, представлено в недавней статье автора «Творчество или уникальность? Фотографические произведения в фокусе охраноспособности», которая в самое ближайшее время будет опубликована в «Журнале Суда по интеллектуальным правам».

¹² Закреплена в абзаце 2 пункта 80 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 23 апреля 2019 г. «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Список литературы

Вольфсон В.Л. Взаимодействие правовых систем как языковых общностей (часть первая) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 29, № 1. С. 213–221.

Вольфсон В.Л. Недобросовестность как диагноз злоупотребления субъективным гражданским правом. Москва: Проспект, 2019. 80 с.

Вольфсон В.Л. О модальности должного. Ratio decidendi Европейского суда по правам человека в российском праве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2014. № 1. С. 18–32.

Вольфсон В.Л. Право и злоупотребление правом: противостояние. Москва: Проспект, 2023. 160 с.

Вольфсон В.Л. Язык догмы: обход невозможен // Мир юридической науки. 2012. № 6. С. 8–19.

Емельянова О.А. Заверения об обстоятельствах. Почему новелла ГК не изменила правоприменительную практику? // Арбитражная практика. 2021. № 5. С. 70–73.

Кузнецова О.А. Новые положения в регламентации гражданско-правовой ответственности // Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы / И.З. Аюшеева, Е.Е. Богданова, Д.Е. Богданов и др. Москва: Проспект, 2018. 416 с.

Лантев П.А. Правовая система России и европейские правовые стандарты // Отечественные записки. 2003. № 2. С. 145–157.

Латышев А.С. Теоретические аспекты юридических механизмов введения в действие международных договоров: трансформация, имплементация, инкорпорация // Экономика. Право. Общество. 2019. № 2 (18). С. 122–129.

Муромцев С.А. О консерватизме римской юриспруденции // Избранные труды по римскому и гражданскому праву. Москва: Центр Юрифор, 2004. 765 с.

Старженецкий В.В. Статутные убытки в праве интеллектуальной собственности РФ: эволюция и актуальные проблемы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 9. С. 116–147.

Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 1. Основы: пер. с нем. Москва: Междунар. отношения, 2000. 480 с.

Япп Н., Сиретт М. Эти странные французы / пер. с англ. И. Тогоевой. Москва: Эгмонт Россия ЛТД., 2001. 72 с.

Endicott Timothy. Law and Language. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2022 Edition), ed. by Edward N. Zalta.

Legrand Pierre. Against a European Civil Code. The Modern Law Review, vol. 60, No. 1 (Jan., 1997), pp. 44–63.

Rahmatian Andreas. Originality in UK Copyright Law: The Old “Skill and Labour” Doctrine Under

Pressure. IIC – International Review of Intellectual Property and Competition Law, 2013, vol. 44, pp. 4–34.

References

Emel'ianova O.A. *Zavereniia ob obstoiatel'stvakh. Pochemu novella GK ne izmenila pravoprimeritel'nuiu praktiku?* [Representations: Why Hasn't the Civil Code's Novel Changed Law Enforcement Practice?]. *Arbitrazhnaia praktika* [Arbitration practice], 2021, No. 5, pp. 70–73. (In Russ.)

Japp N., Sirett M. *Eti strannye frantsuzy* [Those Strange French], trans. from English by I. Togoeva. Moscow, Egmont Rossiia Ltd. Publ., 2001, 72 p. (In Russ.)

Kuznetsova O.A. *Novye polozheniia v reglamentatsii grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti* [New provisions in the regulation of civil liability]. *Reforma obiazatel'stvennogo prava Rossii: problemy i perspektivy* [Reform of the Law of Obligations in Russia: Problems and Prospects], ed. by I.Z. Aiusheeva, E.E. Bogdanova, D.E. Bogdanov etc. Moscow, Prospekt Publ., 2018, 416 p. (In Russ.)

Laptev P.A. *Pravovaia sistema Rossii i evropeiskie pravovye standarty* [Russian Legal System and European Legal Standards]. *Otechestvennye zapiski* [Annals of the Fatherland], 2003, No. 2, pp. 145–157 (In Russ.)

Latyshev A.S. *Teoreticheskie aspekty iuridicheskikh mekhanizmov vvedeniia v deistvie mezhdunarodnykh dogovorov: transformatsiia, implementatsiia, inkorporatsiia* [Theoretical Aspects of Legal Mechanisms For the Implementation of International Treaties: Transformation, Implementation, Incorporation]. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo* [Economics. Law. Society], 2019, No. 2 (18), pp. 122–129. (In Russ.)

Muromtsev S.A. *O konservatizme rimskoi iurisprudentsii* [On the Conservatism of the Roman Jurisprudence]. *Izbrannye trudy po rimskomu i grazhdanskomu pravu* [Selected Works on the Roman and Civil Law]. Moscow, Tsentr Iurinform Publ., 2004, 765 p. (In Russ.)

Starzhenetskii V.V. *Statutnye ubytki v prave intellektual'noi sobstvennosti RF: evoliutsiia i aktual'nye problemy* [Statutory Damages in the Intellectual Property Law of the Russian Federation: Evolution and Current Problems]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiiskoi Federatsii* [The Herald of Economic Justice], 2015, No. 9, pp. 116–147. (In Russ.)

Tsvaigert K., Ketts Kh. *Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava: v 2 t. T. 1: Osnovy* [Introduction to the Comparative Legal Studies: in 2 vols. Vol. 1: Fundamentals], trans. from German. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2000, 480 p. (In Russ.)

Vol'fson V.L. *Vzaimodeistvie pravovykh sistem kak iazykovykh oushchnostei (chast' pervaiia)* [The Interaction of Legal Systems as Linguistic Communities (part one)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo uni-*

versiteta [Vestnik of Kostroma State University], 2024, vol. 29, No. 1, pp. 213-221. (In Russ.)

Vol'fson V.L. *Nedobrosovestnost' kak diagnost zloupotrebleniia sub'ektivnym grazhdanskim pravom* [Bad Faith as a Diagnosis of Abuse of Law in the Exercise of Subjective Right]. Moscow, Prospekt Publ., 2019, 80 p. (In Russ.)

Vol'fson V.L. *O modal'nosti dolzhnogo. Ratio decidenti Evropeiskogo suda po pravam cheloveka v rossiskom prave* [The Modality of the Duty: Ratio Decidenti of the European Court of Human Rights in the Russia legal system]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Vestniks of Saint Petersburg University. Law], 2014, No. 1, pp. 18-32. (In Russ.)

Vol'fson V.L. *Pravo i zloupotreblenie pravom: protivostoianie* [Law and Abuse of Law: a Challenge]. Moscow, Prospekt Publ., 2023, 160 p. (In Russ.)

Vol'fson V.L. *Iazyk dogmy: obkhod nevozmozhn* [Dogma Language: Evasion Impossible]. *Mir juri-*

dicheskoi nauki [World of Legal Sciences], 2012, No. 6, pp. 8-19. (In Russ.)

Endicott Timothy Law and Language. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2022 Edition), ed. by Edward N. Zalta.

Legrand Pierre Against a European Civil Code. *The Modern Law Re-view*, vol. 60, No. 1 (Jan., 1997), pp. 44-63.

Rahmatian Andreas Originality in UK Copyright Law: The Old "Skill and Labour" Doctrine Under Pressure. *ИИ - International Review of Intellectual Property and Competition Law*, 2013, vol. 44, pp. 4-34.

Статья поступила в редакцию 12.05.2024; одобрена после рецензирования 30.05.2024; принята к публикации 31.05.2024.

The article was submitted 12.05.2024; approved after reviewing 30.05.2024; accepted for publication 31.05.2024.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Груздев Владислав Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия; Донбасский государственный университет юстиции, Донецк, Россия, vgruzdev@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>

Плюснина Ольга Витальевна, кандидат юридических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, o_plusnina@ksu.edu.ru

Ганжа Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, nat_ganzha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3491-5319>

Столяров Алексей Сергеевич, заместитель директора департамента по труду и социальной защите населения Костромской области, Кострома, Россия, asstolyarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8451-7282>

Аннотация. Авторами дана характеристика понятия «цифровое пространство», описано его значение и параметры распространения. Рассмотрены периоды истории зарождения и формирования цифрового пространства в ходе информационно-технологической революции. Выделены основные группы процессов, происходящих в цифровом пространстве и оказывающих наиболее сильное влияние на устойчивое развитие государства. Описаны риски для устойчивого развития государства в условиях использования высокоэффективных средств обработки и передачи информации, формирования «цифрового общества», а также использования искусственного интеллекта в государственном управлении. Методологической базой работы служат общенаучные методы логического, сравнительно-правового, нормативно-правового анализа. Используются возможности междисциплинарного подхода к исследованию. Сформулировано авторское определение понятия «цифрового пространства» и сформулированы основные концептуальные положения к предлагаемому авторами законопроекту Федерального закона «Об использовании цифровых технологий в системе органов государственной власти Российской Федерации».

Ключевые слова: цифровое пространство, цифровизация государственного управления, государственный суверенитет, цифровой менталитет, цифровая трансформация, искусственный интеллект.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ «Социализация, идентичность и жизненные стратегии молодежи в условиях “новых войн”» (No FZEW-2023-0003)

Для цитирования: Груздев В.В., Плюснина О.В., Ганжа Н.В., Столяров А.С. Основные проблемы обеспечения устойчивого развития государства в цифровом пространстве // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 205–212. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-205-212>

Research Article

MAIN PROBLEMS OF ENSURING SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE STATE IN DIGITAL SPACE

Vladislav V. Gruzdev, Doctor of Jural Sciences, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia; Donbass State University of Justice, Donetsk, vgruzdev@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>

Olga V. Plyusnina, Candidate of Jural Sciences, Kostroma State University, o_plusnina@ksu.edu.ru

Natal'ya V. Ganzha, Candidate of Jural Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, nat_ganzha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3491-5319>

Alexey S. Stolyarov, Deputy Director of the Department of Labour and Social Protection of the Population of Kostroma Region, Kostroma, Russia, asstolyarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8451-7282>

Abstract. The authors characterise the concept of “digital space”, describe its meaning and distribution parameters. The periods of the history of the origin and formation of the digital space during the information technology revolution are considered. The main groups of processes taking place in the digital space and having the strongest impact on the sustainable development of the state are highlighted. The risks for the sustainable development of the state in the context of the use of highly efficient

means of processing and transmitting information, the formation of a “digital society”, as well as the use of artificial intelligence in public administration are described. The methodological basis of the work is the general scientific methods of logical, comparative legal, normative legal analysis. The possibilities of an interdisciplinary approach to research are used. The author’s definition of the concept of “digital space” is formulated and the main conceptual provisions for the draft law of the Federal Law proposed by the authors are formulated.

Keywords: digital space, digitalisation of public administration, state sovereignty, digital mentality, digital transformation, artificial intelligence.

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the State Task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation «Socialisation, identity and life strategies of youth in the conditions of “new wars”» (No. FZEW-2023-0003).

For citation: Gruzdev V.V., Ganzha N.V., Plyusnina O.V., Stolyarov A.S. Main problems of ensuring sustainable development of the state in digital space. *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 205–212. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-205-212>

Введение. В конце XX и начале XXI века, на очередной волне глобализации, человечество перешло на новый этап развития, обусловленный формированием «цифрового пространства», в котором происходит ускорение цифровой трансформации практически всех сфер жизнедеятельности человека. С одной стороны, такая трансформация создает платформу для возможного интеллектуального и технологического развития человечества, а также упрощения и совершенствования множества процессов, от государственного управления до бытового устройства. С другой стороны, возникают риски неуправляемого развития цифровых и биотехнологий. Например, развитие и применение искусственного интеллекта человеческого уровня или нейротехнологий может выйти за отведенные исследователями плановые границы и привести к непредсказуемым результатам их влияния на человека, общество и государство.

Параметры цифрового пространства, его значение и динамика развития до настоящего времени недостаточно изучены. Однако полагаем, что цифровое пространство сформировалось, имеет стремительные, практически взрывные темпы распространения, связанные в основном с открытиями в науке, позволившими создать скоростной беспроводной Интернет и цифровые технологии, что в свою очередь способствует формированию у населения планеты «цифрового менталитета».

1. Понятие «цифровое пространство». Некоторые ученые пытаются упрощенно представить цифровое пространство лишь как сформировавшуюся цифровую среду, в которой взаимодействуют объекты посредством каналов передачи информации, проводя аналогию с письменностью, книгопечатанием, радио и телевидением.

Так, Н.И. Морозова характеризует «цифровое пространство» как включающее в себя совокупность объектов, вступающих друг с другом в цифровое взаимодействие, а также цифровые технологии, обеспечивающие это взаимодействие. Оно образуется посредством цифровых ресурсов, средств цифрово-

го взаимодействия и информационной инфраструктуры. В центре цифрового пространства находится субъект, который в процессе своей деятельности создает информацию, накапливает ее и передает [Морозова, Бурыкова: 264].

Подобного мнения придерживается А.П. Сидорова, которая характеризует «цифровое пространство» исключительно с технической точки зрения – как виртуальную версию пространства, содержащую цифровую инфраструктуру и цифровые ресурсы, включающие аппаратные средства, программное обеспечение, телекоммуникации, сети, базы данных, оцифрованные образы физических объектов [Сидорова: 49].

Однако, полагаем, что долгосрочное воздействие на общество процессов, происходящих в цифровом пространстве, обусловлено не столько самой информацией и каналами ее распространения, которые фактически являются лишь инструментами цифровизации, сколько процессами появления новых объектов и субъектов права, таких как «цифровая личность», «цифровое общество», «цифровая демократия», «цифровая экономика», «цифровое правительство», «цифровое государство», «цифровые деньги», «цифровой двойник» и других, приводящих к изменениям имеющихся и формированию новых общественных отношений.

Особый интерес представляет история зарождения и формирования цифрового пространства, которая связана с информационно-технологической революцией, заметно изменившей, по мнению И.А. Умновой-Конюховой, характер цивилизационного развития [Умнова-Конюхова, Ловцов: 54].

Необходимо отметить, что четыре основных этапа информационно-технологической революции не имеют точных границ завершения и могут продолжаться и развиваться в течение следующего этапа либо начинаться практически параллельно друг другу во времени. Каждый следующий этап технологического развития основывается на открытиях предыдущего или, как было сказано выше, параллельного этапа и вызывает кумулятивный эффект в развитии новых

технологий на новом этапе, который в свою очередь формирует платформу для очередного технологического прорыва.

По описанию Дж. Коэна первый этап, начавшийся в середине прошлого века, характеризуется возникновением и интенсивным развитием кибернетики, а также дальнейшим созданием на ее основе информационных систем управления. Второй этап связан с массовым внедрением персональных компьютеров, а в более поздний период времени и всевозможных гаджетов, доступных для использования неограниченным количеством людей. Кроме того, к данному этапу можно отнести разработку, внедрение и совершенствование программного обеспечения общедоступного уровня. Третий этап приходится на период развития телекоммуникационных технологий, сделавший возможным объединение персональных компьютеров в компьютерные сети, сначала в локальные, а затем в глобальные [Cohen: 210].

Четвертый этап информационно-технологической революции, начавшийся в конце XX века, связан с формированием глобального информационного пространства, обеспечиваемого цифровизацией и сетевой взаимозависимостью.

Наибольшее значение для завершения процессов формирования цифрового пространства и его развития представляет именно четвертый этап информационно-технологической революции, который является логическим завершением трех предыдущих подготовительных этапов, обеспечивших предпосылки зарождения сначала «информационного общества», а затем и «цифрового общества».

В данном контексте стоит отметить прогноз М. Кастельса, который утверждает, что, как и в случае индустриальных революций, будет несколько информационно-технологических революций, из которых та, которая выявилась в 1970-х годах, есть только первая. Вторая отведет более важную роль биологической революции в тесном взаимодействии с новыми компьютерными технологиями [Кастельс: 59]. Таким образом, можно полагать, что «первая» информационно-технологическая революция может являться лишь подготовительным этапом нового технологического скачка для формирования принципиально новых изменений в обществе и общественных отношениях.

Всестороннее понимание и исследование процессов, происходящих в цифровом пространстве, возможно только при консолидации познаний в сфере техники, философии, юриспруденции, социологии и др. Это связано с характером взаимопроникающих процессов развития фундаментальной науки в областях информатики, математики, химии и физики, позволившие создать в цифровом пространстве совершенно новые реальные и виртуальные предметы физической и цифровой природы, которые все боль-

ше становятся объектами современных общественных отношений.

Параметры распространения цифрового пространства можно оценить, например, на основе данных, содержащихся в ежегодных отчетах статистики интернета компании Global Digital, согласно которым в 2022 году насчитывается 4,95 млрд интернет-пользователей, что составляет 62,5 % населения мира, и за последнее десятилетие этот показатель увеличился более чем вдвое¹.

Таким образом, можно утверждать, что цифровое пространство активно расширяется и оказывает все большее влияние на объективную реальность, порождая в ней как негативные, так и позитивные процессы. Возникновение в цифровом пространстве новых объектов и субъектов права требует своевременного правового и морально-этического регулирования новых общественных отношений.

На основании вышеизложенного предлагаем следующее определение понятия «цифрового пространства» – это виртуальное пространство, обладающее определенными свойствами и механизмами цифрового взаимодействия в пространстве и времени субъектов права посредством электронно-цифровых устройств, приводящее к трансформации имеющихся и формированию новых общественных отношений.

2. Особенности развития государства в цифровом пространстве. В настоящей работе предлагается выделить три основных, взаимосвязанных и последовательных группы процессов, происходящих в цифровом пространстве и оказывающих наиболее сильное влияние на устойчивое развитие государства:

- 1) использование высокоэффективных средств формирования, обработки, хранения и передачи информации;
- 2) формирование «цифрового общества»;
- 3) делегирование принятия решений от человека к искусственному интеллекту человеческого уровня.

В настоящее время наибольшее развитие получила первая группа процессов, которая уже оказывает реальное влияние на функционирование институтов государства. К высокоэффективным информационным средствам можно отнести информационные цифровые площадки (электронные СМИ); цифровые сервисы (государственные, коммерческие, общественные); социальные сети и мессенджеры; обучающие платформы и т. д.

Риски для развития государства в данном случае заключаются в практически неограниченных возможностях как внутреннего, так и внешнего влияния на общество посредством транслируемой информации. Кроме того, большой объем формируемой и передаваемой информации создает трудности для определения ее источника, достоверности, целевой аудитории и каналов распространения, а также

затрудняет прогнозирование последствий обработки информации ее потребителями.

Присоединяясь к мнению И.А. Умновой-Конюховой о том, что любая информация исключает нейтральность ее характера [Умнова-Конюхова, Ловцов: 58], полагаем, что информация, распространяемая в цифровом пространстве, никогда не может быть «обезличенной» и всегда имеет источник, свою цель и целевую аудиторию, а также ожидаемый результат воздействия.

Первые попытки международного регулирования процессов, происходящих в цифровом пространстве, были предприняты в 2000 году на Конференции по развитию информационного общества в г. Окинава² и в 2003 году на Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества в г. Женеве³, на которых декларировались необходимость обеспечения на основе взаимного доверия и безопасности доступа всех людей к информационным и коммуникационным инфраструктурам, технологиям и информации, а также построения информационного общества.

Однако уже в 2005 году, на втором этапе Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества в г. Тунисе⁴, отчетливо прозвучала озабоченность о необходимости всем правительствам иметь одинаковые задачи и обязательства в сфере управления использованием Интернета на международной основе.

В последние два десятилетия правовое регулирование общественных отношений в цифровом пространстве было закреплено в различном объеме и трактовках в Конституциях, национальных законодательных и подзаконных актах множества государств. Однако совершенствование форм и методов формирования и распространения цифровой информации делает возможным создание новых эффективных рычагов влияния на общественное сознание в цифровом пространстве, позволяющих создавать условия для изменения политических, социальных, правовых и других норм. В результате возрастающей в цифровом пространстве мировой конкуренции национальные государства вынуждены формировать стратегии развития и нормативные правовые базы, создавать и наращивать соответствующую инфраструктуру, готовить или привлекать необходимых специалистов, разрабатывать способы укрепления государственного суверенитета с учетом противодействия враждебному или опасному распространению цифровой информации.

Правовое регулирование процессов, происходящих в цифровом пространстве на межгосударственном уровне, продолжает оставаться дискуссионным. Так, например, Председатель Государственной думы Федерального Собрания Рос-

сийской Федерации В. Володин на заседании 140-й Ассамблеи Межпарламентского союза в 2019 году обозначил проблему угроз государственному суверенитету в условиях цифрового пространства, связанных с проблемами экстерриториальности. Он отметил в своем выступлении, что интернет-технологии позволяют вмешиваться в работу государственных органов, в избирательные кампании, в работу атомных электростанций, создавать транспортный коллапс, обрушивать финансовую систему стран и корпораций. Исходя из этого, отметил В. Володин, требуется особая роль законодательных органов национальных государств по правовому обеспечению и реализации цифрового суверенитета, а также необходимо «не только признать, но и обеспечить цифровой суверенитет любого государства в области интернет-технологий, защиты персональных данных, защиты информационного пространства»⁵.

Данная тема достаточно глубоко исследована в научном мире. Поэтому завершить рассмотрение первой группы хотелось бы тезисом, подтверждающим создание механизмов внешнего и внутреннего влияния на общество и общественное мнение в цифровом пространстве через всемирные социальные сети и, как следствие, возможного управления этим самым обществом. Так, Дж. Дорси, сооснователь американской компании социальных сетей Twitter, Inc., бывший до мая 2022 года ее руководителем, заявил, что «моей крупнейшей ошибкой было вкладываться в разработку инструментов, которые позволили бы компании управлять общественным мнением, а не в инструменты, которые помогли бы пользователям Twitter управлять своим мнением самостоятельно. Это обременило нас чересчур большой властью и сделало уязвимыми для давления извне» [Дорси].

Следующая группа процессов, оказывающих более существенное влияние на развитие государства, связана с формированием «цифрового общества». Эти процессы окончательно не завершились и вызывают определенную дискуссию в научном мире. Однако полагаем, что именно цифровизация общества гораздо глубже затрагивает общественные отношения и государственные институты, чем процессы предыдущей группы.

По мнению И.А. Умновой-Конюховой, в настоящее время происходит преобразование технократического общества в технотронное цифровое общество нового поколения [Умнова-Конюхова, Ловцов: 65]. Формирование цифрового общества связано с существенными изменениями, происходящими в цифровом пространстве в сферах государственного управления, права, производственной и непроизводственной сферах экономики, финансов, образования и науки, социальной сфере, медицине, обороне и безопасности, международных отношениях и других.

Так, например, по мнению отечественных разработчиков, внедрение системы организации и исполнения функций органов государственной власти «Государство как платформа», должно привести к принципиальному изменению в сознании и поведении граждан, развитие у граждан «цифрового менталитета», выражающегося в принятии цифровой реальности [Доклад: 9]. При этом необходимо отметить, что развитие цифровых процессов столь стремительно, что зачастую разработчики стратегического планирования и органы государственной власти в стремлении не отстать от ускоряющегося темпа цифровых инноваций забывают об особенностях восприятия новшеств обществом и его цифровой зрелости, а также технологических возможностях различных слоев населения, вызывая «цифровое неравенство».

Отдельной проблемой, связанной с развитием цифрового общества, является влияние цифровых технологий на избирательный механизм формирования органов государственной власти. Так, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы⁶ дается описание процесса формирования новой модели восприятия – клиповое мышление, характеризующееся массовым поверхностным восприятием значительного объема информации, что способствует формированию у избирателей навязанных моделей поведения и дает преимущество в достижении определенных политических целей владельцами технологий.

Кроме того, в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей отмечаются возможные деструктивные процессы, происходящие в обществе в цифровом пространстве, которые могут привести к ослаблению общероссийской гражданской идентичности и подрыву доверия к институтам государства, формирование негативного отношения к государственной службе.

Процессы глобализации и расширение цифрового пространства в сфере экономики также оказывает влияние на общество. Так, по мнению П. Ханна, географический фактор заменяется на дробное разделение труда, а экономический успех той или иной страны зависит от ее «включения» во всемирную паутину поставок товаров и услуг. Данные процессы создают социально-демографические предпосылки для исчезновения понятий «суверенное государство» и «институт гражданства», все больше людей на планете не связывают себя с конкретным государством, местом рождения, языком, культурой, гражданскими обязанностями [Ханна: 17].

В отличие от двух предыдущих групп процессов, происходящих в цифровом пространстве, описание третьей группы в настоящее время является в основном прогностическим. Данная группа связана с про-

цессами делегирования полномочий принятия решений в государственном управлении от человека к искусственному интеллекту человеческого уровня.

Полагаем, что допущение возможности внедрения искусственного интеллекта и машинного обучения во все увеличивающиеся количество сфер жизнедеятельности человека и государства связано с формированием «цифрового менталитета» и возрастающей «цифровой зрелостью» общества.

Разработчики концепций использования искусственного интеллекта в государственном управлении возлагают на него большие ожидания, связанные с повышением эффективности работы государственных органов, что позволит снять многие административные препоны, повысив удовлетворенность населения обслуживанием и, таким образом, доверие к государственной власти и ее легитимность [Mehr: 772].

Однако тревогу вызывает формулировка, лежащая в основе идеи управления обществом с использованием искусственного интеллекта, вызванной природной ограниченностью человека как вида [Barlett: 4], а также сложностью структуры современного общества и систем социальных взаимосвязей [Liu, Lin, Chen: 123]. Некоторые разработчики данной концепции считают, что склонность к совершению ошибок, физическая и ментальная ограниченность, моральная неустойчивость человека препятствуют рациональному, целесообразному и эффективному управлению [Умнова-Конюхова, Ловцов: 152]. В результате критической переоценки когнитивной природы и психологической ограниченности человека предлагается управление обществом и государством делегировать более эффективным средствам искусственного интеллекта.

Однако полагаем, что искусственный интеллект, подменяющий собой человека в системе государственного управления, составляет основную опасность самой сущности государства. Так, в системе государственного управления, основанного на применении искусственного интеллекта, могут возникать затруднения в вопросах морального, философского, религиозного или юридического характера. Например, в алгоритмах искусственного интеллекта невозможно заложить такие категории, как «справедливость», «сострадание», «милосердие» и др.

Немаловажным вопросом остается неопределенная правовая природа и правовое основание участия частных коммерческих компаний разработчиков алгоритмов для искусственного интеллекта, фактически реализующих функцию осуществления публичной власти посредством разработки, внедрения и контроля алгоритмов, интегрированных в управленческие процессы [Liu, Lin, Chen: 124].

Кроме того, в цифровом пространстве происходит трансформация судебной системы. В ряде государств наблюдается активное внедрение искусственного ин-

теллекта в процессы выработки судебных решений, превращая представителей судебной власти в «планшетных чиновников» [McGregor: 1083], которые зависят от мнения цифровых устройств и становятся несамостоятельными в принятии решений.

Точно такая же дилемма стоит при активном внедрении искусственного интеллекта в законодательную деятельность, которое может привести к «размыванию ответственности» и утрате должностным лицом возложенных на него законодательством суверенных правотворческих полномочий. Так, по мнению Т. Барри, при разработке актов правового регулирования важным теоретико-методологическим вопросом остается наличие или отсутствие самой возможности применения и внедрения цифровых технологий к отдельным сферам деятельности человека, в том числе и к законодательному процессу либо к отдельным видам нормативных правовых актов в процессе их принятия [Барри: 2].

Таким образом, цифровая трансформация деятельности органов исполнительной и судебной власти, а также законодательных процессов представляет собой сложнейшие и рискованные процессы в сфере публичного государственного управления.

Основные принципы обеспечения устойчивого развития государства в цифровом пространстве нашли свое отражение в Конституции Российской Федерации, в доктринах и стратегиях, утвержденных указами Президента Российской Федерации. В то же время нормативное правовое регулирование вопросов цифровой трансформации институтов государственной власти до настоящего времени находится на начальном этапе и преимущественно ограничиваются вопросами, связанными с формированием, обработкой и использованием цифровых данных.

Полагаем, что прежде, чем активно внедрять высокоинтеллектуальные цифровые технологии в сфере государственного управления, необходимо нормативно определить права и обязанности субъектов цифровых правоотношений, законодательно обозначить природу цифровых объектов в данной сфере, а также безопасные поэтапные границы такого внедрения, обеспечив безусловную защиту государственного суверенитета.

Возможным решением такого нормативного правового регулирования в данной сфере может выступить законопроект Федерального закона «Об использовании цифровых технологий в системе органов государственной власти Российской Федерации».

Данный законопроект должен позволить решить ряд основных задач при внедрении цифровых технологий в систему государственного управления:

– выработать понятные цели и задачи цифровизации, а также прозрачные механизмы оценок результатов цифровизации;

– установить единые безопасные алгоритмы такого внедрения, с учетом разделения цифровых технологий на вспомогательные и высокоинтеллектуальные;

– определить права, обязанности и ответственность участников процессов цифровизации;

– своевременно принять актуальные дополнения и изменения в иные нормативные правовые акты, с учетом особенностей цифровизации.

Считаем, что вышеуказанным законопроектом при внедрении цифровых технологий, а особенно искусственного интеллекта, в государственное управление, системы правосудия и законодательства необходимо нормативно ограничить его использование исключительно в качестве технического помощника, с последующей обязательной независимой экспертизой принятых властных решений до их вступления в силу, и установить особый порядок обжалования таких решений.

Также полагаем, что использование новых цифровых технологий в законодательном процессе должно быть нормативно ограничено стадиями обработки больших данных при подготовке проектов нормативных правовых актов, обнародованием нормативных правовых актов, а также их систематизацией.

С учетом того, что искусственный интеллект, подменяющий собой человека в системе государственного управления, может составлять основную опасность государственному суверенитету и самой сущности государства, одним из самых существенных положений, регулируемых предложенным законопроектом, должно являться условие исключения участия частных коммерческих компаний в разработке алгоритмов для искусственного интеллекта, интегрированных в управленческие процессы осуществления публичной власти. Кроме того, требуется установление обязательной открытости, прозрачности и объяснимости содержания алгоритмов, используемых при принятии таких управленческих решений.

Национальной стратегией развития искусственного интеллекта сроки создания гибкой системы нормативно-правового регулирования в области высокоинтеллектуальных цифровых технологий в Российской Федерации установлены до 2030 года, а с учетом сверхсложности вопроса развития и использования таких технологий предусматривается использование экспериментальных правовых режимов.

Так, в настоящее время в Российской Федерации реализуется Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве...»⁷, одной из целей которого является повышение эф-

фективности государственного или муниципального управления за счет использования новых цифровых технологий. На основании результатов проведения эксперимента предусматривается подготовка и представление в Правительство Российской Федерации предложений о целесообразности или нецелесообразности внесения изменений в законодательство Российской Федерации.

Таким образом, результаты эксперимента по повышению эффективности государственного или муниципального управления за счет использования новых цифровых технологий в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве – в период с 2020 по 2025 год могут быть использованы при разработке предлагаемого в данной работе законопроекта Федерального закона «Об использовании цифровых технологий в системе органов государственной власти Российской Федерации».

Заключение. В цифровом пространстве происходят процессы цифровой трансформации общественных отношений, а также основных признаков государства. В то же время устойчивое развитие государства в цифровом пространстве связано с практически не изученными факторами, оказывающими существенное влияние на общество, государство и право, а правовое регулирование данных процессов происходит достаточно медленно.

Так, нормативное правовое регулирование вопросов цифровой трансформации государственного управления, использование технологий блокчейн и искусственного интеллекта, влияния новых цифровых технологий на общество и процессы формирования органов государственной власти, цифровой трансформации законодательного процесса до настоящего времени находятся на начальном этапе и не имеют глубокой всесторонней научной проработки.

Глобальные процессы, происходящие в цифровом пространстве, порождают трансформацию общественных отношений, институтов государства и его признаков, оказывают существенное влияние на устойчивое развитие государства. Значимость данных процессов позволяет отнести их к «большим вызовам», требующим научно обоснованного и соответствующего правового регулирования.

Примечания

¹ Global Digital 2022: вышел ежегодный отчет об интернете и социальных сетях – главные цифры. URL: <https://www.sostav.ru/publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html> (дата обращения: 11.12.2023).

² Окинавская хартия Глобального информационного общества 2000 года. URL: <https://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 15.04.2024).

³ Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом ты-

сячелетии», 12 декабря 2003 года. URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

⁴ Тунисская программа для информационного общества 2005 года. URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

⁵ Текст выступления Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В. Володина на заседании 140-й Ассамблеи Межпарламентского союза. URL: <http://duma.gov.ru/news/44461> (дата обращения: 15.04.2024).

⁶ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 15.04.2024).

⁷ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 15.04.2024).

Список литературы

Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация: доклад / М. Петров, В. Буров, М. Шклярчук, А. Шаров. Москва: Апрель, 2018. 53 с.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / под науч. ред. О.И. Шкаратана. Москва: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

Морозова Н.И., Бурякова О.С. Роль конвергентно-интеграционных изменений мира и становление глобального цифрового пространства // Наука и образование: новое время. 2018. № 4. С. 262–266.

Основатель Twitter считает себя виноватым в том, что в соцсети есть политическая цензура. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16587451> (дата обращения: 15.04.2024).

Сидорова А.П. Понятие цифрового пространства и его характеристики. Возможности и угрозы использования цифрового пространства // Научный диалог: молодой ученый: сб. науч. трудов по материалам XXVIII междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 2020. С. 48–55.

Трансформация права в цифровую эпоху: монография / под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2020. 432 с.

Умнова-Конюхова И.А. Государство и право в новой цифровой реальности: монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. И.А. Умновой-Конюховой и д-ра техн. наук, проф. Д.А. Ловцова. Москва: ИНИОН РАН, 2020. 258 с.

Ханна П. Коннектография. Будущее глобальной цивилизации. Москва: Миф, 2019. 432 с.

Barlett S.J. The case for government by artificial intelligence. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3089920 (дата обращения: 15.04.2024).

Burri T. Machine Learning and the Law: 5 Theses (January 3, 2017). Paper accepted at NIPS 2016 (Barcelona), p. 2. URL: <https://ssrn.com/abstract=2927625> (дата обращения: 15.04.2024).

Cohen J. Cyberspace as/and space. Columbia law review, 2007, vol. 107, pp. 210-256.

Liu H., Lin C., Chen Y. Beyond state vs Loomis: Artificial intelligence, government algorithmization, and accountability. International journal of law and information technology, 2019, vol. 27, No. 2, pp. 122-141.

McGregor L. Accountability for governance choices in artificial intelligence: Afterword to Eyal Benvenisti's foreword. The European journal of international law, 2018, vol. 29, No. 4, pp. 1079-1085.

Mehr H. Artificial intelligence for citizen services and government. Harvard Ash Center for Democratic Governance and Innovation. Cambridge, 2017, pp. 769-773.

References

Castells M. *Informatsionnaia epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture], trans. from English, ed. by O.I. Shkaratan. Moscow, GU VShE Publ., 2000, 608 p. (In Russ.)

Gosudarstvo kak platforma. (Kiber)gosudarstvo dlia tsifrovoy ekonomiki. Tsifrovaia transformatsiia: doklad [The state as a platform. (Cyber)state for the digital economy. Digital transformation: a report], M. Petrov, V. Burov, M. Shkliaruk, A. Sharov. Moscow, April Publ., 2018, 53 p. (In Russ.)

Khanna P. *Konnektografiia. Budushchee global'noi tsivilizatsii*, [Connectography. The future of global civilization]. Moscow, The myth Publ., 2019, 432 p. (In Russ.)

Morozova N.I., Buriakova O.S. *Rol' konvergentno-integratsionnykh izmenenii mira i stanovlenie global'nogo tsifrovogo prostranstva* [The role of convergent integration changes in the world and the formation of a global digital space]. *Nauka i obrazovanie: novoe vremia* [Science and education: a new time], 2018, No. 4, pp. 262-266. (In Russ.)

Osnovatel' Twitter schitaet sebja vinovatyim v tom, chto v sotsseti est' politicheskaiia tsenzura [The found-

er of Twitter considers himself guilty that there is political censorship on the social network]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16587451> (access date: 15.04.2024). (In Russ.)

Sidorova A.P. *Poniatie tsifrovogo prostranstva i ego kharakteristiki. Vozmozhnosti i ugrozy ispol'zovaniia tsifrovogo prostranstva* [The concept of digital space and its characteristics. Opportunities and threats of using digital space]. *Nauchnyi dialog: molodoi uchenyi: sb. nauch. trudov po materialam XXVIII mezhdunar. nauch. konf.* [Scientific dialogue: a young scientist. Collection of scientific papers based on the materials of the XXVIII international scientific conference]. St. Petersburg, 2020, pp. 48-55. (In Russ.)

Transformatsiia prava v tsifrovuiu epokhu: monografiia [Scientific dialogue: a young scientist. Collection of scientific papers based on the materials of the XXVIII International Scientific conference. The transformation of law in the digital age: a monograph], ed. by A.A. Vasil'eva. Barnaul, Altaiskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2020, 432 p. (In Russ.)

Umnova-Koniukhova I.A. *Gosudarstvo i pravo v novoii tsifrovoy real'nosti: monografiia* [State and Law in the new digital reality: monograph], ed. by I.A. Umnova-Koniukhova, D.A. Lovtsov. Moscow, INION RAN Publ., 2020, 258 p. (In Russ.)

Barlett S.J. The case for government by artificial intelligence. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3089920 (дата обращения: 15.04.2024).

Burri T. Machine Learning and the Law: 5 Theses (January 3, 2017). Paper accepted at NIPS 2016 (Barcelona), p. 2. URL: <https://ssrn.com/abstract=2927625> (дата обращения: 15.04.2024).

Cohen J. Cyberspace as/and space. Columbia law review, 2007, vol. 107, pp. 210-256.

Liu H., Lin C., Chen Y. Beyond state vs Loomis: Artificial intelligence, government algorithmization, and accountability. International journal of law and information technology, 2019, vol. 27, No. 2, pp. 122-141.

McGregor L. Accountability for governance choices in artificial intelligence: Afterword to Eyal Benvenisti's foreword. The European journal of international law, 2018, vol. 29, No. 4, pp. 1079-1085.

Mehr H. Artificial intelligence for citizen services and government. Harvard Ash Center for Democratic Governance and Innovation. Cambridge, 2017, pp. 769-773.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024; одобрена после рецензирования 25.05.2024; принята к публикации 30.05.2024.

The article was submitted 16.04.2024; approved after reviewing 25.05.2024; accepted for publication 30.05.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 213–217. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 213–217. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 34

EDN UUEXDU

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-213-217>

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ДЛЯ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Кискин Евгений Владимирович, Аппарат Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, Россия, evkiskin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1905-4752>

Аннотация. Статья посвящена роли и значению юридических принципов в правотворческой стратегии. Правотворческая стратегия рассматривается как перспективная коммуникативная модель, направленная на достижение желаемого состояния общественных отношений посредством ряда последовательных, эффективных и легитимных правотворческих решений, в ходе которых происходит оптимальное замещение элементов настоящего элементами конструируемого будущего. Автор выделяет несколько структур правотворческой стратегии, каждая из которых имеет свои особенности и взаимосвязи. Особое внимание уделяется роли юридических принципов в формировании и реализации правотворческой стратегии. Они представлены как ключевые элементы, обеспечивающие системную взаимосвязь между различными структурами стратегии и служащие основой для ограничения дискреции законодателя и легитимации проектируемого регулирования.

Ключевые слова: правотворческая технология, стратегия, правотворческая стратегия, юридические принципы, принципы права, полиструктурность, легитимация.

Для цитирования: Кискин Е.В. Роль и значение юридических принципов для правотворческой стратегии // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 213–217. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-213-217>.

Research Article

THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF LEGAL PRINCIPLES FOR LAW-MAKING STRATEGY

Evgeny V. Kiskin, Executive Office of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia, evkiskin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1905-4752>

Abstract. The article is devoted to the role and significance of legal principles in the law-making strategy. The law-making strategy is considered as a promising communicative model aimed at achieving the desired state of social relations through a number of consistent, effective and legitimate law-making decisions, during which the optimal replacement of the elements of the present elements of the future takes place. The author identifies several structures of the law-making strategy, each of which has its own characteristics and relationships. Particular attention is paid to the role of legal principles in the formation and implementation of a law-making strategy. They are represented as key elements that provide a systemic relationship between different strategy structures and serve as the basis for limiting the discretion of the legislator and the legitimisation of the drafted regulation.

Keywords: law-making technology, strategy, law-making strategy, legal principles, principles of law, polystructurality, legitimation.

For citation: Kiskin E.V. The role and significance of legal principles for law-making strategy. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 213–217 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-213-217>

В условиях растущей нестабильности социального мироустройства стратегический подход к правотворческой деятельности приобретает особую значимость.

Отталкиваясь от разработок коллег из ярославской юридической школы [Карташов, Бахвалов: 14], мы рассматриваем правотворчество как особую социальную технологию, а именно (и в этом отличие нашей точки зрения) как коммуникативную технологию. Она опосредует интеракции и на макроуровне (между властью и обществом, то есть субъектом правотворчества и адресатом нормативного текста), и на микроуровне (в процессе выработки и институционализации актов правотворчества).

Будучи составной частью правотворческой технологии, стратегия в нашем понимании предстает в виде перспективной коммуникативной модели, направленной на достижение желаемого состояния общественных отношений посредством ряда последовательных, эффективных и легитимных правотворческих решений, в ходе которых происходит оптимальное замещение элементов настоящего элементами конструируемого будущего.

В отличие от ряда отечественных ученых, мы не рассматриваем правовую стратегию только как деятельность [Голощапов: 12] или ее результат (правила [Ансофф: 68], юридические документы [Говорухина: 30] и т. д.).

Юридическая, в том числе правотворческая, стратегия, по нашему мнению, представляет собой комплексную гетерогенную систему, интегрирующую элементы разной природы. Соответственно, исследовать ее нужно в нескольких взаимосвязанных аспектах, в том числе:

- логико-гносеологическом (познавательном), связанном с познанием субъектами правотворчества и отражением в стратегии окружающей действительности, логики социальных закономерностей. С этой точки зрения правотворческая стратегия будет включать в себя ряд интеллектуальных артефактов (целей, задач, приоритетов и т. п.);

- аксиологическом (ценностном), означающем, что правотворческая стратегия всегда отражает конкретные социальные интересы и основана на определенной системе ценностей;

- деонтологическом (регулятивном), с позиций которого правотворческая стратегия как правовое явление имманентно нормативна, она упорядочивает деятельность субъектов правотворчества, ограничивает дискрецию законодателя;

- праксеологическом (деятельностном) – правотворческая стратегия как коммуникативная система выражается вовне как совокупность действий и интеракций субъектов.

Исследователи системного подхода дифференцируют понятия состава и структуры системы [Са-

готовский: 187–188]. Состав характеризует просто множество элементов, входящих в систему, в то время как структура фокусируется на взаимосвязях между этими элементами, их организации. Так как выбор определенного элемента в качестве исходной точки может привести к различным вариантам установления связей между элементами, то есть к разным структурам, это указывает на полиструктурность правотворческой стратегии.

Таким образом, каждому из указанных выше аспектов изучения стратегии будет соответствовать своя структура.

Компоненты логико-гносеологической структуры обеспечивают познание настоящего и структурирование желаемого будущего на основе такого познания. К их числу мы относим прежде всего цели, задачи, приоритеты, варианты достижения целей и решения задач, критерии отбора таких вариантов, прогнозы и планы.

Аксиологическую структуру составляют ценности, обусловленные интересами социума (социального института), воля которого отражается в актах правотворчества. Это могут быть социально-экономические, политические, нравственные и собственно юридические ценности.

Деонтологическую (нормативную) структуру образуют правила (требования) построения правотворческой стратегии, к числу которых мы относим юридические нормы, влияющие на построение стратегии (например, конституционные требования или международные обязательства – для законодательной стратегии, а также акты более высокого уровня – для стратегии подзаконного нормотворчества) и требования достижения социальной адекватности правотворческой стратегии (своего рода «технические» правила ее построения), например: адекватность, адаптивность, устойчивость, эффективное использование ресурсов, учет рисков и т. д.

Праксеологическая (деятельностная) структура представлена компонентами, отражающими взаимодействие субъектов в процессе выработки и реализации правотворческой стратегии: это адресат и адресант правотворческой коммуникации, между которыми происходят интеракции, а также предмет такой коммуникации (акт правотворчества), ее средства и каналы, коммуникативный код (в том числе язык права, правовые конструкции) и т. п.

Как мы отметили выше, структуру правотворческой стратегии как системы характеризует не набор компонентов, а связи между ними. Именно они придают системе интегративные качества. При этом отношения между компонентами системы не равнозначны, они могут быть субординированы [Сагатовский: 331].

По нашему мнению, стержневым, иерархически доминирующим отношением между компонентами

правотворческой стратегии являются юридические принципы – базисные нормативно-логические модели наиболее общего характера, определяющие сущность и направленность правового регулирования.

Сказанное корреспондирует общесистемному пониманию принципа как отношения, от которого зависят все другие отношения системы [Сагатовский: 332]. Кроме того, *communis opinio doctorum* состоит в том, что правовые (юридические) принципы являются ядром правового регулирования [Коновалов: 8–10].

Системообразующее значение юридических принципов для правотворческой стратегии обусловлено, по нашему мнению, также общностью их природы. Как верно заметил Г.Г. Почепцов, специфика стратегии в том, что она видит будущее и настоящее одновременно. Посредством стратегии происходит накопление элементов будущего в настоящем, притом таких элементов, которые позволяют осуществить наиболее оптимальный переход к этому будущему [Почепцов: 40].

Принципы также сближают будущее и настоящее. С одной стороны, они ретроспективны, поскольку обусловлены спецификой юридического типа нормативной регуляции, а также предопределены параметрами конституционного строя конкретного государственно организованного социума. С другой стороны, принципы перспективны, ибо они задают направленность дальнейшего правового регулирования.

Будучи солидарными относительно оценки принципов как исходных руководящих начал, отечественные ученые расходятся во мнении относительно их онтологического статуса. Мнения кардинально противоположны: одни исследователи считают правовые принципы объективными закономерностями [Кашанина: 259–260; Протасов, Протасова: 517], тогда как другие – порождением профессионального сознания юристов [Скурко: 26].

Наше мнение основано на постулируемой нами коммуникативной природе права. В таком понимании юридические принципы, функционируя в коммуникативной среде, представляют собой единство объективного и субъективного начал. По своей информационной сущности правовая коммуникация является процессом приёма и передачи информации о должном поведении. Следовательно, принципы, изначально опосредуя объективные закономерности правовой материи, преобразуются и воспринимаются в сознании людей в процессе правовой коммуникации (оценивание, соотнесение с иными социальными ценностями) и становятся руководящими идеями – абстрактно-всеобщими моделями поведения.

Коммуникативный подход к природе права позволяет ответить на важный вопрос о структуре юридических принципов, который практически не исследован

в российской науке. Исходя из описанной нами выше онтологии принципов, мы выделяем в их структуре три базовых компонента: ценность (как отражение определенных социальных интересов), идею (как продукт человеческого мышления, отражающий ценность в виде обобщённой формулы) и требование (правило – собственно юридический компонент, абстрактно-всеобщее выражение должноствования).

Такое строение принципа позволяет ему выступить в качестве сквозной, стержневой взаимосвязи в системе правотворческой стратегии и соединить все ее структуры, названные выше.

Многие авторы дифференцируют принципы позитивного права, официально закрепленные в законах и иных источниках, и юридические (правовые) принципы, включающие в себя также руководящие начала иных компонентов правовой системы: доктринальные принципы (компонент правосознания) и практически-прикладные принципы (часть юридического опыта) [Карташов: 158].

Мы считаем, что при оценке допустимости такой классификации следует опираться на регулятивную природу права, его нормативный (в широком смысле) характер. Право описывает не сущее, а должное. Поэтому принципы по сути своей всегда прескриптивны и в таком качестве суть компоненты правового типа социальной регуляции. Кроме того, например, в общем праве (*common law*) практика является одним из источников позитивного права. Соответственно, названное выше деление видится нам не имеющим особого практического значения.

Кроме того, с точки зрения внешнего выражения в позитивном праве принцип чаще всего является не единичной нормой, а институтом, системой норм.

На наш взгляд, большей эвристической ценностью будет обладать дифференциация принципов по степени их когентности, которая, в свою очередь, зависит от иерархии ценностей, существующей в данной правовой системе.

Возможно выделить два типа принципов: принципы-императивы (которые подлежат обязательному исполнению, и несоблюдение которых делает всю правотворческую деятельность ничтожной и (или) нелегитимной) и принципы-стандарты (которые устанавливают оптимальные или рекомендуемые требования, однако их нарушение существенно снижает качество результатов правотворчества и, как следствие, также влияет на степень легитимности предписаний). Оба этих класса принципов имеют важное значение при разработке правотворческой стратегии.

Поскольку одна из функций правотворческой стратегии состоит в рациональном выборе правотворческих решений для достижения поставленных целей и решения задач, то, соответственно, она включает в себя критерии такого выбора. Юридические

принципы (и императивы, и стандарты) выступают одним из таких критериев.

Например, особую значимость имеет такой императив, как принцип формальной определенности правовых норм. Как неоднократно указывал Конституционный суд Российской Федерации, данное требование вытекает из конституционных основ правового государства, верховенства закона и юридического равенства, предполагает, что механизм действия норм должен быть понятен субъектам соответствующих правоотношений из содержания конкретного нормативного положения или системы находящихся в очевидной взаимосвязи нормативных положений. Эти положения, по мнению Конституционного суда, относятся к универсальным началам законодательного регулирования и правоприменения, вытекающим из статей 1 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Законоположения, по своему содержанию или по форме не отвечающие указанным началам, порождают противоречивую правоприменительную практику, создают возможность их неоднозначного толкования и произвольного применения и тем самым ведут к нарушению закрепленных статьями 45 и 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан¹.

Значение принципов для правотворческой стратегии обусловлено также такими их функциями, как ограничение дискреции законодателя и легитимация правотворческих решений. Ведь именно в достижении эффективного и социально оправданного (легитимного) правового регулирования видится одна из главнейших задач правотворческой стратегии.

Бельгийский правовед Люк Винтенс (Luc Wintgens), развивая легиспруденцию как теорию рационального законотворчества, видит в качестве составной части процесса легитимации обоснование проектируемого регулирования посредством оценки моральных и политических ограничений свободы. Автор постулирует четыре принципа оправдания закона: принцип альтернативы, принцип интенсивности правового воздействия, принцип историчности и принцип согласованности (связанности).

Принцип альтернативы означает, что установление внешних ограничений свободы должно оправдываться альтернативой распада социальных взаимосвязей при отсутствии таких ограничений. Иными словами, нормативное вмешательство законодателя оправдано в том случае, если его отсутствие порождает большее социальное зло.

Принцип интенсивности правового воздействия: в особом обосновании (оправдании) нуждается устанавливаемый законодателем юридический режим, со-

четание дозволений, запретов и позитивных обязанностей, а также вводимые санкции.

Принцип историчности характеризует временное измерение правотворчества, его соответствие наличным социальным реалиям, а также необходимость пересмотра правового регулирования в случае существенного изменения обстоятельств.

И, наконец, принцип согласованности (когерентности) означает динамическое единство и взаимосвязанность всех норм правового массива, но в отличие от системности, являющейся исключительно качественной характеристикой, когерентность может быть присуща системе в большей или меньшей степени [Wintgens: 10-16].

Итак, значение юридических принципов для правотворческой стратегии может быть описано тремя их базовыми функциями:

- обеспечение системной взаимосвязи компонентов правотворческой стратегии;
- ограничение дискреции законодателя и задание исходных рамок для отбора правотворческих решений;
- легитимация (оправдание) проектируемого регулирования.

Примечания

¹ См.: постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2009 года № 7-П, от 6 декабря 2011 года № 27-П, от 29 июня 2012 года № 16-П, от 14 мая 2013 года № 9-П.

Список литературы

- Ансофф И.* Стратегическое управление. Москва: Экономика, 1989. 519 с.
- Говорухина Ю.В.* Стратегия как правовой документ: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. 226 с.
- Голощанов А.М.* Конституционные основы становления государственно-правовой стратегии: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 191 с.
- Карташов В.Н.* Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 158–166.
- Карташов В.Н., Бахвалов С.В.* Правотворческая практика субъектов Российской Федерации (некоторые проблемы законодательной технологии). Ярославль: Ярославский государственный университет, 2007. 240 с.
- Кашанина Т.В.* Структура права. Москва: Проспект, 2014. 580 с.
- Коновалов А.В.* Принципы права. Москва: Норма, 2022. 792 с.
- Почепцов Г.Г.* Стратегия. Инструментарий по управлению будущим. Москва: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2005. 384 с.

Протасов В.Н., Протасова Н.В. Лекции по общей теории права и теории государства. Москва: Городец, 2010. 751 с.

Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск: Изд-во Томского университета, 1973. 432 с.

Скурко Е.В. Принципы права. Москва: Ось-89, 2008. 189 с.

Wingens, Luc J. *Legisprudence as a New Theory of Legislation*. *Ratio Juris*, 2006, vol. 19, No. 1, pp. 1-25.

References

Ansoff I. *Strategicheskoe upravlenie* [Strategic management]. Moscow, Ekonomika Publ., 1989, 520 p. (In Russ.)

Goloshchapov A.M. *Konstitucionnye osnovy stanovlenija gosudarstvenno-pravovoj strategii* [Constitutional foundations for the formation of state-legal strategy]: dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2004, 191 p. (In Russ.)

Govoruhina Ju.V. *Strategija kak pravovoj dokument* [Strategy as a legal document]: dis. ... kand. jurid. nauk. Nizhny Novgorod, 2021, 226 p. (In Russ.)

Kartashov V.N. *Principy prava: ponjatie, struktury, funkcii* [Principles of law: concept, structures, functions]. *Juridicheskaja tehnika* [Legal technology], 2020, No. 14, pp. 158-166. (In Russ.)

Kartashov V.N., Bahvalov S.V. *Pravotvorcheskaja praktika sub"ektov Rossijskoj Federacii (nekoto-*

rye problemy zakonodatel'noj tehnologii) [Law-making practice of the constituent entities of the Russian Federation (some problems of legislative technology)]. Jaroslavl', 2007, 240 p. (In Russ.)

Kashanina T.V. *Struktura prava* [Structure of law]. Moscow, Prospekt Publ., 2014, 580 p. (In Russ.)

Kononov A.V. *Principy prava* [Principles of law]. Moscow, Norma Publ., 2022, 792 p. (In Russ.)

Pochepcov G.G. *Strategiya. Instrumentarij po upravleniyu budushchim* [Strategy. Future Management Toolkit]. Moscow, Refl-buk Publ., Kiev, Vakler Publ., 2005, 384 p. (In Russ.)

Sagatovskij V.N. *Osnovy sistematizacii vseobshchih kategorij* [Fundamentals of systematization of universal categories]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ., 1973, 432 p. (In Russ.)

Skurko E.V. *Principy prava* [Principles of law]. Moscow, Os'-89 Publ., 2008, 189 p. (In Russ.)

Wingens, Luc J. *Legisprudence as a New Theory of Legislation*. *Ratio Juris*, 2006, vol. 19, No. 1, pp. 1-25.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 17.05.2024.

The article was submitted 02.05.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 17.05.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 218–224. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 218–224. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 174

EDN PBRFIZ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-218-224>

МЕХАНИЗМ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ КОДЕКСА КОРПОРАТИВНОЙ ЭТИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОРПОРАЦИЙ

Митрофанов Дмитрий Андреевич, АО «ФК «Динамо-Москва»», Москва, Россия, d.a.mitrofanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8561-8097>

Аннотация. Статья посвящена механизму имплементации кодекса корпоративной этики в деятельность корпораций. Автор рассматривает государственное регулирование в сфере экономики и взаимоотношения с корпорациями, а также роль корпораций в союзе с государством и защите нравственно-правовых норм. В статье приводится определение имплементации и рассматривается ее значение для внедрения новых стратегий и технологий в деятельность корпораций. Автор также анализирует содержание кодекса корпоративной этики и его роль в формировании корпоративной идентичности и повышении эффективности корпорации. В заключении автор подчеркивает важность правильной имплементации кодекса этики для формирования корпоративной культуры и нравственного климата в компании.

Ключевые слова: имплементация, корпоративный кодекс этики, механизмы нравственно-правового регулирования

Для цитирования: Митрофанов Д.А. Механизм имплементации кодекса корпоративной этики в деятельность корпораций // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 218–224. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-218-224>.

Research Article

THE MECHANISM FOR IMPLEMENTING THE CODE OF CORPORATE ETHICS IN THE ACTIVITIES OF CORPORATIONS

Dmitry A. Mitrofanov, Football Club “Dynamo”, Moscow, Russia, d.a.mitrofanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8561-8097>

Abstract. The article is devoted to the mechanism for implementing the code of corporate ethics in the activities of corporations. The author examines government regulation in the economic sphere and relationships with corporations, as well as the role of corporations in alliance with the state and the protection of moral and legal norms. The article provides a definition of implementation and discusses its importance for the introduction of new strategies and technologies into the activities of corporations. The author also analyses the content of the code of corporate ethics and its role in the formation of corporate identity and increasing the efficiency of the corporation. In conclusion, the author emphasises the importance of proper implementation of the code of ethics for the formation of corporate culture and moral climate in the company.

Keywords: implementation, corporate code of ethics, mechanisms of moral and legal regulation

For citation: Mitrofanov D.A. The mechanism for implementing the code of corporate ethics in the activities of corporations. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 2, pp. 218–224 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-2-218-224>

Государственное регулирование в сфере экономики и во взаимоотношениях с корпорациями имеет свои пределы. Осуществляя повседневное воздействие на экономику, государство не может не считаться с многообразием интересов корпораций, в той или иной мере не учитывать их [Общая теория 3: 62].

В свою очередь, корпорации нуждаются в союзе с государством, в защите нравственно-правовых норм, имплементированных в корпорационные реалии. Механизм корпорации как самоорганизованное корпоративное сообщество на основе согласованных моральных ценностей делает корпоративную этику не только инструментом поддержания дисциплины, в том числе и в зонах, непроницаемых для других форм нормативного контроля организации, но и представляет корпорацию как механизм, посредством которого реализуются социальные обязательства корпорации перед обществом [Евченко: 11].

Термин «имплементация» впервые разработан и применен в международном праве, в том числе резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, во многих международных конвенциях. Буквальное значение этого термина означает «претворение в жизнь в соответствии с определенной процедурой», «обеспечение практического результата и фактического выполнения конкретными средствами».

В Большой российской энциклопедии приведено следующее определение: «Имплементация (*англ.* implementation – осуществление, выполнение), реализация междунар. обязательств на внутригосударственном уровне путём включения международно-правовых норм в национальную правовую систему (законы и подзаконные нормативные акты). Способами И. являются инкорпорация (дословное воспроизведение международно-правовой нормы во внутригосударственном нормативном акте), трансформация (переработка международных норм при перенесении их в национальное законодательство ввиду необходимости учёта нац. правовых традиций и стандартов юридической техники) и отсылка...» [Богущ].

Применительно к нашему исследованию имплементация – это внедрение и реализация новых вводимых, а именно: стратегий, идей, проектов, новых систем или технологий, а также введение кодекса корпоративной этики в регулятивно-управленческую систему корпорации.

Согласно разработанному автором определению, кодекс корпоративной этики – это корпоративный нормативный акт, принятый уполномоченным органом, который содержит свод моральных правил, устанавливающих и регулирующих должствующее нравственное поведение сотрудников корпорации при осуществлении ими профессиональной деятельности, в межличностных отношениях

при осуществлении профессиональной деятельности, в отношениях с партнерами корпорации, органами государства, а также во внеслужебное время, за нарушение которых наступают неблагоприятные юридические последствия.

Кодекс корпоративной этики является существенным фактором корпоративной идентичности. Кодекс транслирует ценности компании для внешнего мира и для внутреннего распорядка, направляет сотрудников на реализацию корпоративных целей, что, в свою очередь, делает корпорацию более эффективной и экономически привлекательной.

Говоря о регулятивных функциях кодекса этики, в первую очередь следует отметить его важную роль в урегулировании сложных этических дилемм и поведения сотрудников, оказавшихся перед нравственным выбором. Повышение эффективности деятельности сотрудников осуществляется путем: регламентации приоритетов во взаимодействии со значимыми внешними группами; определения порядка принятия решений в сложных этических ситуациях; указания на неприемлемые формы поведения [Аширбагина: 70].

Наполняемость и содержание кодекса этики корпорации, особенности его имплементации определяется уставными характеристиками корпорации, структурой бизнеса, целями и задачами корпорации, а также нравственно-правовыми взглядами руководства.

Корпоративные кодексы этики, как правило, состоят из трех частей: общей, диспозиционной (ценности, цели, задачи, принципы); нормативно-обязательной (стандарты рабочего поведения); санкционной (нарушения, ответственность, санкции).

Кодекс этики не ограничивается только описанием должного или ожидаемого поведения. Он может обладать механизмами усиления, механизмами имплементации. Если мы хотим кодекс этики формальный, то нам достаточно написать, что такое «хорошо» и что такое «плохо», то есть ограничиться диспозиционной частью. Если же мы хотим внедрить кодекс в корпоративную реальность, то нужны механизмы, которые можно позаимствовать у механизмов имплементации норм действующего законодательства. Кодекс этики буквально вбирает эти кондиции – усиливает свою регламентирующую функцию через запреты, корпоративную ответственность и санкции. Это вполне оправданно, так как мы определили кодекс этики как корпоративный нормативный акт.

Рассматривая кодекс как акт, следует согласиться, что это означает целенаправленное, юридически значимое действие субъекта корпорации в правовом поле, которое находит свое отражение в документе, оформленном надлежащим образом и принимаемом для фиксации совершения такого действия во времени и пространстве [Рузакова, Туляков: 36].

Помимо всего прочего, кодекс этики должен быть легален и легитимен. Легален через нормы, а легитимен через общее принятие того, что содержится в кодексе. С точки зрения философии права имеется взаимосвязь между регулирующей функцией права и легитимностью как признания обществом права. Чтобы право могло действовать, то есть подчинять своему регулирующему воздействию отношения людей, оно должно быть в той или иной форме принято людьми как руководство к их действиям [Антонов: 120].

Свойство легальности кодекс этики получает через законодательное разрешение корпорациям иметь свои акты корпоративного нормотворчества: устав, внутренние документы, принимаемые компетентными органами управления самой корпорации.

Развитию корпоративного нормотворчества весьма способствовали законодательные новшества. Так, Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»⁵ внес изменения в п. 5 ст. 52 Гражданского кодекса, предоставив учредителям (участникам) юридического лица право утвердить регулирующие корпоративные отношения (пункт 1 статьи 2 ГК РФ) и не являющиеся учредительными документами внутренний регламент и иные внутренние документы юридического лица.

На современном этапе корпоративные отношения регламентируются многими источниками внутрикорпоративного нормотворчества: устав, внутренние документы корпорации, корпоративный договор, рекомендательные акты (так называемое «мягкое право» – *soft law*) [Шиткина: 25].

Нравственно-правовое регулирование корпоративных отношений представляет собой триединство факторов воздействия в их совокупности: на работника (личность) как субъекта корпорации; на связь корпорации с государством, которое в свою очередь выполняет функции защитника нравственно-правовых установок, принятых в корпорации; а также на саму корпорацию, имплементирующую нравственно-правовые нормы в свою деятельность. Этот взаимосвязанный конгломерат создает «единый интегрированный продукт» в виде кодекса этики корпорации и внедряет его в жизнь корпорации.

Применяя сравнительно-правовой метод изучения конкретного явления, сопоставляя кодексы этики различных корпораций с целью обнаружения в них типичного и уникального, общего и особенного, а также используя системный метод познания, изучая совокупность элементов кодексов и взаимосвязи между ними, автор составил сравнительную таблицу (табл. 1) конструкций этики как корпоративного акта [Малиновский: 558]¹.

При внимательном рассмотрении каждого кодекса этики в его конструкциях выявляется общий инструментарий, независимо от целей и задач корпорации. Независимо от вида корпорации и ее уставных целей, все они признают за кодексом этики статус корпоративного нормативного акта. Практически во всех кодексах этики в качестве основополагающего фактора имеется ссылка на связь с действующим законодательством и отсылки к собственному отраслевому законодательству.

Особое внимание здесь обращает на себя Этический кодекс ВТБ³, где в статье 2.3 указывается, что в случаях, когда этические нормы и принципы, установленные настоящим Кодексом, являются более высокими, чем нормы и принципы, определенные деловой практикой и применимым правом, ВТБ будет придерживаться норм и принципов настоящего Кодекса. На наш взгляд, сложно согласиться с таким имманентным свойством этого кодекса, так как теряется триединство регулирующей функции кодекса. Как логическое продолжение указанной политики, ВТБ следует отказаться от государственной защиты правил, закрепленных в кодексе? Кроме того, в Этическом кодексе банка не раскрывается ответственность за нарушения норм кодекса, нет информации о возможных наказаниях за нарушение этических норм. Не поименованы и собственные органы контроля соблюдения положений кодекса. Это тот случай, когда кодекс этики носит декларативный (рекомендательный) характер в случае, если в иных ЛНА компании указанная выше информация не раскрыта.

В качестве примера такого рекомендательного акта можно привести информационное письмо Центрального банка Российской Федерации от 17 декабря 2019 г. № ИН-06-39/93 «О разработке и внедрении кодексов этики финансового аналитика»⁶, согласно которому «в целях развития доверительной среды на российском финансовом рынке Банк России рекомендует некредитным финансовым организациям и кредитным организациям (далее при совместном упоминании – финансовые организации) разработать кодексы этики финансового аналитика (далее – кодексы) для их применения». Проект кодекса этики, представленный в приложении к названному письму, определяет ответственность только за действия, идущие одновременно и вразрез с положениями кодекса и вразрез с действующим законодательством.

В других исследуемых кодексах (см. табл. 1) имеются и органы контроля, и процедурные вопросы обжалования, а также освещаются вопросы ответственности и наказаний за нарушения. Особенно жесткая ответственность за нарушения норм кодекса этики просматривается в производственной корпорации – Первой энергетической компании. Негативные последствия за нарушение кодекса этики этой компании

Таблица 1

Конструкция кодексов этики как корпоративного нормативного акта

Номер	Название корпорации	Статус документа		Субъекты регулирования КЭ		Процедурные вопросы		Ответственность за нарушение кодекса этики	
		КЭ является нормат. актом ДА / НЕГ	Орган принятия. Легитимность	Руководители ДА / НЕГ	Сотрудники ДА / НЕГ	Органы контроля.	Процедура рассмотрения / обжалование	Ответственность	Наказание
1	ПЭК «Первая энергетическая компания» ² Положение о корпоративной этике	ДА КЭ разработан в соответствии с действующим законод. (Общие положения)	ДА Утвержден генеральным директором	ДА	ДА	ДА *Гендиректор *Совет по этике (Глава 7)	ДА Совет по этике после разбирательства руководством	ДА *Каждый сотрудник Общества несет ответственность за выполнение этических норм (Пункт 2.10)	ДА Нарушение принципов КЭ: являются основанием для привлечения сотрудника к дисциплинарному взысканию (ст. 192 ТК РФ) вплоть до увольнения (ст. 195 ТК РФ); (Глава 6)
2	Банк ВТБ ³ Этический кодекс	ДА Превалирование норм КЭ над нормами применимого права	ДА Наблюдательный совет – высший орган	ДА	ДА	Нет	Нет	ДА Практически декларативно-рекомендательный характер Без последствий за нарушение (Пункты 7.4, 7.6)	Нет
3	Российский футбольный союз ⁴ Регламент РФС по этике	ДА Зак-во РФ; Общеизвестные нравственные принципы; Устав РФС; Лок. док. ФИФА	Бюро исполкома РФС	ДА Статья 2	ДА Статья 2	ДА Комитет РФС по этике – юрисдикционный орган. Расширенные регламентированные полномочия и процедура Раздел 3	ДА Комитет РФС по этике. Обжалование в апелляц. комитет РФС Раздел 4 Процессуальные правила	ДА Не общепринятые в действующем законодательстве Предусмотренные КЭ (регламентом) Статья 4	ДА Регламентированы наказания и порядок их назначения

связаны с трудовым законодательством. За дисциплинарные проступки ответственность может наступить в рамках применения статей 192, 195 Трудового кодекса Российской Федерации, вплоть до увольнения. Автор рассматривает такие кодексы как бланкетные.

Следует отметить, что если компания хочет реально имплементировать кодекс этики, то его нужно отдавать под защиту государства и права. Механизм имплементации кодекса этики в вопросах, связанных с трудовыми правоотношениями, должен быть очень четко прописан. Например, корпорация разра-

ботала кодекс этики, далее издается приказ, где кодекс уравнивается с должностными инструкциями. Сотрудник под роспись знакомится с приказом, чтобы он понимал, что кодекс находится в правовом поле. В этом случае кодекс этики обеспечен не просто декларативным провозглашением, а реально действует, снабженный дисциплинарной ответственностью за нарушения норм.

Дисциплинарные взыскания вплоть до увольнения уже применяются за нарушения «кодексов этики» адвокатами, судьями, госслужащими, аудиторами,

Сравнительная таблица корпоративных кодексов этики с точки зрения механизма имплементации

№	Название корпорации	Особенности имплементации кодексов этики			
		Только для данной компании	Ответственность	Деловой этикет	Запреты
1	ПЭК «Первая энергетическая компания»	Профессиональная компетентность – как принцип КЭ	+ – выделены отдельно для руководства и сотрудников; – поддержка положительной репутации Общества, в том числе и в нерабочее время Пункт 2.2	+ отдельно для сотрудников и руководства, дресс-код для сотрудника – <i>раздел 3.1.1</i> – деловой этикет при переговорах и телефонах Пункт 3.1.4	+ только для сотрудников Пункт 2.4
2	Банк ВТБ	Надежность и профессионализм; Энергичность и развитие; Отношения с конкурентами	-	Корпоративный стиль Пункт 8.2	Противодействие коррупции; Запрет инсайдерской инф. и манипулирования рынком Пункт 12.1
3	РФС Российский футбольный союз	Лояльность; Конфиденциальность; Спортивный дух	За нарушения специфические наказания		Да. Запрет на участие в тотализаторе; на створ; Получ. подарков

медицинскими работниками и работниками в сфере образования. Современная судебная практика знает случаи устоявшихся судебных решений и в отношении сотрудников, нарушивших корпоративные правила. Так, апелляционным определением Московского городского суда от 22.05.2013 по делу № 11-11717 было оставлено без изменений решение Басманного суда города Москвы о привлечении сотрудника банка к дисциплинарной ответственности в виде выговора за нарушение ряда пунктов должностной инструкции, а также нарушение Кодекса корпоративной этики банка, выразившееся в проявлении грубости по отношению к сотрудникам банка. Работодатель предоставил в суд внутрикорпоративные нормативные акты: Кодекс корпоративной этики и Кодекс корпоративного поведения, согласно которым работник должен уважительно относиться к личности и человеческому достоинству каждого сотрудника. Суд учел положения этих актов при вынесении решения. При этом работодателем была полностью соблюдена процедура привлечения работника к дисциплинарной ответственности [Филина].

При исследовании кодексов этики указанных корпораций отмечается очень неоднородный подход к запретам. Наблюдается дивергенция между запретами для руководства и сотрудников (табл. 2).

Разные подходы к требованиям соблюдения нравственных норм для руководства и сотрудников могут серьезно повредить формированию корпоративной культуры и нравственному климату в компании.

Реальное управление в корпорации находится в ведении трех субъектов – это собственник, Совет (могут быть разные названия) и CEO (генеральный директор,

единоличный исполнительный орган). Отвечать за имплементацию кодексов этики в корпоративные реалии должны именно управляющие субъекты. Управление и управленцы должны быть ограничены нормами кодекса этики. Чем выше уровень власти и роль в управлении, чем более позиция социально ответственна, тем больше следует усиливать кодекс нормами и ответственностью самих руководителей.

Поскольку операторы кодекса – корпорация и управление, категории нравственности и права и их интегрированная совокупность должны таким образом быть включены в кодекс этики, чтобы со временем не позволить властным интересам отдельных субъектов управления извратить идеи этики в своих целях.

Приходящий в корпорацию должен ясно понимать ее природу и ориентироваться в конгломерате нравственных предписаний. Правильная имплементация кодексов этики не только сделает работу корпорации более эффективной (для повышения прибыли в том числе), но и может повысить общую удовлетворенность и мотивацию сотрудников.

Недопустимо ограничиваться лишь созданием этического кодекса. Решающее значение для повышения этичности профессионального сообщества, его морального оздоровления имеет создание и успешное функционирование этической инфраструктуры профессии, основным признаком которой является всесторонне взвешенная этическая программа, созданная с учетом особенностей профессиональной культуры [Сафонов: 55].

Проведенное исследование с использованием сравнительно-правовой методологии позволяет прийти к выводу о том, что кодекс этики, чтобы иметь

возможность быть имплементированным, должен содержать в себе по аналогии практически всю полноту правового механизма. Если кодекс не обязан нормами о запретах, об ответственности, если он не содержит каких-то специалитетов, которые отличают кодексы этики одной корпорации от другой, то он будет простой декларацией, без возможности практического применения.

Примечания

¹ В таблицу 1 включены корпорации, которые по своему характеру и целям представляют наиболее характерные примеры о конструкциях корпоративных кодексов, используемых в них предписаний в корпорациях с различными уставными целями и задачами: производственная корпорация (ПЭК «Первая энергетическая компания»); банковская корпорация (ВТБ); некоммерческая корпорация (Российский футбольный союз).

² Положение о корпоративной этике «Первой энергетической компании». URL: https://alenergo.su/f/polozeniye_o_korporativnoy_etike.pdf (дата обращения: 10.12.2023).

³ Этический кодекс «ВТБ». URL: <https://vtbcareer.com> (дата обращения: 12.01.2024).

⁴ Регламент Российского футбольного союза по этике. URL: https://1fnl.ru/upload/s4y_docs/33/Link/reglament_rfs_po_etike.pdf (дата обращения 23.11.2023).

⁵ О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федер. закон от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

⁶ О разработке и внедрении кодексов этики финансового аналитика: Информационное письмо Центрального банка Российской Федерации от 17 декабря 2019 г. № ИН-06-39/93 // Вестник Банка России. 2020. № 1–2.

Список литературы

Антонов М.В. Легитимность, признание, действительность и отмена правовых норм в юридическом словоупотреблении // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 15, № 2. С. 118–124.

Аширбагина Н.Л. Кодекс этики как фактор развития корпоративной культуры // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2012. № 2 (20). С. 69–71.

Богущ Г. И. Имплементация // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/2006536> (дата обращения: 20.03.2024).

Евченко О.С. Корпоративная этика: основные подходы и проблемы: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2012. 25 с.

Малиновский А.А. История и методология юридической науки: учеб. пособие / под науч. ред. А.Г. Волеводза. Москва: Прометей, 2022. 562 с.

Общая теория государства и права: акад. курс: в 3 т.: учебник для вузов. Т. 3 / отв. ред. М.Н. Марченко. Москва: Зерцало-М, 2002. 518 с.

Рузакова О.А., Туляков С.С. Понятие и особенности корпоративного нормативного акта // Право и управление. XXI век. 2020. № 3 (56). С. 34–40.

Сафонов К.Б. Этические кодексы: проблемы создания и применения // Вестник Пермского университета. 2013. № 1 (13). С. 54–57.

Филина А. Можно ли уволить сотрудника за нарушение правил корпоративной этики? // Управление персоналом: журнал. URL: <https://www.top-personal.ru/issue.html?3700> (дата обращения: 10.02.2024).

Шиткина И.С. Корпоративное право России: состояние и вектор развития // Вестник Московского университета. 2017. № 4. С. 3–28.

Dictionary of English Language. N. Y., 1968, p. 667.

References

Antonov M.V. *Legitimnost', priznanie, dejstvitel'nost' i otmena pravovyh norm v juridicheskom slovopotreblenii* [Legitimacy, recognition, validity and repeal of legal norms in legal usage]. *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij* [Russian Journal of Legal Studies], 2018, vol. 15, No. 2, pp. 118-124. (In Russ.)

Ashirbagina N.L. *Kodeks jetiki kak faktor razvitija korporativnoj kul'tury* [Code of Ethics as a factor in the development of corporate culture]. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tehnologij* [Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies], 2012, No. 2 (20), pp. 69-71. (In Russ.)

Bogush G.I. *Implementacija* [Implementation]. *Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija* [Great Russian Encyclopedia], 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/lashh/teht/2006536>. (In Russ.)

Evchenko O.S. *Korporativnaja jetika: osnovnye podhody i problem* [Corporate ethics: main approaches and problems], *avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk* [abstract of the dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences]. Moscow, 2012, 25 p. (In Russ.)

Filina A. *Mozhno li uvolit' sotrudnika za narushenie pravil korporativnoj jetiki?* [Is it possible to fire an employee for violating corporate ethics rules?]. *Upravlenie personalom: zhurnal* [HR Management Magazine]. URL: <https://shhshhshh.top-personal.ru/issue.html?3700>. (In Russ.)

Malinovskij A.A. *Istorija i metodologija juridicheskoy nauki: uchebnoe posobie* [History and methodology of legal science: textbook], ed. by A.G. Volevodz. Moscow, Prometej Publ., 2022, 562 p. (In Russ.)

Obshhaja teorija gosudarstva i prava: akad. kurs: v 3 t.: uchebnik dlja vuzov [General theory of state and

law: academic course: in 3 vols.: textbook for universities], ed. by M.N. Marchenko. Moscow, Zercalo-M Publ., 2002, vol. 3, 518 p. (In Russ.)

Ruzakova O.A. Tuljakov S.S. *Ponjatie i osobennosti korporativnogo normativnogo akta* [Concept and features of corporate regulations]. *Pravo i upravlenie XXI vek* [Law and management of the XXI century], 2020, No. 3 (56), pp. 34-40. (In Russ.)

Safonov K.B. *Jeticheskie kodeksy: problemy sozdanija i primenenija* [Ethical codes: problems of creation and application]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm University], 2013, No. 1 (13), pp. 54-57. (In Russ.)

Shitkina I.S. *Korporativnoe pravo Rossii: sostoyanie i vektor razvitiya* [Corporate law in Russia: state and vector of development]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University], 2017, No. 4, pp. 3-28. (In Russ.)

Dictionary of English Language. N. Y., 1968, p. 667.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 17.05.2024.

The article was submitted 02.05.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 17.05.2024.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях. Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Article received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи
Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
статьи Текст статьи... [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотоснимков и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г: (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**н.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божиллов И., Тотоманова А., Билярски И. Бориллов синодик. София: Паблшинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит, 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn* and Plautus' *Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет). Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 с. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 332 с
Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “*Gorestnaja profanacija*” (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoričeskij sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Непомнящий В.С. *Pushkin v svete očevidnosti* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Слостенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Ermkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskiy mifo Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo»*. *Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). *Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!*
3. Кавычки в тексте – елочки «*»*, если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “*”*.”
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. *Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.*
5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).
Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).
6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)
7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.
8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2024 – Т. 30 – № 2

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Реестровая запись: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 24.06.2024.
Дата выхода в свет 13.09.2024.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 28,8.
Уч.-изд. 29,9 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 106.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 63-49-00 (доб. 3130).**
Адрес электронной почты: **vestnik@ksu.edu.ru**
Сайт журнала: **<https://vestnik.ksu.edu.ru>**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна